

АНДРЕ МОРУА ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

АНДРЕ МОРУА
ИСТОРИЯ
ФРАНЦИИ

ANDRÉ MAUROIS
DE L'ACADÉMIE FRANÇAISE

HISTOIRE
DE LA
FRANCE

Nouvelle édition
mise à jour

Éditions Albin Michel

АНДРЕ МОРУА

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

от римского времени
до начала
Великой Французской
революции

Перевод с французского
А. Ю. Серебрянниковой

Санкт-Петербург
2008

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)
М79

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

Моруа, Андре

М79 История Франции (от римского времени до начала Великой Французской революции) / Андре Моруа ; пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой ; под науч. ред. А. И. Сидорова, А. А. Крутских. — СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-93762-049-1

Впервые издаваемая на русском языке книга известного французского писателя Андре Моруа является, пожалуй, его главным историческим произведением. В предлагаемом вниманию читателя томе автор прослеживает становление и развитие французской нации и государства со времени поздней античности до начала Революции XVIII в. Основываясь на широком круге источников и солидной историографической традиции, Моруа создает красочную картину прошлого, в которой отражены важнейшие эпохи и многие драматические события. Являясь признанным мастером исторического портрета, особое внимание автор уделяет деятельности и поступкам выдающихся личностей. Однако, исследуя «индивидуальную» историю Франции, ему удается проследить и многие характерные особенности развития европейской цивилизации в целом.

Издание адресовано всем интересующимся французской историей и культурой.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-93762-049-1

© А. Ю. Серебрянникова,
перевод на русский язык, 2008
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2008

АНДРЕ МОРУА И ЕГО «ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ»

Предисловие к русскому изданию

Творчество выдающего французского писателя, мастера художественно-биографического жанра, Андре Моруа (Эмиля Эрзога) (1885–1967) хорошо известно российскому читателю. Его романы-жизнеописания и литературные портреты многих выдающихся личностей в большом количестве изданы на русском языке, чего нельзя сказать об исторических сочинениях Моруа. Предлагаемый читателю перевод «Истории Франции» призван отчасти заполнить данный пробел.

Исторические сочинения составляют довольно значительную часть наследия писателя. Еще при жизни автора большую популярность приобрела его «История Англии», а также написанная совместно с Луи Арагоном сравнительная история СССР и США, где Моруа был автором американской части. «Историю Франции» Андре Моруа написал последней в этой серии. Но именно в данном труде наиболее ярко и отчетливо отразился его талант историка. Это и не удивительно, поскольку здесь автор пишет историю *своей* страны. Кроме того, работа над книгой пришлась на годы Второй Мировой войны, когда во Франции ощущалась острая потребность в патриотическом подъеме, выражающаяся в том числе и через обращение к славному прошлому французского народа, что, безусловно, играло свою роль в деле поддержания морального духа нации в годы тяжелых испытаний.

Написание подобного труда требовало не только литературного мастерства, но и тщательной научной подготовки (подбор источников, свободная ориентация в историографии). В распоряжении А. Моруа были выдающиеся достижения французской исторической науки. Накопленный к тому времени исследовательский материал был поистине необозрим. Весь его необходимо было учесть. О широте историографического интереса писателя говорит внушительный

список авторов, чьи работы и консультации были использованы при создании «Истории Франции». Здесь представлен «цвет» французской исторической науки — романтики, позитивисты, родоначальники школы «Анналов» и т. д. Имена говорят сами за себя: Н. Д. Фюстель де Куланж, Ж. Мишле, Ф. Гизо, А. Люшер, М. Блок, Л. Февр. и др. Не менее важными источниками явились для Моруа произведения авторов далекого прошлого, в том числе и героев его знаменитых литературных портретов, например Вольтера и Монтеня.

Представляемый на суд читателя первый том «Истории Франции» охватывает период от поздней Античности до конца эпохи Старого порядка. Это время становления французской нации, языка и государства. Именно тогда были заложены основы национального характера и культуры, оформились многие системообразующие особенности общественного устройства. Все это А. Моруа смог с блеском показать и объяснить.

Здесь стоит кратко остановиться непосредственно на исторических взглядах автора книги. Секрет успеха «Истории Франции», видимо, стоит искать в том особом осмыслении человеческой личности, которое пронизывает все творчество А. Моруа. Попытаемся разобраться, как биограф, т. е. исследователь по преимуществу уникального и неповторимого, обращается к общностям — к истории народов и государств.

Американский литературовед Дж. Колберт отмечает, что жизненный путь человека представляет для Моруа «историю индивидуальности». «История же, в свою очередь, также является биографией народа, цивилизации или человеческого общества в целом»¹. Как и герои его литературных портретов, сама Франция и ее история являются для Моруа коллективной личностью — близкой и родственной, открытой и вместе с тем загадочной. Он тщательно изучал именно «биографию» Франции, пытался постичь ее душу, подчеркивая достоинства и обличая недостатки. Это позволило автору, сочетая патриотизм и объективность, создать величественную и красочную картину прошлого, показать развитие всех сторон общества. Следуя комплексному подходу к изучению «жизненного пути» государства, Моруа затрагивает самые различные сферы истории (экономическую, политическую, институциональную, культурную), рисуя последовательную череду портретов и конструируя из них общее полотно.

¹ Kolbert J. The Worlds of André Maurois. Selinsgrove, 1985. P. 189.

Однако при этом главной для него была «человеческая» сторона. Нет истории самой по себе, есть «коллективная биография мужчин и женщин»², населяющих пространство былого. Само существование истории как системы изменений во времени возможно лишь в силу человеческой природы: «Человек непостоянен. Он — существо, вечно колеблющееся и многоликое (поэтому-то у него и есть история)»³. Вот почему такое большое внимание Моруа уделяет деятельности и поступкам выдающихся личностей. Интереснейшие психологические портреты великих правителей (Карла Великого, Филиппа Августа, Людовика XI, Людовика XIV и др.) и их советников и министров (Сугерия, Скулли, Ришелье и др.) играют, таким образом, важную эвристическую роль, позволяя отчетливее разглядеть линии исторического развития. Человек — вот то главное зеркало, в котором отражаются все приметы времени: экономические достижения и проблемы, политические перипетии, особенности материальной культуры и духовные искания эпохи.

Особому авторскому замыслу подчинена и вся структура текста. Данный том разделен на три книги, где рассматриваются соответственно история средневековой Франции, эпоха Возрождения и Религиозных войн, а также период складывания, расцвета и упадка абсолютной монархии Бурбонов. Выявляя основные тенденции развития французского общества и государства в конкретный исторический промежуток, А. Моруа на этой проблемной основе ведет построение глав, также, в свою очередь, состоящих из нескольких смысловых блоков. Такая конструкция определяет стройность и логичность всего повествования.

Событийная ткань истории, процесс развития государственных институтов, экономические показатели — все это предстает перед нами единым живым организмом. Здесь особую роль играют высказывания и мнения современников описываемых процессов. Моруа наполняет текст большим количеством цитат, подчас не называя их авторов, тем самым предоставляя читателю возможность самому вступить в диалог с людьми прошлых эпох⁴, позволяя узнать об их

² Ibid. P. 191.

³ Моруа А. Монтень / Пер. с фр. Л. Зониной // Моруа А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1992. С. 185.

⁴ Все цитаты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся в переводе А. Ю. Серебрянниковой.

отношении к своему времени и к самим себе. Таким образом, мы получаем возможность увидеть двойную рефлексию прошлого: со стороны современников событий и со стороны историка, выносящего свою собственную оценку.

Вполне возможно, что некоторые важные факты и явления остались вне поля зрения А. Моруа или он уделил чему-то недостаточное внимание. Но сегодня многие события оцениваются по-другому, изучение некоторых проблем отошло на второй план, а на других концентрируется большее внимание. Это неизбежное следствие развития гуманитарного знания, что, безусловно, следует учитывать. «История Франции» отражает и достижения, и противоречия своего времени, поэтому она будет интересна для читателя вдвойне.

Перевод с французского «Истории Франции» А. Моруа выполнен А. Ю. Серебрянниковой по изданию: *Maurois A. Histoire de la France*. Paris, Éditions Albin Michel, 1947.

А. А. Крутских

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Предисловие

«Вы уже написали “Историю Англии” и “Историю Соединенных Штатов”», — сказали мои американские и английские издатели. Осталось завершить трилогию великих свободных наций и написать также и «Историю Франции». Я ответил, что уже существует множество «Историй Франции». «А разве не было уже написано множество “Историй” наших стран? Мы не ждем, что вы обнаружите новые документы, но вы должны ясно и просто изложить то, что знаете сами».

Я колебался. Шла война. Я тоже испытывал необходимость обратиться к прошлому Франции, чтобы обрести в нем надежды на ее будущее; кроме того, я хотел, чтобы за границей ее лучше понимали. И я решил согласиться. Одна часть книги была написана в Америке, другая — в Африке, а последняя (та, где говорится о Третьей Республике) — в Перигоре и в Нейи. Что получилось из этой долгой работы? Судить не мне, а сам я могу только сказать о целях ее написания.

Я хотел объяснить читателю, почему Франция стала Францией. Она соседствует с Англией; не раз их пути развития совпадали. Почему же со временем обе нации так сильно разошлись? Откуда эти глубокие различия в характерных чертах и социальных институтах? Я попытался дать ответ на эти вопросы. Но вместе с тем от меня ждали Историю, а не эссе. Следовательно, нужно было дать связное изложение, нарисовать портреты. Общие рассуждения должны были предстать как заключения, а не как аксиомы. Поэтому в конце каждой из шести частей читатель найдет главу, в которой я обрисовал путь, пройденный Францией за описываемый период.

Я хотел сохранить правильное соотношение пропорций и, так же как я сделал это в отношении двух других стран, отвести нашему времени его законное место. Настанет день, когда будет не только

можно, но даже необходимо написать «Историю Франции» с 1939 по 1947 год. Я не мог этого сделать в рамках настоящей книги: ее последние главы можно рассматривать всего лишь как оправу, которая оживет и получит свое наполнение, когда немного улягутся страсти. На протяжении всей книги я старался не искажать фактов в угоду своим чувствам. Не знаю, удалось ли мне это; иногда предубеждение может проскользнуть даже в самые оберегаемые от этого сочинения. Я старался как можно лучше взвешивать все «за» и «против». В трудах Тэна и Мишле, Оляра и Матье я всей душой старался распознать истину. Но это вовсе не означает, что мне всегда удавалось ее найти.

В отличие от двух предыдущих работ, здесь нет Библиографии. Да и как я мог бы ее составить? С самого детства я читал книги по истории Франции, биографии, мемуары. Этот список стал бы бесконечным и скорее подлинным, чем правдоподобным. Впрочем, вы найдете весь этот список у Лависса, у Альфана и у Саньяка, в томах «Коллекции Исторического Синтеза» и в томах собрания «Клио». Но я хотел бы выразить свою признательность и книгам, и тем людям, которые помогли мне лучше понять определенные эпохи. Это Жуанвиль и Фруассар, Коммин и Рец, Сен-Симон и Мемориал, читателя следует адресовать к Токвилю и Альберу Сорелю, к Тэну, к Сент-Бёву, к Гизо, к Фюстелю де Куланжу, к Камиллу Жюллиану, к Ла Горсу, к Габриэлю Аното, к Бенвиллю. Среди моих современников я многим обязан прекрасным книгам Луи де Мадлена, Марка Блока, Анри Пиренна, Дюка де Ла Форса, Жозефа Кальметта, Этьена Жильсона, Пти-Дютайи, Фюнк-Бретано, Луи Альфана, Анри Фосийона, Жерара Вальтера, Леви-Мирепуа, Даниэля Алеви, Альбера Тибоде, Филиппа Саньяка и Люсьена Февра. Что касается самого последнего периода, то следует упомянуть труды Андре Зигфрида, Франсуа Гогеля («Партии при Третьей Республике»), Шарля Мозарэ («Буржуазная Франция»), Адриена Дансетта («История Освобождения Парижа»), Жана Форастье и Анри Монтэ («Французская экономика в мире»).

Стараясь избежать возможных ошибок, я обратился к Анри Жильмену, агрежэ по истории, с просьбой прочесть мой текст. Робер Лакур-Гайе любезно просмотрел раздел финансов. И больше, чем обычно, мне постоянно помогала в работе моя жена.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. О том, как Галлия стала римской

1. — В мире найдется немного мест столь интересных для посещения, как долина реки Везер во французской провинции Перигор. Река катит свои темные воды между двумя скалистыми стенами. Высокие каменные откосы усеяны черными отверстиями — входами в пещеры и углублениями в горах. Гроты, многочисленные как кроличьи норы на опушке леса, некогда создавали что-то вроде доисторического города. Во многих пещерах было найдено каменное оружие, орудия труда, кости животных и человеческие черепа. Примерно тридцать тысяч лет тому назад здесь жили люди, которые достигали своих жилищ и выходили из них по узким тропинкам или по лестницам из лиан. Труднодоступность жилищ и огонь служили этим людям защитой от диких животных. Они жили охотой и рыбной ловлей, а на стенах своих пещер рисовали оленей и бизонов «с мастерством и очарованием, порожденными долгим совместным с ними существованием» (А. Фосийон). Неправоммерно говорить, что история этих людей принадлежит истории Франции, потому что в те времена еще не было наций. Но французская цивилизация, как и все другие цивилизации, покоится на глубоких и загадочных основаниях прошлого. Еще и сегодня можно видеть во Франции целые деревни троглодитов¹. На кладбищах, на могилах мы помещаем, как и наши предки из неолита, надгробные камни.

¹ Людей, имеющих жилища, вырытые в откосах холмов. (Примеч. пер.)

Верования в фей, в колдовство, в колдунов до сих пор распространено в наших деревнях: это отголоски первобытных религий. На посохах пастухов или на изделиях сельских гончаров бессознательно сохраняется народное искусство, где преобладают геометрические узоры или изображения животных. Можно предположить, что в конце доисторических времен существовала довольно однородная средиземноморская цивилизация со своим обменом, торговыми путешествиями, свайными городами, примитивным сельским хозяйством и первыми одомашненными животными. Запутанная сеть наших деревенских дорог, должно быть, восходит еще к эпохе неолита (Г. Рупнель). Под тонким слоем исторических времен скрываются могучие доисторические пласты, а поколения, от которых, кажется, ничего не осталось, кроме обтесанных или отполированных камней, бронзовых орудий труда, дольменов, менгиров, погребений, тропинок и источников воды, завещали человечеству наследство из слов, социальных институтов и правил, без которых было бы невозможно будущее развитие.

2. — Никогда не существовало народа французской национальности. Та территория, которая является нынешней Францией, располагалась на краю европейского континента. Здесь завершались вторжения, и здесь останавливались и поселялись завоеватели. В конце первого тысячелетия до нашей эры в Альпах проживали лигуры, в Пиренеях — иберы, от которых, возможно, и происходят современные баски. По Средиземному морю приплывали финикийские моряки; *Монако* — это финикийское слово, означающее *отдых, остановка*. Семитские купцы обменивали на рабов жемчуг, гончарные изделия и яркие ткани. Позднее греческие мореходы основали на побережье колонии и привезли с собой цивилизацию Востока, религиозные веяния, таинства, деньги, культуру оливковых деревьев и более совершенный язык. Из своей главной колонии *Массилия* (Марсель), основанной моряками из ионийской Фокеи около шестисотого года до Рождества Христова, греки сделали торговый порт, через который транзитом шло олово, вывозимое из Британии. Марсель разрастался, и на побережье возникали новые греческие города:

Никея (Ницца), *Агатхэ Тюхэ* (Агд), *Антиполис* (Антиб). Греки видоизменили провансальский пейзаж, и не только тем, что привезли оливковое дерево, но они привезли также и кипарис, фиговое дерево, виноградную лозу, акант и гранат. Битва Цветов, ежегодный праздник в Ницце и в других городах на Ривьере, восходит к греческим временам и, несомненно, связан с культом Деметры, Адониса или Персефоны. Персидская роза, попавшая через Грецию в Италию, была также привезена и в Прованс. Розовой эссенцией, которую производят сегодня в Грассе, мы обязаны греческим морякам и римским legionерам.

3. — Начиная с конца бронзового века в долины Рейна и Роны проникает другая, так называемая «кельтская» культура. Кельтские племена пастухов и воинов пришли с берегов Дуная. Эти племена по языку и обычаям принадлежали к индоевропейской группе. Мы не имеем достоверных подтверждений, что когда-то существовал единый кельтский народ. Древнегреческие писатели, для которых все «гиперборейские» варвары представляли собой единый размытый и туманный образ, называли кельтами всех иноземцев высокого роста, с белой кожей и светлыми волосами, проживающих по ту сторону гор. Но существовали и темноволосые кельты, поэтому триумфаторы, когда проводили по Риму вереницы пленников, часто для соответствия их народным представлениям обесцвечивали им волосы. Можно скорее предполагать, что однородным был не кельтский народ, а кельтский язык и кельтская цивилизация. Эти люди умели ковать обоюдоострые мечи — лучшее по тем временам оружие. Раскопки в Тене (возле озера Невшаталь) и в Гальштадте обнаружили значительные центры по изготовлению оружия. Кельты обладали художественным вкусом, были знакомы с греческими орнаментами и использовали их в своих ювелирных изделиях и в украшениях своих мечей. В IV в. до н. э. прекрасное оружие и смелость позволили им создать империю. Они дошли до Галатии в Малой Азии, пересекли Рейн, Альпы, заселили Северную Италию, сожгли Рим, но там не задержались, а подчинили себе местные племена в тех землях, которые сегодня мы называем Францией и Испанией. Было бы крайне ошибочно представлять, что

кельты, уничтожив лигуров и иберов, заменили их на завоеванных территориях. Скорее нужно говорить о медленном проникновении, когда военная аристократия сначала поработала местных жителей, потом с ними ассимилировалась, а язык завоевателей понемногу становился языком всех племен, проживавших западнее Рейна и Альп. В венах современных французов кровь иберов и лигуров смешалась с кельтской кровью, а также с кровью римлян и многих других народов. А что касается имени «галлы» (*Galli*), то римляне так называли кельтов.

4. — Кельтская империя продержалась недолго, и в конце IV в. до н. э. северная Италия (Цизальпинская Галлия) была присоединена к Риму. Территорию по ту сторону Альп, включающую и современную Бельгию, римляне называли Трансальпийской Галлией. Они знали, что кельты занимали также и Великобританию, и Ирландию, и что галлы торговали с этими туманными островами. В глазах какого-нибудь римлянина II в. до н. э. Галлия должна была быть примерно тем же, что и Марокко для алжирца, жившего в 1880 г.: варварская беспокойная пограничная страна. Позднее военные потребности определили последующие политические аннексии. Когда Рим находился в состоянии войны с Карфагеном, военные заявили, что необходимо обеспечить связь вдоль моря на пространстве от Испании до Италии. К концу II в. до н. э. вся эта зона, включая Марсель, стала римской провинцией, и даже просто Провинцией, откуда и происходит название Прованс (*Provincia*). «*Italia magis quam provincia*» (это скорее Италия, чем провинция), — говорит Плиний, потому что природа, растительность и климат напоминали ему Италию. Там возникали прекрасные города, такие как Арль, Ним, Оранж, города с термами, форумами и аренами. Вскоре галлы в своей еще независимой Галлии ощутили угрозу и с востока от германцев, чьи воинственные и жадные племена скапливались по ту сторону Рейна, и с юга от римлян. Две группы римских граждан — торговцы и военные — требовали завоевания Галлии. Торговцы жаждали рабов, поместий и рудников; военные рассчитывали стяжать там славу и политический авторитет; они утверждали, что для защиты Рима от германцев необходимо прикрыть флан-

ги Италии в Галлии. Благодаря одному полководцу, политическому деятелю и писателю по имени Юлий Цезарь, мы имеем описание Галлии конца 50-х годов до н. э. Читая эти описания, необходимо помнить о некоторых неточностях, неизбежно проникающих в доклады разведчиков о столь мало известных племенах. Но в юности наставником Цезаря был Антифон — галл по происхождению, а позднее военные походы позволили самому Цезарю пересечь всю страну. О Галлии он был информирован настолько хорошо, насколько это вообще было возможно для римлянина и полководца.

5. — Как в Галлии, так и в Британии, кельтское общество было разделено на кланы, говорит нам Цезарь. Несколько кланов образовывали племя, несколько племен — племенной союз. Считается, что к моменту римского завоевания было около семидесяти двух племенных союзов и от четырехсот до пятисот племен. Многие племена дали свое имя французским городам: *Parisii* (Париж), *Bituriges* (Бург), *Lexovii* (Лизье), *Ebroicii* (Эврё). Но во времена Цезаря у галлов еще не было настоящих городов. *Oppidum* племени был всего лишь пространством, обнесенным кольями, внутри которого размещалось торжище, и там же во время нападений могли укрыться люди. Там же проводил свои заседания и *Сенат*, собрание крупных собственников. У некоторых племен были цари, у других — тираны, в большинстве же племен правили олигархи. Группа племен составляла лигу; почти все племена из страха перед соседями сохраняли вокруг своих территорий нетронутые леса и ланды². Историки не имеют единого мнения о численности населения Галлии во времена Цезаря; их оценки варьируются от пяти до тринадцати миллионов человек. Примитивные деревни на краю лесных прогалин, должно быть, походили на деревни племен в центральной Африке. В глинобитных хижинах, крытых камышом, мужчины, сидя на связках тростника, вели беседы между собой, потягивая местное ячменное пиво — сикера. Так как климат в Галлии был более холодным, чем в Италии, то они носили не тоги, а штаны и куртки

² Кустарниковые, иногда заболоченные пустоши. (Примеч. пер.)

из козьей шкуры. Римляне называли Цизальпинскую Галлию, жители которой были одеты как римляне, *Gallia togata*, а Трансальпинскую — *Gallia comata* или *Gallia bracata*, то есть «лохматой Галлией» или «Галлией в штанах». Деревянные сабо также поражали воображение римлян; они называли их *Gallicae*, откуда к нам пришло слово *галуши*. Галлы были охотниками и пастухами, но занимались также и земледелием; в основном они питались дичью, свининой и медом, а эта пища была совсем не похожа на пищу, привычную для римских солдат, которые жаловались на мясную диету, навязанную им интендантством.

6. — Религия галлов нам плохо известна. Это была та область, о которой Цезарю, чужаку, трудно было узнать истину. Мы знаем, что галлы поклонялись местным и лесным божествам: *Borvo*, божество теплых источников, которое дало имя многим бальнеологическим курортам (Бурбонн, Бурбон-Ланси, Бурбон-л'Аршанбо), а также и королевскому дому Бурбонов; *Diva*, богиня рек (Дива, Дивонн-ле-Бен). У них существовал и более сокрытый культ, таинствам которого обучались в религиозных сообществах друидов. Центр друидизма располагался, вероятно, в Британии, так как именно туда стекались молодые друиды для прохождения инициации. Но прослеживается также и явная связь между верованиями друидов и религиями Востока. Друиды учили, что со смертью тела дух не умирает, а переходит в другое тело на таинственных Елисейских полях. Они занимались магией и были немного знакомы с астрономией и с медициной; во время зимнего солнцестояния они возглавляли такие символические церемонии как сбор с дубов омелы, а во время летнего солнцестояния — огненные жертвоприношения. Следы друидических обрядов можно обнаружить и в современной Франции: в Новый год омела еще и сегодня украшает жилища (*Новый год под омелой!*), а летом, в ночь на 23 июня, еще и сегодня в деревнях пылают на косогорах костры Ивана Купалы. Друиды оказывали и некоторое нравственное влияние на своих приверженцев, но все же этого было недостаточно, чтобы объединить всю Галлию. В «Комментариях» Цезаря мы также не находим рассказов ни об одном случае успешного вмешательства этих священнослужителей в переговоры.

7. — Галлы представляли собой варварское, но не дикое общество. Умные, чувствительные к красоте языка, интересующиеся жизнью римлян, галлы были хорошими ремесленниками и храбрыми воинами. Вместе с тем в начале I в. до н. э. любой непредвзятый наблюдатель мог бы уже придти к выводу, что галлы недолго будут оставаться свободными. В битве при Экс-ан-Провансе (Аква Секстия) только вмешательство Гая Мария помешало вторжению кимвров и тевтонов в Галлию. Сильное государство не может примириться с существованием на своих границах государства слабого, анархичность которого делает его легкой добычей для завоевателей. Галлы были способны на героизм, но не терпели дисциплины и не обладали упорством в достижении целей. На группировки разделялись не только племена и кланы, но даже семьи. Ненависть между кланами бывала порой столь велика, что аристократия некоторых племен обращалась за помощью к римлянам, а те никогда не испытывали мучительных сомнений, завладевая страной, которую раздирали междоусобные войны и которая не имела укрепленных границ. Цицерон с презрением говорил о галлах: «Что может быть более грязного, чем их города? Что может быть более дикого, чем их земли?» Приобщение галлов к цивилизации становилось в его глазах предприятием не только законным, но даже похвальным. Поэтому было совершенно ясно, что в тот день, когда какой-нибудь римский полководец решится завоевать галлов, общественное мнение будет на его стороне.

8. — В 58 г. до н. э. проконсулом обеих Галлий, Цизальпийской и Трансальпинской, был Юлий Цезарь, сорокадвухлетний политик, амбиции которого можно было сравнить только с его талантами. Образованный, учтивый, снисходительный, но чуждый угрызням совести, не знакомый ни с ненавистью, ни с жалостью, Цезарь внимательно следил за тем, как умирает римская республика. Он считал, что республиканская аристократия долго не протянет, и что однажды кто-то должен будет взять власть в Риме в свои руки. Он хотел стать этим вождем. Но для исполнения такого великого замысла ему необходим был личный авторитет и армия. Проконсулат над обеими Галлиями мог

ему дать и то, и другое. К 59 г. раздоры между галлами подготовили почву для вторжения. Племя секванов, ведя войну с племенем эдуев, обратилось за помощью к германскому вождю (Führer) свеву Ариовисту, который пришел на зов в их земли, но потом не пожелал оттуда уходить. Тогда эдуи попросили помощи у римлян. В это же время Галлии угрожали и гельветы (швейцарцы), которых, в свою очередь, теснили германцы. Цезарь пришел, увидел, победил, остановил варваров и основал на Рейне военную заставу. Его конечной целью являлось покорение галлов. У Цезаря было только одиннадцать легионов по пять тысяч человек, плюс вспомогательные войска, а галльское воинство было гораздо более многочисленным. Но армия галлов была раздробленной и плохо дисциплинированной. Легионы Цезаря, состоящие из хорошо обученных ветеранов, обладали к тому же и большим преимуществом в вооружении: у них были метательные машины — баллисты и онагры. Его армия включала в себя балеарских пращников и нумидийскую конницу. Прекрасно построенные римские лагеря окружались тройной защитой: рвами, насыпью, палисадами. В Испании Цезарь уже приобрел некоторый военный опыт. Он не был великим тактиком, но зато был прекрасным организатором. Успехам способствовал и его характер. Его решения были быстры, передвижения войск держались в тайне и оказывались молниеносными, а наступления были неожиданными и неудержимыми. Из-за раздробленности галлов и благодаря помощи племен, настроенных в пользу Рима, он сумел за несколько лет завоевать всю страну.

9. — Цезарь обращался с галлами с жестокостью, которую он никогда не позволял себе в Риме. Казалось, что по отношению к ним он не испытывал никаких душевных терзаний; он арестовывал их парламентариев, присваивал золотые и серебряные изделия, тысячами продавал с торгов пленников. Эта огромная военная добыча сделала его одним из самых богатых и самых влиятельных людей Рима. «Он подчинил галлов римским оружием, а римлян — галльскими деньгами». Но такие жестокости вызвали восстание. Аристократия, призвавшая римлян на по-

мощь, уже сожалела о своей неосторожности. Верцингеториг, сын вождя арвернов, красивый, гордый, юный герой, безраздельно преданный борьбе за свободу своей страны, возглавил повстанцев и попытался отрезать северные римские легионы от их баз. Он полагал, что заснеженная горная гряда Севенн надежно защищала его от Цезаря. Но Цезарь, преодолевая по восемьдесят километров в день, устремился с отрядом в двадцать тысяч человек к месту восстания. У Верцингеторига не было необходимого осадного оборудования для наступления на римский лагерь. Он попытался обречь римлян на голод, уничтожая поля и деревни на их пути. В течение многих месяцев, ведя партизанскую войну, он сковывал лучшую в мире армию, но его поражение было неизбежно. Бург (*Avaricum*), самый красивый город Галлии, был взят приступом, а его жители истреблены. Разобщенность галлов вновь способствовала их поражению. В сентябре 52 г. до н. э. осажденный в Алезии Верцингеториг вынужден был сдаться. Он предложил себя Цезарю в качестве искупительной жертвы, и тот казнил его после четырехлетнего пленения. Но борьба за независимость продолжалась еще некоторое время. Все выступления Цезарь подавлял с крайней жестокостью. Один миллион пленников был депортирован и продан в рабство. Многим повстанцам отрубили кисть правой руки. И, наконец, постоянное избиение населения привело к успокоению страны. Галльская война длилась десять лет. Она изменила внешний вид и будущее Европы. Если бы Галлия не была латинизирована, то очень скоро Римская империя стала бы некой восточной империей. Латинизированная Галлия перетянула чашу весов в пользу Запада.

10. — Итак, Галлия была латинизирована и жестокость репрессий не помешала быстрой ассимиляции. Цезарь, честолюбивые устремления которого обратились теперь к Риму, решил оставить за своей спиной мирную Галлию. Он прекрасно умел и подчинять, и привлекать людей на свою сторону. Галлы любили войну; он открыл им доступ в свои легионы и даже создал отдельный элитный легион, целиком укомплектованный галлами, название которого «Жаворонок» полностью отражало черты их

характера. Галльская знать стремилась к римским должностям; Цезарь проводил ту же самую политику, которую через двенадцать веков в Марокко использовал Лиотей³ — политику «больших каидов»⁴, которая заключается в том, что завоеватель заручается поддержкой элиты завоеванной страны. Рим охотно предоставлял права гражданства присоединенным народам: «Вы возглавляете наши армии, — внушал им Рим, — вы управляете нашими провинциями; между вами и нами нет ни различий, ни преград». Галлы обладали врожденным красноречием, и вскоре их сыновья стали блистать на Форуме. Аристократия быстро романизовалась. Модными именами стали Юлий, Цезарь, а позднее и Август. Древние фамилии уже не хвалились своими галльскими предками, а утверждали, что происходят от Венеры или Геркулеса. В каждом городе муниципальный Сенат давал им возможность украшать свои имена римскими титулами. Такие южно-французские фамилии как Таладуар или Маламэр восходят к именам римских колонистов *Talatorius* и *Malamater*. Сенаторы щеголяли тем, что говорят на правильном латинском языке, и с провинциальным педантизмом утверждали, что находят удовольствие в выступлениях риторов. Во Вьенне, в Лионе, в Лютеции (в городе племени *Parisii*) — повсюду строились римские города с их театрами и базиликами, которые являлись одновременно и ратушами, и залами судебных заседаний. Вода доставлялась в эти города по римским акведукам. Женщины, одетые по римской моде, делали покупки на рынках, выложенных белым мрамором. Цицерон сетовал, что в самом Риме галльские штаны все чаще появлялись на трибунах. Но среди простого населения ассимиляция шла гораздо медленнее. Марциал хвастал тем, что его читали даже галлы, но хотя в 1940 году у Валери и были читатели в Тунисе, это еще не означало, что тунисцы, проживающие в деревнях, говорили по-французски. Процесс замещения одного общенародного языка другим тре-

³ Лиотей Луи Юбер Гонзалв (1854–1934) — французский военачальник, участник колониальных войн в Индокитае и Марокко, маршал Франции с 1921 г., министр обороны в 1916–1917 гг. (Примеч. ред.)

⁴ Un caïd (фр.) — губернатор в колониях. (Примеч. пер.)

бует нескольких веков. Галльский крестьянин вынужден был запоминать некоторые латинские слова, чтобы разговаривать с римскими колонизаторами, чтобы препираться с представителями фиска или чтобы служить в легионах. Бывшие солдаты приносили с собой в деревню римскую культуру. Объединению Галлии способствовали дороги, проложенные в стратегических направлениях. Постепенно все привыкли думать, что и за пределами города существует единая власть — власть государства, и что государственные чиновники важнее, чем местные власти. В месте слияния Роны и Соны для празднования культа Августа ежегодно собирался *Concilium Gallicanum* — нечто вроде национальной ассамблеи. И все начинали считаться с новым, чисто римским понятием — Законом.

11. — На протяжении пяти веков Галлия оставалась римской провинцией. Это период, равный по времени периоду, отделяющему Столетнюю войну от войны 1870 г. Совершенно ясно, что за эти пять столетий изменялись принципы управления Галлией со стороны Империи. Но основные положения сохранялись. Поначалу в Галлии существовало три правительства: Аквитанское, Лионское и Бельгийское с общим губернатором, находившимся в Лионе. Позднее, возле границ, которым угрожали варвары, в городах Трир, Ахен стал помещаться префект претория. Император Юлиан, друг галлов, сделал излюбленным местом своего пребывания Лютетию. Римские чиновники были многочисленны и педантичны. При префекте претория находился главный секретарь суда, глашатай, директор тюрем, секретарь (*curator epistolarum*), казначей и бесчисленные писцы. Губернатору платили и натурой, и золотом; он имел право на повара, а если не был женат, то и на сожительницу, потому что «*quodsine his esse non possunt...*» (без этого они не могли обходиться...). Административный деспотизм умерялся существованием курий, или муниципальных советов, и защитника города (*defensor civitatis*), но на самом деле галлы опасались этих муниципальных должностей, и быть освобожденными от них считалось привилегией, потому что чиновники курии отвечали за сбор налогов своим собственным имуществом. Налоги были очень высокие. Можно

даже сказать, что чрезмерное налогообложение явилось одной из причин падения Римской империи.

12. — Теперь следует рассказать о том, как на территории Галлии была организована финансовая система Империи, потому что и она потом долго еще оказывала влияние на историю налогов во Франции. В IV в. Рим взимал: а) прямые налоги: земельный налог на кадастровую стоимость земли — *tributum soli*, который пересматривался каждые пятнадцать лет, и подушный налог, *tributum capitis* (этим двум налогам во Франции Старого Режима будут соответствовать талья и подушная подать); б) косвенные налоги: таможенные сборы, пеаж (налог за проезд по дорогам), монополия на соль, налоги на торговый оборот (1%) и бесчисленные вторичные пошлины. Такая фискальная система страдала двумя недостатками: она была громоздкой, а налоги распределялись несправедливо. Крупные землевладельцы, имевшие покровительство, получали освобождение от налогов. Чиновники курий, устанавливавшие налоги, не отличались честностью. «Сколько чиновников курий, столько и тиранов», — говорит Сальвиан, а Авзоний добавляет: «Регистры налогообложения сотканы из обманов». Наказания бывали ужасными; администрация применяла пытки, чтобы проверить декларации налогоплательщиков. Конечно, существовал *defensor civitatis*, избираемый жителями, но в противовес ему богатые создали еще и должность защитника в Сенате. На самом же деле, чтобы чувствовать себя защищенным, следовало иметь влиятельного «патрона»; так еще в римский период появляются первые черты феодализма.

13. — И тем не менее в первые годы после завоевания Галлия процветала. Именно в тот период появилась у галло-римлян склонность к сельскому хозяйству и любовь к земле, унаследованные позднее французами. Можно только вообразить те радости жизни первых поколений, которые, в противоположность анархии, обеспечивал им римский мир (*Pax Romana*). Наконец-то в стране появились дороги, границы, военная полиция. Повсюду по пути следования римлян возводились дома нового,

средиземноморского типа, виллы, украшенные колоннами и портиками, статуями из мрамора и обожженной глины. Жители городов жили в незнакомой дотоле роскоши: общественные бани, разнообразие спектаклей. Еще несколько десятилетий назад галлы обитали среди лесов в глинобитных хижинах. Теперь же галло-римляне распахивали и обрабатывали новые земли, богатели и продавали плоды своих земель Риму, всегда готовому покупать галльское зерно (дешевизна которого поражала Полибия) и галльские копчености. Галлия становилась «Северным Египтом» (Г. Ферреро).

14. — Однако плебс городов и сельскохозяйственные рабочие противились некоторым переменам. В сельской местности жители оставались верны кельтским традициям. Язычник (поганный — *раён*) и крестьянин (пейзан — *раусан*) происходят от одного и того же латинского слова *raganus*. «Укоренившаяся мифология» народа не принимала богов завоевателей. Но в средиземноморском мире уже начинала распространяться новая, народная религия. Уже в первом веке нашей эры евангелисты, пришедшие с Востока, говорили о Христе. Христианству потребовался целый век, чтобы появиться в Лионе. Рим относился терпимо к любой религии, лишь бы, со своей стороны, она терпимо относилась к культу Императора. Но христиане не принимали ни поклонения ложным богам, ни жертвоприношений Цезарю. Они проповедовали необходимость раздачи богатств и разбивали молотами статуи Венеры и Юпитера. Начиная с правления Траяна их будут преследовать. Кровь мучеников — святого Иренея, святой Бландины, святого Дионисия — укрепляла сердца. В городах проповедовали миссионеры, в честь которых были позднее воздвигнуты кафедральные соборы: Марциал в Лиможе, Гатиан в Туре, Сатурнин в Тулузе. Позднее, начиная с правления Константина, когда Империя приняла христианство, базилики (которые не были для римлян культовыми сооружениями) были превращены в церкви. Возрастала значимость епископа. В ранний период он избирался верующими, но эти выборы вызывали такое количество разногласий, что часто народ взывал к какому-нибудь святому человеку с просьбой избрать

им пастыря. Позднее, с ослаблением Империи, Церковь оставалась единственной организованной властью. В глазах народных масс она представляла правосудие, а элита была ей признательна за сохранение культуры.

15. — Мы не должны забывать, что в тот период уже существовала галльская культура, еще не очень развитая, но вполне процветающая. В IV в. в Бордо, в Отене, в Пуатье, в Марселе, в Тулузе, в Лионе тысячи молодых людей посещали школы грамматики и риторики. Преподаватели являлись чиновниками Империи. «Нам угодно, — писал император Грациан префекту Галлий, — чтобы ритору предоставлялось тридцать рационов, двадцать — преподавателю латинской грамматики и двенадцать — преподавателю греческой грамматики, если только удастся найти такого, кто способен это делать...» Кельтский темперамент легко усвоил традиции латинского красноречия. Греческий язык тоже имел своих почитателей. Авзоний, патриций и поэт, живший в Бордо, хотел, чтобы его внук начал свои занятия литературой с изучения трудов Гомера и Менандра. Но, к сожалению, религиозная культура была скорее формальной, чем реальной. «В конце IV в. в Галлии имелось значительное количество людей влиятельных и уважаемых, облеченных большими полномочиями со стороны государства, которые оставались полужызычниками, полухристианами, то есть не приняли ни одну из сторон, и которые, по правде говоря, очень мало заботились о выборе религии. Это были люди умные, образованные, философы, любящие науку и духовные радости, люди богатые и живущие в роскоши...» (Ф. Гизо). Эти крупные вельможи Римской Галлии вели жизнь легкую и приятную, а остроумие и литературные занятия украшали пустоту их жизни. В V в. Сидоний Аполлинарий, человек просвещенный, епископ и ритор, описал одну религиозную церемонию, по окончании которой клирики и миряне с воодушевлением беседуют о литературе, растянувшись на траве под сплетением виноградных лоз. Потом епископ предлагает сыграть в лапту, и после долгой игры в мяч Сидоний пишет маленькое шутивное стихотворение. Другие христиане, более суровые, удалялись в монастыри, первые из которых основал около 360 г. святой Мартин,

один — в Лигюже (возле Пуатье), а другой — в Мармутье (возле Тура). Западное монашество очень сильно отличалось от монашества восточного. На востоке люди удалялись в «пустыню», потому что хотели избежать искушений, и каждый поодиночке (*τοποι*) предавался строгому аскетизму. В Галлии, напротив, монастыри стремились объединить людей, которые желали бежать от мира, чтобы совместно жить духовной жизнью. Монастыри на юге Галлии (в частности, Леринский монастырь, основанный святым Гоноратом на островах вблизи Канн) превратятся в центры новых идей и в места, где готовились епископы. Любой вопрос вероучения или богослужения становится предметом активной переписки местного епископа со святым Августином в Гиппоне или со святым Иеронимом в Вифлиеме. Поэтому можно сказать, что «Отцы церкви усердно трудятся, священники разъезжают, сочинения находятся в обращении», христианский мир остается живым, а Империя умирает.

16. — Сразу после завоевания и еще три века вслед за тем Рим обеспечивал безопасность Галлий. Вдоль Дуная и Рейна военные походы или демилитаризованные территории помогали держать варваров на расстоянии. *Лимес* — стратегическая приграничная дорога, огражденная траншеями, на которой через каждые десять–пятнадцать километров сооружались укрепленные башни (*castelli*), — создавала подобие «Линии Мажино»⁵, где войска, особенно галльские, постоянно несли службу. В арьергарде для защиты этой линии от возможных агрессоров Империя содержала маневренные войска, состоящие из восьми легионов в I в. и из четырех во II в. Сверх того, по Рейну патрулировала флотилия, а в *Colonia* (Кельн) и в *Augusti Burgus* (Аусбург) располагались военные поселения ветеранов. Около 275 г. их гарнизоны перестали быть римскими. Империя испытывала недостаток

⁵ «Линия Мажино» — система французских оборонительных укреплений на границе с Германией, построенная в 1929–1934 гг. по предложению военного министра А. Мажино. Модернизировалась до 1940 г. Предназначалась для защиты Северо-Восточной Франции от германского вторжения. (Примеч. ред.)

в людских ресурсах. Профессия солдата перестала нравиться гражданам, предпочитавшим выплачивать налог для покупки себе «заместителя». Тогда императоры стали набирать варваров и размещать их на границах, раздавая им земли в силу правила о «военном гостеприимстве». Это положило начало королевствам варваров. Но эта новая армия страдала полным отсутствием патриотизма. Время от времени избирали нового императора, чтобы получить награды к радостному событию. Политические волнения порождали военную анархию. Рейды германцев опустошали Галлию. Даже такие далекие города как Бордо и Перигё разрушают храмы, чтобы из их камней возвести защитные стены. Не только варвары предают Галлию огню и мечу, ее разоряют и незаконные поборы римской бюрократии, алчной до фиска. Налоги столь тяжелы, что мелкие собственники продают свои земли, чтобы ускользнуть от куриалов⁶. Римская администрация стала столь дорогостоящей, что начинает потреблять все собранные средства сама на себя. В эпоху Юлиана (363 г.) «Галлия находилась на последнем издыхании» (Аммиан Марцеллин). Еще целый век Империя сохраняла достойный вид, но была уже полностью истощена. Однако даже и после прекращения управления со стороны Империи Галлия остается островком латинского мира. В противоположность германскому или балканскому населению галло-римляне действительно были ассимилированы Римом. Именно Рим дал им название, которое их объединило и сохранилось как название страны *Gallia*; Рим открыл им культуру античного мира, Риму обязана Галлия своим чувством уважения к праву и к закону. Еще долгое время Галлия будет испытывать ностальгию по Империи. И однажды галлы попытаются ее восстановить.

⁶ Куриалы — члены городских советов в итальянских и провинциальных городах Римской империи. Составляли высший слой городского населения. Куриалы при этом несли весьма обременительные расходы по городскому хозяйству и контролировали поступления государственных налогов, уплачивая недоимки из своих средств. (Примеч. ред.)

II. О том, как варвары смешались с галло-римлянами

1. — По ту сторону Рейна в лесах, горах и равнинах Германии проживали многочисленные племена, которые не образовывали племенных союзов, но го-

ворили на похожих языках и имели одинаковые обычаи. Тацит описал их в своей знаменитой книге, где он противопоставляет добродетели этих варваров порокам испорченной цивилизации. «Германцы» Тацита имеют такое же отношение к истинным германцам, какое много веков спустя, будет иметь «хороший дикарь» Руссо к каннибалам. Тацит идеализировал кровожадных соседей из глубокой ненависти к современному ему Риму. Впрочем, у германцев, возможно, и были некоторые добродетели: смелость, преданность вождю, — но они были свирепы, коварны и жестоки по отношению к чужакам. Они любили войну и охоту. Собрание воинов выбирало короля и поднимало его на щит; этот государь становился первым среди равных; он напоминал тех царей из «Илиады», авторитет которых дерзко оспаривался строптивыми воинами. Во время войны германцы подчинялись предводителю дружины — *Führer*, который одновременно мог быть и королем, и которому под угрозой общей опасности они слепо повиновались. Но эта связь выстраивалась на личностном уровне, а не на законной основе, как в Риме. В целом можно сказать, что оба, впрочем, не до конца ясные понятия «племена» и «дружины» преобладали в политической и военной жизни германцев (М. Блок). Концепция племени предусматривала выборы короля и власть собрания; понятие дружины основывалось на мистической связи, существовавшей между воинами и *Führer*. Германские племена, не очень ясно каким образом, объединялись в этнические общности: остготы, вестготы, саксы, тевтоны, вандалы. Они постепенно продвигались на запад и на юг в поисках новых земель и пастбищ (*Lebensraum*⁷), потому что у них было много детей, а неумелое ведение сельского хозяйства истощало почву; они одинаково завидовали и богатству Империи, и ее климату. Кроме того, германцы испытывали постоянное

⁷ Жизненное пространство (нем.). (Примеч. ред.)

давление с востока со стороны гуннов, воинственного монголоидного народа, пришедшего с просторов Азии.

2. — Нашествия варваров на территорию Галлии и Италии не носили характера массового вторжения организованных армий. Германцы не стремились ни завоевывать, ни разрушать империю — они восхищались ею. Рим, испытывавший нехватку людских резервов, вербовал племена, создавал из них вспомогательные войска и поручал им охрану границ. Здесь варвары, как и римские войска, имели право на *hospitalitas*, то есть право на свою долю земель и жилищ. Понемногу эти воины не без оснований стали полагать себя незаменимыми. Те из них, что входили в личную охрану императора, стали считать, что могут возводить и низвергать государей. Начиная с III в., когда ослабли связи внутри государства, вооруженные дружины стали проникать в Галлию. Чаще всего они бывали немногочисленны, не более пяти–шести тысяч смельчаков. Они опустошали какой-нибудь район, сжигали посевы, убивали мужчин, захватывали женщин, а затем уходили. Но иногда они оставались и селились, стремясь держаться компактной группой. Понемногу дружины, занимавшие одну и ту же территорию и принадлежавшие к одной и той же группе, образовывали свое королевство. Вот так и случилось, что в V в., не встретив организованного сопротивления, Аквитанию заняли вестготы, долины Соны и Роны — бургунды, Эльзас — алеманны, а север Галлии — франки.

3. — Все же в районах, занятых варварами, преобладали галло-римляне. Но их раздробленность и ослабление позиций Империи делали из галлов легкую добычу. Часто галло-римляне укрывались в городе, окруженном валами, а германцы разбивали вокруг свои лагеря на развалинах загородных вилл. В продолжение некоторого времени оба народа жили бок о бок, и хотя каждый продолжал говорить на своем языке, «братание» становилось неизбежным. Налаживались взаимообмен, сожительство и официальные браки. Когда варвар брал в жены галло-романскую женщину, то их дети говорили на языке матери. Понемногу латынь возобладала над германским языком, от которого в на-

родной речи остались только военные словечки: шлем (heaume), перемирие (trêve), поселение (bourg), пролом [в стене] (brèche). Позднее для отражения новых нашествий франки и галло-римляне были вынуждены объединиться. Когда в 437 г. гунны напали на бургундов и вступили с ними в сражение, послужившее сюжетом для «Песни о Нибелунгах», то территории, где проживали галло-римляне, приняли как «гостей» бургундских беженцев, а в 451 г. галлы, франки и римляне под предводительством Аэция, «последнего из римлян», и при духовной поддержке христианских святых (например, святой Женевиэвы, покровительницы Парижа), наголову разбили гуннов Атиллы в битве на Каталаунских полях (Шалон-сюр-Марн). Эта победа спасла Запад, потому что бургунды, готы и франки, в отличие от гуннов, испытывали искреннее уважение к Риму. Жениться на римской патрицианке было в их глазах настоящей удачей. Они отдавали себе отчет, что если хочешь управлять романизированными народами, то необходимо уметь говорить на латыни и знать римское право. В V в. жизнь в Галлии, особенно южнее Луары, вовсе не была невыносимой. Люди образованные, такие как Сидоний Аполлинарий, не предполагали, что империя стоит на пороге гибели. Они стремились установить взаимопонимание с готами и франками, которые являлись на заседания совета в звериных шкурах или в коротких туниках, и от волос которых исходил запах прогорклого масла, а от тел — запах чеснока. Они надеялись их цивилизовать. Плохо или хорошо, но римская администрация функционировала до самого конца. В случае надобности Сидоний Аполлинарий мог еще довольно быстро добраться от Лиона до Рима. Затем всякие связи прервались. Приказы из центра перестали поступать. Дольше всего держалась организация муниципальной жизни, которая значительное время оставалась галло-римской. Наконец, в 476 г. Западная Римская империя перестала существовать, но император Восточно-Римской империи продолжал поддерживать видимость единства Империи. Он делегировал на Запад свои полномочия королю остготов Теодориху, и, как говорят, епископу Рима (что позднее, вероятно, придало законные основания светским притязаниям папства).

4. — После падения Империи Галлия представляла собой мозаику варварских королевств. Это были не организованные государства, а просто дружины, предводители которых делегировали права управления на местах своим подчиненным: *comites* (графам) и *duces* (герцогам). Поначалу в соответствии с германскими обычаями еще собирались ассамблеи свободных людей для об-

Хлодвиг.

Статуя с надгробия (VI в.)

суждения важных вопросов и для совершения правосудия, но когда в мирное время дружина разбредалась по своим поместьям, полученным воинами в награду за службу, король все чаще стал советоваться только со своими дружинниками, проживавшими вместе с ним (*двор*, то есть те, кто собирался во дворе его поместья). И довольно быстро предводитель франков Хлодвиг возвысился над другими варварами. В этот же период становится все более и более влиятельной и католическая Церковь. Если мы внимательно изучим карту Франции, то увидим, что 4400 деревень «носят имя святых. Существует 770 деревень святого Мартина, 461 — святого Петра, 444 — святого Иоанна, 274 — святого Жермена, 185 — святого Павла, 148 — святого Обена...» (Р. Лакур-Гайе). Христианская религия еще давала некоторые гарантии единства обеих Галлий.

Хлодвиг же был язычником, но именно этот факт в значительной степени облегчал его взаимопонимание с Церковью в отличие от отношений, существовавших между Церковью и бургундскими или вестготскими королями, которые были христианами, но последователями учения Ария, то есть верили, что природа Бога-Отца и Бога-Сына в Святой Троице различны. Для ариан Христос не был ни полностью человеком, ни полностью Богом, что представлялось очень опасной ересью, которая делала из Христа полубога, и под предлогом унитаризма

поощряла некий политеизм. Но Хлодвиг под сильным влиянием Клотильды, своей супруги-католички, принял христианство (в ортодоксальной форме. — *Примеч. ред.*), что обеспечило ему могущественную поддержку епископов, приверженных Троице, для которых основной задачей была победа в Галлии над арианством и всеобщее признание единосущности Бога-Отца и Бога-Сына. Но для Хлодвига «триединство Троицы представлялось делом политическим и военным» (Ф. Фюнк-Бретано). И он прилагал постоянные усилия для достижения своей цели. Хлодвиг был безжалостным циником, его возвышению способствовали как хитрость и убийства, так и успешные сражения. «Ежедневно, — наивно объясняет Григорий Турский, — Бог поражал своей рукой врагов Хлодвига и увеличивал его королевство, потому что он шел к Господу с открытым сердцем и делал все, что было угодно Богу». Уничтожая врагов и друзей, Хлодвиг сумел расширить свое королевство до Пиренеев. «Горе мне! — восклицал он, — что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности!»⁸ «Он говорил так из хитрости, — простодушно замечает Григорий Турский, — чтобы проверить, не остался ли еще кто-нибудь, кого следовало убить». Но этот царственный разбойник имел большие заслуги. После падения Империи он утвердил территориальное единство Галлии, которая вскоре стала называться Францией (землей франков); он освятил союз короны и Церкви, послуживший условием духовного единства страны; и, наконец, с гордостью приняв от императора Анастасия титул римского консула, он утвердил преемственность власти.

5. — Согласно обычаю германцев, воины имели право избирать короля, но только из одной определенной семьи. Король имеет большой авторитет, если он является потомком рода героев или военного вождя, и если он помазан Церковью. Символом его власти служат длинные волосы (это отголосок мифа о солнечных героях, так как длинные волосы олицетворяют лучи солнца). Он

⁸ Пер. с лат. В. Д. Савуковой.

живет вместе со своими воинами в огромном поместье, доходы с которого идут на их жизнь. Королевская резиденция — это настоящая деревня, жители которой занимаются разными ремеслами: от ювелирного дела до ткачества. Франкский король переезжал из поместья в поместье в сопровождении своих *leudes* (левдов), то есть «офицеров», а в больших сундуках с тройными запорами перевозили его сокровища в монетах, ценных кубках и драгоценностях. По дороге король охотился, ловил рыбу и заводил многочисленных наложниц среди дочерей своих слуг. Если любовнице короля удавалось ему понравиться, она могла рассчитывать стать супругой и королевой; в этом случае предыдущая королева изгонялась и насильно заключалась в какой-нибудь монастырь. Междусемейные убоицы и распри были излюбленным «спортом» франкских королей. Они приводили к разорению страны, которая процветала в мирные времена, гарантированные Римом. Понемногу закрылись школы, и латинская культура была забыта всеми, кроме Церкви и нескольких «королей-маньяков», таких как Хильперик, который хвалился тем, что он латинист и теолог, и хотел прибавить буквы к латинскому алфавиту, чтобы отобразить некоторые звуки, присущие германским языкам. Вначале еще выживали города, находящиеся под защитой епископов, потом и они пришли в упадок. Военная аристократия землевладельцев остается в этот период единственной властью. Эти дворяне-помещики, полуразбойники-полужандармы, защищают своих крестьян от других разбойников. Церковь является тем убежищем, неприкосновенность которого нельзя нарушить, не совершив святотатства, и беглец имеет право там укрываться. Религия остается могущественной, потому что верующие, или, по крайней мере, суеверные король и высшее сословие боятся вечной кары. Когда Меровей укрылся в Туре возле гробницы святого Мартина, он открыл «Книгу Царств», чтобы по Письменам узнать свою судьбу, и прочел: «За то, что вы оставили Господа... предал вас Господь, Бог ваш, в руки врагов ваших»⁹, — после этого он плакал горячими слезами.

⁹ Пер. с лат. В. Д. Савуковой. Здесь свободное изложение Григорием Турским «Книги Царств». Ср.: 3 Цар., 9, 9. (Примеч. ред.)

Так через посредство Церкви римский закон еще пытался смягчить жестокость варваров, но чтобы обуздать звериную природу человека, потребовалось создание новой цивилизации.

6. — Меровингская династия королей правила во Франции более трехсот лет — дольше, чем Валуа и Бурбоны. История этой династии нам известна из трудов галло-римского епископа Григория Турского, а также из современных работ Огюстена Тьерри (1840 г.), написанных талантливо, но вызванных к жизни, — как и «Germania» Тацита, — политическими страстями. Либерально настроенный Тьерри противопоставляет французский народ (Жака-Простака), происхождение которого он считает галло-римским, эгоистичной знати франкского происхождения. Противопоставление абсолютно искусственное: крупные землевладельцы были и среди левдов, и особенно среди епископов, находившихся в окружении меровингских королей. Но это вовсе не умеряло их грубости. Григорий Турский рисует нам ужасный мир, где насилие этих полудиких деспотов осуществляется и над их сыновьями, и над их женами, и даже над самими прелатами. «Война двух королей» — Фредегонды и Брунгильды — длилась тридцать лет и представляла собой трагедию, подобную трагедии Атридов¹⁰.

Кольцо с печатью
Хильдерика I (V в.)

Фредегонда, прекрасная служанка, пленяет чувства короля, женит его на себе, приказывает убить своих соперниц и продолжает преследовать даже их детей; она является одним из самых отвратительных персонажей истории. Брунгильда, дочь короля испанских вестготов, недруг и зловка Фредегонды, пережила эту выскочку на шестнадцать лет, но та сумела и после смерти одержать победу через посредство толмача своего сына Хлотаря II. Брунгильда, преданная своими левдами, была выдана

¹⁰ Атриды — Менелай и Агамемнон, сыновья царя Микен Атрея, герои «Илиады» Гомера. (Примеч. ред.)

Хлотарю, приказавшему привязать старую женщину к хвосту лошади, которая, пущенная бешеным галопом, превратила ее в кусок мяса.

7. — Таковы драмы, разыгрывающиеся во дворцах Меровингов, которые напоминали одновременно и серали, и восточные базары. Толпы наложниц плетут интриги, чтобы на них женились «через кольцо». Отвратительный обычай разделять королевство между сыновьями скончавшегося государя провоцирует при каждом очередном наследовании возникновение братоубийственных войн. Сыновья плетут заговоры против отцов, братья против братьев, и проигравший с обритой головой в знак поражения заканчивает свою жизнь в каком-нибудь монастыре, если до этого его не убили на месте. Воины врываются в церковь во время заседания церковного собора, оглашая воздух призывами к смерти. Один епископ был убит прямо перед алтарем. Однако Дагоберт (629–639) был еще достаточно могущественным правителем, способным вторгаться в Италию, в Испанию и в Германию. Но после него род Меровингов пришел в полный упадок.

8. — Это была печальная, грубая и смутная эпоха, как всякая эпоха, когда рушится старый строй, а люди, уже ничем не сдерживаемые, предаются своим страстям. Галло-римляне лишились администрации по римскому образцу, которая до этих пор осуществляла управление. Варвары разрушили представление о Законе, и отныне каждый требует соблюдения обычаев только своего племени; варвары разрушили также и представление о справедливости, происходящей от государства, и отныне знать, как и Церковь, утверждают, что справедливость творят они. А что же пришло на смену? Чувство свободы? Ни в коем случае. Если у германцев и были некогда добродетели, которые приписывает им Тацит, то они растворились в столкновении с богатой и сластолюбивой цивилизацией. Во что превратилась столь прославляемая преданность? У Григория Турского мы находим только рассказы о предательстве. «Двор Меровингов — это дом терпимости, а Фредегонда — злобная мегера» (А. Пиренн). Каждый ко-

роль убивает свою жену, своих сыновей; любого человека можно продать за горсть золота. Разврат истощил жизненные силы их рода. Сам Дагоберт, «преждевременно изнуренный своими многочисленными супругами, умирает *от старости* в тридцать четыре года» (Ф. Фюнк-Бретано). Совершенно ясно, что такая форма общества не могла существовать долго.

9. — Но со смертью одной цивилизации неизбежно нарождается новая. На галло-римской территории некогда выборная королевская власть германцев постепенно превращается в наследственную. В силу воспоминаний об Империи она становится вожденной. Какими бы необразованными ни были меровингские короли, у них сохранялась память о прежней культуре и уважение к ней. Они стремились приобретать произведения византийского искусства, мозаики, восточные ткани. Вокруг них собирается местная и военная аристократия. Она состоит, с одной стороны, из галло-римлян, примкнувших к победителям и сохранивших свои владения, а с другой — из германских вождей, под защиту которых рады были перейти запуганные земледельцы. Но было бы рано говорить о феодализме, потому что *senior*, «старик», землевладелец и защитник, будущий сеньор, еще не вмешивается в отношения между сувереном и подданными, но постоянные разделы королевства между сыновьями короля ведут к ослаблению власти короны. Страна изрезана наследственными наделами. Бургундия и Аквитания, Нейстрия и Австразия (восток и запад северной Франции) обретают ясное понимание того, что они являются самостоятельными провинциями. Но еще не умерло и воспоминание о единстве Галлий. Его поддерживает угроза вторжения новых орд (сарацинов и гуннов), все еще существующая на границах.

10. — Единство Церкви надо считать примечательным фактором. В самый тяжелый период политической смуты христианская Церковь в целом поддержала «единство своей доктрины и всеобщность своего права». С IV в. по VIII в. на Востоке состоялось шесть Вселенских соборов, решения которых были признаны Западом. С этого же периода прочно устанавливается и церковная

иерархия, а территории различных королевств разделяются на епархии, управляемые епископами. Была некоторая попытка превратить архиепископа Лионского в примата Галлий, в некоего независимого патриарха, наподобие патриархов на Востоке, но она провалилась из-за зависти других городов (Арля, Санса). Епископы были распорядителями церковной собственности, постоянно возраставшей благодаря подношениям верующих и десятине (дар Церкви десятой части доходов верующих), — установлению, существующему еще со времен древних евреев, которое стремится возродить католический клир: «Мы постоянно напоминаем, что по закону Авраама вы должны отдавать Богу десятую часть ваших богатств, чтобы могли вы сохранить себе остальное». Народ уважал епископов, потому что они стали его защитниками, а сеньоры и короли их опасались, потому что в руках епископов было грозное оружие: отлучение и интердикт¹¹. Государь, отлученный от Церкви, королевство, подпавшее под интердикт, изгонялись из общества. Но чтобы навлечь на себя подобную опасность, нужны были очень веские причины.

11. — Мало-помалу епископы стали поручать священникам церковных приходов заменять их в исполнении священнических обязанностей. Первые приходы были городскими, но во времена Меровингов возникают и сельские приходы с кюре — *curati* — на постоянной должности. Значительную роль сыграли и монахи. В начале VI в. институт монашества был реформирован святым Бенедиктом, основавшим монастырь Монте-Кассино в Италии; ему принадлежит и выработка знаменитого «Устава» монашеской жизни. В своей работе он проповедовал самоотречение, послушание и особенно — труд. В этом заключалась новизна. На Востоке монахи, одинокие созерцатели, никогда не работали; монахи-бенедиктинцы стали первыми «целинниками» Европы.

¹¹ Интердикт (от лат. *interdictum* — запрещение) — церковное наказание в католицизме, заключающееся во временном запрете папой (или епископом) совершать богослужение и религиозные обряды в пределах определенной территории. Мог налагаться и персональный интердикт на отдельных лиц. (Примеч. ред.)

«Устав» Бенедикта поражает своей мягкостью, здравым смыслом и умеренностью. Во Франции он был введен святым Мором и стал основой строгого монастырского порядка. Вначале монахи не были служителями культа; когда они превратились в людей церковных, то оказались подчиненными власти епископов, и именно тогда они обратились за помощью к королю, а потом и к папе. В период средних веков крупные ордена будут зависеть только от папства и войдут в конфликт с национальными церквями. Но в те смутные и темные времена, о которых мы сейчас говорим, монахи, также как и епископы, способствуют некоторой гуманизации диких нравов общества. Крушение империи, исчезновение чиновников, все это оставило устрашающую пустоту, постепенно заполнить которую должно было установление института епископов, а также феодального и монархического институтов.

**III. О том, как
Каролинги
попытались
воссоздать империю**

1. — После смерти Дагоберта падение Меровингов становится неизбежным, и ни один крупный суверен уже не пытался его предотвратить. Развращенность нравов довела королей до рас-

путства, а потом и до безумия. Изнуренные излишествами, они умирали, не достигнув совершеннолетия. Их матери — служанки, которых затащили в постель покойного короля, — правили вместо своих сыновей. И в то же время истощалась королевская казна — частично из-за освобождения крупных сеньоров от налогов, частично потому, что доминирующее положение исламских государств пресекало всякую торговлю с Востоком, постоянным источником богатств. В зоне Средиземноморья арабское нашествие развивалось с устрашающей быстротой. Мухаммед умер в 632 г., а в 635 г. мусульманские армии были уже в Дамаске, в 641 г. — в Александрии, в 713 г. — в Толедо. В 725 г. арабы поднялись по долине Роны до города Отен. Эти новые завоеватели не ассимилировались с местным населением, как это происходило ранее с германцами. Франки восхищались Римом и приняли христианство. Мусульмане оставались верны своим

обычаям и своей вере. В начале VIII в. они почти полновластно хозяйничали на Средиземном море. Они заняли всю Испанию и часть Лангедока. В Провансе они истребляли мужчин, насиловали женщин и увозили детей. При их приближении население скрывалось на вершинах гор, где гнездились орлы (деревни Гримальди, Эз). Позднее сарацины поселились в этих странах и ввели в обиход культуру гречи (еще и сегодня называемой «сарацинским зерном»), дамасскую розу, пористые глиняные кувшины, в которых вода оставалась всегда холодной, финиковую пальму и шафран (без которого не было бы рыбного супа буйабез). Также сарацинам Прованс обязан мавританской архитектурой, танцами и частично поэзией и наукой при южно-французских дворах. Но эта стена неверных отрезала королевство франков от восточного христианского мира, наследника античной цивилизации. Повсюду распространялось невежество. Местные говоры вытеснили латинский язык. Короли были столь слабы, что только формально назывались королями, хотя всё еще носили серьги и длинные бороды. Истинным главой королевства был высокопоставленный чиновник, который назывался майордомом.

2. — Майордом, вначале простой интендант королевского дома, превратился позднее в посредника между королем и его приближенными. Майордомы австразийских дворцов постепенно возглавили независимую аристократию, после того как целая череда королей проявила слабость и неспособность к управлению. В одной семье родом из бассейна реки Маас, в семье Пипинов (их имя сохранилось в названии бельгийского города Пепинстер), эта должность на протяжении целого века переходила от отца к сыну. Один за другим Пипин Ланденский по прозвищу «Старый», Пипин Геристальский, Карл Мартелл («Молот») возглавляли эту семью и все королевство. Карл Мартелл правил *de facto* Австразией и Нейстрией в течение двадцати шести лет. Он создал надежную франкскую пехоту, которая в битве при Пуатье (732 г.) остановила продвижение арабского правителя Испании. Но эта победа не могла помешать вторжениям сарацинов. Еще целых два века из-за отсутствия оборонительного флота средиземноморское побережье Франции было открыто для их набе-

гов. Но Европа и христианский мир были спасены. Папа Григорий III, которому угрожали лангобарды, послал Карлу Мартеллу ключи от гробницы Святого Петра в Риме и просил его как защитника римской Церкви заменить византийского императора, проживавшего на своем далеком Востоке. Со стороны понтифика это был ловкий дипломатический ход. Римская Церковь не ждала ничего хорошего от константинопольских императоров-иконоборцев. У нее были все основания опасаться лангобардов, столица которых Павия была расположена слишком близко к Риму. Карл Мартелл, добрый католик, жил по ту сторону Альп, что делало из него желанного защитника. Но он медлил, потому что был уже обременен многочисленными военными обязательствами. Однако Рим уже тогда понял, что отныне только франки в состоянии защитить Церковь.

3. — Таким образом, в хаосе VIII в. в Западной Европе существуют две силы: франкская армия Пипинов и папство. Власть римского епископа возрастала; как преемник святого Петра он пользовался авторитетом; он обладал большими вотчинами и после падения империи на западе уже не зависел, как другие епископы, от территориального суверена.

После крещения Британии власть понтифика возросла еще больше, потому что если Италия, Испания и Галлия были евангелизированы независимыми миссионерами, то Англию обратил в христианство Рим. Потом из монастырей, находящихся по ту сторону Ла-Манша, Рим отправил апостолов для крещения германцев. Один из них, святой Бонифаций, друг Пипина Короткого, сына Карла Мартелла, стал вести переговоры о соглашении между этим

Франкский воин
(шахматная фигура)

майордомом, пожелавшим стать королем, и папой, нуждавшимся в военной поддержке против своих соседей. Церковь согласилась узаконить смену династии и признать Пипина, который заточил Хильдерика III, последнего из Меровингов, в один из монастырей. Святой Бонифаций помазал его королем одновре-

менно с коронованием его супруги Берты Большеногой. Это был хорошо продуманный поступок, потому что сыновья от этого союза тем самым оказывались дважды освященными. И кроме того, папа Стефан II в 754 г. пересек Альпы, помазал Пипина в базилике Сен-Дени, провозгласил нового короля и двух его сыновей «римскими патрициями» и наказал франкам впредь избирать себе государей только из этой семьи. Вот таким образом французские короли и приобрели те признаки благочестивости, которые были присущи библейским царям. В обмен на эту из ряда вон выходящую услугу Пипин прогнал лангобардов из папских владений и отдал завоеванные территории не византийскому императору, законному суверену, а Римской республике. Так родилось Папское государство.

4. — В лице Карла, сына Пипина (прозванного позднее *Carolus Magnus*), семья получила самого знаменитого из своих вождей. Сам по себе он не был созидателем. Он унаследовал от своего отца Франкское королевство и традиционный союз с Римом. Но ему повезло править сорок три года, и править одному. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы жить долго, и он оказался достойным своей удачи. «Меровингская династия утратила моральные добродетели; Карл Великий счел своим долгом возвеличить добродетель» (Н. Фюстель де Куланж). Почтение он вызывал своим достойным поведением, а любовь — своей сердечностью. Естественно, нельзя верить всему тому хорошему, что говорит о Карле Эйнгард, личный биограф, начитавшийся «Жизни двенадцати Цезарей» и приписавший своему герою все, что он нашел достойного похвалы у римских императоров (Л. Альфан). У Карла было пять законных жен (Химильтруда, Дезире, Хильдегарда, Фастрада и Люитгарда) и еще четыре супруги, что Церковь сочла «проявлением неумеренности». Ему до такой степени нравилось подчинять своей власти всех окружающих, что он запретил дочерям выходить замуж, и это вызвало скандал при дворе. Но он был набожен и трудолюбив. Его импозантная фигура, длинная борода, сила и способность к труду остались в легендах. Прекрасное здоровье, любовь ко всем проявлениям жизни постоянно поддерживали его в хорошем на-

строении. Он любил язык и песни франков. Он носил франкские одежды: короткую льняную рубашку, ярко-красные короткие штаны, кожаные обмотки вокруг ног, безрукавку из меха выдры, белый или синий плащ. Только в дни торжественных церемоний он соглашался украшать себя золотом и драгоценными камнями. Официальной целью его завоеваний провозглашалось обращение язычников в христианство, но союз с Церковью служил, сверх того, его политическим интересам, так как в те смутные времена только церковная иерархия была единственно возможной формой администрации. В 773 г. папа Адриан призвал его на защиту от лангобардов, вновь захвативших города, завоеванные Пипином. Карл явился с внушительной армией, разбил лангобардов, увенчал себя в Павии знаменитой железной короной и в 774 г. посетил Рим. Он был потрясен. Там находилась кровь Христова, его одежды и стол Тайной Вечери. Там церкви были краше, религиозное пение чище, церковные церемонии благороднее. Там можно еще было видеть памятники имперского величия. Восхищенный Карл Великий задумал сделать из своего королевства центр культуры и веры. Папа короновал его королем франков и лангобардов и возвел в римские патриции. Начиная с того дня он считал себя защитником христианского мира и стал называть себя «королем Божьей милостью», что было для франков совершенно новой формулой.

Карл Великий
(бронзовая статуэтка
из Лувра, IX в.)

5. — В течение всех сорока трех лет Карл Великий вел войны. Но эти военные кампании не были похожи, как у Меровингов, на борьбу между завистливыми родственниками. У него была постоянная цель: защита от язычников бывшей Римской империи. В первое время эти кампании были направлены на завоевание королевств, входивших в империю (Ломбардия, Аквитания); потом — на борьбу против варваров, захвативших Европу: саксов,

славян, аваров, сарацинов, а позднее — против норманнских пиратов, которые поселялись на берегах Ла Манша. Вероятно, Карл хотел присоединить к своим победам и завоевание Испании, и в 778 г. он двинулся на Памплону и Сарагосу, но был вынужден отступить, так как подвергся нападению саксов с севера. При отступлении, в Ронсевальском ущелье он потерял свой аррьергард, в котором находился его племянник Роланд. Этот эпизод, весьма незначительный с военной точки зрения, стал знаменитым, так как лег в основу сюжета «Песни о Роланде», что доказывает превосходство в умах людей поэзии над политикой. Наподобие некоторых римских императоров, таких как Диоклетиан и Юлиан, Карл основал свой генеральный штаб на Рейне, так как самая большая опасность исходила от германцев. Долгое время он боролся против саксов. Под страхом смерти он запретил им приносить людей в жертву дьяволу, то есть прежним германским богам. Он депортировал десять тысяч саксонских семей на принудительные работы во Фландрию. Такими методами без помощи миропомазания он привел язычников к обращению в христианство. Это был принцип «христианство или смерть» (Л. Альфан). Его королевство простиралось от Рейна до Вислы. Когда на папу Льва III было совершено нападение, когда он был обвинен, осужден и изувечен своими врагами, то обратился за поддержкой к Карлу, хозяину Европы. Король франков был растроган и принял на себя роль арбитра христианского мира. В 800 г. в церкви Святого Петра он провозгласил папу невиновным. Для восстановления папского авторитета Лев III придумал гениальный жест. В день Рождества он короновал Карла Великого в базилике Святого Петра римским императором под именем Карла Августа. «Долгой жизни и побед Карлу Августу, Богом коронованному, великому и миролюбивому римскому императору!» — кричал народ. Это означало и восстановление Западной Империи, и утверждение права понтификов превращать солдата церкви в императора. Эйнгард, биограф Карла Великого, говорит, что титул императора ему не понравился, но трудно предположить, чтобы император не был об этом проинформирован до начала церемонии. Единственно правдоподобным кажется только то, что Карл должен был с некоторым беспокойством задуматься,

какова будет реакция византийского императора, который считал себя преемником Цезарей. Тем не менее начиная с того дня Карл именовал себя «правлящим римским императором», хотя на самом деле он стремился скорее создать христианскую империю, чем воссоздать империю Цезарей. Этот новый титул ничего не добавил к могуществу Карла, но в сознании народов оно оживило идею о единстве цивилизованного мира, которую некогда насаждала в Европе Римская империя. Константинополь выразил поначалу некоторое раздражение, но затем в 812 г. было подписано соглашение, по которому снова появились два императора: император восточный и император западный.

6. — Представление об империи было римским, но система управления при Карле Великом ни в чем не походила на римскую. Во времена римских императоров власть осуществлялась через иерархическую пирамиду чиновников, а финансировалась посредством взимания налогов. У Карла не было ни бюрократической системы, ни больших доходов. Его империя беднела из-за мусульманской блокады. Одни только евреи могли еще торговать с неверными. Вот почему при дворе в Ахене для них был отведен целый квартал. Если на одного из них совершалось нападение, то виновный подвергался штрафу в пользу императора. Через посредничество евреев Карл установил отношения с халифом Гаруном аль Рашидом, который сделал ему великолепный подарок: слона и маятниковые часы. Восточная империя, отделенная исламом, представлялась каким-то неясным миражем. Так как в Западной империи не было золота, то деньги были только серебряные. Карл Великий мог располагать лишь доходами со своего домена; для управления империей ему остро не хватало чиновников. Личные придворные слуги императора — сенешаль (управляющий дворца), виночерпий, коннетабль (*comes stabuli*, то есть граф, ответственный за конюшни) — были одновременно и его соратниками. Для письменного делопроизводства у него был церковный шанселье — секретарь, ответственный за церковную канцелярию. Внутри страны Карл мог полагаться на две группы: одну — церковную, а другую — военную. Сеньор какого-либо домена, то есть воин, получивший эту землю в ка-

честве бенефиция¹² (иначе говоря, за оказанную службу) зависел от герцога, графа или маркграфа (возглавлявшего марку), а те, в свою очередь, зависели от императора. Но на самом деле местные администраторы были почти независимы, они самостоятельно взимали ими же установленные налоги и оплачивали свои расходы. Для контроля над ними император рассылал посланников, знаменитых *missi dominici*, которые путешествовали обычно по двое: один епископ и один граф. По возвращении эти инспекторы отчитывались в своей поездке перед императором, деятельным государем, который все хотел знать сам. Затем, чтобы разрешить обнаруженные проблемы, Карл диктовал «по Божьему велению» статьи закона, получившие название *капитуляриев*. Затем эти капитулярии выносились на народное собрание.

7. — В год проходило два собрания: одно — осенью, на котором император и его советники подготавливали работу, а другое, генеральное, — весной. Один хронист так описывает эти генеральные ассамблеи, или «Майские поля»¹³. Они собирались вокруг дворца в Ахене, в Регенсбурге или в каком-нибудь другом городе. В обсуждениях принимали участие только «знатные», но до начала заседания они собирались со своими приверженцами каждый в своем шатре, чтобы выработать линию поведения. Между собранием и императором постоянно курсировали многочисленные посланцы. Если собрание выражало желание обсудить какой-то вопрос с императором, то он охотно туда являлся и все присутствующие совершенно откровенно высказывали ему все,

¹² Бенефиций — земельное владение, предоставляемое в пожизненное пользование на условии несения военной (реже — административной) службы. Существовали также церковные бенефиции в виде доходных должностей или земельных участков, получаемых духовными лицами как вознаграждение. (Примеч. ред.)

¹³ Изначально это были «Мартовские поля». Название объясняется не столько временем сбора, сколько его местом — Марсово поле. Перенос этих собраний на май ок. 612 г. объясняется, скорее всего, военной необходимостью, т. к. в мае появлялась трава, необходимая для обеспечения конницы фуражом. См. об этом: Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001. С. 201. (Примеч. ред.)

что думали. Карлу Великому нравилось смешиваться с толпой на Майских полях и беседовать с людьми, прибывшими из всех провинций Империи. Он хотел знать, где ропщет народ и каковы причины этого недовольства. В капитуляриях, которые он выносил на собрания, были не только законы, но и вопросы: «Почему бывает так, что то на марше, то в армии, когда нужно что-то сделать для защиты Империи, воины не хотят помогать друг другу?.. Спросить у епископов и аббатов, что означают слова, которые они так часто повторяют: *Отречься от мирского?* Спросить, можно ли считать, что тот, кто ежедневно трудится, чтобы увеличить свою собственность, отказался от мирского?..» Это говорит о том, что в вопросах морали Карл не был чужд и иронии. Конечно, капитулярии вовсе не доказывают административных способностей Карла, которым, впрочем, обстоятельства и не позволили бы проявиться, но они говорят о здравом смысле, любознательности и мудром уважении местных обычаев, включая и завоеванные народы.

8. — После духовной деградации Меровингов Карл Великий поощрял возрождение культуры, впрочем, весьма еще робкое. Он испытывал склонность к культуре и во время трапез приказывал читать святого Августина и святого Иеронима. Он нашел ученых людей в Италии и в Англии. Защищенная морем Англия с самого начала своей христианизации значительно меньше, чем континент, страдала от иноземных вторжений. Там в монастырях уцелели священные и мирские книги, среди которых были и книги Аристотеля. Школы Йорка, где преподавал знаменитый Алкуин, были несравненно лучше, чем школы на континенте, и Карл, встречавшийся с Алкуином в Италии, делал все возможное, чтобы привлечь его к своему двору. Когда ему это удалось, он создал придворную школу, учениками которой был он сам, его красивые и прекрасно образованные дочери и его советники; кроме того, он создал Академию, в которой Карла называли Давид, а Алкуина — *Flaccus*¹⁴. Эйнгард говорит нам, что император

¹⁴ Т. е. Карла Великого сравнивали с библейским Давидом, а Алкуина с древнеримским поэтом Квинтом Горацием Флакком. (*Примеч. ред.*)

укладывал свои дощечки для письма под подушки постели, чтобы в бессонные часы упражняться в письме. В обязанности Алкуина, «министра народного образования», входило: возобновить учебные занятия, создать монастырские и епископальные школы, восстановить рукописи и оживить всю культуру в целом. Император поощрял эту деятельность и предоставлял людей для поисков манускриптов и обогащения монастырских библиотек. «Священной задачей» считалось копирование книг. В капитуляриях мы читаем: «Нам не угодно терпеть, чтобы при чтении священных текстов во время богослужений звучали неприятные для слуха солецизмы (ошибки), и мы намерены перестроить вышеназванные чтения...» Карл пишет одному аббату: «Многие монастыри направили нам послания, в которых сообщается, что братья молятся за нас; и мы заметили, что в большинстве этих посланий чувства были добрые, но слова грубые и непросвещенные... Поэтому мы призываем вас не пренебрегать изучением словесности...» Естественно, что в этом полу-варварском ренессансе много наивности. Темы дискуссий кажутся нам довольно пустыми. Труды Алкуина одновременно и педантичны, и ребячливы. Надо заметить, что, кроме описания жизни Карла Эйнгардом, от этой эпохи до нас не дошло ни одного значительного произведения. Но и сам Алкуин сознавал все эти недостатки; он писал императору: «В утро моей жизни я посеял в Британии семена науки; теперь, в вечернюю пору жизни, хотя кровь моя и охладела, я не перестаю сеять эти семена и во Франции, и надеюсь, что они расцветут с Божьей помощью и в той, и в другой стране...» И наступит день, когда плодами этих посевов станут Шекспир и Монтень.

9. — В конце своей жизни Карл Великий стал скорее набожным ученым, чем воином или императором. Его интересовали только молитвы, раздача милостыни и пересмотр Евангелий. Он умер в 814 г., а вскоре после его смерти распалась и его Империя. Вторжения пиратов (викингов) и варваров, братоубийственная борьба, последовательные разделы — вся история падения дома Меровингов возобновилась и в эпоху Каролингов. Можно ли говорить, что это произошло из-за отсутствия способностей у по-

томков Карла Великого? Нет, скорее это случилось потому что Империя была не жизнеспособной. Слишком обширная для существующих средств коммуникации, плохо защищенная из-за отсутствия кораблей и должного количества воинов, Империя была расчленена семейными разделами. У Людовика Благочестивого, сына Карла, было трое сыновей, которые после долгой борьбы договорились в 843 г. в Вердене о разделе наследства. Карл Лысый получил Нейстрию, Аквитанию и испанские марки, то есть часть Франции, расположенную к западу от Роны и Соны. Людовик Немецкий объединил Австразию, Баварию, Швабию и Саксонию. И, наконец, Лотарь получил земли, расположенные странной полосой, узкой и длинной, идущей от Северного моря до Калабрии, и включающие в себя долины Мааса, Рейна и Роны. Этому государю обязана своим названием Лотарингия. Раздел дал начало двум современным европейским государствам: Франции и Германии; и этот же раздел лег в основу долгих несчастий обеих стран, создав между ними некий коридор, постоянно оспариваемый обоими народами на протяжении всей истории. И все же, несмотря на быстрый распад Империи, мы можем говорить, что Карл Великий создал Запад, возродив в нем римскую культуру и привив ему чувство единства.

10. — Созданию Запада способствовал и ислам. До тех пор пока Средиземное море оставалось общедоступным, свои взоры на восток, к колыбели своей религии, и к Константинополю, хранителю римских традиций, обращали и варварские, и христианские королевства. Но будучи отрезанными от Востока мусульманскими армиями и флотом, они стали искать другие духовные ориентиры (А. Пиренн) и нашли их в союзе папы и императора — римского епископа и франкского короля. Вот тогда-то и произошел полный разрыв с политическим прошлым. Со смертью Карла Великого начинается новый порядок, который назовут (гораздо позднее) Средневековьем. Его основными признаками являются: а) *Политическое могущество Церкви*. Папа или епископ коронуют короля, после чего он правит не как военный предводитель, а как помазанник Божий. Неграмотность мирян обеспечивает церковникам гражданскую власть; вся культура

сосредотачивается в их руках; б) *Промежуточное состояние аристократии между военной и землевладельческой*. Во времена Меровингов существовали крупные землевладельцы, пользовавшиеся политической властью, но еще до Карла Великого местные должности уже переходили по королевской милости в другие руки и в другие семьи. Долгое правление императора укрепило герцогские, графские и маркграфские дома. Местные судебные должности стали наследственными. И как только ослабевает центральная власть, герцоги, графы и маркграфы почувствуют себя независимыми, а короли станут всего лишь первыми среди сеньоров. Но после Карла Великого сохранится ностальгия по единству христианского мира. Подлинным каролингским наследием явилась церковная иерархия и правящая земельная олигархия разделенных народов, хранящих в глубине сердец смутное воспоминание о римском величии и о величии империи франков. «Конечно, через тридцать лет после смерти Карла Великого это единство рухнет, но отпечаток этого величия был, вероятно, столь сильным, что внутри каждого из новых государств останется достаточно общих элементов в социальных и правовых установлениях и в церковной организации, чтобы европейская цивилизация смогла продержаться вплоть до Средневековья» (Ф. Лот).

IV. О том, как развивался феодальный строй. Как случилось, что Капетинги наследовали Каролингам

1. — После договора 843 г. распад империи Карла Великого продолжился. Начиная с 888 г. насчитывается уже семь королевств: Французское королевство, Наваррское королевство, Провансальское королевство, Бургундское королевство, Лотарингское королевство,

Германское королевство и Итальянское королевство. Те немногие грамотные люди, кто был знаком с историей, полагали, что присутствуют при новом крушении Римской империи: «Некогда народ франков блистал перед взорами всего мира, — писал дьякон Флорус, — теперь это великое государство пришло в упадок

и разом потеряло и свой блеск, и статус империи... Нет больше народных собраний, нет больше закона; напрасно прибыло бы сюда какое-нибудь посольство — здесь больше нет двора. Что станет с соседними народами по Дунаю, по Рейну, по Роне, по Луаре и По? Некогда связанные между собой узами согласия, теперь, когда союз распался, все эти народы будут страдать от плачевных последствий раскола. До какого еще предела доведет гнев Господен эти несчастья? Найдется ли хоть кто-нибудь, кто содрогнется от ужаса, думая обо всем этом, кто размышляет и горюет о происходящем? Скорее люди радуются раздорам в Империи, а миром они называют тот порядок вещей, который не несет никаких благ мира...» (Recueil des Histoires des Gaules et de la France. T. VII). Так элита страны оплакивала распад Империи франков, но народные массы приняли этот распад и даже стремились к нему. Почему же? а) *Потому что уже формировался национальный характер*, и потому, что в пределах одного государства люди уже с трудом выносили союз различных народов. Конечно, и франки, и саксы были некогда германцами. Но в течение четырех веков франки, живущие на западе от Рейна, смешивались с галло-римлянами, и в IX в. это смешение завершилось. Уже с полным основанием можно было говорить о французах и немцах; и дело было не в происхождении, а в обычаях, в языке и в мироощущении; б) *Потому что народные массы поняли, что Империя уже не в состоянии их защищать*. Новые вторжения приводили деревни в ужас. Сам Карл Великий был напуган набегами «людей с Севера», норманнов, которые приплыв из Дании или Норвегии на судах по сорок—шестьдесят человек, поднялись вверх по западным рекам и основали в долине Сены и в Кальвадосе независимое государство — герцогство Нормандское. На юге продолжались набеги сарацин. После них оставались обезлюдившие города и заброшенные поля; девушек они уводили в плен, а монастыри сжигали. Из-за безлюдья распаханная земля вновь зарастала лесами. По деревням бродили дикие звери. Мелкие землевладельцы и крестьяне, понимая, что уже нет администрации большой империи, устроенной по римскому образцу, умоляли местных правителей обеспечить защиту земель от разбойников и пиратов.

2. — Действительно, база для создания таких правительств уже существовала. Она состояла из графов, маркграфов и герцогов, из всех воинов, получивших бенефиции или административные должности. И эти солдаты были способны защищать от захватчиков те регионы, которыми они управляли. Своим *вассалам* они раздавали *феоды*, то есть земли за несение службы. Сам вассал тоже имел своих вассалов, *vassi vassorum*, то есть вассалов вассала. «Те, кто не был достаточно богат, чтобы вооружиться и собрать вокруг себя необходимое число слуг и лошадей, складывались по трое, четверо и даже по шесть человек, чтобы экипировать одного всадника. Когда каждый сеньор созывал своих вассалов и отправлялся на призыв своего сюзерена, то по такому принципу создавались целые армии, которые хотя бы теоретически объединяли все жизнеспособные силы народа...» (Г. Аното). Все происходило так, как если бы в наши дни президент США назначил генерала, командующего N-ской армией, губернатором Австрии с правом преемственности для его сына, и если бы этот генерал разделил подчиняющиеся ему земли между полковниками, те в свою очередь разделили бы свои владения между капитанами, а население согласилось бы с таким устройством из страха перед беспорядками. Так на всем Западе медленно и неосознанно складывалась феодальная система — анархия подталкивала слабых под защиту сильных. Эта система принимала самые различные формы; наследование феодалов не всегда было автоматическим, но ни король, ни сюзерен, никогда не отказывал в инвеституре¹⁵ сыну своего преданного вассала.

3. — Понемногу феодальная собственность повсюду приобрела свои основные черты. Собственник получил в своих доменах те же права, которые некогда принадлежали государству: право отправлять правосудие, право взимать налоги, право получать ренты. Талья, подобная *tributum soli* у римлян, была тем налогом,

¹⁵ Инвеститура — церемония введения вассала во владение феодалом, сопровождавшаяся вручением символа такого владения (кольца, горсти земли и др.). Так же называлась и процедура введения в должность епископа или аббата. (Примеч. ред.)

который выплачивали ленники (зависимые крестьяне) за личную защиту и за защиту своих земель, потому что всякую землю необходимо было защищать, и всякая земля должна была иметь своего сеньора. Но и сам сеньор держал свою землю от сюзерена, которому он был обязан оказывать всевозможную помощь и услуги. Какую же помощь? В первую очередь военную. Вассал был обязан лично служить в конном ополчении. Замок должен охраняться караулами. Король имеет право проживать у своих вассалов. В мирное время вассалы, прибывающие ко двору на собрание, на совет или на королевские праздники, делают это за свой счет; они должны оказывать денежную поддержку, когда королевский сын становится рыцарем или когда выходит замуж королевская дочь. А если король попал в плен, то они должны выплачивать за него выкуп. Земля, которую владелец ни от кого не получал, называется аллод (*alleu*) — белое поместье, но очень скоро подобные наделы исчезают. Независимый крестьянин чувствует себя таким беспомощным, что он добровольно «отдается» какому-нибудь сеньору, который отныне в обмен на оброк или службу защищает его. Таким образом, феодальный строй продолжает институт римского и галло-римского патроната. *Виллан* — это житель деревни (*vilanus*). *Манан* (от латинского глагола *manere*) — это «тот, кто остается», но не «прикрепленный», как это часто пишут, к земле. Он может уйти, если бросит свои земли. Означает ли это, что бросив землю он будет разорен? Дело обстоит сложнее. Ни в IX, ни в XII в. не существовало представления о движимой собственности, которую можно было бы продать. К тому же в разные промежутки времени обычаи не были ни установленными, ни зафиксированными. «Общество — это не геометрическая фигура» (М. Блок). Скорее всего, феодальный строй представлял собой не единую систему, а совокупность миллионов человеческих существ, сеньоров, вассалов и вилланов, которые образовывали разрозненные дружины.

4. — Из двух германских понятий — племя и дружина — возобладали именно дружина. В племени свободные люди решали свои дела в пределах собрания. В дружине, подчиненной военной дисциплине, основой становилась преданность вождю

(верность = *fealty*). Феодалный строй — это дружина, сплотившаяся на определенной территории вокруг вождя и всегда готовая перейти от сельскохозяйственных работ к ратным делам. Генерал роздал землю солдатам, но он сохраняет право созвать солдат, если эта земля в опасности. Эта система была воспринята всеми западными народами, потому что она представляла определенный прогресс по сравнению с анархией. В старые времена вилла галло-римлянина была прекрасным домом с колоннадой, которым можно было любоваться, но защитить который не представлялось возможным. Феодалный сеньор строит свой замок — сначала из дерева, потом из камня — на склоне холма или на специально насыпанном «пригорке». У подножия донжона¹⁶, как овечье стадо у ног своего пастыря, теснятся деревни, и в случае опасности крестьяне укрываются за толстыми стенами замка. В некоторых районах Франции даже церкви укреплены и могут служить убежищем (например, собор в Альби). Создается класс солдат-землевладельцев: это знать. Ей присущи такие черты, как презрение к любому виду деятельности, кроме войны, праздность, дух семейной солидарности, взлелеянный общей гордыней. Одинокое проживая в замках, знать старается оживить свой досуг праздниками и церемониями. Вокруг сеньора собирается настоящий маленький двор. Его вассалы присылают к нему в пажи своих сыновей, и эти молодые люди благоговейно почитают Даму (*domina*) замка. После смерти сеньора его сын (а если нет наследника по мужской линии, то дочь), наследуют его владение, но при этом он должен получить инвеституру от сюзерена и принести ему клятву верности. Во время церемонии инвеституры вассал становится на колени, вложив сложенные руки в руки сюзерена, и произносит: «Отныне и впредь я становлюсь вашим человеком душой и телом». Слово *homtmage*, означающее этот акт, напоминает, что тот, кто признал этот подданнический долг по отношению к другому лицу, становится «его человеком» — «*l'homme*», что надо понимать в том же смысле, что и сегодня, когда офицер говорит «мои люди». Вся эта система основана (вроде

¹⁶ Донжон — деревянная или каменная башня, окруженная валом или рвом. Позднее — главная, отдельно стоящая башня замка. (Примеч. ред.)

как в семье) на личной связи моральных обязательств, а не на обезличенном законе, как это было в римском праве. И пренебрежение этой связью становится самым тяжким грехом.

5. — В феодальном порядке были серьезные недостатки, но тем не менее это был все же порядок. В X и XI вв. он сыграл важную роль в борьбе с анархией и усмирил террор. Но очень скоро грубая дикость этой военной полиции сама начинает представлять опасность. Из-за отсутствия центральной власти солдат из любого местечка считает, что ему все позволено. И тогда Церковь пытается укротить укротителей, и феодальный сеньор, подчинившийся религиозной дисциплине, становится рыцарем. Вначале все церемонии рыцарства в основном ограничивались посвящением новых воинов. Все примитивные общества были знакомы с такими инициациями, которые сохранились еще и до сегодняшнего дня. Церковь умеет придавать им моральный оттенок. Молодой человек, очищенный омовением, одетый в белую рубашку, постился, проводил ночь в молитвах, исповедался, причащался и, наконец, получал из рук сеньора свои доспехи и меч. «Именем господа Бога, святого Михаила и святого Георгия посвящаю тебя в рыцари», — произносил восприемник. После этого посвящаемый должен был произнести клятву, текст которой менялся на протяжении XI–XV вв., но общий смысл которой сохранялся: «Я буду служить Богу и своему суверену; я буду защищать права слабых; я не буду сражаться ради награды, наживы или выгоды, а только ради славы и доблести». И наконец, посвящаемый обещал, что «в любых ситуациях, будет преданным, галантным, скромным, и ни в беде, ни в смертный час, никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушит данного слова». Естественно, что столь благородные правила буквально соблюдались только теми, кто был их достоин. Нравы заурядного рыцаря сильно отличались от рыцарских идеалов. Но принципы оказывают свое воздействие даже тогда, когда остаются только принципами. Рыцарство оказывало просветительское влияние, а Церковь предписывала даже «Божье Перемирие» на несколько дней в неделю, когда запрещалось сражаться. Это было большим облегчением для бедных крестьян, земли которых служили полем битвы.

6. — Феодалная иерархия никогда не устанавливалась в соответствии с каким-то планом. Она разрасталась «как ветви большого дерева». Сеньоры-сюзерены сами могли зависеть от сеньора-суверена Перигора, Шампани или Аквитании. На первых порах эти сеньоры-сузерены подчинялись королю — вершителю правосудия, но в X в. франкская монархия рухнула, и из-за этого «паралича суверенности» и родился феодализм. Все атрибуты государства переходят к местному сеньору. У короля остается только его личный домен. К этому следует добавить, что в тот же период французская монархия была ослаблена борьбой между двумя домами: традиционным домом Каролингов и домом Робертинов (позднее его называли домом Капетингов), берущим свое начало от Роберта Сильного, графа Анжу и Блуа, одного из самых крупных землевладельцев той территории, что расположена между Сеной и Луарой и представляет собой сердце Франции. В течение ста пятидесяти лет, на протяжении IX и X в. в семье Робертинов были выдающиеся вожди, великие солдаты, ловкие политики. Многие из них — Эд (Одо), Роберт I, Рауль — избирались королями поочередно с королями из дома Каролингов. Эд защитил Париж от норманнов, чем прославил весь свой род. Другие члены семьи довольствовались титулами франкских герцогов, но государства их были обширнее, чем государства королей дома Каролингов. Французский клир поддерживал Робертинов в их борьбе против Каролингов, которые уже не обладали достаточной властью для действенной защиты Церкви.

7. — Учитывая выше сказанное, было бы не совсем верно датировать, как это делалось долгое время, третью французскую династию выборами на трон Гуго Капета. До него уже правили и другие Робертины. Им благоприятствовало и центральное положение их домена, между Орлеаном, Блуа и Парижем. Когда в 987 г. собрались сеньоры Франции, чтобы избрать своего суверена, то у них был выбор между Карлом Французским из дома Каролингов, герцогом Нижней Лотарингии, и Гуго Капетом¹⁷.

¹⁷ Прозвище «Капет» (носящий плащ) происходит от слова *sape* (накидка) или *chape* (плащ). (Примеч. авт.)

Архиепископ Реймский высказался в пользу Гуго: «Трон, — сказал он, — не занимают по праву наследования. На трон следует выбирать того, кто отличается не только благородством своего рождения, но и своей мудростью. Итак, коронуйте герцога...» Избрание Гуго Капета не является узурпацией власти: это законное признание сложившегося положения дел. Но первым Капетингам было очень трудно. Окружавшие их крупные сеньоры-соперники, — графы Фландрии и Блуа, герцоги Нормандии, Анжу и Аквитании, — полагали себя столь же могущественными, что и король. Если бы они объединились, то корона была бы против них бессильна. А Юг вообще не признавал власть короля. Кто же объединит королевство? Иль-де-Франс Капетингов или Аквитания графов Тулузы? В тот период никто не смог бы этого предсказать. Избранный король полностью зависел от тех, кто его избрал. Он был так слаб, что даже мелкие сеньоры, такие как графы Корбея или Мелена, вызывали его беспокойство. Если бы он был вынужден отправиться из Орлеана в Париж, то для его устрашения хватило бы и башни Монлери, возвышающейся на холме. «Наследник Карла Великого не осмеливался покинуть свои пределы». Он мог располагать доходами только со своих собственных земель и для того, чтобы существовать, вынужден был переезжать из поместья в поместье, как некогда поступали короли варваров. Все те, кто его избрал, постоянно бросают ему вызов из своих неприступных каменных донжонов. Как живая ткань образуется клетками, так и Франция была образована феодальными клетками, ядром которых являлась крепость. Другие органы, и прежде всего мозг, не были еще развиты.

8. — Однако новая династия имела в своей колоде несколько сильных карт. Король из дома Капетингов находился в центре страны, а его соперники были между собой разобщены. Его поддерживала Церковь. Во время очень торжественной церемонии коронации его голова и тело были помазаны елеем (смесь масла и бальзама). Считалось, что елей в склянке был принесен святому Ремигию голубкой для крещения Хлодвигу, и такое божественное крылатое происхождение лишь добавляло значимости всей церемонии. После коронации король присутствовал на мессе и

причащался и как мирянин, и как епископ¹⁸, что подчеркивало его почти священное положение. Вот почему свято верующий народ считал, что король получил свои полномочия от Бога, и что уже ни один другой государь не обладает теперь такими же полномочиями. Позднее распространилось даже мнение, что король может творить чудеса и излечивать золотуху — «коснуться золотухи». (Еще и при Людовике XV в день коронации из всех концов королевства пришли тысячи больных только для того, чтобы их «коснулся» король.) Король не принадлежит к клиру, «его жена и меч не позволяют причислять его к монахам», но он и не совсем мирянин (М. Блок). Король Франции, король-божий помазанник, король-чудотворец, в народном представлении оставался к тому же и наследником императора. В эти дни всеобщих раздоров, когда приближение тысячного года — конца света по Апокалипсису — нагнетало «волны страха», народные массы с ностальгической тоской вспоминали золотой век, «*douce France*» — «милую Францию», которой великие государи даровали некогда мир. Легенда о Карле Великом поддерживала чувство национального единения: «Под сосной, возле куста шиповника, возвышается трон, весь из чистого золота; на нем восседает король, правящий милой Францией. Бела его борода и глава его убелена». Он мудр, обходителен с женщинами, суров с неверными. Бог его любит и защищает. Вот тот государь, которого помнит и призывает французский народ. Уже в течение некоторого времени страна разделена на феодалы, но воспоминание о единстве все еще не забыто.

9. — Первые Капетинги были бедны, их домен невелик, а вассалы сильны. К тому же и лингвистическая анархия усугубляла слабость государя. В Руане и в Кане говорили по-нормандски, в Бретани — по-кельтски, в Провансе и в Аквитании — на провансальском (окситанском) языке. Сам феодальный характер королевства подвергал его постоянной опасности, так как домену всегда угрожали проблемы, связанные с наследованием после смерти родителей и мужей. Объединение этих разрозненных частей Франции

¹⁸ Т. е. король причащался хлебом и вином, как священник. Мирянин же в католической традиции причащается только хлебом. (Примеч. ред.)

было «сизифовым трудом», и каждое поколение должно было вновь браться за работу, уже проделанную поколением предыдущим. Другую опасность представляли выборы, происходившие после кончины государя; каждый раз они вновь ставили под вопрос всю проделанную работу. Капетинги успешно пытались бороться с этой угрозой, коронуя старшего сына еще при жизни отца. Так, в Рождество 987 г. Гуго Капет удостоил этой чести своего сына Роберта Благочестивого. На следующий год он заключил важный политический брак своего сына с вдовой графа Фландрии. С этим союзом связана романтическая история, очень показательная для понимания нравов этого века. Роберт был влюблен в свою кузину Берту, дочь короля Бургундии; он ненавидел свою жену, которая была старше него и на которой его заставили жениться, поэтому он с ней развелся и, как только стал королем, женился на Берте. Папа приказал расстаться супругам-кузенам, потому что они состояли в слишком близком родстве. Роберт упорствовал, и тогда государство было отлучено от Церкви. В 1001 г. анафема восторжествовала над чувством любви. Роберт расстался с Бертой. Но в 1011 г., чувствуя, что он не может жить без любимой женщины, Роберт совершил путешествие в Рим, чтобы умолить папу. Папа был непреклонен и Роберт подчинился. Эта история интересна тем, что она показывает всю слабость первых королей из дома Капетингов, которых скорее терпели, чем уважали бароны, еще вчера бывшие им равней. И только при поддержке Церкви эти короли могли сохранить свою власть.

**V. О том, как
Капетинги,
округляя свой домен,
сформировали
Французское
королевство**

1. — XI в. отмечен тремя важными событиями. Первое — это завоевание Англии норманнами. «Люди с Севера», датчане или норвежцы, которые правили в Кане, Байё и в Руане, необыкновенно быстро восприняли латин-

ский дух. Сочетание римской традиции с молодой энергией викингов привело к изумительным результатам. Суверены, твердо стоящие на своем и обладающие ясным умом, эти нормандские

герцоги часто оказывались более «современными», чем французские короли. Они взимали налоги, довольно умело вели свои финансовые дела, строили прекрасные церкви в Кане и в Байё и собирали в своих монастырях ученых людей со всего света. В 1066 г. герцог Вильгельм Бастард, прозванный позднее Завоевателем, завладел Англией благодаря удачной операции, которую можно одновременно считать дипломатической, военной и религиозной. Он подчинил местное население, роздал земли своим рыцарям, организовал Церковь, предписал элите язык (французский), и, оставаясь герцогом Нормандским, провозгласил себя королем Английским. Начиная с этого дня присутствие на землях королевства крупного вассала, который и сам являлся могучим сувереном, стало постоянной угрозой для короля Франции. И эта проблема могла быть разрешена только тогда, когда король Франции станет хозяином Нормандии, — или когда король Англии станет хозяином Франции.

2. — Второе важное событие — это *крестовый поход*. Через крестовый поход церковь пыталась обратить отвагу феодального воина на службу христианскому миру. Как и во времена языческой античности, паломничество было обычной формой проявления благочестия. Тысячи паломников шли в Рим, в Сантьяго де Компостела, в Иерусалим. Начиная с 637 г. Гроб Господен оказался в руках неверных, но веротерпимые мусульмане долгое время радушно встречали паломников. Гарун-аль-Рашид признал за Карлом Великим право защищать Святые Места. В 1071 г. Иерусалим перешел в руки турок-сельджуков, которые почти полностью запретили доступ в этот город, почему и возник замысел изгнать оттуда неверных. Могущественные папы предложили план, по которому святая война должна была возвеличить престиж Церкви и в то же время дисциплинировать рыцарство. Гораздо легче, чем подавлять воинственные инстинкты, направлять их в нужное русло. Сочетание епитимьи с битвой должно было понравиться рыцарям, которые любили кровавые схватки, но очень боялись вечных мук. Сюда же примешивались и мирские мотивы: итальянские купцы хотели возродить торговлю с Востоком, а сеньоры надеялись получить новые княжества. Первый крестовый поход был, в

основном, французским. Папа Урбан II был французом; Франция была колыбелью рыцарства; ее знать и мечтать не могла ни о чем лучшем, как принять участие в этой величественной затее.

3. — Крестовый поход был провозглашен Урбаном II в 1095 г. на Клермонском соборе. Петр Пустынник¹⁹ объезжал Францию верхом на муле и приглашал простой народ стать крестоносцами. Этот крестовый поход бедноты был умирительным и злосчастным начинанием. Большинство принимавших в нем участие погибло еще до Иерусалима. Крестовый поход рыцарей был организован лучше, его снабжение осуществлялось по морю итальянскими купцами. Три армии пересекли Европу по трем разным направлениям. Дисциплина в них была гораздо ниже, чем энтузиазм. Каждый солдат — авантюрист и паломник, — как только ему казалось, что есть повод для недовольства, добивался смены предводителя. Принцы искали скорее новых королевств, чем прославления Бога. Император Константинополя Алексей Комнин, пришел в ужас от нашествия этих орд. Но он все же сумел договориться с их предводителями и даже оказал им помощь. Малая Азия была оккупирована, и в 1099 г. Иерусалим был взят. Крестоносцы образовали королевство Иерусалимское, феодальное государство, королями и баронами которого были французы. Французский язык и французская цивилизация заняли на Ближнем Востоке доминирующее положение. Взаимоотношения крестоносцев с неверными были намного лучше, чем это можно было ожидать. Завязывались дружеские связи. Происходило взаимопроникновение обеих цивилизаций, отчего выигрывали обе стороны. Часто бывает так, что именно через контакты с Востоком западная мысль осознает свою самобытную природу и свою прочность. Средневековые войны совпали с самым ярким периодом расцвета греческой мысли. И с Крестовых походов датируется

¹⁹ Петр Амьенский, Пустынник (ок. 1050–1115) — французский монах, поведенник, чьи речи производили чрезвычайно сильное впечатление на слушателей. В 1096 г. возглавил самый большой отряд бедноты, отправившийся на Восток. Выступление войска Петра Пустынника считается непосредственным началом крестовых походов. (*Примеч. ред.*)

начало европейского возрождения. На три последующих века они определили мировые торговые и морские центры. Марсель, Генуя и Венеция — порты, из которых отправлялись крестоносцы, — превратились в большие города. Там были построены постоянные дворы для паломников. Полицейская служба на Средиземном море обеспечивалась военными орденами — рыцарями ордена Святого Иоанна Иерусалимского и тамплиерами, которые строят большой христианский флот и создают первую международную армию. И начиная с XII в. тамплиеры защищают Прованс от сарацинов; там еще и сейчас можно найти развалины замков ордена. В самой же Франции непосредственным результатом Крестовых походов стало ослабление феодализма в пользу монархии. Большое число знати разорилось, подготавливаясь к походу в Святую Землю; многие не вернулись оттуда. Такое ослабление военного класса было на пользу королю и населению городов.

4. — Третьем важным событием XI в. является *возрождение городов и формирование во Франции «третьего сословия»*. В «темные века» анархии не все римские города (*les cités*) погибли, но они потеряли свое значение и свою независимость. Муниципальная система перестала функционировать; только несколько старых городов были спасены епископами, и они же стали их сеньорами. Но родились новые укрепленные города с торжищами, и жителей этих *бургов* (*bourgs*) стали называть *буржуа* (*горожанами*). Находившиеся под защитой замков бывшие *villas* превратились в маленькие городки (*villes*), где проживали купцы. Поначалу, по мнению их сеньоров, эти купцы ничем не отличались от всех остальных мананов (зависимых крестьян). Но им было объединяться легче, чем земледельцам, и они организовывали религиозные братства и гильдии по ремеслам. Защищаясь от пиратов и разбойников, они путешествовали флотилиями или группами. Принципом каравана в силу необходимости является принцип объединения. Город вырабатывает свои правила и выбирает своих руководителей. Он стремится получить свою хартию и свои свободы (то есть привилегии). Это движение было общим для всей Европы того времени. Впереди оказались германские и итальянские города, потому что они были богаче и

процветали. В бывших римских городах на юге Франции оживляется старинное муниципальное управление. В таких же городах на севере создаются коммуны, приносящие присягу городу. Иногда (как это случилось в Лане) движение за эмансипацию коммун принимает революционный оттенок. Но это, конечно, исключение. Городской купец полностью признает феодальный порядок, он только требует считать себя его составной частью и хочет, чтобы город воспринимался как коллективный сеньор. Король поощряет коммунальное движение, потому что права на рынок представляют для него источник существования. Возрождение европейской торговли начинается в Венеции и во Фландрии, где располагаются центры морской торговли, в первом случае — с Востоком, а в другом — со Скандинавией и Англией. Позднее на полпути между Венецией и Фландрией открывается ярмарка обмена товарами в Шампани, которая способствует обогащению и других французских городов. Многие епископы и сеньоры предоставляют в своих землях привилегии горожанам на полюбовных началах, чтобы способствовать росту числа их жителей, которые будут нести повинности и создавать ополчение.

5. — В других странах у городских коммун была более удачная судьба. В Германии города Ганзейского союза превратились в независимые республики, такие же, как Флоренция, Милан и Венеция в Италии. В Англии в процессе создания Палаты Общин горожане присоединились к рыцарям и вскоре стали управлять страной бок о бок с лордами. Во Франции жители городов увеличивают свое богатство и реальную власть. Из их среды выходят советники государей, судьи Парламента²⁰, литературные гении. Но они все так же будут оставаться отдельным классом, который дворянство и Церковь будут рассматривать как более низкий, и именно неудовлетворенность «третьего сословия» и приведет к революции 1789 г. В XI и XII вв. новый класс горожан опирается на короля и, как только это оказывается ему по силам, начинает поддерживать короля в его борьбе против феодалов. Людовик VI Толстый (1108–1137) — это король поборник справедливости,

²⁰ О французских Парламентах (судебных палатах) см. ниже.

который прежде всего стремится поддерживать свободные связи между королевскими и епископскими городами. Он разрушает до основания те замки, сеньоры которых запрещают свободное передвижение по дорогам, и обуздывает тех феодалов-самодуров Иль-де-Франса, которые обируют купцов и грабят аббатства. Людовик VI стал защитником «кутюмы французов»²¹ от наступления на нее сеньоров. Аббат Сугерий, министр Людовика VI, восхваляет его за то, что он защищает церкви, помогает бедным и несчастным, охраняет мир в королевстве: «Всем известно, — говорит Сугерий, — что у королей длинные руки...» Это совершенно новое представление, так как никому бы и в голову не пришло сказать о первых Капетингах, что их власть простиралась далеко. Новая королевская власть уважает независимость феодальных сеньоров только лишь в пределах их доменов. Но она ставит себя выше всех местных властей, когда речь идет о поддержании порядка, справедливости и мира. «Королю не пристало нарушать закон, потому что и король, и закон черпают свой авторитет из одного и того же источника», — пишет Сугерий. Иначе говоря, король Франции начинает играть в своей стране роль человека, *исправляющего несправедливости*. Он все так же остается первым среди феодальных сеньоров, сюзереном над сюзеренами. Но он и помазанник Божий, король Божьей милостью. Вскоре ему уже нет необходимости напоминать о своем сакральном статусе, чтобы оправдать свою власть в глазах французского народа. Основой новой монархии явилась защита ею закона. Появляются города, которые, стремясь освободиться от тирании своих собственных городских магистратов, просят короля взять их в прямое управление. И вот так — выдают ли короли городам хартии, вмешиваются ли как посредники между городами и их сеньорами, или посылают в города своих прево — возникает сотрудничество их с буржуазией.

6. — Людовик VI, сластолюбец и обжора, умер молодым, «настолько измученный своим брюхом, что жир доконал его» (цит. по А. Люшеру). Он успешно женил своего сына на Альеноре Аквитанской, которая в качестве приданого принесла королю

²¹ Кутюма — записанное и кодифицированное обычное право. (Примеч. ред.)

Франции весь Юго-Запад вплоть до Пиренеев. К несчастью, этот союз был недолгим. Людовик VII обладал рыцарскими чертами: набожностью и любезным простодушием. С обворожительным видом он говорил одному англичанину: «Ваш государь не знает ни в чем недостатка. Золото и серебро, драгоценные камни, шелковые ткани — все у него есть в изобилии. Мы же во Франции живем хлебом, вином и чувством удовлетворенности...» Но королева Альенора не разделяла его «чувства удовлетворенности». Она тосковала по своим аквитанским трубадурам и с презрением говорила о своем набожном супруге: «Я вышла замуж за монаха, а не за короля». Король совершил ошибку, взяв ее с собой во Второй крестовый поход в Святую Землю. Там она вела себя отнюдь не как святая, влюбилась в красивого раба-сарацина, и ее пришлось увозить силой из Антиохии. Мудрый аббат Сутерий советовал королю запастись терпением: «Что касается королевы, вашей супруги, я придерживаюсь того мнения, что вы должны скрывать недовольство, которое она вам причиняет, до тех пор, пока вы не вернетесь в свое государство, где сможете спокойно освободиться от этого и других неприятных дел...» Но после смерти Сутерия развода уже нельзя было избежать. Альенора, женщина бурного темперамента, страстно влюбилась в графа Анжуйского Генриха Плантагенета, крепко сбитого юношу с бычьей шеей и рыжими, коротко стриженными волосами, обладавшего вулканической силой и манерами соблазнителя. Она вышла за него замуж и принесла в качестве приданого Лимузен, Гасконь, Перигор и все герцогство Аквитанское. Таковы были нелепые последствия переплетений личных и феодальных отношений: женский каприз мог расчленить целую империю. У Генриха (в наследство от его матери Матильды) уже было герцогство Нормандское; от отца он получил Мэн и Анжу. После своей женитьбы он стал во Франции гораздо более могущественным, чем французский король. Когда в 1154 г. он стал к тому же еще и королем Англии, то возникла угроза, что анжуйская империя поглотит Францию.

7. — Людовик VII (1137–1180) и его сын от третьего брака (с Алисой Шампанской) Филипп Август правили каждый по сорок три года. Филипп Август очень разумно воспользовался своей долгой

властью. Он взошел на трон в возрасте пятнадцати лет, и в наследство ему досталась крайне тяжелая обстановка в стране. В XII в. король Франции выступал как суверен второго плана по сравнению с анжуйской империей и немецкой империей, охватывавшей и часть Италии (по старинной традиции каролингского императора, короля Ломбардского). И все же Филипп Август победил императора и изгнал из Франции Плантагенетов. Энергичный, румяный, крепкий и здоровый крестьянин со спутанной гривой волос, жестокий, эгоистичный и рассудительный, он ни в чем не походил на обычного феодального короля. Его идеалом был не рыцарь, а терпеливый и хитрый политик. Он прекрасно справлялся со своей ролью. Жесткий с сильными мира сего, умело использующий простой народ в борьбе с феодалами, он привлек на свою сторону города и с самого начала своего правления обуздал коалицию крупных сеньоров. Против Англии он использовал претензии Церкви, не простившей Генриху II убийства архиепископа Томаса Бекета, а также семейные раздоры Генриха с его ужасными сыновьями. Если бы Плантагенеты были едины, то, конечно, они бы победили. Но они неосмотрительно позволили Филиппу подстрекать сыновей против отца, а потом — братьев друг против друга. Поначалу Филипп Август был в прекрасных отношениях с Ричардом Львиное Сердце, наследовавшим Генриху II. Они вместе отправились в крестовый поход, но рассорились, и по возвращении Филипп Август предпринял попытку завоевания земель Ричарда. Ему повезло, потому что после смерти Ричарда (1199) его противником стал Иоанн Безземельный — безумец, которого можно было обвинить в нескольких смертях, что давало основание провозгласить конфискацию его владений. Таким образом, феодальное право сыграло на пользу Филиппу Августу, который смог вернуть почти без боя Нормандию, Мэн, Анжу, Турень и Пуату. Для Франции это была сказочная удача. Та легкость, с которой все эти провинции перешли в другие руки, доказывает, что в сердце народа единство с Францией существовало задолго до своего фактического осуществления. Однако опасность еще не была устранена. Враги французского короля объединились; король Англии (Иоанн Безземельный), германский император Оттон IV, граф Фландрский и другие крупные феодалы собрались во

Фландрии. Против этой коалиции Филипп Август мог противопоставить Церковь и народ. В 1214 г. в битве при Бувине он наголову разгромил феодальную реакцию и иностранных захватчиков своей двадцатитысячной армией, состоящей из городских пехотинцев — большим новшеством по тем временам. Эта победа закрепила дело Капетингов. Во Франции она была встречена с необыкновенным восторгом, естественным при освобождении страны, осознающей свое единство. Народ повсюду плясал, клирики пели, церкви были украшены коврами, дороги были усыпаны цветами, травами и ветвями. В Париже семь дней и семь ночей к ряду пели и плясали студенты. Король простил даже тех, кто вступал до этого в союз против него. Так зародилось национальное единство.

8. — Филипп Август был государем нового типа, прекрасным организатором, прекрасным дипломатом, прекрасным военным специалистом. Он был не просто сеньором над сеньорами, он стал главой правительства. Он осознал важность экономических вопросов и помог французским купцам вновь завоевать доверие за границей. «Не должно, чтобы наши люди страдали», — заявлял он. Он взял под свою защиту и иностранных купцов, приезжающих на ярмарки. Он придал французской монархии те «три инструмента, которые до того в ней отсутствовали: покорных чиновников, деньги и солдат». Для перехода от феодального строя к национальной государственности следовало воссоздать центральную власть. Филипп Август создал институт провинциальных бальи²², которые должны были трижды в год являться в Париж, рассказывать о делах, проходящих в их бальяжах, и отчитываться по ним. За время его царствования доходы короны поднялись с двухсот двадцати восьми тысяч ливров до четырехсот тридцати восьми тысяч в год. При феодальном строе налог, как и любая служба, носил чисто личный характер. В дальнейшем королевская политика будет направлена на то, чтобы восстановить римское понятие института государства. При Филиппе Августе эта

²² Бальи — королевский чиновник, осуществляющий административные и судебные функции в пределах определенной территориальной единицы (бальяжа). (Примеч. ред.)

политика еще оставалась в зачаточном состоянии. Король на правах феодального сеньора получал в личную казну такие поступления, как доходы с домена, талью, сборы за права на торговлю и монополию на некоторые товары, феодальные подати. Эти королевские поступления были все еще достаточно случайны: преобразование барщины в оброк, ленная подать (рельеф) — то есть налог, взимаемый при переходе феодальной собственности в другие руки; периодическое преследование несчастных евреев, столь прибыльное, что в 1198 г. король и граф Шампани «оставляют за собой всю собственность своих евреев»; налоги на духовенство, вызывающее зависть своим богатством. Тамплиеры, монахи-воины и банкиры, выполняли для Филиппа Августа обязанности королевского казначея. Их командор во Франции, брат Эмар, исполнял должность распорядителя финансов.

9. — Филипп Август был одним из первых градостроителей. Он проявлял особую заботу о Париже, своей столице, и приказал замостить две улицы, соседствующие с его дворцом в Ситэ, которые до этого были двумя грязными, дурно пахнущими дорогами. Он создал в столице полицию — королевский дозор, состоящий из двадцати конных сержантов и сорока пеших. Напротив Ситэ на правом берегу зарождался деловой центр — город Париж (ville de Paris). На левом берегу в латинском квартале поселяются студенты Университета. Король приказал окружить этот тройной город крепостной стеной и построить в ее восточной части «нашу Луврскую Башню» для защиты города. Когда он отправлялся в крестовый поход, то ключи от казны и охрану печатей доверил шести парижским купцам. До того времени король Франции брал с собой в поездки все свои скудные архивы. Филипп Август, которому случилось однажды, попав в засаду, утратить очень важные реестры, создал королевский архив. Он был набожен, но тем не менее умел отстаивать перед Церковью права государства. Папа Иннокентий III считал королей своими вассалами. Филипп Август никогда не соглашался с таким правилом. Он позволил Симону де Монфору совершить крестовый поход против альбигойских еретиков, но отказался ему помочь, а после поражения альбигойцев примкнул к Монфору только для того, чтобы присоединить к

короне владения Раймунда VII, графа Тулузского, а также владения его вассалов — виконта де Безье и графа де Фуа. Таким образом, виновницей всех жестокостей, связанных с этим крестовым походом, оказалась Церковь, а выгоды от него получила монархия.

10. — Если мы сравним карты королевского домена 987 и 1223 гг., то увидим, что за эти два века герцог Иль-де-Франса превратился в короля Франции. Капетинги сумели так ловко объединить интересы короны с заботой о национальном благе, что уже никто, кроме нескольких крупных и завистливых вассалов, не оспаривал законность их власти. Представление о том, что король может избираться ассамблеей, было полностью забыто. Филипп Август был первым из Капетингов, кто, уже ничего более не опасаясь, осмелился отказаться от обычая короновать сына еще при своей жизни. И его сын Людовик VIII без всяких затруднений унаследовал трон. После своей коронации в Реймсе он торжественно въехал в Париж, что послужило поводом для всеобщего ликования, подобного празднованию после победы при Бувине. Школы и суды были закрыты. На перекрестках плясала молодежь под звуки оркестров из гитар, псалтериумов²³ и литавр. Ничто не объединяет народ лучше, чем праздники. Вслед за потрясениями и смутой воцарились традиции монархии.

**VI. О том, как
Людовик IX освятил
монархию и как
Филипп Красивый
ее укрепил**

1. — Людовик VIII, так же как и его отец, Филипп Август, был хладнокровным, честолюбивым и трезво мыслящим. Его во всем поддерживала жена — Бланка Кастильская, энергичная

и набожная испанка. Казалось, что Людовик создан быть великим королем, но он скончался через три года после начала царствования, оставив четверых малолетних сыновей под регентством своей вдовы. По завещанию он отдавал в «удел» своим

²³ Псалтериум — многострунный щипковый инструмент типа гуслей. (Примеч. ред.)

младшим сыновьям французские провинции Артуа, Анжу, Мэн, Пуату и Овернь. Опасный прецедент! Зачем же было бороться за единство королевства против крупных вассалов, если вслед за тем опять вернуться к феодальным уделам принцев крови? Но Людовик VIII, вероятно, считал, что принц, лишенный всех прав, будет для короля завистливым соперником, и что престиж королевской семьи пострадает, если принцы будут обездолены.

2. — Несмотря на такую неосторожную щедрость, сразу после смерти Людовика VIII один из Капетингов младшей ветви, Пьер Моклерк, герцог Бретонский, создал коалицию против регентши. Бароны, некогда укрощенные сильными королями, видя перед собой всего лишь нелюбимую народом иностранку и малолетнего ребенка, ввергли Францию в период волнений, длившийся пять лет. Они требовали, чтобы было возвращено право избрания короля. Говоря другими словами, они хотели вернуть монархию национальную к монархии феодальной. Поначалу Бланка ощущала себя столь беспомощной, что не осмеливалась перевезти короля-ребенка из Монлери в столицу, опасаясь, как бы «парижане не явились за королем с оружием в руках». Однако она сумела спасти трон для сына и воспитала его в соответствии со своим идеалом короля-рыцаря. Бланка была безгранично преданной и до безумия ревливой матерью. Когда король женился на Маргарите Прованской, королева-мать до такой степени вмешивалась в супружескую жизнь этой четы, что Людовик IX и его молодая жена, — а их комнаты находились одна под другой, — вынуждены были, чтобы избежать бдительности Бланки, встречаться на лестнице, что не помешало им иметь одиннадцать детей. И все же король любил свою тираническую мать. Он сохранял к ней уважение до самой ее смерти, и «установил по ней глубокий траур».

3. — Людовик IX (позднее канонизированный и ставший Людовиком Святым) унаследовал от своих родителей глубокую набожность и сильный характер. Он отнюдь не был святошей. Прекрасный рыцарь с постоянной улыбкой на устах, он любил шутить с домашними, которых усаживал у ног своей кровати. Несмотря на свое набожное смирение, Людовик, не задумываясь, одевался по-

королевски — в алый сюрко²⁴, отороченный горностаем. Он пояснял: «Нужно одеваться так, чтобы резонеры не говорили, что это слишком пышно, а современная молодежь не говорила, что это недостаточно пышно». По утрам король присутствовал на мессе, а после дневного отдыха — на заупокойных службах. Он спрашивал своего друга-сенешаля Жуанвиля: «Согласились бы вы быть скорее прокаженным, чем свершить смертный грех?» — и делал внушение, если Жуанвиль предпочитал грех. Каждый год в Страстной Четверг Людовик обмывал ноги бедным. «Сир, — сказал ему честный Жуанвиль, — я никогда не буду мыть ноги этим вилланам». «Правда? — спросил король, — это очень плохо», — и попросил его изменить свои привычки. Своему сыну он советовал любить Бога, помогать бедным и убогим, поддерживать добрые обычаи королевства, избегать общества плохих людей, окружать себя прюдомами²⁵, не страдающими жадностью; не судить, не зная всей правды, всегда иметь хороших прево и бальи, «свершать только разумные траты». Все эти поучения составили великолепное «Руководство для короля Франции». Собрания под дубом в Венсенском лесу, во время которых он вершил правосудие, сидя на ковре среди своих приближенных под сенью дерева, стали знаменитыми. В своих решениях он никогда не учитывал ранг спорящих и, хотя и был очень набожным, не колеблясь отстаивал права своих подданных против Церкви.

Печать
Людовика IX Святого

4. — Смелый солдат, Людовик Святой принял участие в двух крестовых походах: в седьмом в 1248 г., который длился шесть лет и был сплошной чередой катастроф; и в восьмом в 1270 г.,

²⁴ Сюрко — длинный, сшитый в боках плащ-нарамник без рукавов. Обычно был чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части. Сюрко часто украшался гербами. (Примеч. ред.)

²⁵ Прюдомы (от лат. *probi homines*) — лица, изначально связанные с сеньориальным судопроизводством и управлением. Позднее — судебные советники, непрофессиональные судьи. (Примеч. ред.)

который окончился в Тунисе смертью короля, заразившегося чумой. Сир де Жуанвиль, сопровождавший своего господина, оставил рассказ об этих походах. Они были организованы гораздо лучше, чем первые. Лошадей грузили на корабли, борта которых могли откидываться для их погрузки. При отплытии все, стоя на палубе, пели *Veni Creator*²⁶. Когда крестоносцы «удалялись от той земли, где они родились... они проявляли безмерную отвагу, потому что по вечерам, засыпая, не были уверены, что утром не окажутся в пучине моря...» Погибло не одно судно, но когда возле Кипра корабль Людовика дал течь, то, несмотря на уговоры своих спутников, он отказался пересечь на другой, чтобы не волновать остальных путешественников. По возвращении из Седьмого крестового похода он натолкнулся на новую коалицию баронов и английского короля. Людовик их разбил, а затем ко всеобщему удивлению вернул Англии Пуату, Гасконь и Гиень: «Так как наши жены — сестры между собой, а наши дети — кузены, то следует, чтобы между нами царил мир». Взамен он только потребовал, чтобы английский король оказывал ему в этих провинциях соответствующие почести, и чтобы были забыты все остальные английские притязания на континенте. Это было проявлением необыкновенной умеренности требований. Но прежде всего Людовик хотел быть справедливым. Исключительной целью его внешней политики было поддержание мира между христианами и борьба с неверными. Во всех остальных случаях он всегда был готов вести переговоры и договариваться полюбовно. Для сохранения мира с Испанией он мог отказаться от Каталонии. Он посредничал между папой и императором, призывая их к переговорам. Своей сдержанностью он «выдвинул французскую корону в первый ряд». Его брату Карлу Анжуйскому папство предложило Королевство Обеих Сицилий²⁷ в ошибочной надежде, что Карл окажется столь же достойным королем, что и Людовик.

²⁶ «Приди, Создатель» (лат.) — католическая молитва. (Примеч. пер.)

²⁷ Королевство Обеих Сицилий — государство, включавшее Южную Италию и о. Сицилия, завоеванные нормандскими феодалами в конце XI в. Оформилось с коронацией Рожера II (1130–1154), основателя Норманнской династии. (Примеч. ред.)

Самой большой моральной победой для Людовика стал тот день, когда в 1264 г. король Генрих III и английские бароны попросили его быть арбитром в их конфликте. Авторитет сдержанности представлял собой нечто совершенно новое в мире, где до того все разрешалось только насилием. Никогда еще христианский мир не был так близок к тому, чтобы объединиться.

5. — Во внутренней политике Людовик IX продолжал дело Филиппа Августа. Он считался с феодальной законностью, но пресекал злоупотребления ею. В частности, он запретил внутренние войны, которые были бичом для простого народа. Центр управления юстицией Франции, *Curia Regis*, все еще расположен во дворце короля, и сам Людовик в качестве первого судьи королевства выслушивает жалобщиков под дубом в Венсенском лесу или в другом месте, если двор куда-то переезжает. Но как у животных в процессе эволюции развиваются новые органы, так и в государстве, по мере того как оно развивалось, клетки королевского двора делились и специализировались, создав Большой Совет, ответственный за политические дела, Счетную Палату и Парламент, или постоянный суд. Формируется мозговой центр Франции. Заседающий в Париже Парламент не имеет ничего общего с английским парламентом, появившимся примерно в то же время. Это — апелляционный суд, верховный суд всего королевства, а не собрание представителей разных сословий. Людовик Святой подчинил провинциальных бальи новым правилам, которые стали гарантиями для населения, находящегося в их ведении. Он предписал бальи оставаться в своих бальяжах еще сорок дней после окончания их полномочий, для того чтобы они чувствовали свою ответственность за вынесенные решения. В течение всего срока его царствования финансы были здоровыми, а доходы превалировали над расходами.

6. — В 1270 г. Людовик IX умер. Его сын унаследовал королевскую власть, обладающую гораздо большим авторитетом, чем та, что досталась в наследство от предков ему самому. Отныне король из дома Капетингов будет восприниматься не только как законный (по праву наследования) государь, он будет непосредственным

представителем Бога, который ощущает себя причастным самому Богу, а потому может обходиться и без посторонних советов. Вот так безупречная святость Людовика IX приблизила королевский дом и все королевство к абсолютной монархии, ранее совершенно чуждой франкским королям. Благодаря ему Франция приобрела новый престиж среди других народов — престиж морального авторитета. Поэтому не вызывает удивления, что в 1297 г. Людовик IX был канонизирован и стал святым Людовиком. После смерти он был воспет французскими поэтами:

*Добрый король Людовик правил на земле
На пользу баронов и мелкого люда...
К кому будут теперь звать столь сильно его любившие
Бедные люди, когда добрый король умер?*

7. — Не легко быть сыном святого. Филипп III Смелый был набожным, доблестным — подлинным рыцарем, но восхищение Франции его отцом оказывало парализующее влияние на поступки сына, и поэтому он остался заурядным государем. В период его царствования и царствования его наследника, Филиппа IV Красивого, главной фигурой является уже не король, а «люди короля», сейчас мы назвали бы это «аппаратом». Филипп III закончил с крестовым походом своего отца, объявил, что примет новый, но так никогда и не собрал его. Злым гением Филиппа был его дядя Карл Анжуйский, король Обеих Сицилий, который втянул его в совершенно бессмысленный конфликт с Арагоном. Филипп III не желал этой войны. В «Поучениях», оставленных его королем-отцом, он читал: «Я указываю, чтобы ты остерегался своей власти, чтобы не воевал ни с одним христианином, а если тебе причинят зло, то используй все пути, чтобы доказать свою правоту раньше, чем начать войну... И следи, чтобы тебе дали добрые советы до того, как ты развяжешь какую бы то ни было войну; чтобы причина войны была оправданной, и чтобы ты предъявил сначала четкие требования злодеям, а потом еще и выждал бы необходимое время...» Но в 1282 г. в Палермо во время вечерни (от этого кровавого события сохранилось выражение «Сицилийская вечерня») был перебит фран-

цузский гарнизон Карла Анжуйского, и Сицилия перешла к арагонцам вопреки желанию папы, который заявил тогда Филиппу, что отвоевать ее — это святая цель, и что война против Арагона — это тот же крестовый поход. Эта кампания обернулась жалким поражением Филиппа. И тем не менее графство Тулузское перешло по наследству к королю Франции. Он женил своего сына на наследнице королевства Наваррского и графства Шампанского, что было очень выгодно для французской короны. По-немногу служащие короля взяли под свою юрисдикцию все толпы людей, носящих тонзуру²⁸, «клириков по закону и развратников по жизни», которые до того безнаказанно бродили по всей Франции, требуя для себя привилегий духовенства. Таким образом, и при Филиппе III продолжились непрерывные и плодотворные усилия по укреплению династии, но государем, который вслед за Филиппом Августом и Людовиком Святым дополнил троицу великих королей из дома Капетингов, стал приемник Филиппа III — Филипп IV Красивый. Святой оказался между двумя политиками.

8. — Был ли Филипп Красивый, человек таинственный, молчаливый, скромный, носивший власяницу и не боявшийся папы, действительно великим государем, или напротив, он был королем слабым, которого использовали дерзкие советники? Это не особо важно. Великими были его дела. Он унаследовал сильную королевскую власть и еще больше укрепил ее. В период его царствования людьми короля были легисты²⁹ с юга или из Нормандии, воспитанные на императорском или римском праве. Их идеалом в меньшей степени являлась христианская монархия Людовика Святого, чем империя Карла Великого или Цезаря. Их самой горячей заботой являлось единство королевства, а их излюбленным методом были судебные процессы. «Мы — всегда

²⁸ Тонзура (лат. tonsura — стрижка) — выбритая часть макушки, символизирующая принадлежность к католическому духовенству. (Примеч. ред.)

²⁹ Легисты (от лат. lex — закон) — юристы, занимавшие должности королевских советников во Франции. Занимались кодификацией и внедрением римского права. (Примеч. ред.)

заботящиеся о том, чтобы быть правыми», — пишет Филипп Красивый королю Англии Эдуарду I. Такой правотой можно оправдать любое требование. Феодалное право, римское право — все годится французским легистам, лишь бы это служило интересам короля. В Париже они строят Дворец Правосудия, и в нем появляется постоянный штат, получающий жалованье. Ничто не способствовало в большей степени разрушению феодализма, чем возрастающий авторитет королевского правосудия. Любой недовольный жалобщик обращается к бабьи или в Парламент государя с апелляцией на судебное решение, вынесенное сеньором. В любой деревне местный судья чувствует, что за ним наблюдают, что ему грозит опасность. Благодаря бракам, наследствам и договорам, домен разрастается еще больше, в него уже входят пятьдесят девять из ныне существующих французских департаментов, которыми управляют тридцать девять бабьи и сенешалей. Но такая администрация стоит очень дорого, в шесть раз дороже, чем при Филиппе Августе (Д. Леви-Мирепуа).

9. — У Филиппа Красивого, «самого большого расточителя среди наших королей», есть только один финансовый принцип: доставать деньги любыми путями. Он создает новые налоги: *la maltôt* — налог на торговый оборот; налог на доход (пятидесятая или сотая часть) для «защиты государства»; клятвенные заемы, гарантированные определенными поступлениями и конфискациями. В 1306 г. арестованы все евреи, на их имущество наложен арест. Затем наступает очередь ломбардских банкиров. «Наши подданные изнывают от их ростовщических процентов», — таков предлог. Банкиров обируют, изгоняют, а затем призывают вновь, чтобы тянуть с них новые деньги. Разве имеет какое-нибудь значение, что подданных разоряют, раз король получает свою долю пирога? И наконец, девальвация через «порчу» монеты. «Мы были вынуждены приказать чеканить монету, в которой возможно немного меньше веса и немного иной сплав, чем в монетах наших предшественников...» Существовали и частные фальшивомонетчики, но их король приказывал варить живьем в кипятке. Чтобы не нести ответственности за преступление, необходимо, чтобы оно исходило от государства. Эта постоянная

потребность в деньгах, возникающая из-за развития королевской администрации, влекла за собой и политические последствия: спор с папством, освобождение крепостных за денежный выкуп, продажа должностей, увеличение числа консультативных ассамблей, на которые призывается духовенство, дворянство и горожане, чтобы принудить их согласиться на новый налог и его распределение. Так финансовое положение диктует политику. При Филиппе Красивом впервые в истории Франции возникает дилемма: административный деспотизм или здоровые финансы. Сильное правление стоит дорого. Но правление, которое стоит слишком дорого, перестает быть сильным.

10. — Англо-французский спор все еще не был решен и не мог быть решен до тех пор, пока король Англии оставался господином области Гиень. «В те времена англичане чувствовали себя в Бордо столь же естественно, как они чувствуют себя сегодня в Бомбее, а жители Бордо считали это столь же противоестественным, как жители Бомбея считают это сегодня» (Г. Фишер)³⁰. Постоянно возникающие инциденты привели к войне. Союзницей Франции была Шотландия; союзницей Англии — граф Фландрии. Филипп Красивый приказал построить эскадру, чтобы господствовать над Ла-Маншем. В результате Эдуард сохранил Гиень, но признал в ней себя вассалом, женился на Маргарите (сестре Филиппа Красивого) и женил своего сына (будущего Эдуарда II) на дочери короля Франции, Изабелле. Это оказалось серьезной ошибкой Филиппа Красивого, которая стала одной из причин Столетней войны, потому что те права, которые Эдуард III, сын Изабеллы, предъявит французской короне, восходят именно к этому союзу. Фландрия, как это происходило в течение многих веков, колебалась между Францией и Англией. Она была богатой, гордой и независимой. Фламандские горожане оказывали сопротивление своим графам, что поощряло иностранные интриги. Филипп Красивый вел с ними долгую борьбу с переменным успехом. Ткачи не раз опрокидывали французскую конницу.

³⁰ При жизни английского историка Герберта Фишера (1865–1940) Индия находилась в колониальном владении Великобритании. (Примеч. ред.)

«Брюггская заутреня»³¹ была столь же кровавой, как и «Сицилийская вечерня». И наконец в 1305 г. был подписан договор. Филипп получил Лилль, Дуэ и Орши, которые образуют сегодня одну из самых богатых французских провинций.

11. — Но самой трудной задачей королевства стало противостояние Франции папству. В течение трех веков Рим боролся против Германской империи и английской монархии за признание привилегий для духовенства. Если светские суверены предоставляли епископам инвеституру, если они имели право устанавливать сумму налога на церковное имущество, если духовные должности могли быть получены путем интриг или подкупа, то уже не было и речи ни о независимости, ни о безупречности Церкви. Подчинение божественного установления властям человеческим означало отречение от сана и полное отступление. Вот поэтому-то целый ряд сильных пап и боролся за свои права, применяя отлучения и интердикты. Папы победили империю, но повсюду возрастало национальное самосознание. И уже вставал вопрос, смогут ли когда-нибудь папы иметь в сильных королевствах священнослужителей, подчиненных только Святому Престолу. Вот поэтому капетингская монархия, ревниво оберегающая свои права, рано или поздно должна была вступить в борьбу с Римом. Никто не может служить двум господам, и Бонифаций VIII, воинственный и победоносный папа, рассматривал любое человеческое существо как подчиненное только римскому понтифику. В 1296 г. он опубликовал буллу *Clericis laicos*, которой он запрещал светским лицам устанавливать сумму налога на духовенство и грозил отлучением любому клирику, который будет выплачивать эти деньги светскому лицу, наложившему на него данный налог. Филипп Красивый нанес ответный удар, запретив вывоз денег, что прекращало поступление доходов в Ватикан. Папа отступил, но в 1300 г. в Риме праздновалось наступление нового столетия, и в Ватикане собралось два миллиона паломников со всего

³¹ «Брюггская заутреня» — антифранцузское восстание горожан г. Брюгге в ночь с 17 на 18 мая 1302 г., давшее толчок к восстанию других городов Фландрии. (Примеч. ред.)

христианского мира. Ослепленный зрелищем своего собственного могущества, Бонифаций VIII ужесточает борьбу с королем Франции и в булле *Ausculta fili* призывает Филиппа оправдаться в выдвинутых против него обвинениях в чеканке фальшивой монеты. Похоже папа брал на себя управление всем миром, принимая образ заступника в чисто светском вопросе. В 1302 г. Филипп Красивый собрал своих баронов и представителей городов и, ощутив их поддержку, оказал сопротивление. Булла *Unam Sanctam* излагала доктрину Папы: «Люди живут в двух ипостасях: одна — духовная, другая — светская. Если мирская власть заблуждается, то судить ее должна власть духовная». Тогда король Франции бросил вызов папству. Один из его советников, Гийом де Ногаре, отправился в Италию, и во время неслыханно бурной сцены угрозами попытался добиться сложения сана с Бонифация VIII. Тот не отступил, облачился в торжественные одеяния понтифика и заявил, что скорее погибнет, чем сложит с себя сан. Затея Ногаре провалилась. Но папа был очень преклонного возраста и от пережитых волнений он умер. Его преемник тоже почти тотчас скончался; поговаривали, что он был отравлен.

12. — В 1305 г. под французским нажимом папой был избран епископ из Бордо Бертран де Го, принявший имя Климента V. Этот папа решил, что отныне Рим не является надежным для проживания местом, и некоторое время переезжал из города в город, а затем в 1309 г. обосновался в монастыре доминиканцев в Авиньоне. Графство Венессен, в котором находился Авиньон, принадлежало Святому Престолу, а позднее папы купили и сам город. Их пребывание в этом городе продолжалось с 1309 по 1377 г., и все это время они находились под полным влиянием французских королей³². За это время Авиньон преобразился. Епископскую резиденцию папы превратили в роскошный дворец, полный произведений искусства. При папе образовался двор, была создана папская администрация и фискальная система. Папство взимало *аннаты* (годовой доход с любого церковного

³² В историю этот период вошел под названием «Авиньонского пленения пап». (Примеч. ред.)

бенефиция, переходящего из рук в руки) и другие налоги, делавшие его очень непопулярным. Во времена подъема национального самосознания и развивающейся королевской фискальной системы конфликты между двумя властями, оспаривающими жалкие гроши налогоплательщиков, были неизбежны. Это «вавилонское пленение» окончилось в 1377 г., папа возвратился в Рим. И тогда конфликт между двумя представлениями о национальной самостоятельности, итальянским и французским, вылился в избрание двух пап. Авиньон и Рим сосуществовали одновременно, и христианский мир оказался разделенным надвое Великой Схизмой.

13. — Самым тягостным моментом этих конфликтов между Францией и Римом был процесс над тамплиерами при Филиппе Красивом. Этот славный орден монахов-воинов, которые носили белое одеяние с красным крестом, был основан во времена Крестовых походов для защиты Святой Земли. Орден не преуспел в этом начинании, и в 1291 г. даже сама Сирия была завоевана мамлюками³³. Но тамплиеры приобрели большие владения во Франции. В большинстве провинций командорства ордена оказались самыми процветающими доменами. Рыцари занимались крупными сделками и одалживали деньги самому королю. От них было выгодно избавиться, а лживых слухов для проведения такой акции было предостаточно. Одни обвиняли тамплиеров в предательстве и в сговоре с сарацинами; другие считали их нравы и верования преступными. Их называли еретиками и бесстыдниками, описывали их оргии. «Пить как тамплиер» стало повседневным сравнением. Правда состояла в том, что правила жизни тамплиеров были очень строгими, но возможно, что некоторые из них грешили отсутствием целомудрия, а та тайна, которой они окружали свои инициации, только помогала их врагам. Грозный

³³ Мамлюки (араб. — белые рабы, невольники) — воины-рабы (из тюрок, а также черкесов и других кавказских народов) в Египте, из которых формировалась гвардия правителей династии Айюбидов (1171–1250). В 1250 г. командная верхушка мамлюков свергла Айюбидов и захватила власть. (Примеч. ред.)

Ногаре, на которого были возложены обязанности хранителя Печати, занялся разорением тамплиеров и добился цели. Под пытками они признавали все, что от них требовали. Пятьдесят четыре рыцаря были сожжены на костре. Папа Климент V, пришедший в ужас от такой жестокости, долгое время отказывал в осуждении всего ордена целиком. В конце концов он тоже уступил шантажу и угрозам. Орден был разорен и распущен, а его великий магистр Жак де Молэ сожжен на костре. Рассказывали, что на костре де Молэ «приказал королю предстать в конце года перед Божьим судом». Это происходило 11 марта 1314 г., а в конце того же года Филипп IV скончался. Эта ужасная судебная трагедия имела долгие и тяжелые последствия. После «дела тамплиеров» была установлена преступная процедура, по которой самые отвратительные пытки были разрешены в судебных процессах против ведьм.

14. — В 1308 г. Филипп Красивый созвал в Туре Генеральные Штаты, чтобы в упомянутых выше конфликтах привлечь на свою сторону общественное мнение. В этих собраниях были представлены не только бароны и духовенство, но и двести пятьдесят городов. Можно ли говорить, что созыв этих Штатов явился признаком того, что Франция вслед за Англией склонялась к созданию парламентских институтов? Ни в коей мере. В Англии очень быстро сформировались две Палаты — Палата Лордов и Палата Общин, а рыцари и горожане договорились совместно заседать в нижней палате; во Франции же все три сословия остаются разделенными, что уничтожает всякую возможность общенационального представительства. Генеральные Штаты ничего не обсуждают и ничего не предлагают; они слушают и одобряют. Просто факт их созыва помог королю взимать налоги и прекратить недовольство по поводу испорченной монеты. А такая поддержка была ему крайне необходима, так как во Франции стало нарастать раздражение. К моменту смерти Филиппа Красивого его ненавидели повсеместно. Заслужил ли он это? Он укрепил королевский абсолютизм, боролся против власти духовенства и против феодальной власти, и общественному мнению предпочел интересы частных лиц, что само по себе было положительным. Но его жес-

токие легисты добивались поставленных целей несправедливыми средствами. Будь на его месте Людовик IX, он добился бы тех же самых результатов, не причинив обществу таких страданий.

**VII. О том, как
в период средних веков
сформировалась
французская
цивилизация**

1. — Нельзя рассматривать Средневековье как мрачный период варварства между двумя светлыми периодами: античностью и Возрождением. Наоборот, цивилизация Средневеко-

вья — это великая цивилизация, одна из тех, что дали человеку ощущение морального и социального равновесия, одна из тех, что создали самые прекрасные произведения западного искусства. Не вызывает сомнений, что Афины, Рим, Византия, Александрия достигли некогда такого уровня культуры, на который не мог претендовать Париж XII в., но чтобы приносить плоды и впредь древние цивилизации нуждались в прививании новых ростков. Своеобразие французской цивилизации заключается в том, что она сумела переплавить и спаять воедино элементы средиземноморской и варварской культуры. Французская цивилизация — это цивилизация «чересполосицы». Перемены в человеческом обществе происходили в первую очередь в тех регионах, которые широко открыты для всевозможных влияний. Так процветала в свое время классическая Греция на границе между европейским и азиатским миром. Точно так же и Франция: через свое средиземноморское побережье она тесно соприкасалась с греческим, римским и византийским миром; через свое атлантическое побережье она соприкасалась со скандинавскими викингами; через пиренейскую границу — с исламом; через Рейн — с варварами. Это смешение спасло ее, как говорит Фосийон, от извечного провинциализма Центральной Европы. С X в., а особенно с начала XII в. возникает французское Возрождение, идеи и искусство которого будут освещать всю Европу.

2. — Распространение по всей Европе какой-либо национальной культуры значительно облегчалось тем фактом, что Церковь со-

здавала нечто вроде сообщества народов со своим особым языком — латинским, и предложенная ею вера почти всеми была принята как неоспоримая. Во Франции, так же как в Англии или Германии, как в Испании или в Италии, средние века прежде всего являются эпохой христианской веры. Любой француз XII в. не имел и тени сомнения в предназначении земной жизни. Он верил, что Бог создал этот мир так, как об этом рассказывалось в Библии; что люди живут на земле, чтобы заслужить спасение души; что в день Страшного Суда одни будут прокляты, а другие спасутся. Он страшно боялся вечной кары, и чтобы избежать ее, готов был свято соблюдать свою религию, свершать паломничества, подавать милостыню. По мере того как города богатеют, местный патриотизм и единая вера подталкивают горожан отдавать свои силы и свои сбережения на постройку церквей, достойных их Бога. И этот контраст между малой населенностью городов, убожеством частных жилищ и великолепием соборов доказывает силу их веры.

3. — В те времена даже в мыслях не допускалось, что какой-нибудь философ может поставить под сомнение истины, данные в Откровении. Неверующий подвергался опасности быть отлученным, подпасть под интердикт, подвергнуться пыткам. Выйти за рамки христианского сообщества означало обречь себя на смерть. Но в этом правиле есть одно исключение: этим исключением были евреи, к которым проявляли терпимость как к свидетелям Священного Писания, как к полезным посредникам в торговле с неверными и как к займодавцам под проценты. Они обязаны проживать в гетто, но вольны посещать синагоги и заниматься религиозными еврейскими науками. Через евреев во Францию проникает арабская культура. Все остальные живут под влиянием католической Церкви. Месяцы и годы отмечаются процессиями с хоругвями братств. Купцы различных гильдий украшают коврами стены церквей, в которых находятся прекрасные изделия ювелирного искусства и церковные облачения, шитые золотом. То, что делает сейчас какой-нибудь богатый американец для своего университета, это то же самое, что делал богатый купец XIII в. для своего собора.

4. — Церковь занималась также и образованием. В деревнях священники обучали детей богатых родителей катехизису, чтению, письму и счету. Епископальная школа имела право выдавать «лицензию» на преподавание. Когда при Капетингах складывалась королевская администрация, она нуждалась в писарях и законниках, которые были бы одновременно и богословами. Из этой потребности родились университеты, которые поначалу были гильдиями или корпорациями профессоров и студентов. Они возникли из школ при соборах, в которых преподавались семь светских искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Начиная с XII в. Париж становится центром преподавания, знаменитым во всей Европе. Мечтой Абеяра, как всякого образованного человека, было преподавать в Париже, но когда он не смог этого делать в Ситэ, то перебрался на другой берег, на холм святой Женеьевы. Понемногу французские короли поняли, что собрание молодых людей разных национальностей на *stadium parisiense*, пришедших испытать «из этого источника католической веры», создает огромный престиж и для страны, и для ее государя. «Ни в Афинах, ни в Александрии никогда не бывало такого притока студентов» (Г. Ле Бретон). Папы использовали Парижский Университет для распространения святого учения. «Для Святой Церкви наука Парижских школ — как сияющие светочи в руках нашего Господа», — писал Александр IV в 1255 г. Но молодые клирики вели себя крайне вызывающе, они были «всегда готовы разозлить горожанина и соблазнить горожанку, они были обжорами за столом, но мало набожны на церковных службах». Сохранились их письма к родственникам: «Мы просим вас прислать с вручителем данного письма сумму денег, достаточную для покупки пергамента, чернил, чернильницы и других необходимых предметов. Вы же не оставите нас в стеснительном положении...» (цит. по А. Люшеру). Позднее Панург³⁴ продолжит эту традицию.

³⁴ Панург — персонаж романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». (Примеч. ред.)

5. — У Университета не было ни зала для общих собраний, ни своего бюджета. Он не был центром обучения для сыновей дворянства, которые получали образование в своих замках. Греческая или римская элита состояла из воинов, которые в то же время были людьми образованными; в средние века функции были строго разделены: клирик преподавал, молился, управлял, а рыцарь сражался. Робер де Сорбон основал в 1253 г. первый коллеж Парижского Университета — *Общину бедных Магистров и Студентов*. Университеты выдавали дипломы бакалавров искусств, магистров искусств, докторов права, теологии или медицины, и эти средневековые звания сохранились до наших дней в американских университетах, унаследовавших через Англию средневековые французские традиции. В этих школах, в основном духовных, классическому образованию не уделялось большого внимания. Урок представлял собой комментированную лекцию по тексту из Библии или Аристотеля (в английском языке слова *lecture* и *lesson* сохраняют свое первичное значение). Публичные диспуты, или дискуссии по вопросу, выдвинутому магистром, длились иногда по несколько дней. В самом начале схоластики называлось все, что имело отношение к школе. Во времена Алкуина магистр назывался *scolasticus*. Позднее схоластикой стали называть философию средневековых школ. Основным предметом изучения была логика, так как если Бог наделил человека разумом, то, следовательно, цепь правильных рассуждений должна привести к раскрытию тайны мироздания. И тогда становится понятным, что то уважение к абстрактным рассуждениям и склонность к логической ясности, которые Тэн приписывает классическому духу XVII и XVIII вв., зародились во Франции еще в средние века (Э. Жильсон).

6. — Когда мы знакомимся с диссертациями и вопросами, которые обсуждались тогда магистрами, как например «*Sic et Non*» Пьера Абеляра (1079–1142), то нас поражает характер их занятий. «Спасся или нет Адам?.. Были или нет жены у апостолов?» Выдвигая вопросы для дискуссий, Абеляр пытался применить метод Сократа, пробудить умы, однако средневековый ученый, которому истина была открыта в священных книгах, мог зани-

маться только интерпретацией текстов. Но так как он был уже знаком со светскими текстами, так как он восхищался Платоном, а еще больше Аристотелем, он должен был попытаться примирить разум, восхищавший его в аристотелевской логике, со своей верой. Самый большой спор среди философов Средневековья шел о природе общих идей. Является ли идея реальностью, единственной реальностью, как учил Платон, или это всего лишь слово, а реальное есть частное, просто факт? Реалисты и номиналисты спорят с большой тонкостью, и в этих диспутах оттачиваются умы, научный словарь обретает свою точность. Святой Бернар, который упрекает Пьера Абеляра в том, что тот отрицает загадочность и неясность веры, считает, что истинное познание Бога происходит через интуицию, и что тот, кто вкусил этой истинной пищи души, относится с презрением к сухим коркам познания, которые грызет рационалист. Но, кажется, это не убеждает Абеляра: «Смешно, — говорит он, — рассказывать другим о том, чего ни ты сам и никто другой не может понять». В этом Абеляр предвосхищает Декарта.

7. — Все творчество святого Фомы Аквинского направлено на то, чтобы успокоить верующих и показать им, что вполне возможно примирить Аристотеля со Священным Писанием, а разум — с верой: «Истина, — говорит святой Фома, — одна, а следовательно, истина, проистекающая из знания, и истина, проистекающая из веры, должны совпадать». Или же Аристотелева логика неверна, или же она должна подтверждать истину, данную в Откровении, или хотя бы ту часть этой истины, которая может быть доказана. «Ибо некоторые вещи, которые подлинны от Бога, превосходят способность человеческого разума, — например, что Бог един в трех лицах, — тогда как другие вещи доступны даже естественному разуму, например, что Бог существует». Так оказывается разрешенным духовный кризис, который мог бы нарушить равновесие XII в. Святой Фома утвердил веру, но тем же самым он узаконил и научные исследования. Если вера и познание, дух и мир земной, идея и реальность необходимым образом совпадают, то человек имеет право искать истину как в мире земном, так и в Священном Писании. Он может ставить

вопросы перед реальностью, исходя из своих органов чувств и своего жизненного опыта; задачей его рассуждений будет согласовать результаты опыта с традицией, данной путем Откровения. Таким образом, святой Фома предвосхищает современный нам мир. Но в то время как ученый XX в. считает невозможным создавать образ мира, и признает, что не знает общего замысла всего сооружения, что лишь отдельные камни этого сооружения ему пока удалось измерить, святой Фома обращается к Откровению и возводит до божественной истины шпиль своего духовного собора.

8. — В те времена философы и богословы пишут на латыни, но начиная с XI в. во Франции существуют и жонглеры или *trouveurs* (труверы), которые ходили из замка в замок, с одной площади на другую, распевая героические песни на народном языке; в начале это были коротенькие стихи, а потом и длинные героические песни — *chansons de geste*. Хотя это было время Крестовых походов и рыцарям вполне хватало реальных военных дел, им нравились воспоминания о прошлом. Они испытывают ностальгию по Карлу Великому и даже по Александру Великому. Одна за другой появляются «Песни о Роланде»; монахи сообщают исторические детали; каждый трувер создает свою интерпретацию. Влияние на общие нравы этих, повсюду повторяемых песен, закрепленных в головах и ритмом, и созвучиями, было столь велико, что к концу XII в. современный рыцарь начал подражать эпическому рыцарю точно так же, как позднее каждый влюбленный будет подражать Сен-Пре или Вертеру. Героические песни пробуждают воинскую доблесть; личное мужество оборачивается такой гордостью, что доходит до полного отказа от всякой помощи и поддержки; Роланд отказывается трубить в рог, чтобы призвать на помощь Карла Великого, и тем самым обрекает на гибель своих доблестных спутников. И вот этот-то дух героизма, доведенный до абсурдности, и погубит французское рыцарство в битве при Креси. Рыцарь предан своему сюзерену, и его проблемами становятся конфликты, связанные с верностью. Он щедро расточает свое имущество, но крайне дорожит своей честью; всякую обиду он смывает кровью обидчика; он не нарушает слова,

даже если оно дано врагу. Святой Людовик, король-рыцарь, поступает честно с сарацинами и предпочел бы потерять целую провинцию, чем нарушить договор. Если мы вспомним о коварстве франкских королей, нашедшем свое отражение в творчестве Григория Турского, то нравственность, описанная в героических песнях, представляет собой замечательный прогресс. В «Песни о Роланде» мы впервые обнаруживаем упоминание о чувстве патриотизма, любовь к *doulce France* — «милой Франции» (которая, может быть, ограничивается всего лишь территорией Иль-де-Франс, но разве в этом дело?). Эта героическая литература внесла значительный вклад в формирование французской души, и некоторые непроизвольные вспышки гордости у французских героев наших дней очень напоминают все ту же «Песнь о Роланде».

9. — Наряду с героическими песнями во Франции развивается и другая литература, в центре которой стоит Женщина, а сюжетом является Любовь. Откуда этот новый взгляд на женщину? В начале периода феодализма с ней обращались достаточно сурово. Нравы были грубыми. Дочь владельца замка должна была не только помочь рыцарю снять доспехи, приготовить ему постель и помочь искупаться, но и массировать ему тело до тех пор, пока он не уснет («Жерар Руссильонский»). Феодальный брак был деловой или политической сделкой, о любви не было и речи. Иногда супруги настолько не выносили друг друга, что при помощи уловок клириков они искали поводов для аннулирования брака. Это не вызывало больших сложностей, и поэтому многие женщины выходили замуж по три-четыре раза. Короли не проявляли ни капли нежности по отношению к королевам. Алиенора Аквитанская, жена Генриха II, Ингеборга Датская, жена Филиппа Августа, провели часть своей жизни в тюрьме. Но во времена Крестовых походов, во времена длительного отсутствия сеньора, возрос авторитет «дам», так как из мужчин в замках оставались только юноши — пажи — или клирики, знавшие грамоту. У этих мужчин вождение переплетается с уважением; паж или клирик «сублимируют» в стихах свою любовь, которую не осмеливаются провозгласить во всеуслышание. С другой стороны, у людей более богатых появляется больше свободного времени;

они занимаются музыкой в женской половине замка. В очаровательных маленьких двориках замков Лимузена, Перигора, Пуату или Аквитании трубадуры распевают свои стихи под собственный аккомпанемент. Воспеваемая ими любовь — это любовь покорного слуги, любовь полная глубокого уважения, почти религиозная. Они были знакомы с «Искусством любви» Овидия. Празднуются «куртуазные свадьбы», довольно сомнительные по своей сути, во время которых, по крайней мере в теории, завязываются только сердечные и духовные связи, но иногда их освящают духовные люди. Знатные дамы открыто заводят любовника при живом муже — это начало новой традиции. Организуются «суды любви», где сеньоры и дамы откровенно обсуждают важные вопросы: «Кто лучший друг: клирик или рыцарь?» Алиенора Аквитанская внедряет эти куртуазные нравы при французском, а потом и при английском дворе. Великий поэт того времени Кретъен де Труа живет при шампанском дворе, где царствует графиня Мария, дочь Алиеноры. И жена суверена предлагает поэту для стихов тему *Ланселота* — тему любви рыцаря, покорного своей даме. В период Средневековья француженки находятся в авангарде движения женщин за эмансипацию. Куртуазность имеет и другие глубокие и счастливые последствия. Она не только порождает любовные песни и «Роман о Розе», но и налагает некоторые правила поведения в обычаях, что является большим шагом вперед на пути цивилизации. Уже с этого момента закладываются некоторые черты будущей Франции: влияние женщин и то большое значение, которое приписывается любви.

Ничего не стоит пение, если оно не исходит из самого сердца.

*И песнь не может исходить из сердца, если нет в нем глубокой
и нежной любви.*

10. — В то время как в замках и при дворах куртуазность подготавливала приход «цивилизации аристократии» (которая достигнет своего зенита в XVII в.), в городах нарастает недовольство горожан и клириков надменным и часто презрительным поведением рыцаря. Ведь студенты и купеческие сыновья тоже умеют слагать стихи, но тон этих стихов был откровенно насмешливым и

мятежным. Женщина? Послушайте, что говорят проповедники: «В Раю у Адама и Бога была только одна женщина; и не было ей покоя, пока не добилась она изгнания своего мужа из этого сада наслаждения и тем самым обрекла на муки Христа». Другой проповедник живописует женщин бегающими по улицам Парижа «с обнаженной шеей и вываливающимися наружу грудями». Некий анонимный трактат «De ornatu mulierum» («О женских украшениях») живописует женщин с их извечной заботой нравиться. Вот названия глав этого трактата: «Об украшениях для волос», «О украшивании лица», «Об эпиляции», «Об отбеливании зубов», «О том, как делать дыхание приятным», «Об улучшении цвета лица». Можно было воспевать и очарование женщины, прославлять ее власть, но, «оплачивая покупки жен в разных лавках, мужья хорошо знали цену женщины. А в тавернах они обменивались на их счет откровенными признаниями». Горожан забавлял тот поэт, который высмеивал женщину и ее притязания, рыцаря и его заносчивость, или даже самое Церковь — честолюбивых прелатов, теологов, озабоченных своими барышами, христиан, позабывших заповеди Иисуса Христа. Таким образом, возникает целый пласт литературы, получившей название «нравоучительной», которую можно считать противоположностью героическим песням, революцией в зародыше, уравнительной сатирой, по своему характеру столь же французской, как и героическая поэма. Возможно, именно это смешение стилей обеспечивает уравновешенность страны. С этой точки зрения нет ничего более примечательного, чем «Роман о Розе», состоящий из двух частей: первая, — «где всюду царит любовь», — написана Гийомом де Лоррисом, вторая — дидактическая и сатирическая — принадлежит Жану де Мену. Вторая часть «Романа о Розе» — произведение революционное. Привилегии благородных? Но истинное благородство заключается только в сердцах. Все люди равны между собой:

*Как сотворил я их существами единоподобными,
Такими и появляются они при рождении;
По моей воле рождаются они сходными, нагими,
Сильными и слабыми, дородными и мелкими —
Все эти кушанья равны,
Когда речь идет о состоянии человеческого существа.*

У кого нет личных качеств, тот всего лишь «виллан». А сам король? Это великий виллан, призванный защищать страну. Любовь? Это просто естественная потребность, присущая как людям, так и животным, которая не заслуживает ни порицания, ни восхваления:

*Разве заслуживает восхваления
Тот, кто потребляет пищу?*

11. — Нас многое поражает при чтении этой средневековой литературы. Первое — это *неизменность сущности человека*, что не зависит ни от какой эпохи. Нас может ввести в заблуждение необычность событий или одеяний, но под рыцарскими доспехами пребывает все тот же солдат, что и под современным *battledress* (камуфляжем); под средневековым платьем с длинными рукавами — все та же женщина, которую уже описал Овидий или которую позднее изобразит Бальзак. Трактаты о нравственности XIII в. остаются актуальными и сегодня. Откройте «*Le Doctrinal Sauvage*» и вы прочтете: «Если вы уважаете человека, то остерегитесь рассориться с ним из-за пустяка. Если вам говорят о нем плохо, то не верьте и подождите, пока не узнаете всей правды, потому что на многих людей возводят напраслину... Если вы видите безумца в состоянии умопомешательства, то избегайте подстрекать его на людях, потому что он обязательно вас оскорбит...» Мудрость моралиста былых времен, мудрость Соломоновых притчей, мудрость Евангелия и современных моралистов, Монтень или Ален — все перемешивается в трудах различных времен. Второе — *доступность стиля*. Язык еще недостаточно ясен, но ум авторов, точность суждений делают их тексты достаточно легкими для понимания. В этой средневековой Франции уже незримо присутствуют и Лафонтен, и Ларошфуко. Третье — *привлекательная непринужденность* таких историков как Жуанвиль или Виллардуэн не мешает им достигать высот подлинного величия. У скульпторов, украшавших соборы, мы обнаруживаем те же качества, которые позднее находим у Дега или Мане. Сочетание привычного реализма со строгим искусством создает чисто французское смешение стилей.

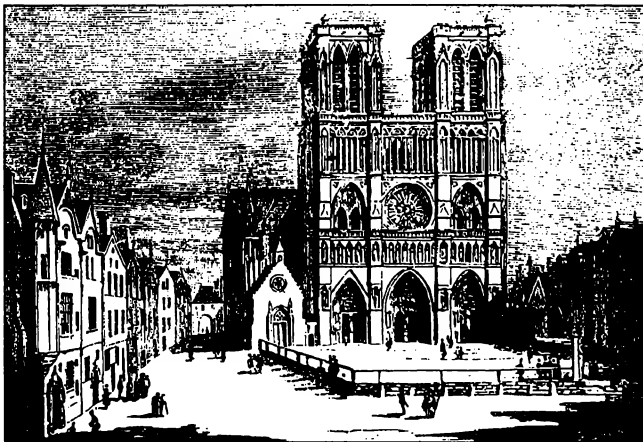
12. — В средние века религия является средоточием всякой мысли, поэтому религиозная архитектура и скульптура, задуманная как вспомогательное по отношению к архитектуре средство, представляют собой основные виды искусства. Вот почему по всей Европе возникают соборы — белые «молитвы в камне», и пример их создания подала Франция. Не подлежит сомнению, что и в Англии, и в Германии верующие подражали французским церквям, *opus francigenum*. Но почему? Потому что во всем христианском мире престиж Франции Капетингов был очень высок. С одной стороны это объяснялось существованием во Франции больших монашеских орденов Клуни и Сито, влияние которых распространялось на всю Европу; с другой — авторитетом на Востоке Людовика Святого и французских принцев; кроме того, это, возможно, объяснялось и славой Парижского Университета. Соборы в романском стиле, изогнутые своды которых еще походили на римские базилики, возводились обычно монастырями и принцами. Когда ясный и упорядоченный нормандский гений стал создавать планы соборов, таких как в Кане (соборы мужского и женского монастырей, церковь святого Петра), то они достигли наивысшей красоты чистых линий. Начиная с XII в. постройка собора становится делом всего города. Он превращается в «книгу народа, у которого не было книг». На его стенах, на его порталах читается истина, данная в откровениях, а капители его колонн иллюстрируют повседневную мораль или вечные муки грешников. «В средние века, — говорит Виктор Гюго, — все наиболее значительное, чего достигал человеческий гений, он записывал в камне». Искусство Средневековья лишено чувственности, это дидактическое искусство. Собор — это «теологический трактат». Для церкви создается музыка: мессы, реквиемы, аллилуйя; и эта музыка анонимна, как анонимна скульптура, ибо ее цель — помочь сосредоточиться на молитве Богу. В те времена всякое искусство является производным от религии, это мистическое причащение Богу и оно должно изображать божественные таинства, ангелов, святых и дьяволов, или же напоминать божественные догмы в символической форме. Так происходит во всех глубоко религиозных цивилизациях, и подтверждением тому может служить буддистское искусство,

которое, подобно христианскому искусству XII в., не интересуется бранным миром.

13. — Слово *готика* очень плохо подходит для обозначения архитектуры великих соборов. Средневековые никогда не говорили о готическом стиле; те, кто в последствие придумали этот термин, хотели отречься от самых красивых зданий западного мира как от варварских символов. Может быть, ее следовало назвать *стрельчатой* архитектурой? Но *стрелка* не значит полуарка и, кроме того, полуарка не имеет в готике абсолютного характера. Дело в том, что, вдохновляясь римскими, арабскими и византийскими источниками, понемногу овладевая техническими навыками в искусстве возведения сводов, французские архитекторы создали чисто свое самобытное искусство строительства религиозных зданий. Соборы, построенные до XII в., называются архаичными, созданные в период с XIII по XIV вв. — классическими, и возведенные в XV в. — пылающими или декадентскими. Техническое открытие (нервюра) позволило перенести давление сводов на внешние опоры и на контрфорсы, что освобождало стены от выполнения их обычного предназначения и позволяло возводить их не из сплошной каменной кладки, а облагораживать витражами и превращать всю церковь в воспарение души к Небесам³⁵. Во всем мире нет более одухотворенного храма, чем собор в Шартре. Собор в Амьене не менее красив, но в нем присутствует буржуазный дух. В его архитектуре ясно ощущается, что при его создании француз из средневековых фаблио сотрудничал с французом-крестоносцем. Иногда на завершение шпилей не

³⁵ «Чтобы поддерживать свод, — пишет Сонье, — они перекидывают по диагонали от одной арки, дублирующей внутреннюю поверхность свода, к другой две выступающие нервюры, которые перекрещиваются в замке свода. Вслед за тем между этими нервюрами можно строить своды и стены из более легких материалов. Археологические исследования неопровержимо доказали французское происхождение стрельчатого оконного проема. *Нервюра* появилась в Иль-де-Франсе. Это новшество, вызванное необходимостью избежать излишнего давления романских сводов, которые часто обрушивались, а также стремлением придать церквям большие размеры, повлекло за собой применение контрфорсов...»

хватало денег, и тогда на вершине башни оставалась плоская площадка, как на соборе Нотр-Дам в Париже. Кстати, необходимо обратить внимание на это название, *Нотр-Дам*³⁶. В те времена особо почитался культ Богородицы, потому что он объединял в себе набожность и куртуазность, Бога и Мать. Этот культ в сочетании с культом Святых придавал религии человеческую теплоту, покорявшую души и помогавшую объединять энтузиазм

Собор Парижской Богоматери

отдельных людей при возведении собора. Но имена гениальных и скромных скульпторов той эпохи остались нам неизвестны. Они соглашались на полную подчиненность архитектору и заполняли своими творениями те ниши и порталы, которые им были указаны. Иногда они лишали тела статуй подлинной материальности, удлиняли их, придавали божественное выражение лицам и улыбкам; иногда они отдавались буйному и сатирическому воображению, чтобы создавать дьяволов и их жертвы. Но они всегда подчинялись общему замыслу творения. Только в XIV в. скульптура обретет самостоятельное от здания существование.

³⁶ Нотр-Дам (Notre-Dame — фр.) — то же, что Богородица, Святая дева Мария. (Примеч. пер.)

14. — Соборы олицетворяют веру религиозной эпохи и местный патриотизм городов или гильдий. Купеческие корпорации идут на расходы по их строительству. В средние века торговля и ремесла были кооперативны. В начале возрождения товарообмена это было вызвано прямой необходимостью, потому что в борьбе с сеньором или при защите от разбойников купцы могли рассчитывать только на объединенные силы своей группы. При такой ситуации интересы отдельной личности подчиняются правилам коллектива. В управляемой экономике Средневековья было запрещено создавать черный рынок, была запрещена скупка товара или продажа сверх установленных цен. Эти правила были легко всеми приняты, потому что они исправно приносили плоды. Проблемы коммуникаций сдерживали развитие рынка, а потому руководить довольно ограниченной экономикой было не трудно. Святой Фома учил, что частная собственность дана человеку только ради блага всего сообщества. Каждый предмет имел «справедливую цену», а наживаться сверх этой цены было тяжким грехом. Церковь запрещала давать деньги под проценты, потому что деньги ничего сами по себе не производили. Но потребность в капиталах была постоянной, и сначала в случае нужды обращались к евреям, которые не следовали законам католической церкви, а позднее — к ломбардцам, которые обходили запрет церкви тем, что брали не процент, а «возмещение убытка» в случае задержки возврата взятых денег. У средневековых купцов и ремесленников были нравственные и общественные обязательства; они образовывали ордена точно в том же смысле слова, что и рыцарство. Целью их жизни было не наживать состояние, а быть угодными Богу и соблюдать закон. Прево парижских купцов был важным лицом, с которым советовался сам король. Горожане, входящие в гильдии, носили одежды, подбитые мехом, столь же импозантные, как и одежды должностных лиц короны. А полуголодный клирик завидовал и тем, и другим.

15. — В этот период немного улучшилась и судьба сельскохозяйственных тружеников. В героических песнях виллан предстает существом низшего порядка, тупым и диким. Но ведь трувер пел только для обитателей замка, а действительность не была столь

однозначной. В начале феодальной эпохи часть поместья, принадлежащую сеньору, его «заповедник» (домен), обрабатывали рабы (пережитки римского периода), а кроме того, существовала и барщина для держателей, которая могла доходить до трех дней в неделю на каждого человека. В средние века рабы исчезли: а) потому что рабство не соответствует христианству; б) потому что оно не рентабельно; в) потому что такие изобретения, как упряжной хомут, сделали ненужным самый тяжелый труд. Виллан — это свободный человек, несущий определенные, но все уменьшающиеся обязанности. К концу XII в. в некоторых поместьях барщина достигала десяти дней в году. «Заповедник» владельца сократился, а земли сдавались держателям. Продажа натуральных продуктов была затруднена, поэтому сеньоры предпочитали получать ренту и арендную плату. Предводитель дружины, некогда военный защитник, превратился в «земельного рантье». *Villa* превратилась в *деревню* (*village*), где каждая семья проживает в принадлежащей ей хижине, которая обычно состоит из одной комнаты, где содержатся и домашние животные, и домашняя птица. Жизнь крестьянской семьи понемногу обретает те черты, которые присущи ей и сегодня, только дети реже ходили в школу, а родители чаще посещали церковь. На ярмарки, сроки проведения которых во многих деревнях соблюдаются еще и поныне, собирались менестрели и жонглеры (в наши дни их заменили карусели и тиры). Иногда на ярмарку забредал монах-проповедник. Но кроме этих случаев, контакты с внешним миром были редки. Все необходимое производилось в поместье; исключение составляли плуги и другие орудия труда, мельничные жернова и ножи — все это закупалось у ярмарочных торговцев. Начиная с XII в. сын серва, если он обладал честолюбием и предприимчивостью, мог освободиться, уйдя в город или поступив в монашеский орден.

16. — Касаясь XII и XIII вв., вполне уместно говорить о французском чуде. В те времена на территории между Альпами и Пиренеями, между Атлантикой и Средиземным морем, сложился действительно новый тип жизни. Эта новая цивилизация многое заимствовала от античных цивилизаций, от еврейско-христиан-

ской цивилизации и даже от некоторых варварских народов. Но в средние века Франция создала из этих несхожих элементов цивилизацию самобытную. Соборы, героические песни, рыцарство, куртуазность — все это небывалые и прекрасные новшества. Звериное человеческое начало, прирученное в античном мире — философами, а на Востоке — религиями, после крушения Римской империи во всей своей жестокости вновь вырвалось на свободу. Следовательно, нужно было предложить ему новые правила, новую веру, политику, манеру поведения и привить новый вкус. С X по XIII в. Франция создала большую часть элементов той цивилизации, которая делает целью жизни, брака, семьи, торговли и искусства не счастье, а спасение души. Влияние этой цивилизации на весь христианский мир было огромно.

VIII. Столетняя война 1. — И искусство, и нравы, и язык французов приобрели ярко выраженные национальные черты. Однако во всем этом сохранялась некоторая двусмысленность положения и некоторая опасность. Мы имеем в виду странный симбиоз королевств Франции и Англии. Уже начиная с Нормандского завоевания, а еще больше со времен Плантагенетов, английская элита была офранцузена. Английские поэты писали по-французски, Алиенора привила английскому двору куртуазность, английские короли вели себя по отношению к дамам (что видно у Фруассара), как французские рыцари. Но все это не оправдывало того положения, что на французской земле сеньорами Гиени и некоторых других земель были англичане. Или оба королевства должна была объединить одна из корон, или требовалась решительная операция, чтобы разрушить эту связь. И в 1328 г. эта задача становится неотложной. Карл IV Красивый умер, не оставив наследника. Ни сына, ни брата. На трон могли претендовать три кандидата: Эдуард III Английский — сын Изабеллы Французской и внук Филиппа Красивого, Филипп из Эвре — муж Жанны Наваррской и тесть Людовика X Сварливого, и Филипп де Валуа — внук Филиппа III Смелого. Этот последний, хотя он был всего лишь кузеном по-

койного короля, победил, потому что «был рожден в королевстве». Генеральные Штаты, с мнением которых благоразумно ознакомились, остерегались наваррца и англичанина. Позднее, чтобы оправдать этот выбор, легисты вспомнили старый закон салических франков, по которому женщины не могли наследовать трон или передавать его по наследству. На самом деле закон салических франков был просто предлогом, потому что все хотели иметь королем француза. Так закончилась прямая линия Капетингов и началась династия Валуа. Франция ничего не выиграла от такой перемены. Капетинги, осторожные королі-политики, имеющие долгий наследственный опыт, создали и укрепили королевство. Первые Валуа, «обретенные короли», как презрительно их тогда называли, парвеню монархии, были заняты в основном феодальным престижем. Филипп VI Валуа, блестящий, импульсивный, но имевший плохое окружение, рассматривал войну как турнир, на котором важно не побеждать, а проявлять мужество и соблюдать правила игры.

2. — Его соперником в Англии был молодой король Эдуард III, который тоже ставил себе в заслугу приверженность куртуазности и рыцарству, но поступки его были отмечены самым жестким реализмом. Его девизом было: «It is as it is...» («Есть так, как есть»), — который он, вероятно, унаследовал от своих предков Капетингов. Он проявил глубокую мудрость, согласился с государственным переворотом Филиппа Валуа и даже принес ему свою клятву верности в отношении Гиени. Покорность была чистой видимостью. Нужно было дать успокоиться «злобе времени», выждать, затаиться и подготовиться. Эта подготовка, что было совершенно новым для того времени, касалась личного состава армии и вооружения. Чтобы противостоять атаке кавалерии феодальных баронов, Эдуард III сделал ставку на бомбарды и, особенно, на лучников. До той поры употреблялись луки с малой досягаемостью и малой силой пробития, они не могли остановить закованных в доспехи рыцарей. Арбалет было слишком долго заряжать. Но Эдуард I во время военных кампаний в Уэльсе открыл для себя длинный валлийский лук, который мог пригвоздить к седлу бедро всадника, одетого в кольчугу. Он сделал

из стрельбы из лука единственное игрище, разрешенное любому подданному, «если он не хромым и не дряхлым», и постановил, что всякий землевладелец, получающий земельную ренту более сорока шиллингов, впредь обязан иметь лук и стрелы. Вот почему для него не представляло никакого труда набрать пехоту. Вот почему в 1340 г. Эдуард III имел самую современную в Европе армию.

3. — Твердое намерение Эдуарда III отстаивать свои права на французскую корону явилось главной причиной войны. А непосредственными поводами послужили подстрекательства мятежных эмигрантов, популярность военной кампании, в которой можно было бы пограбить богатую страну и, особенно, фландрский вопрос — ключ ко всем франко-английским отношениям. Основным продуктом производства Англии была шерсть, а основой промышленности Фландрии — производство сукна. Пастушеская Англия и промышленная Фландрия нуждались друг в друге. Графа Фландрии, Людовика Неверского, поддерживал его сюзерен, король Франции; но фламандские горожане были настроены проанглийски. Когда в 1337 г., окончив свои военные приготовления, Эдуард III объявил войну Филиппу VI, отказался признавать его легитимность и потребовал уступить ему французский трон, то его поддержал город Лондон, которой боялся, что столь необходимая Фландрия подпадет под французское влияние. «Для короля проблема заключалась в наследовании короны Франции; для народа — в свободе торговли. Палата Общин во главе с лордом-хранителем Мешка с Шерстью (лорд-канцлер) проголосовала за войну. Сочетание интересов промышленности и рыцарства придавали событиям странный характер... В эти новые времена уже не существовало простоты Крестовых походов; эти рыцари являются по сути коммивояжерами купцов Лондона и Гента...» (Ж. Мишле). Это совершенно точное описание сложившейся ситуации, но только при том условии, что мы не будем забывать одного важного дополнения: если бы английский король не стремился объединить обе короны, то не было бы и Столетней войны. Однако открыть свои карты Эдуарда III вынудили именно фламандские купцы. Они испытывали тем

бóльшие сомнения по поводу объявления войны королю Франции, своему сюзерену, что некогда обязались выплатить папе два миллиона флоринов, если когда-нибудь свершат подобное вероломство. Фламандец Якоб Артевельде нашел способ совместить нарушение договоров с их соблюдением. Он посоветовал королю Англии присоединить к своему гербу еще и герб Франции. Таким образом, превратившись в подлинного короля Франции, которому они приносили клятвы, Эдуард III стал бы не их врагом, а союзником.

4. — Итак, Столетняя война была войной династической, феодальной, национальной, но главное — она была войной *империалистической*. Когда английские купцы преподнесли в дар королю двадцать тысяч мешков шерсти для оплаты расходов на военную кампанию, то их целью было сохранить для себя обе зоны, столь необходимые для торговли: Фландрию — покупательницу шерсти, и район Бордо — производителя вин, потому что деньгами, полученными в Брюгге и в Генте, они оплачивали бочки вин, поступающих из Бордо. И наконец, следует добавить, что эта война была в Англии популярна еще и потому, что она должна была привести армии в процветающую страну, на запад Франции, где их ждала богатая добыча. Эдуард III и его бароны были «цветом рыцарства», но «их щиты, украшенные гербами, служили знаменем для проведения грабежа», прискорбное описание которого мы находим у Фруассара: «И были англичане три дня хозяевами города Кан; и отправляли они баржами всю свою наживу — сукна, драгоценности, золотую и серебряную посуду и все другие богатства — по их бурному морю... Нельзя и вообразить то изобилие сукна, которое нашли англичане в городе Сен-Ло... Лувье был городом в Нормандии, где шла большая торговля сукном; это был большой и богатый торговый город, но совсем не огражденный стенами; и город был разграблен и разорен...» «Вся Англия до того переполнилась награбленным во Франции, что не было ни одной женщины, которая не носила бы каких-нибудь украшений, или у которой не завелись бы в доме прекрасные простыни и кубки, ставшие частью добычи, присланной из Кана или из Кале...»

5. — Любопытно отметить, как рано в истории проявляются основные черты английской политики и в силу географического положения становятся присущими этой стране: а) Англии необходимо *господство на море*, потому что иначе она не может ни вести торговлю, ни посылать войска на континент, ни поддерживать с ними связь. С первых дней этой войны английские моряки во всем имели преимущество и стали победителями в битве при Эклюзе (Слейсе). До тех пор пока сохраняется это военно-морское превосходство, Англия легко одерживает победы. Несколько позднее Эдуард III начинает более небрежно относиться к своему флоту, а французские и испанские корабли объединяются, и тогда уже их превосходство на море становится для Англии началом ее поражения; б) так как Англия может посылать на континент только относительно малочисленные армии, то она пытается создавать против своих противников *континентальные лиги*, которым она предоставляет субсидии. Так, в начале Столетней войны Эдуард III пытается привлечь на свою сторону в борьбе против Франции не только фламандские общины, но и императора. «Он не жалеет для этого ни золота, ни серебра, и раздаривает большие сокровища и сеньорам, и дамам, и девицам...»

6. — В Гиени у Эдуарда III был плацдарм, но французские мятежники сообщили ему, что Нормандия остается незащищенной. Поэтому четыре тысячи всадников и десять тысяч английских и валлийских лучников были доставлены в Ла Уг на тысяче кораблей (1346). Эта провинция уже несколько поколений не знала войны, она не оказала никакого сопротивления и подверглась полному разорению. В тот момент у короля Англии была только одна цель: совершить рейд по Северной Франции, нагнать как можно больше и вернуться обратно через Фландрию. Но мосты через Сену оказались разрушенными, и он был вынужден подняться вверх по течению вплоть до Пуасси, что дало Филиппу время созвать своих вассалов. Встреча состоялась возле Аббевиля, при Креси. Эта битва оказалась решающей, потому что она знаменовала начало больших военных перемен, которые затрагивали классовые отношения в Европе. Некогда победа конницы варваров провозгласила конец Римской империи и зарождение

феодалного режима. Всадник, рыцарь (*cavalier, chevalier*) — это одно и то же слово и один и тот же человек; в битве при Креси лучшая феодальная кавалерия, какой была французская, потерпела поражение от пехоты, вооруженной валлийскими луками. Рыцари Филиппа VI были безупречно смелы. Но они оказались побежденными, потому что вооружение их инфантерии³⁷ было значительно хуже, потому что они не считались со своей пехотой и просто мешали ей, и еще потому, что они заботились о своем престиже больше, чем о победе, и о своем личном подвиге больше, чем о дисциплине. «Одержимые гордостью и завистью, они без разрешения атаковали англичан, очень мудро построенных в три боевые шеренги» (Жан Ле-Бель). Это был полный разгром. Филипп не осознал глубокого смысла этого поражения, которое на самом деле оказалось революционным. На следующий год, когда Эдуард III установил осаду вокруг Кале, французский король вновь собрал своих рыцарей и приказал узнать у английского короля, армия которого прекрасно укрепилась в ходе осады, какое тот выбирает место для битвы, где обе армии имели бы равные условия. Но Эдуард III стремился к войне, а не к рыцарскому турниру. Он отказался выбирать место и взял Кале, который вслед за тем англичане сохраняли вплоть до царствования Елизаветы. Кале, из которого были изгнаны все местные жители, замененные англичанами, обеспечивал надежное господство над Ла-Маншем.

7. — Папа добился короткого перемирия. Когда война возобновилась, во Франции был уже другой король, Иоанн Добрый, столь же посредственный, что и предыдущий, «медлительный в принятии решения и упрямый в отказе от него». Старший сын Эдуарда, Черный Принц, попытался установить постоянное общение между Бордо и Нормандией. Он дошел до Лангедока, потом вновь поднялся до Пуатье, где разбил французскую армию, которая превосходила его вчетверо. Французская знать все еще отказывалась признать, что появился новый способ ведения вой-

³⁷ Инфантерия (устар. итал. *infanteria*, от *infante* — юноша, пехотинец) — в ряде стран наименование пехоты. (Примеч. ред.)

ны. Сам король Франции был взят в плен, и его сын дофин Карл стал регентом. (Карл был первым заранее назначенным наследником, который стал носить этот титул, потому что в 1349 г. Дофинэ было продано его «дофином» Гумбертом II Филиппу VI, но с тем условием, что титул дофина будет носить во Франции сам суверен или его принц-наследник³⁸.) Войны всегда влекут за собой глубокие последствия во внутренней политике. Даже победоносные, они стоят дорого: на их ведение нужно находить средства; чтобы получать деньги, правительство должно прибегать к займам у своих подданных; цены растут; инфляция ведет к девальвации, которая вызывает недовольство народа. Бунты становятся неизбежностью, следом за армиями идут эпидемии, «Черная смерть» (или испанка) опустошают округу, количество населения уменьшается, не хватает рабочих рук, собственность переходит из рук в руки. Череда этих неизбежных зол сопровождает Францию в английской войне. Поражение в войне означало для монархии и безусловную потерю престижа. На протяжении нескольких месяцев во время регентства дофина Карла Мудрого можно было думать, что так же, как в Англии, где потерпевший поражение Иоанн Безземельный был вынужден согласиться принять Великую Хартию, и французская монархия будет принуждена подчиниться конституционным нормам, и что французы, воспользовавшись ослаблением власти короля, наложат на него ограничения, принятые по их усмотрению. Но если в Англии ограниченная монархия стала изобретением баронов, то во Франции, где дворянство проявило полное отсутствия политического интереса, «возможность сдернуть одеяние, украшенное королевскими лилиями», легла на плечи «третьего сословия». В 1356 г. во время ассамблеи Генеральных Штатов два человека — Робер Ле Кок, епископ Лана, и Этьен Марсель, прево парижских купцов, предлагают реформы, которые сегодня мы назвали бы *демократическими*. При дофине должны были находиться

³⁸ Таким образом, титул «дофин» стал титулом наследника французского престола, владателя области Дофинэ. До перехода этой территории в королевское владение титул дофина носили графы Оверни и Вьеннуа, в гербе которых был изображен дельфин (фр. dauphin). (Примеч. ред.)

три совета, выдвинутые Штатами; а те советники, которые не понравились бы Штатам, подлежали отстранению от своих обязанностей. На протяжении двух лет Штаты собирались постоянно, даже не дожидаясь призыва короля, что являлось очень большой смелостью. Они проголосовали за налоги, но предложения Робера Ле Кока потерпели крах прежде всего потому, что он был человеком короля Наварры, Карла д'Эвре, прозванного Злым — претендента на трон Франции, потому, что об этом стало известно, и потому, что такая неискренность произвела плохое впечатление. Кроме того, крайние трудности в передвижении обескуражили многих депутатов Штатов (Франция была гораздо обширнее Англии); и наконец, подобная попытка заложить основы национальной революции на поражении всегда оборачивается ошибкой. Пленный король не был каким-то великим королем, но он был *Король*, и он был пленник.

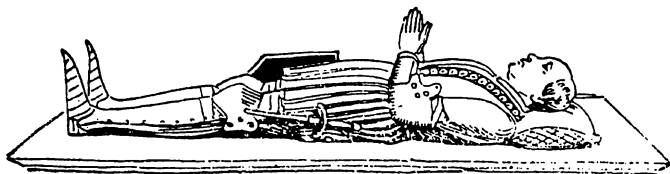
8. — По мнению Этьена Марселья, который был готов пойти на крайние меры, оставалось только одно решение проблемы. Разве не могла бы Коммуна города Парижа управлять государством, опираясь, как это уже происходило во Фландрии, на федерацию других коммун? Марсель считал именно так, а потому он создал в Париже партию, которой подарил в знак признательности колпак, окрашенный цветами города — красным и голубым; эти цвета в сочетании с белым, цветом королевского штандарта, вероятно, уже с тех времен стали предтечей современного триколора. Другие города тоже «приняли колпак». Эта идея коммуны долгое время будет оставаться для Парижа неким наваждением, но Этьен Марсель зашел слишком далеко и тем погубил себя. Он позволил захватить резиденцию короля, и на глазах дофина были убиты два маршала. Тогда «изумленный» дофин выехал из Парижа, решив опираться на провинции. Это точно такая же уловка, какую проделал Тьер в 1871 г.³⁹ В обоих случаях ее ре-

³⁹ Имеются в виду события Парижской Коммуны 1871 г., когда глава французского правительства Адольф Тьер приказал правительственным войскам покинуть Париж и сосредоточиться в Версале для перегруппировки и начала блокады мятежного Парижа. (*Примеч. ред.*)

зультатом было одно и то же: Париж оставался на несколько дней во власти экстремистов. Этьен Марсель завязал более тесные отношения с Карлом Наваррским и даже с англичанами, которые оккупировали всю страну на западе. Вокруг столицы бунтовали крестьяне; в результате военных действий они оказались в бедственном положении, а военные отряды или вооруженные шайки вызывали ужас в деревне. Эта Жакерия (бунт «жаков») была подавлена, и двадцать тысяч крестьян были убиты. Простой народ Парижа негодовал, видя, что английские солдаты стали союзниками прево гильдии купцов, которого повсюду сопровождало «улюлюканье и брань»; потом он был убит. Дофин вернулся в столицу и оказался достаточно мудрым, чтобы проявить милосердие. Наконец он подписал мир в Бретиньи. Король Англии отказывался от своих притязаний на французский трон, но он получал помимо Гиени Пуату, Перигор, Лимузен и некоторые другие провинции. Это было передышкой, но не решением проблемы. Французов принудили к такому решению, но они были слишком французами, чтобы с ним согласиться. «Мы признаем англичан на словах, — говорили они, — но наши сердца их никогда не признают». Времена изменились, и теперь не было и речи, чтобы провинции могли последовать за каким-то одним человеком. Или французское и английское королевство должны были стать одним целым, или они должны были быть разделены самым решительным образом.

9. — Никто не знал этого лучше, чем дофин, который стал в 1364 г. королем под именем Карла V. Он был очень решительно настроен пересмотреть договор в Бретиньи, но сначала следовало реорганизовать и управление государством, и армию. И Карл вполне мог с этим справиться. Этот маленький, слабый человек, набожный и образованный, проявил себя великим самодержцем. Внешне он казался холодным, потому что, как все хилые люди, он берег свои силы, но у него было горячее сердце и глубокий ум. Он отовсюду привлекал ученых, коллекционировал манускрипты, а для практических дел окружал себя специалистами. Он отбросил конституционные идеи Этьена Марселя и правил как рассудительный король, наделенный неограничен-

ной властью. Не колеблясь, он извлекал из безвестности самых знающих экспертов, не заботясь о том, являются ли они представителями буржуазии или дворянами. Он поручил реорганизацию армии некому бретонцу Бертрану Дюгеклену — прекрасному солдату, который проявил себя как в сражениях против

Бертран Дюгеклен (статуя с гробницы в Сен-Дени)

англичан, так и в борьбе против «больших отрядов» вооруженных людей, грабивших деревни, а также и в борьбе против Наваррца. Он освободил Лангедок от «подорожников» — солдат-разбойников — и увел их с собой в Испанию. Так как вооружение французской армии было хуже, чем английской, то Дюгеклен рассудил, что следует отказаться от сражений, дать врагу истощить свои силы, а потом не давать ему покоя и отбивать города постепенно, один за другим. Вскоре Карл вызвал его в Париж и сделал коннетаблем. Одновременно с этим король строил флот в Руане и в Кло де Гале и создавал современную для того времени артиллерию. Когда в 1380 г. он умер, то королевство было почти полностью освобождено от англичан, и это произошло практически без сражений.

10. — Но не существует великих людей, которые не совершали бы больших ошибок. У Карла V был младший брат Филипп Смелый, которому король Иоанн Добрый, их общий отец, дал в апанаж⁴⁰ герцогство Бургундское, одну из самых красивых и самых богатых провинций Франции. Сам принцип этих апанажей был недопустим, потому что он дробил королевство, и ситуация ста-

⁴⁰ Апанаж (от лат. *аррапо* — снабжаю хлебом) — земельное владение или денежное содержание, передававшееся некоронованным членам королевской семьи. (Примеч. ред.)

новилося тем более серьезной, что эти новые феодалы были принцами крови. За сам факт дарения Бургундии Карл V не нес ответственности, но он свершил ошибку, способствуя браку своего брата-герцога с наследницей графства Фландрии, что вело к объединению в одном доме всех французских приграничных провинций, как на севере, так и на востоке. Но если бы Маргарита Фландрская не вышла замуж за Бургундца, то английский король Эдуард III искал бы этого союза для одного из своих сыновей, что приблизило бы англичан к воротам Парижа. Карл V не предвидел того влияния, которое окажет на герцога Бургундского присоединение Фландрии и ее — таких богатых — городов, и что вместо того, чтобы иметь в Дижоне брата-вассала, он обнаружит в Брюсселе враждебно настроенного государя. Когда Филипп Бургундский (через браки своих детей) объединился с семьей Виттельсбахов, которая правила в Голландии, то эта угроза возросла еще больше. Отныне главный центр интересов государства герцога Бургундского перемещался на север. Никогда еще Франция, столь недавно объединенная, не подвергалась бóльшей опасности раскола. Сам феодальный режим, построенный на личной связи конкретной семьи с конкретной провинцией, подчиняющий общественное право праву личному, продолжал порождать гражданские войны. И вскоре во время одного из самых болезненных периодов своей истории Франция сама убедится в этом.

Король Франции
Карл V (статуя
с гробницы
в Сен-Дени)

IX. Столетняя война (II) 1. — Одна из добродетелей монархии состоит в том, чтобы являть народу неоспоримого вождя. Если легитимность короля не подтверждена достаточно достоверно, то монархия перестает быть жизнеспособной формой правления. Несчастье Франции заключалось в том, что в самый драматический момент ее отношений с Англией

законность и авторитет французских королей вызывали много сомнений. Когда умер Карл V, Карлу VI было только шесть лет. Несовершеннолетие короля влечет за собой регентство, опеку, конфликты; дяди короля, и в частности Филипп Бургундский, подвергли королевство разграблению. Репрессии вызвали бунты. Когда король достиг совершеннолетия, он проявил благие намерения и созвал дряхлых советников своего отца, которых прозвали «les marmousets» (уродцы, рожи): так назывались гротескные фигурки на дверных молотках дома. К сожалению, Карл женился на чувственной и опасной иностранке Изабелле Баварской. Он любил ее, создал для нее жизнь, пронизанную атмосферой праздника, имел, вероятно, основания для ревности, постоянно тревожился, переутомлялся и, будучи слабым от рождения, потерял в результате рассудок. Иметь сумасшедшего короля — это тяжелое бедствие для страны, а иметь короля, безумие которого перемежающееся, — это наихудшее из бедствий. Потому что невозможно ни уважать его, ни сместить. В окружении несчастного Карла VI его власть постоянно оспаривалась его дядей, герцогом Бургундским, и его братом, герцогом Орлеанским. Людовик Орлеанский был молод, образован, находился под обаянием искусства Италии, потому что был женат на Валентине, принадлежащей к дому Висконти Миланских. Его оргии шокировали окружающих, и поговаривали даже, что он был любовником королевы Изабеллы, своей невестки. Иоанн Бесстрашный, став герцогом Бургундским после смерти Филиппа Смелого (1404), убил своего орлеанского кузена (1407). И тогда разразилась одна из тех гражданских войн, яростных, непонятных и бессмысленных, которые так часто раздирали Францию. Орлеанская и бургундская партии восстали друг против друга. Первую возглавил Бернар д'Арманьяк, потому что его дочь вышла замуж за нового герцога Карла Орлеанского. Иоанн Бесстрашный заручился поддержкой Парижа, где в силу прихотливого союза студенты Университета и мясники провозгласили себя «бургундцами», потому что Сорбонна была признательна герцогу за то, что он занял одинаковую с ними позицию в деле папского раскола и поддержал папу Римского против папы Авиньонского; а мясников Бургундец привлек на свою сторону подарками и милостями. Но этот «ученик

чародея» очень скоро раскаялся, когда увидел, что народное волнение, которым он не мог уже управлять, пошло на спад. Но злоупотребления имели свой обычный результат: и горожане, и Университет, почувствовав отвращение к своим жестоким союзникам, перешли на сторону арманьяков. Однако к этому времени ситуация уже вышла за рамки внутренней проблемы.

2. — Гражданская рознь отдает страну на милость врага. Когда в 1415 г. Генрих V Английский понял, что Франция раздираема распрями между орлеанской и бургундской партиями, а управляет ею от имени сумасшедшего короля молодой дофин, лишенный друзей, то вновь цинично выдвинул старые претензии Эдуарда III на французский трон. Будучи очень отдаленным наследником Плантагенетов, он не имел на это никакого права, но потребовал в жены Екатерину Французскую, дочь Карла VI, а вместе с ней и самые прекрасные французские провинции. Эти требования были слишком абсурдны, чтобы их удовлетворила даже такая несчастная страна, какой была в тот момент Франция. Война стала неизбежной. Можно подумать, что какое-то стойкое наваждение подталкивало Генриха V повторить военную кампанию своего прадеда. Как и тот, он высадился в Нормандии. У него было только две тысячи пятьсот вооруженных рыцарей, их свита и восемь тысяч лучников. Всего со слугами и обозами не больше тридцати тысяч человек. Несмотря на отчаянную оборону, он овладел Арфлером, большим арсеналом, расположенном на западе, а затем, послав вызов дофину, решил идти на Кале и пересечь Сомму в Бланш-Таш через тот же брод у Креси. Это был рискованный замысел, но французское дворянство оставалось разобщенным; вероятно, они предоставили англичанам ту неделю, которая была им необходима, чтобы дойти до Кале. «Самым главным было не вызывать недовольства населения по пути следования. Поэтому король выполнил совершенно буквально те прекрасные ордонансы Ричарда II, которые касаются соблюдения дисциплины: под страхом быть повешенным запрещается насиловать женщин и грабить церкви; под страхом отсечения головы запрещается призывать к резне (та же казнь ждет того, кто обворует купца или маркитанта);

подчиняться капитану; под страхом быть арестованным и лишиться коня приказывается размещаться на ночлег только в указанных местах...» Брод оказался под защитой, и тогда Генрих V поднялся выше и там при Азенкуре встретился с французской армией. Произошло ужасное сражение, во время которого французская кавалерия, смелая, но ничему не научившаяся и не сделавшая никаких выводов из уроков Дюгеклена, подверглась стрелам лучников и была искромсана в куски войсками английского короля. В этой битве (1415), одной из самых кровавых за все Средневековье, погибло десять тысяч французов.

3. — Несмотря на эту победу, Генрих со своей маленькой армией не смог бы овладеть Францией без французского пособничества. Но когда в 1417 г. англичанин захватил Нормандию, а ее жители воззвали к королю Франции, то коннетабль д'Арманьяк ответил, что он занят борьбой с бургундцами. А Иоанн Бесстрашный склонял жителей Руана договариваться с англичанами, с которыми был тесно связан в силу интересов своих фламандских подданных. Произошедшее в Париже восстание, которое сопровождалось тысячами жертв, отдало город в руки бургундцев. Дофин был вынужден бежать, и в тот момент, когда примирение между Бургундией и Францией, кажется, было еще возможно, Таннеги дю Шатель, друг дофина, убил Иоанна Бесстрашного на мосту Монтере (1419). Позднее один дижонский монах, показывая Франциску I продырявленный череп Иоанна Бесстрашного, сказал: «Сир, вот та дыра, через которую англичане проникли во Францию...» Париж и бургундцы клялись теперь *никогда* не признавать дофина. В договоре в Труа (1420) Изабелла, сообщница бургундцев, принудила своего душевнобольного супруга отдать в жены Генриху V Английскому их дочь Екатерину и сделать его регентом Франции, а потом и наследником королевства. А дофин, устранный, изгнанный, непризнанный, был вынужден защищаться на пространстве между Сеной и Луарой. Нищета Франции была ужасающей. Волки бродили даже по улицам городов. Вся страна, говорит Ален Шартье, превратилась, кажется, в некое море, «где каждый имел столько прав, сколько у него было силы». И все же французы не собирались становиться анг-

Договор в Труа (1420 г.)

личанами. В 1422 г. с промежутком в три месяца умерли Генрих V и Карл VI, и герольд Франции провозгласил в Сен-Дени: «Да благословит Бог долгой жизнью Генриха VI, Божьей милостью короля Франции и Англии!» Но народ оплакивал несчастного сумасшедшего короля, который худо-бедно, но все же олицетворял национальную независимость.

4. — Никогда еще положение в стране не было столь удручающим. Франция почти перестала существовать в качестве свободной страны. Английский регент герцог Бедфорд правил в Париже. Приверженность к двум властям раздирала нацию. С одной стороны — десятимесячный ребенок Генрих VI, который не был французом; с другой — новый король Карл VII, которого все еще называли дофином или «королем из Буржа⁴¹», потому что он не был помазан. Карл VII был набожным и нерешительным. Навязчивое сомнение лишало его всякого мужества в борьбе за свое наследство: был ли он подлинным наследником дома Франции? Беспутство его матери Изабеллы вполне оправдывало такие сомнения. У него было мало денег и мало солдат. Но его поддерживала воля французского народа. Когда этот народ ощущает справедливую цель, то для победы готов пожертвовать всем. Тогда по всем деревням страны право короля обретает дотоле неизвестных друзей. Тщетно Бедфорд старался завоевать

⁴¹ В г. Бурже находился двор дофина. (Примеч. ред.)

доверие французов, выказывая себя «пристойным и добрым управителем». Что бы он ни делал, он оставался англичанином. Французы с трогательной горячностью выражали желание иметь французского короля. Но что могли они сделать? Бедфорд, хозяин севера Франции, предпринял завоевание центра и осадил Орлеан. Но город защищался тем более героически, что Карл Орлеанский, его сеньор, находился в английском плену, а по феодальному праву большим преступлением считалось нападать на феода, оставшийся без своего сеньора. По этой причине жители Орлеана надеялись, что Божий суд будет на их стороне, и что они будут освобождены. Но кем? Вот тогда-то и появилась Жанна д'Арк.

5. — В марте 1429 г. девушка, пришедшая в Шинон из Лотарингии, попросила встречи с дофином. Она была «крепкая, немного загорелая, незаурядной силы, но обладала скромными манерами и женским голосом». Крестьянская дочь, «пастушка», она гоняла на пастбища скот своего отца. В деревне Домреми все вокруг нее сожалели, что королевство Франция захвачено врагом; но несмотря на поражение, народ все еще не терял надежды. Предсказывали, что Франция, погубленная женщиной (королевой Изабеллой), будет спасена девственницей. Жанна была очень набожной; однажды, когда она пасла стадо, то услышала голоса и увидела, как появились в «ярких потоках света» архангел святой Михаил, святая Екатерина и святая Маргарита, которые повелели ей пойти к дофину и освободить Орлеан. «Раз так повелел Господь, то так тому и быть», и в конце концов, она добилась, чтобы ближайший к ним королевский капитан из Вокулера снабдил ее военными доспехами и отвел в Шинон, где тогда находился Карл. Удивителен уже тот факт, что деревенская девушка сумела убедить бывалого солдата, но вся история Жанны д'Арк — это бесконечная вереница самых удивительных чудес и вместе с тем такая же бесконечная череда самых разумных политических действий. Непосредственные задачи, которые ставила перед собой пастушка из Лотарингии, были самыми насущными и неотложными. Она хотела: а) вернуть дофину уверенность в законности его происхождения — и она могла в этом преуспеть,

потому что сам дофин был очень набожным и верил в небесные голоса; б) освободить Орлеан, потому что эта символическая победа вернула бы французскому народу веру в свои силы; в) короновать дофина в Реймсе, потому что елей из святого сосуда с миром обеспечил бы в глазах всех верующих законность новой власти.

6. — Всем хорошо известна история Жанны: как она была приведена в замок, как тотчас обнаружила короля, который прятался среди своих придворных, и, обратившись к нему с приветствием, назвала его «любезный дофин». Необходимо помнить, что Карл был благочестив, знаком с предсказаниями, а потому был крайне взволнован, когда Жанна уверила его в законности его происхождения: «От имени Господа нашего говорю тебе, что ты есть подлинный наследник Франции и сын короля...» И с этого момента Карл уверовал в миссию Жанны, «потому что нужно верить ей, чтобы верить самому себе». Сама Жанна никогда не сомневалась в том, что слышала голоса, а потому она, такая слабая, потребовала от мощной английской армии очистить Францию: «Король Англии и вы, герцог Бедфорд, который называет себя регентом Франции, верните Девственнице, посланной Богом, ключи от всех добрых городов Франции, которые вы захватили и разграбили... И если вы, король Англии, этого не исполните, то я, военный предводитель, где бы я ни нашла ваших людей во Франции, заставлю их уйти, хотя бы они того или нет...» Она получила от дофина маленькую армию, вошла в Орлеан и освободила город под пение *Veni Creator*. Она приказала вышить для себя штандарт: на косых треугольниках орифламмы были помещены слова «Иезус Мария» и королевские лилии. Королевские лилии и христианство — с безошибочным инстинктом Жанна опиралась на две эти силы, которые воссоединили Францию. Ненавидела ли она англичан? Нет, для этого она была слишком хорошей христианкой: «Но я точно знаю, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, что здесь умрут и останутся». Итак, никак нельзя сказать, что она ненавидела англичан, она их даже приглашала объединяться с французами для нового крестового похода. Но английский регент не мог допустить, чтобы какая-то

святая девица вмешивалась в замыслы Англии. Бедфорд заявляет — и сам верит в это, — что она колдунья. Однако она поступает как благонравная француженка. Понимая, что все несчастья королевства проистекают от неутихающей злобы, она молит о всеобщем прощении французами друг друга. Она пишет сначала герцогу Бургундскому: «Если вам нравится воевать, то идите на сарацинов», а потом — постоянно колеблющемуся и чего-то опасавшемуся Карлу: «Наш дофин, не нужно стольких и таких долгих совещаний! Следуйте за мной и придите в Реймс, чтобы получить причитающуюся вам корону... Почему вы сомневаетесь?»

Жанна д'Арк во главе армии

Но время уходило на «приготовление пира»; ла Тремуйль, профессиональный воин, враждебно настроенный против Жанны д'Арк, старался настроить против нее и Карла и расстраивал все ее замыслы. Но Девственница не переставала твердить, «что она продержится только один год» и что нужно спешить. Ее поход на Реймс начался с взятия Труа и оказался просто военной прогулкой. Во время коронования (17 июля) она со своим стягом в руках стояла возле короля. Свою миссию она выполнила за пять месяцев. «Любезный король, — сказала она, — ныне исполнилась радость нашего Господа, который возжелал, чтобы вы пришли в Реймс для вашего достойного коронования, показав, что вы и есть истинный король и тот, кому должно принадлежать королевство». В этот торжественный день Жанна была мрачно груст-

на: «Я хотела бы, — сказала она, — если угодно то будет Господу моему создателю, чтобы дозволено мне было отказаться теперь от ратных дел и вернуться к отцу моему и матери моей, дабы служить им и пасти их овец вместе с сестрой моей и братьями моими, которые возрадовались бы, увидев меня вновь...»

7. — В глазах англичан и бургундцев Жанна была колдуньей и еретичкой. Как иначе, если не с помощью дьявола, могла она так быстро и без большой военной силы победить англичан? Теперь она вознамерилась отвести короля в его столицу. Но во время атаки в сентябре 1429 г. Жанна была ранена в бедро. Тогда советы ла Тремуйля, призывавшие к выжидательности, задержали Карла VII, ни в чем не уверенного и трусливого по природе. Жанна вернулась к армии и была схвачена под городом Компьен, потому что за ней, возможно из-за предательства, были закрыты ворота города. Захваченная в плен бургундцами графа Люксембургского (23 мая 1430 г.), она была продана англичанам, которые предали ее церковному суду. Хотя Девственница и была обречена заранее, суд длился целых пять месяцев. Пьер Кошон, епископ Бове, который руководил допросами, собрал вокруг себя в церковном суде вице-инквизитора, каноников и аббатов Руана и более дюжины адвокатов. Некоторое количество магистров Парижского Университета выполняли обязанности заседателей. Семьдесят пять судей собрались для того, чтобы своими вопросами привести в замешательство девушку, закованную в цепи. «Англичане, — говорит Ковиль, — приписывали этому событию огромное политическое значение; если бы она была осуждена Церковью, то ее завоевания стали бы святотатством, а английское дело было тесно связано с делом Церкви». Священники и светские лица, англичане и французы сговорились отправить Жанну на костер. Так как осуждения требовали государственные мотивы, то было совершенно очевидно, что оно было предreshено уже до того, как начался процесс. Вызывающие восхищение ответы Жанны д'Арк, которые превратили этот допрос в документ величия духа, убедили бы непредвзятых судей в ее истинной вере и в патриотизме. Необразованная девушка, почти ребенок, нашла ответы столь прекрасные и столь невинные, что даже этот зловещий трибунал

Изображение короля Карла VII
в доспехах (XV в.)

был иногда ими смущен. Но тем не менее она была приговорена к костру и 30 мая 1431 г. сожжена живьем в Руане на площади Старого Рынка. Ей было 19 лет. Карл VII ничего не сделал для ее спасения. И выжидал еще пятнадцать лет для ее оправдания.

8. — Великие мира сего, вознесенные на высокие посты усилиями других людей, легко верят в то, что только их личные заслуги принесли им победу. Неблагодарность — это свойство, присущее королям. После смерти Жанны, Карл VII — le Bien

Servi⁴² — нашел для освобождения Франции других хороших солдат: Ришмона, Ла Гира, Ксентрайя и Дюнуа, Орлеанского Бастарда. Но те никогда не достигли бы цели, если бы Жанна не вовлекла их в это освободительное движение. Она создала духовное единство Франции. В 1435 г. Филипп Добрый Бургундский подчинился королю. Окончилась гражданская война. В 1436 г. Париж примкнул к королю, который торжественно вступил в свою столицу, но задержался в ней недолго. Карл VII не любил этот город, «который навевал на него неприятные воспоминания». Провинция за провинцией все королевство было отвоевано: в 1450 г. — Нормандия; в 1453 г. — Гиень; не оставалось больше англичан и в Гаскони. Они были «изгнаны из Франции», и в их владении оставался только город Кале.

9. — Жанна д'Арк навсегда осталась для французов символом самого святого патриотизма. Этому способствовало все: ее молодость, ее смелость, ее вера, безнадежное положение, в котором находилась страна в тот момент, когда она взялась за ее спасение, чудо ее успеха, вся эта победа пастушки над торжествую-

⁴² Дословно — «которому хорошо служат», «за которого все делают» (фр.).
(Примеч. ред.)

щим врагом, но особенно, конечно, — костер и ее мученическая смерть. Из-за этой несправедливой казни в народном сознании она оказалась приобщенной к христианским святым. Как и они, Жанна д'Арк была ниспослана Богом; она предстала как самый яркий символ той защиты, которую Христос оказывал дочери своей — Церкви. Как сказал Наполеон, она доказала, «что нет такого чуда, которого не свершил бы французский дух в обстоятельствах угрозы национальной независимости». Она так глубоко воплощала образ национальной героини, что в тот день, когда новые арманьяки и новые бургундцы вновь разделили Францию, они настаивали на том, что Жанна олицетворяет именно их партию: левые приписывали ее образ себе, потому что это дочь народа, а правые — потому что на ее знамени были начертаны королевские лилии. Анатолий Франс, свободный антиклерикальный мыслитель, который видел в Жанне д'Арк всего лишь невротичку, подверженную галлюцинациям, и простенькую душу, управляемую священниками, написал, тем не менее, о ней такие слова: «Ей пришла в голову мысль восстановить дофина в правах наследства. Ради этой идеи она отдала свою жизнь. И как раз этим она и послужила своему делу, а ее преданность осталась в веках бессмертным примером. Это было то мученичество, без которого люди не могли бы создать в этом мире ничего величественного или полезного. Города, империи, республики покоятся именно на таких жертвах. А потому справедливо и с полным основанием Жанна превратилась в символ вооруженного отечества...» Она представляет собой самый удивительный пример чуда, которое может свершить воля при поддержке веры.

**Х. О том, как Франция
восстановилась
и расширилась после
Столетней войны**

1. — Столетняя война разорила страну, ослабила короля, оживила надежды крупных удельных вассалов, которые создавали государства в государстве.

Для восстановления Франции Карлу VII хватало ума, но не доставало характера. Ему хорошо служили, что доказывает, по крайней мере, его умение хорошо выбирать своих слуг. Прежде

всего, следовало реорганизовать армию и финансы. Были уничтожены шайки разбойников, грабившие страну на дорогах. У короля появились ордонансные роты, которым он платил жалованье; феодальное рыцарство превратилось во вспомогательный резервный отряд. По примеру Англии любой церковный приход королевства должен был поставлять от каждых пятидесяти дворов одного лучника, который был избавлен (или *был волен*) от налоговой талли, зато был обязан в назначенные сроки проходить период сборов. Эти *вольные лучники* образовывали второй резерв. Артиллерия, будучи полностью на содержании короля, обеспечивала силу, необходимую в борьбе против донжонов крупных вассалов. Чтобы тренировать эту постоянную армию, в 1439 г. Карл VII добился от Генеральных Штатов постоянной талли в 1200 тысяч ливров. И здесь расходятся политические пути Англии и Франции. Англия, дорожающая своими свободами, чувствуя себя в безопасности за преградой морей, с момента принятия Великой Хартии заявила своим королям: «Нет обложению налогом без объяснений!» Франция, всегда находившаяся в опасности и только что избежавшая угрозы исчезновения, соглашается на предоставление своему королю армии и постоянных налогов. Разве могла бы она отказать? Прежде всего, необходимо, чтобы она была защищена. У Карла VII были, конечно, свои недостатки. Он открыто жил со своей любовницей, красавицей Агнессой Сорель, владелицей Фроманто и замка Боте, от которой у него было четверо дочерей. После смерти Агнессы он являл мало поучительное зрелище похотливого старика. Он проявил черную неблагодарность по отношению к некоторым из своих лучших советников. Но он оставил после себя счастливую и сильную Францию.

2. — Вызывает крайнее удивление та быстрота, с которой король из Буржа вновь стал не только королем Франции, но и одним из самых сильных европейских суверенов. Когда у Франции появился шанс, ее быстрый подъем и жизненные силы поразили весь мир. Всего через несколько лет после скитаний в роли почти непризнанного дофина Карл VII предстал как арбитр Европы. Владислав Венгерский писал ему: «Ты — столп христианского

мира». Благодаря деятельности одного крупного негодичанта из Буржа, Жака Кёра, который, начав с нуля, сумел обогатиться на торговле ценными металлами, а потом основал торговые конторы по всему Леванту, нельзя было увидеть «в Восточном море ни одной мачты, которая не несла бы флага, украшенного королевскими лилиями». Крестовые походы рыцарей не сумели обеспечить Франции защиту Святых Земель; ее обеспечили походы купцов. Жак Кёр, капиталист и спекулянт, был финансистом, затем королевским послом вплоть до того момента, когда лживые обвинения и зависть, вызванная происхождением его богатства, не привели его к неминуемой опале. Заключив союзы за рубежом, Карл укрепил свое положение для неизбежной теперь борьбы против «сиров королевских лилий», то есть крупных вассалов королевской крови. Этот параллельно существующий феодальный мир (Бургундия, Анжу, Бурбон, Бретань, Альбре и т. д.) не считался с королевским авторитетом. Герцоги Бургундские, «великие западные герцоги», владели практически целым королевством, и им не хватало только титула королей. Помимо Бургундии, которую Филипп Смелый получил в апанаж от своего отца Иоанна Доброго, герцоги через брак владели Фландрией и всеми Нидерландами вплоть до Соммы. В столице Дижоне у них был двор, при котором французская культура была представлена в те времена лучше, чем в Париже. Под боком у Франции создавалась самостоятельная страна, новая Лотарингия. Герцог Бургундский основал (в 1429 г.) Орден Золотого Руна, рыцарское братство, авторитет которого достиг европейских масштабов. На призыв Карла VII приехать заседать в качестве пэра Франции Филипп Добрый (Бургундский) гордо ответил: «Я приеду, но с сорока тысячами человек». Из осторожности король Франции освободил его от этой чести. Это был опасный сосед. В 1440 г. крупные вассалы подняли против короля мятеж, получивший название *Прагерия* — намек на гуситские восстания в Праге, — к которому присоединился и дофин, будущий Людовик XI. Непокорный королевской и отцовской власти, дофин Людовик укрылся у Филиппа Бургундского. «Мой бургундский кузен сам не знает, что делает, — с горечью заметил Карл VII, — он выкармливает лиса, который съест его кур». Отец слишком хорошо

знал своего сына; он подозревал, что тот отравил Агнессу Сорель. Хотя Карл и считал Людовика способным на отцеубийство, но, тем не менее, оставил ему безупречное наследство. Король подавил в себе обиды простого человека.

3. — Людовик XI известен в истории по двум причинам. Первая заключается в том, что он был странной, необычной личностью, вызывавшей любопытство историков и вдохновлявшей рома-

нистов и драматургов: Вальтера Скотта, Казимира Делавиня, Теодора де Банвиля. Вто-

рая причина заключается в том, что несмотря на свои ошибки, он был великим

королем, успешным и реалистичным политиком. Лишенный каких бы то ни было рыцарских и феодальных черт характера, он не держал данного слова и не верил клятвам других.

Будучи плохим сыном, он опасался и своих собственных детей. Он полагал,

что «каждый человек имеет свою цену», и когда было нужно, платил эту цену. Он

давал десять тысяч экю в месяц своему врачу, чтобы тот был заинтересован в продлении его жизни. Зная «склонность англичан к войне против этого королевства» и опасаясь создания нового англо-бургундского союза, он пообещал английскому двору выплачивать настоящую дань — пятьдесят тысяч экю королю и шестнадцать тысяч министрам, плюс подарки в виде серебряной посуды. Такими торгами он окончательно завершил Столетнюю войну, которая под пеплом все еще продолжала тлеть (договор в Пикиньи от 1475 г.). Он стерпел, что король Англии Эдуард IV именует себя королем Франции, и когда писал ему, то называл себя просто принцем Людовиком. Он всегда был готов унижаться, если ощущал себя более слабым, но жестоко мстил, как только вновь обретал силу. Попад в плен, он обещал повиновение, освободившись — потребовал покорности. Но он любил достойных людей, требовал, чтобы его обо всем информировали, и обладал здравым смыслом. Опасаясь людей знатных, он

Король Франции
Людовик XI (XV в.)

окружал себя представителями буржуазии и простыми людьми (Оливье ле Ден, Тристан Затворник). В конечном итоге он стал ненавистен и феодалам, с которыми боролся, и мелкому люду, с которого взимал «большие и тяжелые налоги», ибо к моменту своей кончины он собирал ежегодно четыре миллиона семьсот тысяч ливров для нужд артиллерии и прочих подобных надобностей. Но ненависть народа была несправедливой, потому что король не наживался сам: «он не накапливал деньги в казне, а тратил все, что собирал. Он вел широкое строительство для укрепления и обороны городов и крепостей королевства». Даже «когда он отдыхал, его ум продолжал работать... Когда он вел войну, то мечтал о мире или перемирии, но когда добивался мира или перемирия, то тяготился ими...» (Филипп де Коммин)⁴³. Его сравнивали с пауком, он и в правду сидел в центре своей паутины — в Париже или в Плесси-ле-Тур, — готовый бежать по своим паутинкам и схватить неосторожную мушку, а нанеся удар, возвращался в центр своей сети.

4. — С момента восшествия на трон он создал врагов, грубо выгнав советников своего отца. Знатные люди королевства создали против него лигу, названную Лигой Общественного блага, «чтобы привести все в порядок и защитить бедных людей». Если бы герцоги Бургундии, Бретани и Берри объединились, то с помощью англичан они смогли бы поставить под угрозу существование королевства. Но у англичан шла в это время гражданская война, а Людовик XI унаследовал после своего отца спасительную регулярную армию. «Король Франции всегда начеку», — с сожалением говорили мятежники. И однако Людовик, которому с трудом удалось отстоять Париж, решил «навести покой». Он надавал обещаний своим врагам, затем внес раздор в их ряды, чтобы забрать свои обещания обратно. Самым опасным из крупных вассалов был, как всегда, герцог Бургундский Карл Смелый. Людовик XI согласился встретиться с ним в Перроне, чтобы «обсудить свою шерсть и свою шкуру». И там лис попал в ловушку. Тогда король, пленник герцога, пообещал все, что

⁴³ Здесь и далее пер. с фр. Ю. П. Малинина.

тот потребовал, однако, оказавшись на свободе, стал все отрицать, угрожать и запугивать. Мы уже говорили, что он никогда не чувствовал себя связанным клятвой. «У кого успех, тому и честь», — говорил он.

5. — Он добивался успеха хитростью, но кроме того, ему сопутствовала удача. Карл Смелый был побежден швейцарцами при Грансоне, а годом позже убит в битве при Нанси. Его двадцатилетняя дочь Мария Бургундская унаследовала его личное состояние и земли Империи⁴⁴. Следовательно, французские провинции, отданные некогда в апанаж, за неимением наследника мужского пола возвращались короне. Таким образом, благодаря счастливому стечению обстоятельств, в 1477 г. Людовик вернул себе Бургундию и Пикардию. Чтобы вернуть и остальное, он попытался женить своего сына, которому было в то время семь лет, на Марии Бургундской. Попытка оказалась тщетной. Мария вышла замуж за Максимилиана Австрийского, который обеспечивал ей поддержку императора. Но во всяком случае, Бургундия становилась отныне прекрасной французской провинцией, а не королевством-соперником. Франция счастливо избежала страшной опасности: получить у себя под боком возникновения новой Лотарингии. Однако в этом деле оставалась одна трудная проблема — проблема Фландрии. Герцоги Бургундские превратили Брюссель в свою столицу и офранцузили часть Фландрии. Принеся эти земли в качестве приданого Максимилиану, Мария способствовала началу долгого соперничества между Францией и Империей. Северная граница Франции будет оставаться и до наших дней одной из тех болевых точек, где завязываются европейские кризисы. На этих границах Франция остается опасно уязвимой: немцы страстно желают получить эти земли, потому что там впадает в море Рейн; Англия ревниво за ними следит, потому что Антверпен расположен совсем близко от ее побережья. Столкновение всех этих притязаний создает опасный водоворот.

⁴⁴ Восточная часть Бургундии — графство Бургундия (Франш-Конте) — входила в состав Священной Римской империи. Её и унаследовала Мария Бургундская. (Примеч. ред.)

В 1482 г. Мария Бургундская умерла, упав с лошади. У нее остался сын (Филипп Красивый) и маленькая двухлетняя дочь, Маргарита Австрийская. Людовик XI добился, чтобы эта крохотная девочка была помолвлена с его сыном, дофином Карлом (будущим Карлом VIII). Было оговорено, что она получит в приданое Франш-Конте и Артуа. Это была большая победа. И еще одна бескровная победа: в 1480 г., после смерти короля Рене и его племянника Карла Анжуйского, Мен и Анжу вновь отошли к Франции. Людовик XI одного за другим хоронил своих соперников: это самый надежный способ одерживать над ними верх. Можно сказать, что он «складывал в свою корзину фрукты, которые созревали в его саду».

6. — Он умер могущественным, но трепещущим от страха. Картина последних лет его жизни, нарисованная Коммином, окрасила для историков в определенные цвета и всю его жизнь целиком. Отсюда и его портрет, нарисованный черными красками. Романистам нравится изображать его в замке Плесси-ле-Тур, одетым в грубые суконные одежды, в меховом колпаке, с которого свисают фигурки из свинца; он окружен арбалетчиками и лучниками, а на ветвях деревьев раскачиваются повешенные — «Это сад короля Людовика». Он ходил смотреть на клетки, в которых томились его враги, но и сам пребывал в клетке, оставаясь узником своих страхов. Откуда столько подозрительности? Мучился ли он угрызениями совести? Конечно, он душил налогами свой народ, но делал он это только для того, чтобы лучше этот народ защитить. Он был суров с феодалами, но зато вновь собрал Францию воедино. Он провел полезные реформы, стремился к упорядочению системы мер и весов, советовал уничтожить плату за проезд по внутренним дорогам страны (внутренние торговые пошлины), создал почтовые станции на расстоянии каждых четырех лье. Он поощрял торговлю и даже высказывал желание, чтобы это занятие, как и в Англии, не рассматривалось бы дворянством как унижающее его достоинство, но в этом начинании он потерпел неудачу из-за спесивой надменности феодалов. Короче говоря, он был велик в своих помыслах, но мелок в своих методах. «Душа низкая и недостойная

королевского величия», — говорит Боссюэ. Однако это не совпадает с мнением Коммина, который хорошо его знал. «Я всегда видел его в трудах и заботах», — и он показывает, что король, если случайно оказывался без дела, искал себе занятие и в любую погоду гонялся на охоте за оленем, чтобы вернуться утомленным и всегда на кого-то в гневе. Это скорее признак души беспокойной, чем низкой. Да и как он мог бы не испытывать раздвоенности, этот наследник королей-рыцарей, которого ссоры со своим собственным отцом, а потом с герцогом Бургундским, с юности научили недоверию и ненависти? Король-делец со всеми недостатками горожанина, но и со всеми его достоинствами, который, в сущности, только и занимался, что делами страны. «Он принял добродетельную смерть, — говорит Коммин, — гораздо более добродетельную, чем кто бы то ни было другой, кого я видел умирающим». Еще при жизни он назвал своего сына королем и наказал, чтобы в королевстве сохранялся мир вплоть до совершеннолетия нового короля.

7. — А новому королю Карлу VIII исполнилось в то время тринадцать лет. Он был слаб телом, некрасив, с большой головой, забитой рыцарскими романами. Воспитывался он в замке Амбюаз, вдалеке от отца, любимым ребенком которого была дочь Анна, вышедшая замуж за Пьера де Боже. И на супругов Боже Людовик XI возложил регентство. Это вызвало ропот, еще более усилившийся, когда Анна под давлением общественного мнения попыталась «зачистить» советников покойного короля. Тогда и сам Коммин познал тюремное заключение. Вновь создавалась Лига Общественного блага, но на этот раз народ прозвал эту войну знати «безумной войной», что явилось знаком времени. Народ больше, чем когда-либо прежде, устал от феодалов и склонялся на сторону короны. Людовик Орлеанский и герцог Бретани Франциск II руководили этим заговором. Анна де Боже одержала над мятежниками две победы: одну — военную, а другую — политическую. В 1484 г. она созвала Генеральные Штаты, чтобы доказать, что народ находится на ее стороне. Штаты ее поддерживали, но потребовали свобод, предоставленных во времена Карла VII, потому что во все времена прошлое представ-

ляется «золотым веком». Эти Штаты привезли указы, и на них прозвучала поистине революционная речь депутата Филиппа Пота, сеньора де ла Рош из Бургундии: «Государство — это творение народа... Суверенный народ создает королей своим одобрением... Они являются королями не для того, чтобы получать доход с народа и обогащаться за его счет, а для того, чтобы, забывая о своих личных интересах, обогащать свой народ и делать его счастливым. И если они поступают иногда по иному, то они становятся тиранами...» Штаты потребовали, чтобы их созывали каждые два года. Но на следующий день они обнаружили, что ковры сняты со стен, а мебель вынесена. Суверенный народ подчинился.

8. — Со смертью Франциска II, герцога Бретани, возникла неотложная проблема. Наследницей была Анна, его дочь. Тот, кто женился бы на ней, получил бы Бретань. Среди претендентов был Максимилиан Австрийский, вдовец после смерти Марии Бургундской. Через свою дочь Маргариту он уже был правителем Фландрии, а если бы он получил еще и Бретань, то полностью окружил бы Францию. Анна де Боже действовала быстро и предложила герцогине в мужья своего брата, подкрепив брачное предложение сорокатысячной армией. Перед такой формой ухаживания трудно устоять. Анна попробовала возразить, что король Франции помолвлен с Маргаритой Австрийской, но Боже ответили, что эта детская помолвка уже давно расторгнута. Герцогиня смирилась и, несмотря на безобразную внешность мужа, вскоре полюбила его. Тоже некрасивая, худая, хромоногая, но «хитрая Бретонка», она была хорошо образована и покровительствовала искусствам. Она проживала в Амбуазе, окруженная бретонцами, и ее родная страна осталась ей верна. Еще долгое время Бретань будет заявлять, что она соглашается на суверенитет французских королей только как наследников «доброй герцогини». После заключения этого брака цели де Боже были достигнуты, и Анна отошла от дел. Она оставила своего брата повелителем прекрасного королевства, в котором ему уже неко-го было бояться.

**XI. О том, как
в XIV—XV вв. Франция
постепенно перешла
от Средневековья
к Новому времени**

1. — Нет ничего более ошибочного, чем представлять себе, что западное общество скачкообразно перешло от одной социальной формации, названной *Средневековьем*, к другой, получившей название *Возрождение*. Эти названия

стали употребляться гораздо позднее и исключительно из соображений удобства изложения материала. История создается личностями и событиями, а не целыми периодами. Верно только то, что в XIV—XV вв. цивилизация, чувственная и рационалистическая в одно и то же время, начала медленно завладевать христианским миром и что постепенно черты феодализма утратили во Франции свою значимость. Мы уже видели, что Карл VII и Людовик XI обзавелись регулярными армиями; мы также отметили, что возросшая значимость пехоты привела к ослаблению политической силы феодальной кавалерии. Социальные установления следуют за новшествами с большим отрывом во времени, но, в конце концов, они всегда начинают нарушать ровный ход времени: внутриполитическая власть французского короля от войны к войне только возрастает. Король стал не только защитником, но и хозяином страны. Лучники останавливали кавалерию, пушки пробивали брешы в донжонах. Отсюда следует, что феодализм был обречен. Основательно укрепившись на личном, национальном и религиозном фундаментах, сын Франции, помазанник Божий, чудотворец и главнокомандующий, король доминировал над всеми остальными силами, что проявлялось в самых различных формах: духовный авторитет Людовика Святого, просвещенный деспотизм Карла V и Карла VII, коварная демагогия Людовика XI. Но верховенство королевской власти уже почти не ставилось под сомнение. Ни мир феодалов, ни Генеральные Штаты не возражали против ее усиления. Спокойно и уверенно французская монархия продвигалась к абсолютизму. Однако это не пугало французов: они чувствовали себя хорошо защищенными. «Наш король, — говорит Коммин, — является господином мира, у которого меньше всего причин произносить такую фразу: “У меня есть привилегия возлагать на подданного то, что мне угодно”, — ибо ни он, и никто другой не имеет такой при-

вилегии, и те, которые это говорят, чтобы заставить еще больше уважать короля, не воздают ему никаких почестей; наоборот, они заставляют тех соседей, которые ни за что на свете не хотели бы быть под властью короля, ненавидеть его и бояться...» *Ни сам король и никто другой не имеет такой привилегии...* Вот фраза, несущая главную мысль. Таким образом, для Коммина король ограничивал себя правилами и признавал границы своей власти, которыми были обычаи страны. У Людовика XI и Карла VIII были совсем иные представления о природе их власти, чем представления, бытовавшие в XVII в.

2. — Все три сословия королевства жили своей обособленной жизнью. Дворянство охраняло свои привилегии. Освобождение от налогов — решение, вынесенное самими же пэрами — создавало для них ни с чем несравнимые социальные условия. Но за время Столетней войны дворянство показало себя непригодным к военной и политической роли. Пропитанное идеями рыцарства, оно не было реалистичным; и хуже того, оно считало для себя просто оскорблением быть реалистичным. Дворянство со своим ребяческим тщеславием, по-детски занятое турнирами, пирами и военными тренировками, одержимое облегчением собственного положения, проявляло мало патриотических чувств. Оно бурно выражало свои страсти, и примером тому могут служить факты мести бургундского двора. Дворян не удерживали никакие религиозные чувства. Историки (такие как Фруассар или Монстреле) воздают рыцарским идеям словесную похвалу, ибо кто же еще защитит сироту и вдову? Куртуазная любовь превратилась в ритуал. Во время турнира рыцарь называет свою даму, носит ее цвета, ее платок, а иногда, даже и ее рубашку, которую возвращает ей испачканной своей кровью, но во всем этом нет подлинных чувств. Еще оставались отдельные подлинные рыцари, как например отец Баярд⁴⁵, который учил своих сыновей кодексу чести: «Служите Богу. Будьте добры и вежливы с

⁴⁵ Баярд Пьер Террайль де (1473–1524) — знаменитый французский рыцарь и военачальник. Своими подвигами приобрел большую славу и прозвище «рыцарь без страха и упрека». (Примеч. ред.)

любым дворянином. Будьте скромны и услужливы с каждым человеком. Не будьте ни льстецами, ни доносчиками. Будьте честны в словах и в делах...» Но только потому так громогласно воспевают Баярда, что он был исключительным человеком. И сам Баярд тоже любил ломать копья на многочисленных турнирах. Но уже приближаются те времена, когда реалистически думающие солдаты скажут: «Копья существуют не для того, чтобы их ломать, а солдаты существуют не для турниров; держи оружие в порядке и убивай врага». Это и герой, и солдат.

3. — В период Средневековья духовенство усвоило феодальный образ жизни. Великолепию турниров соответствовало великолепие культовых обрядов. Народу нравилась пышность церковных церемоний, но он осуждал роскошь частной жизни епископов. Великий Раскол, в период которого два папы оспаривали свою власть над христианским миром, ослабил авторитет Церкви. Зачем страшиться отлучения, если сами отлучающие отлучали друг друга от Церкви? Французский народ оставался верующим, но он осуждал торговлю церковными должностями и индульгенциями, а также отсутствие христианских добродетелей у некоторых представителей духовенства. Народу были ненавистны сожительницы священников (их называли претрессами). Многие начали задумываться о необходимости реформирования Церкви. В 1438 г. французское духовенство и король Карл VII добились от папы одобрения Прагматической санкции Буржа — важного акта, уничтожившего римскую фискальную систему, по которому королю и Церкви Франции отныне передавалась часть доходов, отходившая ранее папству. В духовном плане новый мистицизм лучше отвечал потребностям воистину христианских душ. «О подражании Христу», написанное около 1430 г.⁴⁶, говорило о набожности, основанной на любви и милосердии. Не будь такого обновления, католическая Церковь в следующем веке оказалась бы неспособной бороться с возникшей Реформацией.

⁴⁶ «О подражании Христу» (*De imitatione Christi*) — религиозно-мистический трактат немецкого теолога Фомы Кемпийского (1380–1471). (Примеч. ред.)

4. — Весьма активное «третье сословие» состояло в основном из горожан. Они представляли собой класс, отличный от остальных народных масс, который имел к тому же свои привилегии. В него можно было быть принятым, но для этого существовали особые условия и пошлина на вступление. Величественность муниципалитетов крупных городов была, казалось, совершенно феодальной. В Париже насчитывалось в то время примерно триста тысяч жителей. Реймс считался вторым городом королевства. Многие горожане покупали владения, принадлежавшие сеньорам, и сами как дворяне имели арендаторов и исполщиков. Правила в их корпорациях становились все более и более жесткими. Ремесленники гильдий селились кварталами, и их ремесло было наследственным. В некоторых городах уже формировался настоящий класс городских капиталистов, занимавшихся международной торговлей. В деревне оставалось все меньше сервов. От старинного обычая сохранялись только отголоски: например, ленник должен был испросить разрешение на женитьбу у своего сеньора, что послужило основанием для глупой легенды о «праве первой ночи» (праве сеньора на первую брачную ночь), которое никогда бы не потерпела Церковь. Работящий и бережливый, французский крестьянин процветал до тех пор, пока его не касалась война и налоги. Но его грабили солдаты и разбойники, а талья была очень тяжела.

5. — В конце Средневековья изменяется и французское искусство. Во время Столетней войны разруха и нищета достигали такой степени, что возводить большие здания уже не представлялось возможным. Большинство художников укрылось в тех регионах, которые оставались вне конфликта: в Бургундии, в Италии и в некоторых районах Фландрии. Их все еще вдохновляли религиозные темы. История Жанны д'Арк позволяет измерить силу веры в XV в.; даже критические замечания, адресованные Церкви, позволяют судить об этой вере. Если бы в те времена люди не были такими верующими, то их не заботили бы религиозные реформы. Но новое религиозное искусство уже не являлось столь дидактическим, оно было более трогательным, чем искусство XII и XIII вв. Художник покидает Град Божий и начинает наблюдать

царства мира сего. Средневековье выразило свой идеализм в скульптурах на порталах, придав телам ангельскую бестелесность. В XV в. сцены «Страстей» становятся более реалистическими (в частности, под влиянием фламандцев). Миниатюристу с садизмом человека, который сам страдал, нравится рисовать мучеников. Он разглядел «пластическое целомудрие страдания». Идея смерти завораживает Вийона, так же как Пляска Смерти завораживает скульпторов. Парижане посещают места, где хранятся кости Убиенных Младенцев. В Бургундии возникает изумительная школа, которая создает в основном надгробия. Некоторые из этих памятников, где члены черного братства кающихся грешников несут умершего, просто великолепны. «В XII в. французский мастер-камнетес начинает обращать свой взор, столь долго устремленный к небу, на земное. Художник становится наблюдателем». В противоположность тому, что происходит в Италии, мы почти не находим во Франции той поры художников, рисующих фрески, потому что стены готического собора заняты витражами и не оставляют для них места, но зато славятся талантливые французские миниатюристы и художники-иллюминаторы (Жан Фуке), которые вдохновили художников итальянского Возрождения. Миниатюра в их изображении становится картиной, ее фоном служат великолепные пейзажи, нарисованные ими сцены охоты или процессии достойны Карпаччо или Беночцо Гоццолли.

6. — Но если говорить о светском или мирском искусстве, то в XIII в. оно находилось под покровительством богатых городских коммун, которые строили только дозорные башни и ратуши. В XIV и в XV вв. влиятельный и богатый человек заставляет художников работать на себя. Король Карл V был великим строителем дворцов и замков. Это в его царствование Лувр Филиппа Августа, расширенный архитектором Раймондом дю Тамплем, официально становится королевской резиденцией. Сыновья Иоанна Доброго были меценатами (гобелены из Анжера, заказанные Людовиком, герцогом Анжуйским; «Роскошный Часослов», выполненный для Иоанна, герцога де Берри). Богатые купцы, такие как Жак Кёр, строят себе дворцы, украшенные

скульптурами. Эта эпоха имеет склонность к портретам, сценам охоты и к изображению процессий. Произведения искусства уже оседают не в сокровищницах соборов, а в частных коллекциях. Большие сеньоры и большие финансисты хотят иметь у себя сокровища, собранные со всех сторон света. Коллекционер поощряет чувственное искусство и искусство роскоши. С женского тела снимают покровы. Мирское перемешивается со священным, и в картине «Богородица с младенцем» Агнесса Сорель, любовница короля, изображенная в виде мадонны, обнажает грудь дивной красоты. Большой прогресс делает в тот период и городское искусство архитектуры. Апартаменты становятся более светлыми и менее обогреваемыми. Купцам Аббевиля нравится украшать свои лестницы и оконные проемы гротескными и смешными деревянными скульптурами. Художник-строитель соборов соглашался на безвестность и в вере обретал свою награду. Но начиная с XV в. (и, особенно, с XVI в.) художник становится уважаемым, обласканным и знаменитым.

7. — Те же изменения происходят и в литературе. Она также перестает быть анонимной и становится авторской. Героические песни, которые постоянно переделывались и дополнялись, некогда слагались целыми группами поэтов. Но теперь нам уже известна жизнь Карла Орлеанского и Вийона, она находит отражение в их произведениях, и подтверждается такими историками как Фруассар и Коммин. И авторы мемуаров, и историки описывают жизнь, ими самими прожитую. Эти воспоминания придают их хроникам то особое очарование, которого мы не найдем у пришедших им на смену ученых историков, пользовавшихся сведениями, полученными из вторых рук. Чувства, выраженные Франсуа Вийоном, точно соответствуют чувствам, представленным в художественных произведениях того времени: глубокая грусть, болезненная вера, неотвязная мысль о смерти. Нет больше той доверчивости, существовавшей в XIII в., когда люди создавали Град Божий. Ужасы войны, неразбериха гражданских войн пробудили в них чувство скептицизма и усталости. Вийон еще может трогательно молить «Царицу небесную и Правительницу земную» от имени своей матери, «смирненной христианки», но он понимает,

что общество устроено плохо, что срам и жестокость распространены повсеместно, и что смерть, единое для всех лекарство, равно унесет вора и палача, «королеву Бланку, подобную лилии», и «Жанну, добрую жительницу Лотарингии, которую англичане сожгли в Руане». (Впрочем, в «Балладе о дамах былых времен» он черпал вдохновение в Библии и в трудах святого Бернара, Исайи и Соломона. Тема гневного обращения к сильным мира сего стара как сама поэзия. *Ubi Helena Parisque*?⁴⁷ — вопрошает один из гимнов XI века.) Это эпоха пессимизма:

*Время страдания и искушения,
Век плача, тоски и мучений,
Время томления и проклятия...
(Эташ Дешан)*

Следует отметить одну черту, которая свойственна, вероятно, каждой мрачной эпохе: ее поэты ищут для себя выход в трудностях формы. «Легкомыслие — это состояние неистовства». Что может быть более легкомысленного, чем усложнение ритмов? Баллада, рондо, удвоенные рифмы (а позднее сонеты дю Белле⁴⁸, написанные в ссылке, и Кассу⁴⁹, написанные в тюрьме) имеют то двойное преимущество, что скрывают ужас жизни и создают шедевры. Гийом де Машо (1300–1377), один из величайших французских артистов, автор баллад, месс, мотетов⁵⁰, сумел совместить воедино виртуозность музыканта и поэта.

8. — Самым полным выражением греческой души был театр, а римская комедия подхватила традиции Аристофана и Менандра. Но католическая Церковь по моральным соображениям про-

⁴⁷ Где теперь Парис, где Елена? (лат.). (Примеч. пер.)

⁴⁸ дю Белле Иоахим (1522–1560) — французский поэт, принадлежал к поэтической школе «Плеяда». Автор трактата «Защита и прославление французского языка», многочисленных сонетов и од. О нем также см. ниже с. 170. (Примеч. ред.)

⁴⁹ Кассу Жан (1897–1986) — французский поэт и писатель, участник Движения Сопротивления, автор книги стихов «Тридцать три сонета, созданные в тюрьме» (1944). (Примеч. ред.)

⁵⁰ Жанр многоголосной вокальной музыки. (Примеч. пер.)

явила враждебность по отношению к актерам. И все же, начиная с X в., именно Церковь возрождает драму. Появился обычай на Пасху «представлять на сцене» беседы жен-мироносиц возле гробницы. Затем стали появляться настоящие драматические произведения на литургические темы, написанные на латыни. И наконец, в некоторые праздничные дни, иногда на папертях церквей, иногда в балаганах, религиозные братства представляют миракли или мистерии, иначе говоря «игры», о жизни святых или о Страстях Господних, написанные на вульгарной латыни. Народные представления, такие как в Обераммергау⁵¹, могут составить впечатление об этих бесконечных пьесах, длившихся иногда по несколько дней. Весь город собирался посмотреть «Мистерию о Страстях». Публике рекомендовалось соблюдать «любовную тишину». Многочисленные актеры не были профессионалами. «Богу Отцу дан кувшин вина на пять су...» — говорится в «Отчете по расходам на постановку "Страстей" города Монс». (Опубликовано Густавом Козном.) В этих драмах на священные темы присутствовали и комические элементы. Геродот, Пилат, Иуда, евреи предавались чертям, которые строили рожи и выходили из пламени ада, а зрители веселились, глядя на их кривлянье. Непрерывность истории театра во Франции подтверждается тем фактом, что еще в XVII в. «Бургундский Отель»⁵² принадлежал «Братству Страстей». Красное одеяние Арлекина, известное нам сегодня, или красный занавес, обрамляющий сцену, восходят к мантии Аллекина⁵³, которой был задрапирован Зев Ада (Г. Козн). Когда в наши дни эти мистерии и миракли были вновь поставлены в Сорбонне и на паперти Нотр-Дам, то стало очевидно, какую наивную красоту несли они в себе. Коми-

⁵¹ Обераммергау — деревня в немецких Альпах. В 1633 г. в тех краях разразилась эпидемия чумы. Жители деревни оплакивали мертвых в ходе театрализованной процессии, изображающей страдания и смерть Христа. С тех пор подобные представления проводятся в Обераммергау регулярно. (Примеч. ред.)

⁵² «Бургундский Отель» — французский драматический театр, созданный в 1548 г. и ставший в 1680 г. наряду с тремя другими театрами основой театра «Комеди Франсез». (Примеч. ред.)

⁵³ Фольклорный персонаж, предшественник Арлекина. (Примеч. пер.)

ческие элементы в них менее хороши: это как раз то и погубило религиозный театр. В 1548 г. Парижский Парламент счел мистерии непочтительными и запретил их. Два других жанра моралитэ и фарс создали несколько шедевров. «Фарс об Адвокате Патлене» отличается стремительностью диалогов и почти механической комичностью Мольера, но в нем нет поэтичности последнего. Существовали еще соти́, которые разыгрывались «глупцами» и «сумасшедшими»; эти сатирические пьесы были пародиями, которые, *mutatis mutandis*⁵⁴, соответствуют нашим современным театральным ревю. Как в литературе, так и в искусстве, первое, что поражает в этих ранних французских памятниках, — это ясность построения и смелая верность подробностей. Следует также отметить влияние театра на живопись и скульптуру. Присутствуя на мистериях, художник находил для себя образцы и новые идеи (Э. Маль).

9. — Мы привыкли приписывать XV веку изобретение книгопечатания. Но от египетских табличек и до Гуттенберга развитие книжного дела было непрерывным. Уже с конца Римской империи кодекс, имевший форму нашей современной книги, начал заменять свитки пергаментов. Возможность печати нескольких экземпляров одного и того же текста с использованием букв, выгравированных на деревянной доске, уже с давних времен была известна в Китае. В XV в. многие обстоятельства придали идее печатания книг новый толчок: открытие многочисленных античных манускриптов, развитие университетов, возросший интерес к рассказам о путешествиях. Ну а то, что называют «изобретением» книгопечатания, так это просто соединение двух новшеств: создание отдельных литер, которые собирались в нужном порядке, а затем вновь рассыпались, и использование *металлических* литер, которые можно было отливать в неограниченном количестве. Считается, что мысль о применении этих новшеств принадлежит Лорану Костеру из Харлема и Иоганну Гуттенбергу из Майнца. Как бы то ни было, но начиная с 1455 г. стали создаваться прекрасные книги. Книгопечатание, которое достигло Парижа

⁵⁴ С соответствующими изменениями (лат.) (Примеч. пер.)

в 1470 г., медленно изменяло политическую жизнь страны, облегчив формирование и распространение общественного мнения.

10. — XV в. можно считать переходной эпохой. Многие дворяне, которые имели укрепленные замки, построили себе особняки, украшенные скульптурами, в различных городах, таких как Периге, Бордо, Руан, Дижон. Наличие двух жилищ можно истолковать как знак того времени. Еще продолжается Средневековье (донжоны), но уже возникает новая форма социальной жизни (особняк, дворец), потому что различные цивилизации сосуществуют, наслаиваясь друг на друга. Даже сегодня мы можем наблюдать многочисленные пережитки Средневековья. Немало феодальных крепостей возвышается по всей Франции, и иногда в этих замках продолжают жить те же самые семьи, предки которых когда-то их возводили (Ларошфуко, Люинь, Юзес и т. д.). В большинстве провинций крестьянские хижины мало изменились с той поры. Здание католической церкви все также остается центром каждой французской деревни. Как и раньше, в ней служит епископ во время своей пасторской поездки. Сегодня паломники путешествуют по железной дороге, но они отправляются в Лурд, как в былые времена шли паломники в Сантьяго де Компостела. Чувства, которые испытывал в изгнании Карл Орлеанский, подобны чувствам изгнанников всех времен. В провинциальных семьях еще сохраняется уважение к святым таинствам, к аскетизму, сохраняется некоторое безразличие к личному счастью, которое и в наши дни делает разводы во Франции более редкими, чем в англо-саксонских странах.

11. — Давайте откроем хронику Жана де Труа, чтобы узнать, каковы были мысли и заботы рядового француза XV в.

1460 год. Хлебá «хорошо уродились», но будет мало фруктов. Урожай винограда будет невелик, но зато вино обещает быть превосходным. Это «добрый год». В Париже одна женщина за укрывательство краденого была закопана живьем, а ее имущество конфисковано; чтобы отсрочить казнь она уверяла, что беременна, но матроны сказали, что это не так. Сена и Марна вышли из берегов...

1461 год. Король Людовик XI прибыл в Париж. При его вступлении в город герольд Луаяль Керр представил ему пять знатных дам, которые изображали пять букв слова «Париж», и каждая из пяти дам произнесла приветствие. Лошади были покрыты попонами из золотой парчи, подбитой соболем, из бархата, подбитого горностаем, и из дамасского шелка, украшенного серебром и золотом. У фонтана Понсо три красивые девицы изображали сирен, все три были обнажены, и люди любовались «их красивыми круглыми и твердыми грудями, на которые приятно было смотреть»; сирены исполнили маленькие мотеты. Несколькими шагами дальше изображались «“Страсти” молчаливыми персонажами: это был Господь, распятый на кресте, и справа и слева от него два разбойника». На мосту Менял птицеловы, имевшие монополию (которую они держат и до наших дней) на продажу птиц на площади Шатле, выпустили двести разноцветных ярких птиц. Потом король проследовал в свой «отель» де Турнель, где он собрал главных придворных своего отца и назначил на их место новых, что вызвало неудовольствие и обмануло надежды многих. Вот так и было замешано тесто французской жизни: урожай хлеба и винограда, изменения в политике, театр, поэзия, реализм артистов и художников. Оставалось только вымесить это тесто и придать ему форму.

**ХII. О том, как
в конце средних веков
Франция уже
приобрела свои
характерные черты**

1. — В период формирования Европы для такой богатой страны, которая, как распахнутыми объятиями, отгорожена Альпами и Пиренеями, были возможны только три решения, затрагивающие политические и территориальные проблемы. Она могла принадлежать к какому-то образованию более высокого порядка; она могла распасться на множество независимых образований; или же она могла придти к прочному единству. В начале своей истории Франция неоднократно проходила все три состояния. Она входила в Римскую империю; она была разбита на варварские королевства; она сама создала новую империю, импе-

рию Карла Великого; в момент распада этой империи она разделилась на многочисленные феодалы; затем, постепенно, один из феодальных сеньоров, король, область за областью вновь сплотил свой домен. В XV в. произошло национальное объединение Франции вокруг монархии.

2. — Национальное объединение происходит тогда не только во Франции, но и в Англии, и в Испании. В этих трех странах нацию объединили короли. Был период, когда можно было предполагать, что Священная Римская империя или Церковь восторжествуют над всей Европой. Объединившись, папа и император смогли бы превратить христианский мир в политическую реальность. Но постоянное соперничество между Империей и Церковью способствовали их взаимному ослаблению, и, в конечном счете, они потеряли всякую надежду создать однородную Европу. Столетняя война помогла и Франции, и Англии осознать их различия. Социальные институты были во времена феодализма почти одинаковыми в обеих странах. Затем английская и французская монархии стали развиваться разными путями. В XV в. английская монархия, опирающаяся на аристократию, *сквайров* (squires) и богатых купцов, правит через добровольных мировых судей и ежегодно созывает Парламент для получения субсидий. Французская монархия, напротив, пытается возродить римскую традицию централизованной бюрократии; она правит через чиновников, но опирается на народ, потому что империя защищает его и от иностранцев, и от собственных феодалов.

3. — Каковы же черты, присущие только Франции XV в.? От Рима она унаследовала стремление к централизации. В ней основательно укоренен патриотизм, который связан с именами национальных героев, таких как Карл Великий, Людовик Святой, Жанна д'Арк; она остается христианской католической страной; религия прочно закрепилась в ее повседневной жизни. В средние века ее религиозное искусство и религиозная философия сияют над всей Европой. Ключи и Ситó способствуют распространению французской культуры. В Англии в процессе развития рыцарь становится джентльменом; в Италии он уступает место

политику; французов же глубокий инстинкт предков подталкивает к рыцарским подвигам. Куртуазность пустила глубокие корни. Во Франции лексика любовных ухаживаний столь же разнообразна, как и феодальная лексика верности. С самого начала истории Франции женщина играет важную роль. Жанна д'Арк сумела сделать то, «что не смогли сделать мужчины»; Бланка Кастильская создала Людовика Святого и защищала его в пору несовершеннолетия; Анна де Боже сохранила королевство своего брата. Время от времени мужчины бунтуют против такого женского влияния. «У самой мудрой на свете женщины столько же здравого смысла, сколько золота у меня в глазу», — считает один автор XV в. Но куртуазность и рыцарство оставили глубокий след, и французское рыцарство еще на протяжении многих веков будет «кокетничать оружием, честью и любовью» (Ален Шартье). Моралисты XVII в. и романисты XIX в. примут участие в анализе тысячелетнего наследства в области чувств.

4. — Во Франции преград между классами было больше, чем в Англии или в Италии. Во Флоренции купец мог стать князем; в Лондоне в Палату Общин входили как горожане, так и рыцари; браки между дворянами и *commoners* («третье сословие») были многочисленны; горожане и дворяне платили одинаковые налоги. Во Франции в конце Средневековья торговля все еще оставалась унижительным занятием. «Третье сословие» заседало в Генеральных Штатах отдельно от дворян. Получение дворянства в принципе было возможно, но новичок, получивший дворянство, вместе с приобретением привилегий своего нового класса, порывал все связи с прежним классом. В Англии сила дворянства проистекала в основном из того факта, что оно представляло собой политическую и административную аристократию; во Франции дворянство предпочитало оставаться преимущественно военным классом, что во времена аркебуз и бомбард представляло собой определенный анахронизм. Французское дворянство, совершенно лишенное практического духа, считало бесчестьем те союзы и приемы, при помощи которых английское дворянство сохраняло свое влияние. Оно приписывало непомерное значение манере поведения, этикету, иерархии. Та же ситуация на-

блюдалась и среди испанского дворянства, но в Испании в то время не было еще класса горожан, а потому классовые конфликты не приобретали такого значения.

5. — В XV в. Европа уже сложилась в своих общих чертах. Три королевства — Франция, Англия и Испания — почти завершили формирование. Франции еще необходимо определить свои северные и северо-восточные границы; это будет задачей ее королей на протяжении последующих веков. Опасность для нее исходит не от разрозненной и слабой Германии, а от Австрии, которую игра случая феодальных наследований может в один прекрасный день объединить с Испанией и Нидерландами, а в таком случае Франция оказалась бы взятой в кольцо. Но дело в том, что феодальные представления, согласно которым земля была неразрывно связана с конкретной личностью, в новые времена становятся неприемлемыми. Национальное самосознание слишком сильно, чтобы целые провинции согласились бы сменить верноподданические чувства из-за семейных перипетий их сеньоров. Старые феодальные понятия были полезны в те времена, когда главным было преодоление анархии; в то время лучше было следовать правилу верноподданничества какому-то определенному сеньору, чем не следовать никакому правилу. Но завершается эра личных связей и начинается эра национального самосознания. В XV в. еще сохраняются оба типа социальных институтов. На протяжении всей истории Франции мы сможем наблюдать, что территориальные наследования будут иметь серьезные, часто роковые, последствия. Но непреодолимая сила влечет страну к национальному самосознанию.

6. — Хотя королевство уже объединено, и дух национального самосознания очень силен, но во многих недавно присоединенных провинциях сохраняются самобытные особенности. Король уважает их обычаи. В частности, очень велики различия в нравах и способах правления между севером и югом Франции. Юг, испытавший римское влияние раньше, чем север, сохраняет представление о римском праве, любовь к красноречию и более латинизированную культуру. Арабская оккупация привнесла в Прованс и

в Аквитанию элементы своей поэзии и своей истории. Контакты с востоком сохранялись в этих областях дольше, чем в остальных районах страны. На юге альбигойцы попытаются усовершенствовать Церковь, и позднее — вновь на юге — гугеноты обретут благоприятную для себя почву. На протяжении всей истории Франции и вплоть до наших дней мы отмечаем глубокие внутренние политические различия, которые, впрочем, не угрожают национальному единству страны.

7. — Еще со времен Средневековья можно отметить две характерные особенности, которые будут играть основополагающую роль в жизни страны. Первая — это та удивительная быстрота, с которой восстанавливалась Франция. Во время Столетней войны она подверглась полному разорению, которое могло бы лишить ее мужества. Но уже через несколько лет после окончания своих злоключений, она вновь превратилась в самую могущественную страну Европы. С одной стороны, это было связано с плодородием ее почвы, с трудолюбием ее крестьян; с другой — это проистекало из ее врожденной веры в свое предназначение и из ее упрямой убежденности в том, что француз может быть только французом. Вторая особенность заключается в твердой вере во вселенское предназначение Франции. Французы, возможно потому, что они принадлежат к пограничной цивилизации, склонны думать, что любого можно убедить стройной логикой взглядов. В средние века Парижский Университет думает за всю Европу, и даже Церковь признает его духовное превосходство. В XVII и в XVIII веках мы будем свидетелями того же явления, хотя и в несколько иных формах. Если когда-нибудь восторжествует идея единого общества, то среди первых, кто этому поспособствует, будут, конечно, французы. Представление о едином христианском мире сформировалось у них уже в XII в. Идея Европы, объединенной не силами легионов, а силой единодушно принятых истин, зародилась на Холме святой Женевьевы.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

I. О том, как в Европе свершилась революция, названная позднее Возрождением

1. — Писатели XVI в. никогда не говорили о Возрождении. Античной культуре не нужно было возрождаться, она существовала всегда. Речь идет скорее о революции, а не о возрождении. В средние века не существовало сомнений.

Люди обретали истину, все возможные истины — в Священных книгах, истолкованных с помощью разума. В современном им мире они каждому отвели его место в определенных социальных границах: феодального строя, общины, корпорации. Мечтой всех народов оставалось единение всей Европы; мечтой суверенов была империя; единый христианский мир был мечтой пап. Затем, начиная с XIV в., а особенно с XV в., новый образ жизни дал любознательным умам досуг для наблюдений и критических рассуждений. Открытия мореплавателей и астрономов показали, что мир гораздо более велик, чем представляли себе древние евреи и греки. Отныне истину следовало искать не в старинных текстах, а на земле и среди светил. Никто еще не ставил под сомнение (по крайней мере, открыто) христианскую доктрину, но реформаторы критиковали духовенство, а сатирики высмеивали монахов. Несколько позже, уже в XVIII в., люди полагали, что живут в век Просвещения, дух которого освободит всех людей от отживших суеверий. «Когда мы вышли из этой глухой готической ночи, — говорит Рабле, — наши глаза распахнулись навстречу единственному светочу солнца». На самом же деле, ночь не

была ни глухой, ни готической; просто блеск сияния лета заставил позабыть красоты весеннего пробуждения разума.

2. — Почему первый очаг этого нового просвещения запылал именно в Италии? Потому что в своих развалинах, в своей скульптуре, в настенных надписях Италия сохранила традиции античного мира. Начиная с Данте и Петрарки, она создала новый классический язык. В ее богатых городах, — таких как Милан, Венеция, Флоренция, Неаполь, — купцы, ведущие пышный образ жизни, поддерживают ученых и художников. Так как капитализм был в те времена в зачаточном состоянии, то какое лучшее вложение денег могло быть для каких-нибудь Медичи, чем окружить себя изящным двором, художники которого способствовали и прославлению современного положения, и будущей славе их покровителя? Возрождение произошло сначала во дворцах князей и банкиров, и уже значительно позднее в университетах. Развитию мощных самобытных талантов в Италии способствовало соперничество многочисленных государств: Милана, Флоренции, Рима, Венеции, Неаполя. В них не было ничего застывшего в рамках феодального мира, в них не было даже церковной иерархии. Папы-гуманисты придавали Риму ни с чем не сравнимый блеск. Идеалом средневековой Франции оставался Людовик Святой, доблестный и набожный воин; итальянский идеал периода Ренессанса в равной степени хорошо умеет владеть кинжалом или шпагой, но также и кистью, и компасом. Это инженер, дипломат, ученый. В нем соединяются коварство и жестокость, чтобы создать новую *la virtù*¹, совершенно отличную от рыцарской доблести. «Государь» Макиавелли, настольная книга Ренессанса, — это учебник по реалистической политике. Через брачные союзы, заключенные французскими королями с представительницами Италии, макиавеллевский цинизм достигнет и двора королей дома Валуа.

3. — Представитель эпохи Возрождения продолжает исповедовать христианскую веру, но теперь он живет не одной только ве-

¹ *La virtù* (итал.) — добродетель, доблесть, свойство. (Примеч. пер.)

рой. Он уже не довольствуется тем, что всю жизнь готовит свое спасение в мире ином. Он хочет наслаждения в этом мире. Мораль в Италии XV в. переживает упадок. Сексуальные отношения становятся свободными и даже разрешенными; убийство легко прощается, особенно, если убийца — художник. «Доблестные юноши, — пишет Бенвенуто Челлини, — это те, которые больше других наносят ударов кинжалом». В обществе XIII в. Челлини заслужил бы виселицу и ад; в обществе XX в. — электрический стул; в XVI в. он становится лучшим другом государей, которые забавляются его шалостями. Папа Пий II (Эней Сильвио Пикколomini) и папа Павел III (Александр Фарнезе), хотя и были гуманистами, все же пытались нейтрализовать «языческий душок» итальянского Ренессанса. Но папа Сикст IV, великий защитник искусств, создатель Сикстинской Капеллы, ведет себя скорее как римский меценат, чем как викарий святого Петра; а папа Александр VI Борджиа водворяет грех и в Ватикан. И вместе с тем представители итальянского Ренессанса не лишены величия, хотя и вызывают иногда опасения. Им будут подражать и Елизавета Английская, и Франциск I. «Придворный» Бальтазаре Кастильоне, атлет и образованный человек, похож на греков времен Перикла. Бенвенуто Челлини, ужиная с друзьями и их любовницами во дворце, увитом жасмином, ведет речи, напоминающие беседы учеников Сократа. У людей той эпохи много страсти и энтузиазма, большая потребность в разнообразной и смелой деятельности. Они испытывают любовь к красоте, уважение к искусствам, радость жизни, но в то же время им присущ цинизм и нигилизм, в которых будут корениться многие европейские беды.

4. — В эту эпоху неутолима жажда знаний. Гуманисту итальянского Возрождения не было нужды «открывать» античных авторов, большинство из которых никогда не терялись, но он познакомился с новыми манускриптами, изучил все аспекты античной жизни и таким путем утвердился в средневековых истинах. Появились новые программы исследований: грамматика, латинский язык, история, поэзия и литература составили цикл *гуманитарных наук*. Меньше места стала занимать теология. Античная поэзия превратилась в «классические» тексты. Контакты с

языческой мыслью ослабили духовное засилье Церкви. Эта новая культура, распространяясь по Европе, разрушила наивность национальных литератур. Вскоре появится Рабле, который станет вышучивать греко-латинский словарь неопедантов. Во Франции красивые периоды речи Цицерона, в которых величие ритма скрывает пустоту мысли, укрепятся в красноречии университетских профессоров и придворных. Но уже с XVII в. многие элементы античной культуры волеются в общий поток развития французской литературы. И появятся Паскаль, Боссюэ, Расин, и французы усвоят уважение к форме — единственной гарантии бессмертия произведения. Люди эпохи Возрождения обнаружат у античных авторов мудрую философию, испытанную веками и менее абсолютную, чем философия Средневековья. Такое сочетание гуманизма с христианством и создаст западную цивилизацию.

5. — Однако в XVI в. еще отсутствует такой важный элемент культуры, как научное сознание. Классическая культура не может заменить собой методичные поиски законов природы через эксперимент и экспериментирование. Во времена Монтеня огромное число образованных людей совсем не интересуется такими исследованиями. Вместе с тем уже со Средневековья арабы предначертали путь развития науки. Под их влиянием свое место в исследованиях стали занимать геометрия, тригонометрия и алгебра. Такие великие художники, как Леонардо да Винчи и Микеланджело, в силу необходимости для своих занятий будут вынуждены изучать механику, описательную геометрию и анатомию. В 1543 г. Андре Везаль² утверждает, что для изучения ремесла хирурга, лучше препарировать трупы, чем читать античные учебники. В начале века Коперник исправляет ошибку Птолемея и ставит Солнце в центр нашей планетарной системы. Любопытным результатом успехов астрономии будет повышение престижа математики и дедуктивных исследований в ущерб

² Везаль Андре (1514/1515–1564) — фламандский врач, практиковавший в Италии и Испании, лечил императора Карла V. Подвергался преследованию инквизиции за препарирование трупов. (*Примеч. ред.*)

исследованиям индуктивным и экспериментальным. Глаза видели, что Солнце вращается вокруг Земли; математическими расчетами Коперник доказал, что вокруг Солнца вращается Земля. И Коперник оказался прав. Следовательно, нужно было больше доверять знаниям, чем чувствам. Эта убежденность задержит время самых великих научных открытий вплоть до XIX в.

6. — Главной характерной чертой Ренессанса следует считать тот факт, что эта культура была присуща только элите. Цивилизация Средневековья была общенародной. Труверы и жонглеры распевали на площадях; мистерии разыгрывались на паперти собора для народа; и сам собор возводился безвестным архитектором с помощью всего города. Искусство Ренессанса, наоборот, является аристократическим. Вийон писал баллады, понятные далеко не всем; сонеты Ронсара и Шекспира недоступны для простых людей. Гуманизм еще больше углубляет пропасть между классами. Архитектуру общенародную заменяет архитектура частная. Она создана для великолепия и радости. Итальянские архитекторы, художники и скульпторы работают по всей Европе. Они насаждают классические ордера, колоннады, горизонтальные линии, которые заменяют высокие готические своды и устремленность нефов ввысь. В скульптуре и в живописи искусство остается номинально христианским. Живопись еще обращается к религиозным сюжетам, но теперь она вносит в них гораздо больше человечности. Тинторетто разрисовывает церкви Венеции женскими телами. Тициан на одном и том же полотне изображает *Святую любовь* и *Любовь земную* — двух блондинок, одну — в одеждах, благопристойную и застенчивую; другую — бесстыдную, надменную и обнаженную. На смену традиции художника Средневековья, наивно выражающего свою веру, художник Ренессанса приводит «стремление к эффекту».

7. — Мы сказали, что речь идет скорее о революции, чем о возрождении; но, пожалуй, лучше было бы говорить об эволюции, потому что изменения не носили резкого характера. Ни феодальный дух, ни вера вовсе не исчезли во Франции XVI в., но средние классы, объединенные монархией, ослабили феодализм;

гуманизм вынудил Церковь расширить рамки образования; забота о немедленном счастье заменила заботу о вечном спасении; и между народными массами и художниками происходит разрыв. Впрочем, новые идеи медленно пересекают Альпы, и результаты их воздействия различны в Германии, в Англии и во Франции. В Италии гуманизм вернул элиту к язычеству. Франция подвергалась сильным потрясениям в течение целого века, она не подчинилась ни пуританству, ни язычеству, а только обогатилась и оплодотворилась этими чуждыми влияниями и в XVII в. вышла на свою собственную дорогу. Конечный взрыв новых идей осуществился только в XVIII в. И Французская революция — это дочь Возрождения.

**II. О том, как Италия
сначала призвала
французов на помощь,
а затем изгнала их**

1. — После смерти Людовика XI две проблемы внешней политики должны были занимать внимание нового короля Франции: это Фландрия, которую жаждали присоединить к себе Франция, Англия и Империя, потому что каждая опасалась, что ее оккупирует одна из двух других стран; и Италия, потому что старая имперская мечта все еще владела суверенами Европы и потому, что каждый итальянский город, если его кто-то присоединял к себе, взывал о помощи к какой-нибудь иностранной армии. В глазах проницательного француза, строящего планы на будущее, проблема северо-востока должна была представляться весьма значительной; именно оттуда исходила главная опасность для наших границ. Но Карл VIII, нарушая свою первую австрийскую помолвку, отказался от Франш-Конте и от Артуа. Соблюдая приличия, он уже не мог нападать на эти провинции, к тому же и собственные устремления влекли его к Италии. Все слухи были только о красоте итальянских городов, об их художниках, их поэтах. Юный король Франции, худой, некрасивый, даже уродливый, влюбленный в свою королеву-бретонку, хитрую хромоножку с большим сердцем, обладал душой рыцаря. Эта молодая

чета постаралась сделать из королевского замка Амбуаз нечто прекрасное; Анна украсила стены великолепными гобеленами, плиты пола застелила восточными коврами. Карл показывал посетителям свою коллекцию оружия: меч Карла Великого, шпагу Людовика Святого, топор Дюгеклена и доспехи Жанны д'Арк, подбитые красным шелком. Он мечтал присоединить к этой коллекции клинок, прославленный его собственными подвигами. Во Франции было много итальянских иммигрантов и изгнанников, они пылали ненавистью к тем группировкам, которые их выслали. В каждом большом городе юга и даже в Париже какой-нибудь итальянский кюре наставлял итальянский приход. Генуэзские, ломбардские и флорентийские банкиры открывали во Франции свои конторы. Дома французского дворянства породнялись с итальянским дворянством. Многочисленные итальянцы занимали должности при дворе или в армии, и все они старались использовать Францию в своих интересах.

2. — Словом, найти предлог для вторжения было нетрудно. Официально пять больших итальянских государств — Рим, Венеция, Неаполь, Милан и Флоренция — были объединены договором Лоди (1454); на деле же они плели друг против друга заговоры, а внутри каждого из них было, по меньшей мере, две противоположных партии. Неаполитанское королевство, в частности, оспаривалось французским домом Анжу и испанским домом Арагона. Во времена Карла VIII неаполитанским королем был Фердинанд Арагонский, которого ненавидел папа, и Лодовико Моро, регент Милана. Поэтому, если бы Франция предъявила права на Неаполь, она могла бы быть уверенной в сильных союзниках. Карл VIII, окруженный «людьми низкого сословия, которые ни в чем не имели опыта», позволил соблазнить себя «фимиамом и блеском Италии». Чтобы развязать себе руки, он подкупал Империю и Англию ценой опасных для страны территориальных уступок или деньгами. Его итальянские проекты находили отклик среди народа. Франция чувствовала себя сильной. При своей удивительной способности к восстановлению она уже залечила бедствия Столетней войны. Благодаря Карлу VII и Людовику XI она обладала самой мощной армией в Европе, и

теперь назрела острая необходимость использовать ее вне пределов королевства, ибо в ней было больше иностранцев, чем французов, а это могло привести к разграблению страны. Итак, король собрал свои силы в Лионе, торжественно обнял свою маленькую королеву и отправился через Альпы с более чем тридцатитысячной армией (в августе 1494 г.).

3. — Вначале это была та самая великолепная прогулка, о которой он так мечтал. При его вступлении во Флоренцию жители толпились возле украшенных тканями окон и смотрели, как проходят литаврщики, флейтисты, арбалетчики, лучники, алебардисты, швейцарские полки — все были в великолепных одеяниях королевских цветов — красного и желтого. Наконец, появилась свита короля, штандарты и сам Карл с копьём в руках, на вороном коне, в золотых доспехах и в длинном синем плаще, покрывавшем круп его лошади. Зрелище было достойно рыцарских романов, но флорентийцы казались враждебными и недоверчивыми. У этой королевской армии была плохая репутация: в ней было много разбойников, «не знающих дисциплины», которые больше грабили Италию, чем восхищались ее красотами. Савонарола, знаменитый доминиканский проповедник, провозглашал приход когорты ангелов, которые явятся из Франции, чтобы освободить Италию от папских репрессий. «Но их приход, — говорит Гишарден, — обернулся огнем и чумой». В Риме папа Александр VI, который способствовал экспедиции Карла VIII, испугался того, что сам же и породил, и забаррикадировавшись в замке Сент-Анж, обратился за помощью к султану! Только неаполитанцы сдержали свои обещания и — согласно договоренностям — с появлением французов подняли мятеж против арагонцев. В феврале 1495 г. Карл VIII вошел в Неаполь, последний пункт своего похода. Некоторое время он наслаждался этим Земным Раем, любовался итальянскими садами, богатыми плафонами и паркетами дворцов, нанимал работников, которые сумели бы так же украсить его замок Амбуаз. Но было бы сильным преувеличением сказать, что это он принес во Францию дух итальянского Возрождения. Несколько неаполитанских садовников и столяров — это еще не Возрождение. В то время

как он предавался прелестям Неаполя, его армия навлекала на себя жгучую ненависть неаполитанцев, потому что освободители на глазах превращались в завоевателей. Теперь вся Италия сплотилась в своей ненависти к оккупантам. Папа, Венеция, Лодовико Сфорца и католик Фердинанд Арагонский объединились в лигу против Карла VIII. Его предали те самые люди, которые перед этим его призывали.

4. — Новая итальянская лига стала вооружаться. Необходимо было как можно скорее вернуться во Францию, иначе обратный путь был бы отрезан. Карл поспешно свершил императорское вступление в Неаполь (алый плащ, держава в руке) и устремился назад. Возле Форне, чтобы пересечь Апеннины, он был вынужден дать бой, и выиграл его. После его отхода французы гарнизона, оставленного в Неаполе, были взяты в плен. Экспедиция не достигла своих целей, но солдаты принесли богатую добычу, и народная молва была благосклонна к Итальянской кампании. От этой дипломатической и военной кухни воспарил аромат славы. Впрочем, король прожил после этого недолго. В 1498 г., в возрасте всего лишь двадцати восьми лет, он ударился в замке Амбуаз лбом о каменный ригель низкой двери, бывшей в неисправном состоянии, и через несколько часов умер. Так как его дети от Анны, чахлые и хилые, скончались, то ему наследовал его кузен Людовик Орлеанский. Сын поэта Карла Орлеанского был тридцатилетним мужчиной, добрым малым, очаровательным и щедушным, всеми любимым и достойным этой любви. С самого момента своего восшествия на трон он заявил, что оставит все как было, и даже не тронет своих личных врагов: «Не пристало и недостойно чести короля Франции мстить за обиды герцога Орлеанского». Уже давно он был тайно влюблен в Анну Бретонскую. Теперь когда она овдовела, он захотел на ней жениться, как из-за нее самой, так и из-за Бретани. К сожалению, он был уже женат на одной из дочерей Людовика XI, «маленькой, черненькой и горбатенькой» Жанне Французской. Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI, за щедрое вознаграждение деньгами и землями взялся провести переговоры по отмене этого брака. Это оказалось возможным, потому что к браку Людо-

вик Орлеанский был принужден Людовиком XI. Вот таким образом Бретань осталась французской, а «хитрая бретонка» осталась королевой, столь же влюбленной в своего второго короля, как была влюблена и в первого.

5. — Итальянский мираж притягивал к себе Людовика XII столь же сильно, как до этого соблазнял Карла VIII. Эта райская природа, эта роскошь, эта красота привлекали каждого иностранца. Любимый министр Людовика XII, кардинал Жорж Амбуазский, строил заговоры вместе с Цезарем Борджиа и, мечтая стать папой, искал поддержки в самой Италии. Если для вторжения нужны были поводы феодального характера, то Людовик XII, бабка которого была Висконти, мог объявить себя наследником герцогства Миланского, откуда Висконти были некогда изгнаны родом Сфорца. И вновь повторились злоключения Карла VIII.

Все военные кампании Людовика XII поначалу казались очень легкими, а затем происходила перемена настроений у итальянцев, вчерашние враги мирились и обращались против Франции, и вслед за победами шли поражения. Завоеванное поначалу герцогство Миланское, вновь было утрачено. Чтобы удержать его за собой, Людовик XII дошел до того, что предложил эрцгерцогу Карлу Австрийскому, внуку императора Максимилиана, руку своей дочери, Клод Французской с приданым, включающим Бретань и Бургундию. Это озна-

Король Франции Людовик XII

чало погубить все дело Людовика XI. К великому счастью этой безумной затее воспротивились Генеральные Штаты, объявившие эти провинции неотчуждаемыми и неподлежащими передаче. Но сила притяжения Италии была еще очень велика. Вновь открылось дело о неаполитанском наследстве, и Людовик XII предложил Испании раздел этого королевства. Испанский король согласился, но потом напал на французов. «Он обманул меня дважды», — сказал Людовик XII. «Я обманул его десять

раз», — ответил Фердинанд. Папа Юлий II, воин и артист в душе, поклялся, под влиянием Макиавелли, восстановить всех государей христианского мира против Венецианской республики. Была создана лига. Франция должна была играть в ней роль солдата. Но едва только Венеция оказалась в опасности, как папа сделал вольт-фас: «Если бы Венеция не существовала, ее следовало бы создать», — заявил он и провозгласил войну против варваров, то есть против тех самых французов, которых сам же и призвал! «Бросив в Тибр ключи святого Петра и взяв в руки меч Павла», он создал против Франции новую Священную Лигу, на этот раз совместно с Генрихом VIII Английским, с испанцами, венецианцами, и швейцарцами. Разбитый под Новарой (1513 г.), вынужденный вернуться во Францию, чтобы сражаться с англичанами, войсками императора и со швейцарцами, Людовик XII заключил мир и отказался от герцогства Миланского. Итальянский мираж рассеялся.

6. — Итак, французы вели долгие и совершенно бесполезные войны. Но они не таили зла против Людовика XII, которого прозвали Отцом народа. Когда худой, бледный, опираясь на свою маленькую королеву, он появился на заседании Генеральных Штатов, то был встречен овацией. Почему же? До некоторой степени потому, что его подданные процветали. Начиная с царствования Карла VII они распахивали новые земли и отстраивались заново. В начале XVI в. по всей Европе росли цены. Приток ценных металлов, поступающих новыми торговыми путями, привел к прогрессивной девальвации денег, что создавало ощущение привычной эйфории. Людовик XII прилагал усилия для защиты крестьян от сеньоров, для пересмотра баналитетного права³ и барщины, для уменьшения тальи. Обесценивание денег благоприятствовало фермерам и вело к обеднению дворян,

³ Баналитет (от фр. banal — принадлежащий сюзерену) — монопольное право, по которому сензор, обладающий собственной мельницей, печью и т. д., мог принудить зависимых от него крестьян использовать его инвентарь за определенную натуральную или денежную плату. (Примеч. ред.)

многие из которых продавали свои земли, как это уже происходило во времена Крестовых походов, а разбогатевшие простолюдины эти земли скупали. Итальянские войны проходили на чужой территории, и Франция наслаждалась восхитительным достатком, совершенно для нее новым. Как некогда в Иль-де-Франсе возводились бесчисленные соборы, так теперь в долине Луары как грибы росли новые замки. Их стиль еще оставался готическим, но это была уже «пылающая готика», со скульптурными розами, цветочными «бантами», высоко расположенными оконцами, окруженными каменными кружевами, и галереями, обращенными к солнцу. Жорж Амбуазский, архиепископ Руана, построил в своем городе Дворец Правосудия и изящное здание архиепископства. Король переделал свой замок Блуа, «местожительство его отца и матери, место его рождения». Анна Бретонская перевезла туда свои гобелены, свои растения и карточные игры, свою кровать, «наряженную золотой парчой», «резные и позолоченные стулья, привезенные из Италии». Здесь, окруженная женщинами, она пряла пряжу, а в это время поэт читал ей стихи, или шут забавлял ее своими проделками. Это был тот «дивный час, когда, среди изнемогающей благодати отмирающей цивилизации, занимались первые отблески цивилизации нарождающейся» (Г. Аното). Франция любила свою королеву Анну точно так же, как она любила своего короля Людовика XII. Но Анна умерла в 1514 г., оставив только двух дочерей. Старшую поспешили выдать замуж за наследника королевства, молодого графа Ангулемского, ее кузена. Король был так огорчен смертью жены, что стал чахнуть от тоски; двор забеспокоился и посоветовал ему вновь жениться. Королю было только пятьдесят два года. Ему предложили в жены Марию, сестру английского короля, совсем юную семнадцатилетнюю принцессу. Он согласился, но она довела его до могилы. Под холодной внешностью в ней жил чрезмерный темперамент Тюдоров. Слабосильному Людовику XII приходилось проводить свою жизнь в бесконечных праздниках и быть своей жене «любезным компаньоном». Он умер 1 января 1515 г.

**III. О том, как
Франция начала
бороться
с германскими
государствами**

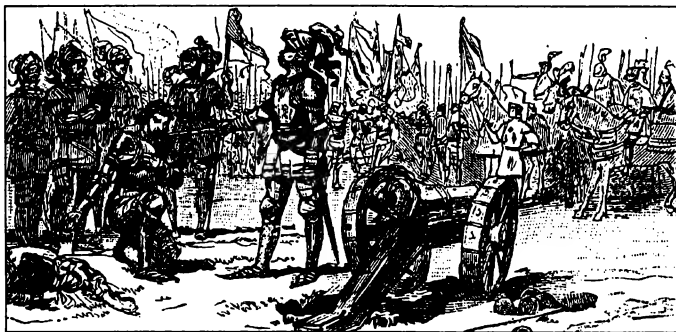
1. — Слабому и хрупкому Людовику XII наследовал его зять и племянник, здоровяк по «бретонскому образцу»⁴, Франциск I. Если бы королева Анна пережила своего супруга, то ничто не смогло бы доставить ей большего горя.

Франциск Ангулемский воспитывался в Коньяке и в Амбуге своей матерью Луизой Савойской, молчаливой и величественной вдовой, способной на хитрости и злобные выходки, но умной и властной женщиной. Анна ненавидела Луизу; Блуа внимательно следил за замком Амбуг. Когда Людовик XII вновь женился, Луиза с беспокойством наблюдала за этой юной королевой англичанкой, сын которой, если бы таковой родился, встал бы между ее Франциском и тронном. Людовик XII был таким изможденным, что появление сына казалось мало вероятным, но посол Англии Саффолк чрезвычайно нравился своей царственной соотечественнице. (Он так сильно ей нравился, что через три месяца после смерти Людовика XII она вышла за него замуж.) Но и незаконнорожденный наследник был не менее опасен, чем законный. Луиза и ее дочь Маргарита стали посменными попечительницами королевского лона. Наконец Людовик XII скончался, и ему наследовал Франциск I. «Мы напрасно трудились, — как-то меланхолично заметил Людовик, — этот здоровенный детина все испортит». Здоровенный детина превратился в красивого молодца, молодого, пылкого, так же хорошо сложенного, как и его кум Генрих VIII Английский. Он любил любовь, охоту, войну и жизнь. «Государь далек от образа жизни королевы Анны с ее чопорной суровостью... Король любит блондинок с цветом кожи фламандок, красивых девушек с севера... Радостный громкий смех звучит в обществе молодежи» (Л. Баттифол). Франциск находился в полном подчинении у своей матери, а сестра Маргарита его обожала. Она любила поэтов и художников; она

⁴ Племянник «по бретонскому образцу» был сыном одного из кузенов короля. Карл Ангулемский, отец Франциска I, был кузеном Людовика XII, который сделал заранее назначенного наследника своим зятем, женив его на Клод Французской. (Примеч. авт.)

сделала из своего брата гуманиста-любителя, слишком большого весельчака, чтобы учиться серьезно, но который все же прикладывал некоторые усилия «во флорентийских развлечениях и в написании стихов, которые он слагал как попало». Как позднее появились новые богачи, так и Франциска I можно назвать «новым королем» (Л. Февр), обладающим авторитетом молодости, богатства и красоты и тем смелым оптимизмом, который ведет к достижению успеха без всякого труда.

2. — В поисках приключений, опьяненный своей новой властью, он тотчас же постарался вновь разжечь конфликт из-за герцогства Миланского. Почему? Да просто ради удовольствия. «Король ниоткуда не ощущал угрозы; это был молодой, богатый и сильный мужчина, у него было благородное сердце, и никто из окружения не отговаривал его от войны — самого благородного занятия для государя или дворянина...» Он набрал двадцать шесть тысяч ландскнехтов, «шесть тысяч которых составляли черный отряд, самый лучший из когда-либо существовавших отрядов». Он приобрел «новые пушки, длиной не более двух футов; они выстреливали пятьдесят ядер за один выстрел и очень хорошо служили; он велел отлить их триста штук в Лионе, и перевозили их мулы...» С этим хорошо вооруженным экспедиционным корпусом он пересек Альпы, встретился со швейцарцами, которые оккупировали герцогство Миланское, и разбил их при Мариньяно (1515 г.). На самом поле сражения Баярд посвятил

Баярд посвящает Франциска I в рыцари

его в рыцари. Это был великий день для молодого короля и прекрасное начало правления, принесшее ему Милан, примирение с папой и «вечный мир» со швейцарскими кантонами, которым он пообещал ежегодную субсидию в обмен на право рекрутировать у них солдат. Отныне швейцарская гвардия станет постоянным отличительным признаком французского двора.

3. — Со времени правления Людовика XII после предательства папы Юлия II Франция была в постоянной, открытой вражде с Ватиканом. Лев X, обходительный и осторожный Медичи, которого называли «Ваша Осмотрительность», имел перед началом Мариньянского сражения очень важную встречу с Франциском I. Папа хотел добиться от молодого короля упразднения Прагматической санкции Буржа, хартии свобод галликанской Церкви. Переговоры прошли успешно, и в 1516 году был подписан новый конкордат⁵, который отвечал как интересам короля, так и интересам Ватикана. Отныне, если избрание епископов оставалось за королем (победа короны), то папа сохранял за собой их инвеституру (победа Рима). Король сохранял право раздачи церковных бенефициев даже светским лицам (победа короны), но зато папа получал право на *аннаты*, то есть право на доходы первого года нового обладателя бенефиция (победа Ватикана). Таким образом, и папа, и король — оба приобретали огромные доходы за счет французской Церкви. Этот конкордат, остававшийся в силе вплоть до Революции, частично объясняет, почему Реформа Лютера и Кальвина провалилась во Франции. Дело заключалось, скорее, в финансовом вопросе, чем в догматах вероучения. Генрих VIII Английский порвал с Римом ради того, чтобы обобрать монастыри; Франциск I обобрал свои монастыри с предварительного согласия Рима. Конкордат вызвал яростные протесты Парламента города Парижа: «Один только всеобщий церковный собор, на котором была бы представлена галликанская Церковь, имел бы право издавать законы в этой области», — заявил Пар-

⁵ Конкордат (от лат. *concordo* — нахожусь в согласии) — соглашение между папой римским и католическим государством, регулирующее положение Церкви в этом государстве. (Примеч. ред.)

ламент, а университет города Парижа добавил, что конкордат наносит оскорбление Богу. Но им пришлось уступить воле короля и зарегистрировать акт. Кто был прав в этом споре? Папа или Сорбонна? На самом деле конкордат спас французскую католическую Церковь, но он поставил ее в зависимость от общественной власти и привел к духовному отрешению клира, что открыло двери королевскому абсолютизму в XVII в., а в XVIII в. — и антиклерикализму.

4. — Молодой, богатый, победоносный, по возвращении из Мариньяно Франциск I был полон грандиозных амбиций. Но какая может быть наивысшая степень амбиций для короля, как не стать императором? Императорский титул был выборным. Максимилиан был уже стар, электорат был продажным, а потому Франциск полагал, что у него есть надежды заполучить эту престижную корону. Выборы, проводившиеся семью выборщиками (три архиепископа, король Богемии, герцог Саксонии, пфальцграф Рейнский, маркграф Бранденбургский), всегда происходили еще при жизни действующего императора, чтобы избежать междоусобицы. Избранник, то есть названный наследник, носил титул короля Римского. У Франциска I был опасный соперник, внук императора Максимилиана Карл Австрийский. В силу абсурдных перипетий, связанных с территориальным наследованием, этот юный принц — сын Филиппа Красивого и Хуаны Безумной, которая, в свою очередь, была дочерью Фердинанда, короля Арагонского, и Изабеллы, королевы Кастильской, — имел права на Испанию, Нидерланды, на эрцгерцогство Австрийское и на королевство Неаполитанское! Уже и так он держал Францию в тисках, а если бы, сверх того, он стал германским императором, то королевство оказалось бы полностью окруженным. Но и обратное тоже было верно: если бы Франциск стал императором, то государства Карла стали бы совершенно разобщенными. Никогда еще соперники не были столь различны. Франциск I казался воплощением силы и жизнерадостности; у Карла было бледное лицо, всегда приоткрытый рот, слабый подбородок. Но блеск в глазах опровергал слабость черт лица. Это был очень умный и очень настойчивый человек. В противовес золоту Фран-

циска I он добился поддержки могущественных банкиров Аутсбурга, которые хотели сохранить связи империи с Антверпеном. Ценой в пятьсот четырнадцать тысяч гульденов Максимилиан купил пять голосов в пользу своего внука (иначе говоря, необходимое большинство) и потребовал за свою услугу комиссионные в размере пятидесяти тысяч гульденов. Германо-фламандский капитализм одержал победу и был избран Карл Пятый. Для Франции это представляло смертельную угрозу. Она не могла допустить появления императорских войск у своих дверей — в Нидерландах. С этого дня между Францией и германским миром начинается та борьба, эпизодами которой можно считать и наши недавние войны.

5. — Оба лагеря были заинтересованы в Генрихе VIII Английском, у которого во Франции был постоянный плацдарм в Кале. Возле этого города с ним и встретился Франциск I. Очень сходные в своих вкусах, оба монарха соперничали в проявлениях роскоши. Это свидание получило название встречи на «Поле золотой парчи», потому что шатры короля Франции были затканы золотом. «Когда они были установлены под ярким солнцем, то на них было приятно смотреть». Король Англии построил для себя настоящий дом, «весь из дерева и стекла», перед которым были три фонтана: один был из глинтвейна, другой из вина и третий — из воды. Короли «обнялись, не сходя с лошадей, и оба были очень приветливы друг с другом». Но между ними не было доверия, и когда Франциск I, любитель рискованных поступков, отправился без охраны к английскому королю, то выслушал осуждение от своих приближенных: «Мой господин, вы безумны, если сделали то, что вы сделали...» Однако, кардинал Уолси, которому Карлом V была обещана папская тиара, если он предаст Франциска I, тайно подготовил другую встречу, на этот раз между своим господином (Генрихом VIII) и королем Испании. Итак, король

Франциск I на «Поле золотой парчи» (изображение с гравюры)

или император? Хорошенько все взвесив, Генрих VIII выбрал своим союзником императора, хозяина Фландрии, потому что этого требовали английские купцы. Но торговый советник иногда оказывается не самым лучшим дипломатическим советником. Принеся в жертву Францию, Англия нарушила баланс власти в пользу Карла V. И наступит день, когда она горько пожалеет об этом.

6. — Франциск I решил атаковать. У Карла V были затруднения в Испании и в Германии. Момент был выбран благоприятный. Агрессия привела в восхищение Карла V, который считал себя более сильным: «А, значит, французский король хочет возвысить меня еще больше? Через очень короткое время я или стану несчастным императором, или он станет несчастным королем Франции!» Вся Европа была настроена против Франциска I: Генрих VIII, папа, венецианцы. Даже коннетабль французского королевства Карл Бурбон перешел на сторону врагов, уязвленный тем, что корона оспаривала у него наследство. В этих условиях переходить Альпы было чистым безумием. Но во всем отважный и смелый Франциск I решился на это и потерпел сокрушительное поражение при Павии. Армия была разбита, а король взят в плен. Он написал своей матери Луизе Савойской: «Мадам, из всего, что было, я сохранил только честь и жизнь». Среди стихов, которые он слагал в плену, мы находим такие строки, не лишённые известной красоты: «Мое тело побеждено, но сердце остается победителем». Во Франции все еще жива рыцарская традиция.

7. — Король в плену... Страшная опасность, что Франция будет раздроблена. Но мы уже видели, что со времен Иоанна II Доброго страна осознала свое единство. Все уважали регентшу Луизу Савойскую. Не было ни заговоров, ни шумных Генеральных Штатов. Единственной оппозицией оказался Парламент города Парижа, который, воспользовавшись пленением короля, начал превращать свою юридическую власть во власть политическую. В час испытания Франция проявила достоинство, и в этом было ее спасение. Так как Карлу V не удалось вызвать в стране волнения, то вскоре он начал находить своего пленника очень обременительным. Он надеялся навязать ему постыдный мир, по которому

Нормандия и Гиень отошли бы к Англии, к Испании отошло бы все наследство Карла Смелого, а предателю коннетаблю Бурбонскому отошли бы Дофине и Прованс. Франциск отказался от такого договора и заболел от тоски. Он желал смерти:

*Стремясь к единственному благу, я умираю от желания
Обрести смерть, которая и есть для меня жизнь...*

Карла V обуял страх. Если этот король умрет, то ему наследует другой. А Карлу придется возиться с трупом? Маргарита, заботливая сестра, устремилась к изголовью своего брата, заказала для него церковные мессы, вместе с ним причастилась, вернула ему надежду и в результате спасла. К этому же моменту повернулось и колесо фортуны. Генрих VIII, который к этому времени стал находить Испанию чрезмерно сильной, принял от Луизы Савойской два миллиона за то, что расстанется со своим союзником. Здесь нашлось кое-что «на булавки» и для кардинала Уолси, который увидел в этом новом предательстве и личную выгоду, и средство для продолжения своей политики уравнивания сил. Когда Франциск I понял, что бежать ему не удастся, он решил уступить Бургундию, твердо намереваясь позднее отказаться от исполнения данного обещания. Потом он объявил своим советникам, что считает клятвы, данные по принуждению, пустыми. Однако он согласился выдать двух своих сыновей в качестве заложников во исполнение договора. Таким образом, Франциск I принес их в жертву интересам королевства. Когда он вернулся, и было оглашено соглашение, поднялось всеобщее возмущение против Карла V. Папа объявил аннулированным тот договор, по которому король Испании признавался господином христианского мира. Во Франции Штаты Бургундии твердо заявили, что король без их согласия не имел права отчуждать провинцию от королевства. Это знаменовало конец личной феодальной власти. Сеньор королевского домена отныне должен был ступать перед королем Франции. Ибо такова была воля короля Франции.

8. — Разрыв отношений между Францией и Империей положил конец всей политике католического и христианского единения.

Чтобы сразить австрийский дом, Франциску I не нужно было колебаться в выборе соперников, которых следовало противопоставить Карлу V. На угрозу север-юг, то есть Фландрия-Испания, следовало ответить угрозой восток-запад, то есть Франции необходимо было найти союзника на Востоке. Еще вечером после битвы при Павии Франциск I послал тайного гонца к Сулейману Великолепному. Позднее в Париж прибыл в качестве посла один оттоманский адмирал. Политика взяла верх над идеологией и даже над верой, потому что Франция не могла себе позволить погибнуть! Казалось, что и Венгрия, и Богемия, так же как Франция, предпочитали турка австрийцу. В это же время поднялась и Италия — против испанской тирании. Папа молил Францию о защите. Карл V напал на Рим войсками коннетабля Бурбонского, который был убит при штурме городских стен. «Камни христианского мира поднимаются против Вашего Величества», — осмелился написать Карлу V один испанец. В 1529 г. Луиза Савойская, превосходная мастерица вести переговоры, сумела заключить с эрцгерцогиней Маргаритой, теткой императора и наместницей Нидерландов, мир в Камбре, получивший название *Дамского Мира*. За выкуп в два миллиона золотых экю сыновья Франции были возвращены их отцу; они рассказали, что в Испании с ними очень плохо обращались, и злоба короля возросла еще больше. Однако одна статья договора Камбре должна была сделать Франциска I зятем Карла V. У императора была старшая сестра Элеонора Австрийская, вдова короля Португалии; ей было тридцать два года. Она получила приказание выйти замуж за Франциска I. Эта принцесса, покорная, незаметная, добродетельная, провела семнадцать лет при французском дворе, где ее совершенно не замечали. Когда она овдовела вторично, то вернулась жить к Карлу V.

9. — Никогда внешняя политика Франции не была столь запутанной и противоречивой в своих направлениях. С одной стороны, шла дуэль между Францией и Австрией. Для победы над императором Франция нуждалась в помощи турок и протестантских принцев Германии. Но таким союзом с еретиками «христианнейший» король вызывал недовольство своего народа. Общественное мнение Франции, и в частности, Парижа, было настроено враж-

дебно против религиозных реформаторов. Позднее мы увидим, что король, и особенно его сестра Маргарита, хотели бы предоставить религиозным реформаторам широкую толерантность, частично в силу природной благожелательности, частично из-за того, что этого требовали новые союзы. Но страна не пошла бы за ними по этому пути. Таким образом, внутренняя политика отсылала Франциска I к католической Испании, в то время как внешняя политика ставила его в оппозицию к австрийскому дому. Отсюда возникает потребность в компромиссах, которых требовала реальная обстановка. Женитьба дофина Генриха Французского (будущего Генриха II) на одной из родственниц папы, дочери флорентийских банкиров Екатерине Медичи, показала, что Франциск I стремился поддерживать связь с католической Италией. Но он потерпел неудачу. Испания завладела полуостровом, и иезуиты подчинили своей жесткой дисциплине свободный дух Возрождения. Итальянские приключения Франции завершились расколом христианского мира. Когда в 1547 г. умер Франциск I, то всякому непредвзятому уму стало ясно, что истинной проблемой Франции была не итальянская, а германская проблема.

10. — Новый король Генрих II сумел это понять. Этот король из-за несчастного случая правил недолго, но он был одним из наших самых великих королей. Холодный, умный, молчаливый, он питал к Испании тайную ненависть, основанную на воспоминаниях о своем пленении в Мадриде. Он ненавидел Карла V. «Он желал ему столько зла, сколько можно пожелать самому смертельному из своих врагов». Но он вел против него очень умелую борьбу. Его политика состояла из следующего: а) отказ от мечты завоевать Италию;

Король Франции
Генрих II

б) перенос усилий на северо-восток и укрепление там границ страны; в) подписание длительного мира. Для завершения этого великого и мудрого намерения он вербовал друзей повсюду, где только их находил. В Англии он опирался на католиков, еще имевших там влияние, и женил своего старшего сына Францис-

ка, наследника трона, на малолетней королеве Шотландии Марии Стюарт. Это было сделано для того, чтобы помешать союзу между Шотландией и Англией. В Германии он опирался на протестантских принцев. Карл V хотел бы превратить империю с выборным императором в наследственную монархию, то есть в объединенную Германию. Генрих II прикладывал усилия к защите «германских свобод», то есть стремился сохранить раздробленность Германии. «Держать под рукой германские дела, каких бы трудов это ни стоило», — было его программой. Это же явилось впоследствии программой и Ришелье, и Пуанкаре. Генрих II ясно видел, что основные интересы Франции находились на Рейне и что нужно было срочно решать извечный вопрос Лотарингии.

11. — Германские принцы помогали ему в этом. Их раздражала самодержавная политика Карла V. Они предложили королю Франции, если он согласится их поддержать, три епископства: Мец, Туль и Верден (во временное пользование). Это стало бы надежным прикрытием французской границы. Генрих II согласился, но когда он захотел продвинуться дальше, вплоть до Рейна, и «напоить своих коней из этой реки», германцы, вначале призвавшие его, обернулись против него. Герцог Франсуа де Гиз, осажденный в Меце, спас город и завоевал себе славу героя. Потерпевший неудачу Карл V, больной, снедаемый подагрой, подписал отречение (1555 г.). Он так жестоко страдал от своих болей, что не мог уже даже сам вскрыть письмо. Он желал бы завещать Империю своему сыну Филиппу II, но германские принцы больше не желали быть замешанными в испанские распри. Карл вынужден был провести выборы, и императором стал его брат Фердинанд, а во время торжественной церемонии отречения в Брюсселе он передал остальные свои земли своему сыну Филиппу. Вот так, в силу подписания решительного и драматического акта, всемогущий император лишился всего, после чего сослал сам себя в один из монастырей. Его уход успокоил ненависть многих. У Генриха II не было никаких оснований сражаться с Филиппом Испанским, к тому же и состояние французских финансов требовало мира. Однако Франсуа де Гиз, сильный своей славой национального героя, попытался еще раз начать завоевание

Италии. Король имел слабость согласиться на это, и экспедиция обернулась провалом. Армия, посланная в Италию, была уничтожена, а во Францию со всех сторон вторглись захватчики: на севере — испанцы и англичане, на востоке — Савойя. Генрих II проявил в превратностях судьбы стойкость. Хотя Филипп II занял Сен-Кантен и испанцы были уже в Нуайоне, король отказался покидать Париж: «Остается сохранять мужество и ничему не удивляться», — сказал он. Франсуа де Гиз, грешивший безрассудством, искупил свою репутацию отвагой. Поспешно вернувшись из Италии, он взял под командование маленькую армию в Компьене, смело оставил без прикрытия столицу, двинулся на Кале и взял город, используя преимущество неожиданности. Это показалось чудом. Когда король Генрих II и герцог де Гиз вместе вернулись из Кале, Париж встретил их восторженными оvationами. Затем начались переговоры.

12. — Это был один из тех моментов, когда после долгих войн все противники стремятся к миру любой ценой. В Англии Елизавета только что наследовала Марии Тюдор, безоглядно влюбленной в своего супруга Филиппа II. Англия, таким образом, отделилась от Испании, и Испания перестала поддерживать Елизавету в деле Кале. Генрих II потребовал для себя только три епископства: Мец, Туль и Верден, города, служившие прикрытием французской границы. Император Фердинанд, не надеясь на поддержку подданных, уступил, тем более что ему необходимо было заниматься турками. Филипп II готов был уступить и Сен-Кантен, лишь бы Франция отказалась от всяких претензий на Италию и Савойю. Чтобы сохранить достоинство, Савойя и Пьемонт были отданы в качестве приданого Маргарите Французской, сестре Генриха II, старой деве тридцати шести лет, которая вышла замуж за Эммануила Савойского, и в это же время Филипп II взял в жены старшую дочь Генриха II. В свою очередь, Елизавета Французская была помолвлена с сыном того же Филиппа II, доном Карлосом, но король Испанский, овдовев, оставил эту девочку для себя (ей было четырнадцать лет). Таков был договор в Като-Камбрези (1559 г.), реализовавший обоюдное желание Генриха II и Филиппа II обратить все силы на борьбу с протестантизмом.

13. — Это был один из тех договоров, которые создали современную Францию. Для его подписания королю потребовалось большое мужество. Военные были в ярости. «В одну минуту и одним росчерком пера все вернуть и все очернить, тремя-четырьмя каплями чернил опорочить все прекрасные победы прошлого, — это волновало ум и взращивало в душе насилие», — говорил Вьейвиль⁶. Но мудрые головы этот договор одобряли: наконец-то Франция окончательно перестала заниматься Италией, где ей абсолютно нечего было делать, где ее всегда бы считали захватчицей, завоевательницей, оккупанткой, где ее постоянно окружала бы ненависть; наконец-то она обратила свои взоры на Мец, Туль и Верден, которые так часто обеспечивали само ее существование. Кроме того, Франция возвращала себе Кале — город, который, находясь в руках англичан, оставался вечной угрозой. Да, воистину это был прекрасный договор, и французский народ никогда в этом не сомневался. Большие праздники и в честь наступления мира, и в честь бракосочетания обеих принцесс с необыкновенной пышностью проходили в Париже. Но Генрих II, любивший спортивные забавы, захотел сам принять участие в турнире, и был смертельно ранен копьем графа Монтгомери, «крупного и сильного юноши», сына капитана гвардейцев М. де Лоржа. Деревянное копье вошло в глаз короля и проникло в мозг. Король девять дней оставался в коме, и умер, не придя в сознание, в расцвете физических и духовных сил, в возрасте сорока одного года. Для Франции это стало очень чувствительной утратой, ибо король, обеспечив внешний мир, мог бы обратить свои силы на внутреннее положение страны, которое начинало вызывать беспокойство. После него остались только малолетние сыновья⁷ и вдова-иностранка Екатерина Медичи.

⁶ Вьейвиль Франсуа де Скепо (1510–1571) — маршал Франции. Участвовал в переговорах в Като-Камбрези. (*Примеч. ред.*)

⁷ Новому королю Франциску II было только пятнадцать лет. Герцогу Орлеанскому (будущему Карлу IX) — девять лет; герцогу Анжуйскому (будущему Генриху III) — семь лет; герцог Аленсонский был пятилетним ребенком. Самой младшей из пяти французских принцесс Маргарите Валуа было шесть лет в момент, когда она потеряла отца. Это была будущая жена Генриха IV, «королева Марго». (*Примеч. авт.*)

**IV. О том, как жили
и о чем думали
французы во времена
Франциска I
и Генриха II**

1. — Нам кажется, что люди эпохи Ренессанса говорили себе: «Наше царствие пребывает в этом мире». Они ценили роскошь, красоту драгоценностей, тканей, одежды, дворцов, садов и женщин. Земля казалась им просторной и прекрасной, а жизнь — «вместительной». Это был период великих географических открытий, и нормандцы из Дьеппа, бретонцы из Сен-Мало были столь же отважны, как и моряки из Кадиса или Лиссабона. Наши мореплаватели идут на Новую Землю и в Гвинею; Жак Картье открывает Канаду. В самой Франции торговля превращается в приключения, особенно в провинциях, близких к Италии или Фландрии. В 1531 г. в Лионе открывается первая Биржа; капиталисты спекулируют, вычисляют денежные курсы, привлекают сбережения мелкого люда. Испания, переполненная драгоценными металлами, за золото вывозит из Франции ее продукцию. Это новое богатство, эти

вдруг открывшиеся возможности, эти нетронутые континенты пробуждают колоссальную энергию и любопытство. Французы той поры не выносят никаких ограничений, они уверены в себе, горды своим юным королем, который представляется им самым воплощением Ренессанса. Сильный, чувственный, великодушный, образованный Франциск I придает «светлейшей» короне Франции тот блеск, которого в ней не бывало со времен Карла Великого и Людовика Святого. Его мать, Луиза Савойская, называла его: «Мой сын, мой император...» Разве титул императора не был передан римлянами византийцам, а византийцами франкам? Создается даже впечатление, что подданные ощущают особую гордость, видя в короле своего абсолютного повелителя. Один французский поэт презрительно обращается к Генриху VIII английскому:

*Ибо ты подчиняешься не по доброй воле,
А потому что благороден король Франции,
И несчастен тот, у кого нет ни людей, ни денег.
Император — это тот, кто не только правит,
Ибо он царит и над странами, и над людьми.*

2. — В эту эпоху двор короля становится во Франции источником новых идей, новой моды и искусств. Двор повсюду следует за королем. Его переезды осуществляются кортежем из двенадцати тысяч лошадей с шатрами, личными вещами, коврами, золотой и серебряной посудой. Где останавливается король, там и столица. Городу Парижу Франциск предпочитает замки Луары. Он повсюду желает видеть возле себя не только своих советников, но и свой «дом», свое «общество», своих любовниц и свою верную наперсницу сестру Маргариту. «Двор без дам, что весна без роз», — провозглашает он. Нужно представить себе эти бесконечные праздники в замке Шамбор или в Фонтенбло, красоту костюмов, мужчин в камзолах из золотой парчи, в шелковых трико, в шапочках с перьями; короля, одетого в серебряную парчу; музыку, игры, любовные шалости. Нравы и обычаи были свободные. Галантность, слегка приправленная игрой, заменила тяжеловесную куртуазность. Двор был открыт для поэтов и художников. Людовик XI считал, что «наука ввергает в меланхолию»; Франциск I проявлял ко всему интерес, он «любил литературу и ученых», которым с удовольствием раздавал темы для рассуждений. «И каждый, кто приходил, был принят; и требовалось только, чтобы он не был ослом или заикой» (Брантом), ибо королевское застолье представляло собой настоящую школу, где обсуждались различные предметы, начиная с войны и кончая живописью, и сам король прекрасно разбирался и в том, и в другом.

3. — Нет ничего более увлекательного, чем исследовать отношения между королем Франции и итальянским скульптором Бенвенуто Челлини по «Мемуарам» последнего. Они общались на равных. Король хотел держать Челлини при своем дворе, так как тот создавал для него прекрасные произведения. А потому и терпел большие вольности с его стороны. Скульптор был неограничен в своих расходах. Франциск I по доброй воле раздает художникам серебро и золото из королевской казны. Челлини ведет в Париже безумную жизнь: он изгоняет из дворца Пети-Несль его обитателей, поселенных там королем, а в своем ателье колотит молодых обнаженных женщин, которые служат ему в одно и то

же время и моделями, и любовницами; поносит судей из Шатле⁸. И благодаря тому, что он в милости у короля, ему все сходит с рук. Но это длится лишь до той поры, пока он не входит в конфликт с герцогиней д'Этамп, фавориткой Франциска I. Здесь был положен предел его безнаказанности. В XVI в. искусство стоит выше морали, но не выше наслаждения. Если говорить о религии, то стоит отметить, что эпоха столь противоречива, что даже Маргарита, добродетельная и набожная принцесса, пишет распутные сказки в «Гептамероне», а король, едва покинув свою любовницу, направляется в часовню на молитву. В мужчинах и женщинах эпохи Возрождения столько животной неистовой силы, что духовные сомнения никогда не останавливают порывов их плоти. Добрые католики, они не выходят из дома без кинжала на поясе. С момента заключения брака Генриха II с Екатериной Медичи во Франции появились интриги итальянских дворов, безнаказанные убийства, таинственные дуэли, отравленные перчатки, и эта смесь обычаев кондотьеров и рыцарства создала странные характеры.

4. — Екатерина Медичи, остававшаяся в течение десяти лет бесплодной, вслед за тем была постоянно беременной. Долгое время она играла незаметную роль при дворе, называвшим ее отца «торговцем флорентийскими пилюлями». Ее супруг, дофин (позднее Генрих II), с 1536 г. был страстно влюблен во вдову, «мадам Великий сенешаль», Диану де Пуатье⁹, которая была старше него на восемнадцать лет. Холодная и честолюбивая, она выбрала своей эмблемой полумесяц Дианы и приказала нарисовать себя в образе богини луны, попирающей Эроса, и сопровождать это девизом: *Omnium victorem vici*¹⁰. В соборе города Руана она воздвигла великолепное надгробие своему супругу Великому сенешалю. На людях бесподобная вдова всегда была одета в черное и белое. Это ей, однако, не помешало заказать свое

⁸ Шатле — парижский городской суд. (Примеч. ред.)

⁹ Диана де Пуатье была вдовой Великого сенешаля Нормандии Луи де Брезе. (Примеч. ред.)

¹⁰ Я победила того, кто победил всех (лат.). (Примеч. пер.)

скульптурное изображение в виде Дианы с оленем Жану Гужону, который сумел подчеркнуть ее длинные ноги, высокую грудь и маленькую головку, или принимать от короля замки и даже драгоценности короны. Генрих II повсюду брал

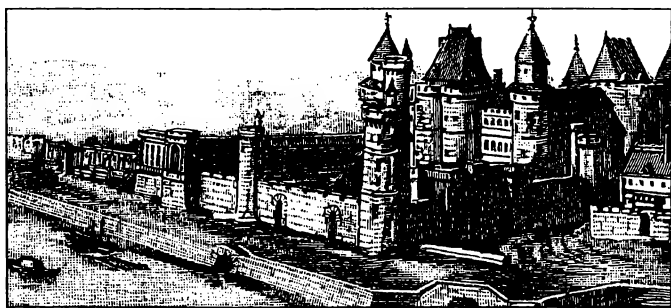
Королева Франции
Екатерина Медичи

ее с собой, а во время расставаний писал ей пылкие письма: «Я не могу больше жить без вас... Умоляю вас вспоминать иногда о том, кто всегда служил только одному Богу и только одной подруге...» Екатерина страдала от этой страстной любви мужа, но утверждала с хорошо продуманной настойчивостью, что «мадам де Валентинуа — это сама добродетель». Романтическая привязанность Генриха II к Диане (которую

он сделал герцогиней де Валентинуа) длилась двадцать три года, вплоть до кончины короля. Он писал ей в 1558 г.: «Умоляю вас всегда хранить память о том, кто никогда не любил и никогда не полюбит никого, кроме вас; умоляю вас, душа моя, соблаговолить носить это кольцо в знак любви ко мне...» В этом, 1558 г. Генрих II достиг своего сорокалетия; его Артемиде — уже бабушке — исполнилось пятьдесят девять лет; но для него она оставалась «торжествующей Викторией» Жана Гужона (слава замка д'Экуан), «несравненной Грацией», статуей которой он украсил лестницу в замке Блуа. Екатерина, несмотря на притворное смирение, не дала себя одурачить. Едва только Монтгомери смертельно ранил своего государя, как Екатерина удалила Диану от изголовья Генриха: «Умиравший король принадлежит королеве», — и герцогиня де Валентинуа получила приказ «удалиться в свой дворец, немедленно вернуть драгоценности, принадлежащие короне, а также вернуть тысячу подарков, список которых составила королева».

5. — Насколько Диана была красива, настолько же Екатерина Медичи была безобразна, но как все Медичи она обладала хорошим вкусом и продолжала традицию Франциска I, покровительствуя артистам и художникам. Она устраивала праздники,

замечательные концерты и окружала себя всевозможными сокровищами (которые находятся теперь в музее Лувра и являются достоянием французского народа). Гобелены, лиможские эмали, драгоценности, редкие книги, фаянс Бернара Палисси — все это символизирует счастливый союз французского и итальянского искусства. Проблема степени влияния каждого из них на французское искусство XVI в. вызывает массу споров среди историков и искусствоведов. Кажется, что двор и итальянские мастера, приглашенные королевой, натолкнулись на сопротивление французских мастеров — каменщиков и ремесленников, — которые предпочитали делать то, что они уже хорошо умели делать. Французы упрощали итальянские орнаменты, устанавливали свои размеры, но время от времени они прибавляли к традиционным фасадам то внешнюю лестницу, то открытую галерею в итальянском вкусе. Они еще больше, чем итальянцы, изучали труды древних и читали трактаты Витрувия об архитектуре. Поэтому можно сказать, что эта художественная революция «явилась, скорее, возрождением». Лувр Пьера Леско представляет собой восхитительный образчик классического искусства. В нимфах Жана

Лувр во времена Генриха II

Гужона через ирреальные и мистические формы Средневековья проглядывает красота античных статуй. Необходимо также отметить, что далеко не все районы Франции испытывали на себе влияние новой моды. Она охватила Париж и долину Луары, потому что там находятся резиденции королей, Лион — потому что там часто проживает двор, и Руан — потому что кардинал

д'Амбуаз ввел там модную архитектуру. Но в Туре мастерские Фуке и Коломба поддерживают местную традицию, а портретисты дома Валуа оставили нам карандашные рисунки, отмеченные подлинно французской чистотой и простотой.

6. — В литературе начала века выделяется очаровательный Клеман Маро, близкий по духу Вийону. Его стремительный и легкий стиль, его мастерство, его умение создать эпиграмму и ловко заострить ее концовку легли в основу стиля целого ряда французских писателей, среди которых Лафонтен и Мюссе. Маро, отличающийся столь символичным для его времени смешением шутливого изящества с религией, перевел «Псалмы» на французский язык, за что как протестант подвергся преследованиям Сорбонны. Опасаясь «быть посаженным в клетку», он бежал в Женеву, где столкнулся с не меньшей нетерпимостью со стороны протестантов. Он вновь бежал и умер в Турине в нищете и безвестности. Нелегко быть свободным мыслителем во времена всеобщего фанатизма; и все оказываются, как говорит Монтень, «битыми друг другом: гибеллин — гвельфами, гвельф — гибеллинами»¹¹. После эпохи Маро французские поэты возвращаются к формам и словарю античности, а также к подражанию творчеству Петрарки. Но вызывает восхищение, с каким мастерством используют они иностранное влияние в деле «защиты и прославления французского языка». Такого рода трактат, вышедший в 1549 г., принадлежит Иоахиму дю Белле, но вдохновителями был Ронсар и его друзья из «Плеяды». Автор объясняет, почему нужно употреблять французский язык, а не латынь, и как можно и должно обогащать французский язык, делая заимствования из технического словаря всевозможных рабочих

¹¹ Гибеллины и гвельфы — враждебные политические группировки, возникшие в Италии в конце XII в. в ходе противоборства римских пап и императоров Священной Римской империи. Гвельфы — сторонники папства (название происходит от династии герцогов саксонских и баварских Вельфов — противников императоров из династии Гогенштауфенов). Гибеллины (от названия замка Гогенштауфенов Гаубелинг) — сторонники императоров. (*Примеч. ред.*)

и людей, причастных к механике, таких как моряки, литейщики, художники, граверы: и другие..., прибегая к хорошим авторам, то есть к грекам и римлянам, и изучая «великие образцы» античности, — то есть оды, послания и сатиры. Искусство подражания могло бы быть опасным, не будь в этой эпохе той чудесной жизненной силы, которая придает французскому языку свежесть, богатство изобретательности и свободу в использовании терминов. Такого периода в развитии французского языка мы никогда больше не увидим. Языку того времени гораздо больше присущи процессы ассимиляции, чем подражание.

7. — В прозе этого периода ярко выделяется Рабле (Монтень, Монлюк, Брантом появятся позже): а) потому что *он прекрасно выражает свою эпоху*. Он так же, как и его эпоха, опьянен познанием, новыми словами, чтением. Он помешан на цитатах, компиляциях, сочинениях. Страстный любитель лексики, он составляет многостраничные списки эпитетов ради одного только удовольствия создавать эти списки, и переводит на все известные языки высказывания своего «лимузенского ученика»¹². Христианин ли он? Ну, конечно, но всегда готовый высмеивать монахов и не имеющий никакой склонности к мученичеству. Он каноник, но, прежде всего он врач. Можно ли сказать, что он безнравственен? Нет, конечно, но непристоен, как все студенты-медики, распутен, груб, хотя и не похотлив; б) Потому что *он прекрасно знает все стороны жизни своей эпохи*. Нет ничего более прекрасного, чем писатель, великолепно разбирающийся во всех областях техники. Рабле, как позднее Бальзака, интересуется абсолютно все. Он может остроумно высмеивать судей, софистов и солдат, потому что он изучал и право, и схоластику, и искусство ведения войн. Это был Мольер еще до появления Мольера, это был Свифт еще до появления Свифта; в) Наконец, потому что *он*

Франсуа Рабле

¹² Персонаж романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». (Примеч. пер.)

выражает философию своей эпохи: упорство в сохранении хорошего настроения. «Пантагрюэлизм» — это одновременно и моральная гигиена, и стремление к справедливости, и презрение к ненужным нам вещам, и братская симпатия к человеческим делам, и понимание суетности их дел. Пантагрюэлизм — это не величественный устав, и его аббатство Телем — это не Трапп и не Клерво. Но это весьма здравый устав, который, впрочем, слишком разумен, чтобы иметь большое влияние.

8. — У Рабле, как у всякого реформатора, есть свои представления о воспитании. Воспитание, которое дает Понократ Гаргантюа — это, в основном, воспитание научное. Рабле ненавидит педантов и «палачей юности», ненавидит эти «коллежи скудости», которые «следует сжечь». Пьер де ла Раме (Рамус), так же как и Рабле, считает, что преподавание бесполезно, когда обучают только ведению спора в соответствии с правилами аристотелевской логики; когда единственная цель студента — это доказать, что он прав, в то время как ему хорошо известно, что он не прав; воспользоваться ситуацией, когда она тебе полезна, и постараться обратить ее против своего оппонента. Рабле, рассказывая о воспитании Гаргантюа, выводит важного доктора теологии, который в течение тринадцати лет шести месяцев и двух недель все больше оболванивает своего ученика, заставляя его пересказывать от конца к началу самые плохие средневековые учебники. И когда Франциск I поощряет создание корпуса королевских лекторов, которые кроме греческого и латинского будут преподавать еще и древнееврейский и арабский языки (Коллеж де Франс), то он делает это частично и для того, чтобы улучшить преподавание этих дисциплин. Нельзя рассматривать гуманистов как революционеров в области философии или теологии; это эрудиты, выступающие за преподавание грамматики и литературы, за здравые методы преподавания. Но иногда здравые методы ведут умы гораздо дальше, чем предполагалось, и некоторые гуманисты придут через свои занятия к сближению с реформатской Церковью. Теперь, чтобы дополнить эту картину, мы должны рассмотреть роль Реформации во Франции.

**V. О том, как
Реформация
привела к созданию
во Франции
политической партии**

1. — Поначалу Реформация во Франции не была открытой борьбой между католицизмом и протестантизмом. Всевозможные ереси уже не раз разделяли римскую католическую Церковь; реформаторы призывали Церковь реформироваться, но сами реформаторы принципы этой Церкви уважали. В XIII в. крупные ученые, такие

как святой Фома, осуществили синтез католицизма и аристотелизма, примилив тем самым лучшие умы своего времени. В университетах для поддержания незыблемости доктрины достаточно было страха перед инквизицией. Охлаждение к религии наблюдалось, скорее, в народе. Окончательный провал Крестовых походов заставил простых людей задуматься, не сильнее ли Магомет Иисуса Христа. «Черная смерть» поставила под сомнение божественную доброту. Экономическое могущество Церкви пробудило острое чувство зависти как среди государей и сеньоров, которые с трудом соглашались с тем, что папа мог распоряжаться таким количеством земных благ, так и среди бедных священников, которые полагали, что епископы и аббаты чрезмерно алчны. С того самого момента, как начинают создаваться национальные государства, политическое могущество Церкви воспринимается с трудом. Церковь стремилась сохранить и свой бюджет, и свои суды; она пытается стать государством в государстве. Во Франции последствия этого национального возмущения стали совершенно очевидны, когда Филипп Красивый применил силу по отношению к папе Бонифацию VIII. Епископская аристократия эксплуатировала это чувство возмущения и тем сумела сохранить привилегии клира, добившись их передачи галликанской Церкви (Прагматическая санкция 1438 г.). Затем в лице Франциска I вмешалось государство, и Прагматическая санкция была заменена Конкордатом 1516 г., но это экономическое решение проблемы, благоприятное для короля и казны, не разрешило проблемы духовной.

2. — А между тем в XVI в. духовная проблема становится очень серьезной. Скрытое язычество эпохи итальянского Возрождения затронуло даже самих пап. Александра VI Борджиа никто не уважал, да он и не был достоин уважения. Торговля индульгенция-

ми, примитивное суеверие, распространяемое монахами, неприятно поражали души верующих. Гуманисты, знавшие древнегреческий и древнееврейский, уже не довольствовались Вульгатой: они читали Библию в подлинных списках и не признавали авторитета малограмотных клириков. Французская, или галликанская, Церковь становилась реформистской. Многие из ее епископов были людьми образованными и толерантными. Из чтения священных текстов для них проступала другая религия, достаточно отличная от той, какой стал к тому времени католицизм. В Евангелиях обнаруживался Христос и его божественная милость, а не обряды и благочестие, не Чистилище и не культ святых. Спасение души — единственно важное для христианина дело, — судя по текстам, не зависело от установленных обычаев религиозных обрядов. В 1508 г., то есть за девять лет до Лютера (1517 г.), один старый профессор Парижского университета, Жак Лефевр д'Этапль, опубликовал призыв к чтению оригинальных текстов: «Это потому предпочитаем мы теперь блага земные благам небесным, что позабыли их (тексты. — *Примеч. пер.*), что захирели монастыри и умерла набожность». *Faber Stapulensis*¹³, очень смелый в своих высказываниях, учил, что спасение дается по вере, а не через заслуги и добрые дела человека, не через исключительный авторитет Священного Писания и символический характер мессы. Он осуждал произнесение молитв на латыни, осуждал целибат священников и культ святых. «За шесть лет до Лютера, — говорит Мишле, — преподобный Лефевр д'Этапль уже излагал его учение в Париже». Смелость Лефевра дошла до того, что он издал Библию на французском языке.

3. — 31 октября 1517 г. немецкий монах Мартин Лютер прибил на паперти Виттенберга свои девяносто пять тезисов. В них он учил, что к спасению ведет только вера, что паломничества, четки, свечи и почитание реликвий уведут человека от истинной веры. Затем, возбуждаясь понемногу, ибо он был натурой страстной, он провозгласил, что Рим — это Вавилон, и что Папа — это

¹³ *Faber Stapulensis* — латинизированное имя Лефевра д'Этапля. (*Примеч. ред.*)

антихрист. Это была уже не реформа, а настоящий разрыв, и в 1520 г. Лютер был отлучен от Церкви. Лефевру д'Этаплю грозила большая опасность, если бы не защита короля Франциска I и особенно его сестры Маргариты, герцогини д'Алансон, которая выбрала в качестве своего советника и духовника одного либерального прелата, епископа из Мо по имени Брисонне. Ни Брисонне, ни Маргарита и не думали противопоставлять католицизму новую религию. Они искали внутри самой религии наилучшие способы для установления мистических отношений с Богом через молитву. Оба они преодолели кризис сомнений. Брисонне хотелось бы собрать вокруг себя в Мо самые передовые умы Церкви. Он назначил Лефевра д'Этапля главным викарием и сделал из своего епископата один из очагов новой реформатской доктрины во Франции. Франциск I из любви к сестре защищал Лефевра, которого он называл своим «добряком Фабри». «Весь французский двор, подчиняясь исключительно моде, прогрессу литературы и удовольствию понимать Священное Писание, или распевать Псалмы на французском языке, едва не перешел, сам того не подозревая, в лютеранство» (А. Сент-Бёв). Но осуждение Лютера прозвучало как удар грома. Сорбонна, охваченная великим усердием, осудила Лефевра д'Этапля. Свершался переход от учености к инквизиции и от кафедры к костру.

Мартин Лютер

4. — После 1525 г., когда под Павией король попал в плен, его позиции стали менее прочными. Регентша Луиза Савойская, ощущая себя недостаточно сильной, не смела возражать папе и Сорбонне. Спор становился более острым. В начале речь шла только о гуманизме и мистике, но начинали поговаривать о «так называемой реформированной» религии. Регентша нуждалась в поддержке Церкви для сохранения порядка в королевстве, лишенном короля. Вот почему она согласилась на строгие меры. Даже епископ Брисонне был охвачен страхом. Реформаторы привели в движение те силы, которые в дальнейшем не смогли сами

контролировать. В епархии Мо беднота, сукновалы, ткачи жгли изображения Богородицы и срывали объявления о продаже индульгенций. По приказу Парламента они были наказаны кнутом, заклеяжены, а некоторые сожжены на костре. Присмиривший Брисонне отрекся от своих епископских посланий, подтвердил, что чистилище существует и что следует «упоминать имя Святейшей Богородицы и всех прочих святых». Маргарита, обладавшая большим мужеством, поехала в Мадрид ухаживать за своим плененным братом и получила от него письмо, защитившее хотя бы «Добряка Фабри», но Парламент продолжал всех прочих еретиков сжигать на кострах.

5. — Возвращение Франциска I должно было решить вопрос о религиозной ориентации Франции. Раздираемый противоречивыми чувствами между своей сестрой-католичкой, которая обращалась к врожденной доброжелательности короля, и парламентом, который взывал к потребностям государства, Франциск I многие годы переходил от снисходительности к суровости. Речь уже не шла об умеренных реформаторах вроде Брисонне, потому что они «отказались от своих заблуждений»; те же, кто еще упорствовал, вели себя необузданно, свершая кощунственные и абсурдные действия. Кое-кто советовал королю провозгласить себя главой независимой галликанской Церкви; Генрих VIII и немецкие принцы предлагали ему свою поддержку, если он решится на этот шаг. Но король считал, что не такова роль христианнейшего короля, потомка Людовика Святого. Он принес доказательства верности папству и ортодоксии, заключив брачный союз своего сына с Медичи. Однако после завершения этого бракосочетания Маргарита предприняла попытку завоевать юную дофинессу, и появилась надежда на наступление новой эры толерантности. Но резкость действий сторонников обеих религий обескуражила Франциска I. И та, и другая сторона развешивали на стенах воззвания. Однажды король обнаружил одно из них на собственной двери: «Подлинные случаи ужасных заблуждений папской мессы». Он был неприятно поражен этим прямым выпадом против самого святого из таинств. Это была уже не реформа, а чистая ересь. Король снял свою защиту, и костры запы-

ляли. Человеческая жестокость крайне изобретательна: жертву сжигали на медленном огне, чтобы продлить ее мучения. Сам король соглашался принимать участие в процессиях, обходявших костры. Собственность еретиков конфисковывали, а доносчики получали вознаграждение. Начиная с 1538 г. король, обескураженный фанатизмом своих подданных, решительно примыкает к испанской и католической партии.

6. — Когда умеренный консерватизм сталкивается с революционным фанатизмом, то, испытывая страх, смешанный с досадой, он становится реакцией. А всякая реакция жестока. В нескольких деревнях по реке Дюранс водуазские схизматики, пережившие гонения Средневековья, изучали Священное Писание и не признавали мессу, папу и Чистилище. Привлеченные сходством доктрин, они сблизились с новыми протестантами. В 1545 году Парламент постановил, что две деревни, охваченные ересью, Кабриер и Меридоль, будут полностью уничтожены, а их жители сожжены или изгнаны. Франциск I неоднократно отказывался утвердить этот жестокий и глупый эдикт, но наконец, больной и одурманенный, он позволил вырвать свою подпись. Барон д'Оппед, генеральный лейтенант Прованса, приказал сжечь двадцать четыре деревни и перебить их жителей. Результатом стали три тысячи жертв и девятьсот сожженных домов. Франциск I уже на смертном одре попросил своего сына «не затягивать с наказанием тех, кто, используя его имя и авторитет, учинил этот грубый скандал». Но виновные так никогда и не были наказаны. В 1543 г. Сорбонна принудила всех своих членов подписать «догматы веры». Тех, кто отказался это сделать, отправили на костер. Имя Этьена Доле, великого гуманиста, друга короля, осужденного как атеиста за публикацию перевода Платона, остается скорбным символом этого отхода от развития мысли. Вот во что вылилось Возрождение в литературе! *Non dolet ipse Dolet, sed pia turba dolet*¹⁴, — сказал он, идя на казнь. И долго еще эта божественно преступная толпа будет страдать сама и заставлять страдать других.

¹⁴ *Non dolet ipse Dolet, sed pia turba dolet* (лат.) — Не сама боль причиняет Боль, а благочестивая толпа причиняет боль. (Примеч. пер.)

7. — Франциск I и «Маргарита Маргариток»¹⁵ по мере сил сдерживали религиозную нетерпимость. Генрих II, обладавший более мрачным характером, жил в постоянном страхе, что лютеранское движение будет распространяться. Тайные сборища происходили даже в Париже. Несмотря на смертельную опасность, на них присутствовали и знатные дамы, и университетские профессора. Экономическое положение страны благоприятствовало этому духовному бунту. Приток драгоценных металлов, поступающих из новых испанских колоний, все больше взвинчивал цены. В период роста цен, хотя страна и процветала, рабочие с фиксированной заработной платой и фермеры-арендаторы оказались в стесненном положении. А отсюда возникает недовольство с двух сторон — пролетариата и аристократии. В итоге экономические проблемы влияют на духовные. Недовольный человек восприимчив к ереси. Обеспокоенный Генрих II в 1549 г. учреждает в парижском Парламенте «Огненную палату», уполномоченную наставлять против ереси, ставшей «общественной чумой». Эдикт был радикальным: треть имущества еретиков отходила доносителям (награда за клевету); было запрещено продавать или держать книги еретиков (награда за нетерпимость); всякий еретик мог быть приговорен к смертной казни (награда за жестокость); и, наконец, судьи должны были быть проверенными — необходимое оружие в арсенале тирании, ибо и сами судьи были затронуты новыми идеями. Уголовная Палата Парламента уже никого больше не приговаривала. Принцы крови — Наваррский, Бурбон, Конде, семейства Колиньи, Шатийонов, Андело также были не чужды этим идеям. В 1559 г. во время торжественного заседания Парламента наиболее отважные судьи заявили, что нельзя отрицать существования злоупотреблений в Церкви. Генрих II, разъяренный тем, что нашлись судьи, «отошедшие от веры», заявил, что «увидит собственными глазами, как их сжигают». Но в один из этих глаз попало копьё Монтгомери, лишив тем самым короля этого прекрасного зрелища.

¹⁵ Маргарита Наваррская. (Примеч. пер.)

8. — До сих пор еретики оставались просто реформаторами, остававшимися католиками. Для открытого мятежа нужна была доктрина и организация: Кальвин дал и ту, и другую. Французы, прежде чем принять новую теологию, требовали, чтобы она была понятной. Кальвин предложил им доктрину столь же французскую, сколь доктрина Лютера была немецкой. Кальвин, сын прокурора из Нуайона, опубликовал в 1536 г. «Наставление в христианской вере» и в том же году перебрался в Женеву, свободный имперский город, который принял реформу, как и конфедерации Фрибурга и Берна (жители конфедераций назывались *eidgenossen*, откуда название *гугеноты*). В Женеве лютеране оказались в большинстве, а потому сразу стали преследовать католиков. Вераования изменяются, а человеческие страсти остаются неизменными. Женева превращается в прибежище французских реформаторов, среди которых оказывается и Кальвин, который из беженца превращается в пастора, а затем — во вдохновителя создания теократического правительства. Лютер воздавал Кесарю кесарево; Кальвин хотел объединить Кесаря с Христом. Он сделал из своего протестантизма (или пресвитерианства) новую форму католицизма. На первый взгляд, это теократическое правительство было демократичным, потому что пасторы и старейшины (пресвитеры) избирались. На самом же деле выборы не были свободными. Консистория, настоящая частная инквизиция, следила за каждым гражданином. Над консисторией стоял коллоквиум, а еще выше — синод. Консистория бралась за изменение нравов и подвергала цензуре даже семейную жизнь. Библия заменила закон, и судьи в Женеве применяли законы Моисея. Из Женевы пропаганда доктрины гугенотов распространилась по всей Франции, и можно сказать, что роль Женевы в XVI в. как примера и помощника была аналогична роли Москвы в XX в. для коммунистов всего света (Дж. Э. Ниль).

Жан Кальвин

9. — Доктрина Кальвина была суровой. Человек проклят со времен грехопадения Адама. Древний Адам живет в каждом из нас и вызывает наши пороки и преступления. Распятый Иисус искупил не всех людей, а только тех, кто своей верой распинает в себе древнего Адама. Но чтобы обладать такой верой, нужна благодать. Каждый человек заранее обречен либо на спасение, либо на вечное проклятие. Делами нельзя искупить спасение; дела служат доказательством, что этот человек уже наделен благодатью. Мирской результат этой догмы парадоксален: кальвинист оказывается ввергнутым в активную жизнь. Действительно, зачем раздумывать о себе самом? Нельзя изменить Божье предначертание. Но, достигая успеха в делах, можно доказать, что ты принадлежишь к избранным. Эта удивительно практичная сторона кальвинизма нравится части французской буржуазии. Образованные люди тоже склонялись к кальвинизму: это были профессора, врачи, адвокаты, мелкие священники и послушники и та часть дворянства, которая, лишившись своего состояния по Конкордату 1516 г., полная обид на Рим, создала «отделения действия» (Дж. Э. Ниль) движения гугенотов. Это оказалось особенно действенно в Лионе, связи которого с Женевой были традиционными, в Нормандии, в Лангедоке и в долине Роны. Париж оставался в своем большинстве католическим. Так как военная организация дублировалась организацией религиозной, то партия гугенотов быстро превращается в государство в государстве, а потому становится вполне понятным беспокойство французских королей.

10. — Французские короли веками боролись за то, чтобы помешать католической Церкви приобрести в королевстве слишком большой авторитет. Они положили конец гегемонистским устремлениям сильных пап Средневековья, одержали победу в вопросе инвеституры, вынудили принять сначала Прагматическую санкцию, а потом Конкордат, и получили свою львиную долю от церковных богатств. Они не могли потерпеть, чтобы под предлогом религиозных реформ аристократическая партия попыталась бы разделить королевство политически. Потому что уже очень скоро появилась целая школа гугенотов-публицистов, ко-

торые отрицали абсолютную королевскую власть. Настоящие «республиканцы» выискивали у Плутарха примеры священных восстаний против тиранов. Такая пропаганда оказалась бы очень опасной для монархии, если бы народ ей внял. Но французские крестьяне, вопреки тому, что произошло в Германии, остались верны своему традиционному католицизму. Во Франции протестантизм был — и в некотором смысле остается — уделом либеральной полуаристократической элиты.

**VI. О том, как
Религиозные войны
разделили и разорили
Францию**

1. — Дефицит, ересь, плюс меньшинство — это очень опасное сочетание. Обстановка в стране, полученная в наследство от Генриха II, была взрыво-

опасной. Итальянские войны обременили королевство долгами. Долг Франции достигал сорока миллионов ливров, взятых под чрезмерные проценты. Для выплаты этих процентов необходимо было повышать талью и продавать должности — две непопулярные меры. Страна нуждалась в надежном мире, в крепкой власти. Но кто еще обладал достаточной силой, чтобы отдавать распоряжения? Новый король, Франциск II, был пятнадцатилетним ребенком — золотушным, прыщавым, страдавшим аденоидами. Мать, королева Екатерина Медичи, крупная мужеподобная женщина, рассудительная и стремящаяся к всеобщему примирению, обладала умом политика, но не государственного деятеля. «Бог обременил меня тремя малолетними детьми и страной, раздираемой распрями», — писала она своей дочери, королеве Испанской. Хотя она была полна решимости бороться за своих сыновей, но будучи простолюдинкой и к тому же иностранкой, вынужденно соблюдала осторожность. Три партии оспаривали власть: 1) партия Бурбонов, принцев крови, которые тотчас наследовали бы трон, угасни род Валуа. Во главе этой партии стояли Антуан де Бурбон (через свой брак с Жанной д'Альбре — король Наваррский) и его брат принц Конде; 2) Гизы, лотарингские принцы, звезда которых взошла после того, как из их дома вышли королева Шотландская (Мария де Гиз) и королева Французская

(Мария Стюарт)¹⁶, а также герой войны (Франсуа де Гиз); 3) и, наконец, Монморанси, верные короне, но соперничающие с де Гизами. У Анна Монморанси, королевского коннетабля, было трое племянников гугенотов, среди которых уважаемый и почтенный адмирал де Колиньи; Гизы были фанатичными и непримиримыми католиками; Антуан де Бурбон собирал гугенотов при своем дворе в Нераке, потому что после того как коннетабль де Бурбон попал в немилость, семья пребывала в оппозиции, а также еще и потому, что он был под сильным влиянием своей тещи, Маргариты Наваррской, этой «Маргариты Маргариток».

2. — Когда юный король женился на своей племяннице Марии Стюарт, Гизы получили рычаг управления, и поэтому они предполагали, что это удобный случай, позволяющий им окружить несовершеннолетнего Франциска II теми советниками, которых выберут они сами. Народ Франции встал на сторону Гизов «с той поспешностью, которая всегда влечет его к тем, кто в данный момент выражает его устремления» (Г. Аното). И они тотчас же превратились в «людей, ниспосланных Провидением» — призванных самим Господом на защиту католической религии. Особенно популярен был Франсуа, настоящий солдат, кардинал Лотарингии, подлинный глава партии, «диктатор, папа и король в одном лице». Антуан де Бурбон, первый принц крови, имел, вероятно, все права на регентство, но, видя, что толпы полностью «огизованы», счел более разумным затаиться. В начале этого правления гугеноты предпочитали вести себя как покорные подданные, «лишь бы только оставалась единой суверенная Божественная империя», но Гизы и их друзья-экстремисты хотели очистить государство от ереси. Своими насильственными действиями они довели сторонников реформы до мятежа. «Меры воздействия (Гизов), откровенно склонные к тирании угрозы по отношению к самым знатным людям королевства, самоотстранение принцев и крупных сеньоров, коррупция среди главных лиц правосудия,

¹⁶ Имеется в виду одно и то же лицо. Королева Шотландии Мария Стюарт (де Гиз по материнской линии) в 1559–1560 гг. была королевой Франции как супруга Франциска II. (*Примеч. ред.*)

склоняющихся к преданности главным правителям (Гизам), финансы королевства, произвольно распределяемые по их приказанию, как впрочем, и должности, и бенефиции, — короче говоря, их жестокое и само по себе незаконное правительство вызывало против них необыкновенную ненависть... В результате, каждый был вынужден думать о себе самом, и многие начали объединяться вместе, чтобы быть готовыми к справедливой борьбе для восстановления бывшего и законного правительства королевства» (Теодор де Без).

3. — Вот так и случилось, что интересы «государственных гугенотов» сомкнулись с интересами религиозных гугенотов. «Недовольные» всех сортов, видя, что они подвергаются преследованиям, решили освободиться от Гизов. По всей стране было много солдат, а мир в Като-Камбрези еще прибавил ветеранов, находившихся не у дел. Теологи Реформации одобряли заговор, если только он поддерживался принцем крови. Они находили в Библии множество примеров таких заговоров. Было решено, что отдельные вооруженные отряды сойдутся в Блуа и Амбуазе и захватят двор. Но Гизы получили об этом предупреждение, заговор был раскрыт, а заговорщики арестованы. Зубцы замка Амбуаз покрылись повешенными. Жан д'Обинье, проезжая по тем местам, сказал своему восьмилетнему сыну Агриппе: «Эти палачи обезглавили Францию... Нельзя, дитя мое, чтобы вслед за моей твоей голова тоже слетела с плеч, потому что нужно будет мстить за этих благородных вождей...» Таким образом, вызревала непримиримая наследственная ненависть. Сам Конде впал в беспокойство, когда наступила неожиданная развязка: Франциск II, больной и страдавший хроническим отитом, вдруг слег в горячке. Какой удар для Гизов! Кардинал умножил процессии с мольбами к Небу о выздоровлении короля; генерал угрожал перевешать всех врачей, если король умрет. Но Смерть никого и ничего не боится. Франциск II скончался. Гизы потерпели неудачу.

4. — Новому королю, Карлу IX, было десять лет. Он был сто процентным Валуа, то есть тщедушным, приятным в общении эстетом и лентяем. На этот раз требовалось назначить регентство;

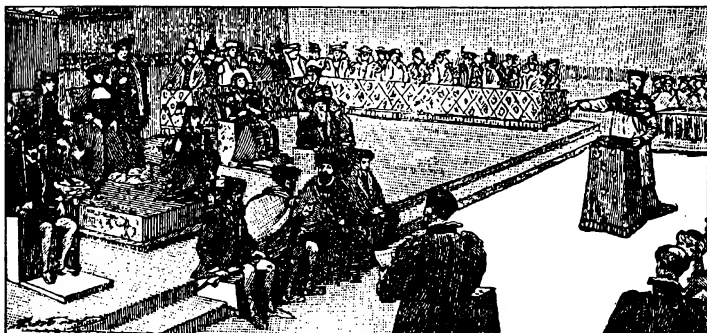
Екатерина Медичи добила́сь регентства для себя самой, угрожая Гизам Бурбонами, а Бурбонам — Гизами и призывая все партии к успокоению. Понимая, что не обладает нужным авторитетом, она улыбалась обоим лагерям враждующих. Она не преуспела на этом пути, а потому прибегла к хитрости; едва ей это удалось, как она столкнулась с проблемой авторитета

Адмирал Колиньи

Генриха Наваррского. В 1560 г. впервые после 1484 г. Генеральные Штаты королевства собрались в Орлеане. Канцлер Мишель де Лопиталь очень благородно призывал к примирению. Он выступал за национальный собор, который смог бы дать всем французам единую веру: «Мягкость может сделать больше, чем строгость... Отбросим все эти дьявольские слова, названия партий, группировок

и бунтовщиков: лютеране, гугеноты, паписты; не будем забывать, что мы христиане!» Екатерина разрешила Колиньи, Конде и их семьям отправлять религиозные культы в своих жилищах. Католики и Парламент упрекали ее в излишней снисходительности; папа запретил созыв национального собора. Екатерина заменила его «диспутом», прошедшим в 1561 г. в Пуасси. Сама идея, что вопрос веры может быть разрешен в публичных дебатах, казалась странной, но Лопиталь искренно в это верил. Умные люди всегда склонны верить, что все человечество им подобно,

Диспут в Пуасси (1561 г.)

в чем и выражается недостаток их ума. Обмануть их ожидания берет на себя сама жизнь. Канцлер открыл диспут речью, в которой сказал, что гражданская война ослабит страну, что нельзя принуждать к тем или иным религиозным убеждениям, что реформа Церкви позволила бы объединить всех христиан, — то есть эти предложения были слишком очевидно справедливыми, чтобы могли оказаться действенными. Теодор де Без¹⁷ сдержанно защищал доктрину Кальвина. Кардинал Лотарингский возражал. Через несколько дней было принято решение создать комиссию по поиску компромисса, которого она так и не нашла, и дело осталось без завершения.

5. — Но Екатерина не отказалась от мысли возможного примирения между двумя формами единой христианской веры. С мужественным упорством она удерживала при дворе и Теодора де Беза, и Колиньи, и старалась обеспечить относительную толерантность в отношении гугенотов, но в то же время не очень раздражать и католиков. Ее эдикт от 1562 г. позволял реформаторам проводить свои собрания в предместьях городов и запрещал представителям обеих партий носить оружие. Но «принципиальные вопросы не могут быть разрешены беспринципными посредниками» (Дж. Э. Ниль). Как можно договориться по вопросу о вечном спасении? Как можно согласиться, что то, что предстает как истина в предместье города, оказывается ошибочным в самом городе? Впрочем, дело не ограничивалось только национальными рамками. Даже если бы каким-нибудь чудом Екатерине и удалось бы примирить Гиза и Колиньи, то Рим и Женева все равно противостояли бы друг другу. Среди католических и протестантских масс бытовало твердое убеждение, что всякая толерантность — грех. В Париже толпы католиков поджигали дома реформистов. На юге разъяренные гугеноты нападали на католические церкви. Потерявшая надежду католическая знать уже подумывала, как бы избавиться от Екатерины, которая, испугавшись, обратилась к Колиньи с вопросом, какими силами могли

¹⁷ Без Теодор де (1519–1605) — французский дворянин, теолог, профессор богословия в Женеве, один из лидеров кальвинистов. (Примеч. ред.)

бы располагать гугеноты для защиты монархии. Это уже был призыв к гражданской войне. Но по сути обе партии и стремились к такой войне; одни видели в ней возможность удовлетворить свою ненависть, другие — повод для грабежей. Каждый «наводил блеск на свои ратные доспехи». В марте 1562 г. герцог де Гиз, который проходил со своими войсками через город Васси, услышал там гугенотскую проповедь. В возникшем сражении двадцать три правоверных (гугенота) были убиты, сто тридцать ранено. Эта драма, которую католики окрестили «инцидентом», а гугеноты — «Побоищем в Васси», стало искрой в пороховом погребе. Конде призвал к оружию гугенотов. Гиз двинулся на Париж, который приветствовал его криками: «Да здравствует Гиз!», потому что уже никто не кричал «Да здравствует король!». Возле ворот Сен-Дени, прево купцов приветствовал Гиза, называя его «защитником веры». Политика примирения полностью провалилась.

6. — Итак, неизбежность гражданской войны. Она началась при сильной поддержке обеих сторон из заграницы. Филипп II подстрекал и поддерживал католиков, Елизавета Английская подбадривала гугенотов. Лучшие представители обоих лагерей долго колебались, прежде чем призвать иностранные войска. Затем страсти овладели ими, и они рекрутировали под свои знамена швейцарцев, испанцев и немцев. Наемники терроризировали сельскую местность. Дороги были наводнены бродягами, которые имели какое-то отношение к армии. Яростно сражавшиеся французы были людьми, принадлежавшими к одной и той же нации, к одному и тому же классу, а часто — и к одной и той же семье. Иногда они с отчаянием вспоминали об этом: «Каждый, — говорит Ла Ну¹⁸, — вспоминал в глубине души, что эти приближающиеся люди были французами, среди которых могли быть их родственники и друзья, и что через час они должны будут убивать друг друга, и это повергало их в ужас...» С пленниками благородного происхождения обращались достойно. Франсуа де Гиз делил свою постель с Конде. Но эта доброжелательность сохра-

¹⁸ Ла Ну Франсуа де (1531–1591) — гугенотский военачальник и философ, сподвижник адмирала Колиньи. (Примеч. ред.)

нялась только в отношениях между главарями. Противоборствующие армии были малочисленны, не более восьми–десяти тысяч человек; они грабили, резали, насиловали с веселым неистовством партизан. Нужно читать Монлюка¹⁹, чтобы понять весь жестокий цинизм этой эпохи. Вначале, возможно, они и сражались из религиозных соображений, но очень скоро стали сражаться ради чистого удовольствия. Екатерине Медичи повезло, потому что быстро исчезли персонажи, возглавлявшие партии. Антуан Наваррский был убит, Монморанси и Конде захвачены в плен, Гиз заколот неким Польтро де Мере, дворянином-гугенотом, которого вслед за тем четвертовали на Гревской площади. Смерть Гиза была опасна для будущего своими последствиями, ибо католики считали Колиньи ответственным за это убийство. Адмирал же, как всякий невинный человек, очень плохо защищался. Чтобы оправдаться, он написал письмо королеве-матери, но окончил его словами: «Но не думайте, Мадам, что изложенные мной мысли вызваны сожалением о смерти М. де Гиза; я полагаю, что для королевства, для Божьей Церкви и для меня лично — это самое великое благо, которое могло только случиться...» На что Брантом заметил: «Многих удивило, как это он, столь выдержанный и скромный в своих речах, мог такое изречь...» В 1563 г. общая усталость привела к некому подобию ненадежного мира. Никто не сомневался, что он не будет продолжительным. Католики чувствовали, что они сильнее, гугеноты оставались в своих убежищах, таких как Ла-Рошель; и с обеих сторон наслаждение ненавистью преобладало над усталостью от сражений.

7. — Вслед за тем наступает период дикой смуты. Королевство предано огню и мечу. Следует война за войной. Ощущается нехватка хлеба. «У каждого своя шайка». Гугеноты изгнаны из Парижа, католики — из Нормандии. На Юге разоряются соборы

¹⁹ Монлюк Блез де Монтескью (ок. 1499–1577) — маршал Франции, генеральный наместник Гиени при Карле IX. Принадлежал к католической партии. Написал «Комментарии», охватывающие события 1521–1574 гг. (Примеч. ред.)

и монастыри. Повсеместно раскол проходит через семьи. Фанатизм узаконивает убийство, бандитизм оправдывается верой. Все утверждают, что подчиняются только требованиям своей веры, а на самом деле — своим прихотям. «Вот такими действиями народ и приучал себя к непочтительности по отношению к магистрату». Как только партия подменяет собой государство, а чувство мести — законы, так сразу погибает цивилизация. Екатерина поочередно обращается то к Испании, то к Англии. Она пытается нравиться сразу всем, а это равносильно предательству. Она спешит в Байонну, чтобы встретиться с герцогом Альбой²⁰? И гугеноты тотчас начинают опасаться создания оси Париж-Мадрид, а Колиньи начинает подготавливать похищение короля. Екатерина-родительница охвачена страхом, и борьба возобновляется. Генрих Наваррский, сын короля Наварры и пылкой Жанны д'Альбре (внук «Маргариты Маргариток»), стал династической главой гугенотов, политической главой которых являлся Колиньи. После долгой череды кровавых побед католиков Колиньи удачно отводит свои войска на юг, набирает там новое пополнение, идет на Париж и начинает управлять двором. Сен-Жерменский мир (1570 г.) связан с влиянием новой партии — партии политиков, или умеренных католиков, «которые предпочитают, — с презрением говорят истинные верующие, — спасение королевства спасению своей души». Кардинал Лотарингский и Гизы покидают двор; там водворяется адмирал де Колиньи. «Кончили тем, — говорит Этьен Паскье²¹, — чем следовало бы начинать». Но ничего на самом деле не было кончено. Екатерина, чтобы скрепить мир, решила отдать свою дочь Маргариту в жены Генриху Наваррскому, а своего сына, герцога Анжуйского, женить на Елизавете Английской. Два протестантских союза! «Мы надеемся, — говорила она, — на больший покой в нашей стране, чем это было до сих пор».

²⁰ Альба Фернандо Альварес де Толедо (1507–1582) — испанский полководец, наместник испанского короля Филиппа II в Нидерландах. (*Примеч. ред.*)

²¹ Паскье Этьен (1529–1615) — французский религиозный писатель, историк, адвокат. (*Примеч. ред.*)

8. — Обманчивые надежды. Резня была совсем рядом со свадьбами. Когда в 1572 г. к великому негодованию и ужасу католиков был решен вопрос о браке Генриха Наваррского, Колиньи стал неосмотрительно торжествовать победу. Теперь он стремился изменить союзы: вести войну с Испанией и заключить мир с Англией. Но Елизавета не высказывала энтузиазма; Екатерина боялась испанской армии и чувствовала, что Франция, католическая в своем большинстве, осудит такую политику. Особенно она опасалась того влияния, которое оказывал адмирал на молодого короля своими личными качествами, полными глубокого достоинства. Карл IX, даже не оповестив свою мать, уже строил совместно с Колиньи планы военных кампаний. Екатерина заволновалась: этот адмирал похищал у нее сына и готовился ввергнуть Францию в безнадежную войну! Для нее, выросшей во Флоренции, славившейся ядами и наемными убийцами, естественным решением был вывод: «Надо избавиться от этого человека». С помощью Гизов она подготовила все необходимое, и в пятницу 22 августа из окна прозвучал выстрел аркебузы. Но адмирал был только ранен в руку и сказал: «Вот как обращаются во Франции с порядочными людьми!» Чудом спасенный, но раненный, к тому же — жертва, Колиньи в глазах католиков становился опаснейшей фигурой. Возмущенный король пообещал провести расследование, которое привело бы к Гизам и к стоящей за их спиной королеве-матери. Тогда Екатерина решилась на отчаянный поступок.

9. — В этот момент руководители гугенотов собрались в Париже для празднования свадьбы Генриха Наваррского. Естественно, что покушение на Колиньи их разгорячило, а резкие высказывания привели горожан в отчаяние. Торговцы позакрывали лавки, ополчение приготавлилось. «Эта свадьба окрасится кровью», — угрожающе говорили парижане. 23 августа Екатерина призналась сыну в той роли, которую она сыграла в этом деле, и заявила, что она, а вместе с ней и король, погибнут, если не доведут дело до конца. Она имела в виду полное избиение гугенотов. Как пишет граф де Таванн, Карл IX колебался: «Король Карл был очень осторожным, но он всегда безоговорочно подчинялся королеве-

матери; видя, как далеко зашло дело, он поспешно принял решение встать на сторону своей матери... и через католиков защитить свою персону от гугенотов, хотя и выражал крайнее сожаление, что не сможет спасти Колиньи...» 24 августа в 1 час 30 минут ночи св. Варфоломея набат церкви Сен-Жермен-Оксерруа дал сигнал к началу резни. Списки были составлены заранее, чтобы никому не удалось ускользнуть. Сам Гиз отправился к адмиралу, который героически принял смерть. Только в Париже в ужасных мучениях погибло три или четыре тысячи гугенотов; в провинции, особенно в Лионе и в Орлеане, погибли еще тысячи. Среди них можно назвать наиболее громкие имена: не пощадили даже Ларошфуко²² и Комона Ла Форса²³. «Париж был похож на город, взятый приступом», — говорит Таванн. «Когда кровь перестала литься, начались грабежи... Погибли принцы и сеньоры, погибло столько же дворян, лучников, гвардейцев, сколько и всех прочих людей, а народ, принимавший участие в резне, грабил и разорял, и убивал на улицах...» Избежать смерти удалось только принцам крови — Генриху Наваррскому и Конде, но и они оказались пленниками в Лувре и «им предложили сменить религию». За границей Елизавета Английская облачилась в траур, Филипп II послал во Францию свои поздравления: «Это одно из самых радостных событий всей моей жизни...» В Риме папа Григорий XIII исполнил *Te Deum*²⁴. Ортодоксальность восторжествовала над милосердием.

10. — Резня не является решением вопроса, особенно когда у обезглавленного тела есть «запасные» головы. «Религия» могла потерять пять-шесть тысяч своих предводителей, но все же она сохранила армию решительных последователей. На юге пасторы и оставшиеся верными гугеноты организовали сопротивление.

²² Ларошфуко Франсуа III (ок. 1531–1572) — граф, протестантский военачальник, глава гугенотов Пуату. (Примеч. ред.)

²³ Жак-Номпар де Комон (1558–1652) — будущий маршал Франции и герцог де Ла Форс — сумел уцелеть во время Варфоломеевской ночи, притворившись убитым. Однако погибли его отец и брат. (Примеч. ред.)

²⁴ «Тебя, Бога, хвалим» (*Te Deum laudamus*) (лат.) — католический гимн. (Примеч. ред.)

На ассамблее в Милло (1573 г.) реформаторы создали настоящий управленческий аппарат. Члены Союза принесли клятву подчиняться своим Генеральным Штатам, совещательной аристократической ассамблее, которая контролировалась Защитником; вскоре там смог сыграть свою роль и Генрих Наваррский. После его притворного отречения он был оставлен при дворе, где развлекался любовными интрижками. Однажды вечером, когда шторы были задернуты, один из верных ему людей сказал: «Сир, правда ли, что дух Божий все еще продолжает в вас жить и трудиться? Вы выражаете свою тоску Богу по отсутствию ваших друзей... Но у вас только слезы на глазах, а у них оружие в руках. Они сражаются с вашими врагами, а вы им служите... Они боятся одного только Бога, а вы — той женщины, перед которой вы молитвенно складываете ладони, в то время как ваши друзья сжимают кулаки; они на конях, а вы на коленях...» Эти упреки его сильно задели, и наконец однажды, «очень темной и очень холодной» ночью, он убежал, отрекся от своего отречения и укрылся в Беарне, «этой новой республике» гугенотов, отделившейся от всего остального государства, перед фактом существования которой оказалась Екатерина на следующий же день после избиения гугенотов. Немезида уже поразила королеву-мать и ее сына. Казалось, что после Варфоломеевской ночи Карл IX постоянно пребывал в тоске. Он кашлял кровью, и врачи называли его «легочником». В мае 1574 г. он так ослабел, что слег в постель. 31 мая в возрасте двадцати четырех лет он умер на руках Екатерины Медичи. Его брат и наследник Генрих III был в Польше, потому что Екатерина добила его избрания польским королем. Требовалось срочно его вернуть. Казна была настолько пуста, что Франция с трудом смогла оплатить дорожные расходы по его возвращению, а также расходы, связанные с похоронами Карла IX.

11. — Новый король, Генрих III, обладал странным и волнующим очарованием. Высокий, худощавый, элегантный, приветливый, насмешливый, он славился умом и врожденным либерализмом, но никому не внушал уважения. Его женственные манеры, его браслеты и ожерелья, его любовь к духам неприятно поражали, но еще большее неприятие вызывали его подозрительные

«миньоны» с чересчур «красивыми плоеными воротниками» и слишком красивыми брыжами (воротниками). Когда же стало известно, что для некоторых праздников он переодевается в женское платье, то его начали называть «Содомским Принцем». Рядом с ним мужественный Генрих де Гиз, прозванный Меченым²⁵, выглядел для католиков вполне желанным главой. И он нравился им еще больше, так как их раздражало, что, после побега Генриха Наваррского, Генрих III сделал еще один шаг в политике умиротворения гугенотов. По «Миру брата короля» (1576 г.) гугеноты получали право на надежные места, на свободу культа, право на занятие любых должностей. И это всего через четыре года после Варфоломеевской ночи! Это было уму не постижимо. Но правда заключалась в том, что казна была бедна, что никто не одолжил бы французскому королю даже «на что пообедать», и тем более не одолжили бы денег на ведение войны. В связи с этой несостоятельностью королевства, появилась идея создания Лиги, которая восстановила бы авторитет Церкви, и главой которой стал бы Генрих де Гиз. С 1577 по 1584 г. католики и гугеноты с ненавистью и подозрительностью следили друг за другом.

12. — В 1584 г. скоропостижно умер «от груди» герцог Анжуйский, младший брат короля, последняя надежда католиков. Так как Генрих III не имел детей, и не было никаких шансов, что они у него появятся, то наследником по праву первородства становился отныне Генрих Наваррский, еретик! Странная ситуация, когда король даже не может быть помазан. Генрих III, надежная поддержка соблюдения законности, признал своего наваррского кузена заранее назначенным наследником, но потребовал, чтобы тот обратился в католицизм. Наваррец ответил, что это вопрос совести. Тогда Гизы стали искать иного короля. Да почему бы и не один из Гизов? Генрих Наваррский (потомок сына Людовика Святого) был кузеном Генриха Валуа только в двадцать второй степени родства. Недобросовестные составители генеалогий были готовы доказать, что герцогский дом Лотарингии

²⁵ Генрих де Гиз получил это прозвище из-за шрама на лице, полученного в ходе военной стычки в 1575 г. (*Примеч. ред.*)

(младшей ветвью которого были Гизы) имел своим основоположником Лотаря, сына Карла Великого. Другие поддерживали кандидатуру старого кардинала де Бурбона, дяди Генриха Наваррского. Однако значительная часть Франции была настроена против Лиги. Повсюду множились памфлеты. Заграница, чуя поживу, вмешивалась в эту французскую междоусобную ссору. Филипп II обещал Лиге солдат, Елизавета требовала возвратить Кале и Гавр. Двор лавировал между всеми. Екатерина умоляла своего наваррского зятя вновь обратиться в католичество. Тот очень благоразумно мешкал, потому что растерял всех своих сторонников и оставался в полной зависимости от своих врагов. Генрих III, которого все презирали и ненавидели, вынужден был склониться перед требованиями Лиги и Гизов. В 1585 г. он сдал все позиции. Десятью годами раньше он объявил веротерпимость по отношению к протестантам, теперь он ее отменил. Раньше он обозначил безопасные места для протестантов, теперь он их тоже отменил. Впрочем, он делал все это весьма неохотно, потому что понимал, что эти меры приведут к войне, денег на которую у него не было.

13. — Эта война получила название «войны трех Генрихов» (Генрих III, Генрих Наваррский и Генрих де Гиз), но на самом деле Генрих III и его мать продолжали играть неблагодарную роль посредников, что вызывало к ним презрение со стороны членов Лиги. «Невозможно, чтобы в этом фарсе, где участвует столько действующих лиц, не нашелся бы кто-нибудь, внушающий доверия», — писала когда-то Екатерина французскому послу в Испании. Теперь же она говорила: «В течение двадцати или тридцати лет мы применяли прижигания, полагая, что так можно уничтожить бытующую среди нас заразу, и мы на опыте убедились, что эти насильственные меры послужили только к ее распространению...» Париж, доведенный до фанатического состояния проповедующими монахами и герцогиней де Монпансье, сестрой Гизов, этой амазонкой от Лиги, готов был объявить неповиновение королю. В мае 1588 г. Генрих III запретил Генриху де Гизу въезд в столицу. Меченый явился в столицу один, в сопровождении только восьми или девяти человек. Город принял его с такой

радостью, что он едва не был задушен в объятиях. Толпа бросала ему цветы; женщины, стоя на коленях, целовали его плащ. Толпа кричала: «Да здравствует Гиз!» Он надвинул пониже свою широкополую шляпу (и неизвестно, не посмеивался ли он под ней втихомолку) и отвечал с притворной скромностью: «Друзья мои, это уж слишком... Лучше кричите: Да здравствует король!» Генрих III пришел в ярость, ввел войска в Париж и решил оказать сопротивление. Город оцетинился баррикадами, студенты пошли на Лувр, женщины бросали из окон камни в королевских солдат. Гиз оказался хозяином положения. «Нельзя более медлить», — говорили ему самые главные представители Лиги. «Пойдем в Лувр за сиром Генрихом!» Гиз упустил и момент, и короля. Он вскоре пожалел об этом. «Нужно быть или Цезарем или никем, — вот что признал наконец герцог де Гиз, но признал он это слишком поздно» (Пьер ле Летуаль).

14. — Генрих сумел покинуть столицу и укрыться в Блуа, но он потерял Париж, где царил теперь Гиз, и когда король созвал Генеральные Штаты, то констатировал, что вся Франция поддерживала врагов. Он уступил, смирился, но внимательные наблюдатели подумали, что приближается «день кинжалов». Сорок Пять — отряд из сорока пяти дворян, молодых, смелых и готовых на все — защищали короля и ожидали его приказаний. И приказ поступил: нужно было убить герцога де Гиза, мятежного подданного, угрожавшего трону и жизни своего повелителя. Многочисленные друзья твердили Гизу, что он в опасности. Но Гиз полагался на слабость короля: «Он не посмеет», — говорил он. Однако король посмел, даже не посоветовавшись со своей матерью. Генриха де Гиза убили в замке Блуа, куда он был приглашен на совет; кардинал де Гиз был арестован и убит на следующий день. Екатерина Медичи пришла в ужас: «Что вы наделали!» — вскричала она. «Отныне я — единственный король», — ответил ей сын. Кардинал де Бурбон устроил дикую сцену старой королеве: «Ах, Мадам, это все ваши козни! Вы всех нас погубите!» Екатерина поклялась, что она здесь ни при чем, и вслед за тем вздохнула: «Я больше не могу, я должна лечь в постель...» С постели она уже больше не вставала и через три не-

дели умерла. «Умерла не женщина, — сказал Жак де Ту²⁶, — это скончалось королевство». Но у королевства оказалась гораздо более долгая жизнь, чем думал де Ту.

15. — Варфоломеевская ночь не уничтожила само Дело; но и убийства в Блуа не тотчас расстроили Лигу. Как раз наоборот, Париж восстал против «тирана», которым проповедники называли теперь «Генриха III, некогда бывшего королем Франции». Лига отказалась войти в сношения с «сиром Генрихом Валуа». Ярость духовенства, входящего в Лигу, достигла уровня психоза. В Париже процессия из ста тысяч человек погасила по данному сигналу все зажженные свечи и разразилась криками: «Вот так угаснет по слову Господа весь род Валуа!» Но какими бы устрашающими ни выглядели эти потрясения, это были уже конвульсии чудовища, раненного в голову. Без Гизов и без их популярности Лига могла только слабеть, «и тяжестью своей беспомощной агонии вызвать усталость в королевстве» (Г. Аното). Генрих III обосновался в Туре, и так как его покинули католики, он решительно призвал своего наваррского кузена. Между обоими родственниками было заключено перемирие, и они вместе осадили Париж, а Генрих Наваррский умел воевать! Вскоре короли были уже в Сен-Клу, и члены Лиги почувствовали себя обреченными. Доведенные до отчаяния, они тоже прибегли к преступлению. Проповедники громогласно взывали: неужели не найдется ни одного человека, который отомстил бы за убийства, совершенные в Блуа? Доминиканец Жак Клеман внял этим призывам и запросил у теологов подтверждение того, что он обретет вечное спасение, свершив цареубийство ради веры. Успокоенный ими, он проник к королю (1 августа 1589 г.) и нанес ему удар кинжалом. Генрих III умер достойнее, чем жил; он умер как король, думающий только о судьбе королевства; перед смертью он сказал Генриху Наваррскому: «Я счастлив умереть, видя вас подле меня. Теперь корона ваша... Я приказываю всем офицерам после моей кончины признать вас своим королем...» Потом он призвал его обратиться в

²⁶ Ту Жак Огюст де (1553–1617) — французский историк и государственный деятель, каноник Собора Парижской Богоматери. (Примеч. ред.)

католичество: «У вас будет много препятствий, если вы не решитесь сменить веру. Я призываю вас к этому...» Генрих III испустил дух в три часа утра. Руководящий комитет Лиги огласил через свою пропаганду, что это убийство было законно, и что отлученный от Церкви король Наварры не может наследовать корону.

VII. О том, как Генрих IV восстановил единство Франции

1. — Генрих IV, протестантский король католической страны, должен был разыграть трудную партию. Однако в его игре были и козыри, первым из которых являлся он сам, такой, какой обязательно должен был понравиться французам. Народ был благодарен ему за то, что он провозгласил: «Мы рождены не только ради нас самих, но главное, чтобы служить Отечеству». Он хотел быть королем всей страны целиком, а не какой-то одной партии: «Те, кто честно действует соответственно своему вероисповеданию, всегда будет одной со мной религии, а сам я принадлежу к вероисповеданию всех тех, кто смел и порядочен». Он считал, что мягкость и милосердие являются первыми добродетелями государя: «Всем хотелось бы, чтобы я привязывал на лук своих дел тетиву их страстей». Но роль государя заключается не в том, чтобы разжигать страсти приверженцев. Генрих постоянно призывал всех французов к объединению: «Все мы французы и сограждане одного отечества; и нам следует примириться на основе здравого смысла и доброты, а не на основе нетерпимости и жестокости, которые только будоражат людей». Он нравился и потому что был смелым и хорошим солдатом: «Я взбирался на городские стены, я поднимаюсь и на баррикады». Он и писал не менее бойко, с примесью сельского остроумия и гасконской поэтичности. Постоянно влюбленный, он посылал своим возлюбленным прекрасные пылкие письма: «Мое подлинное сердце, моя единственная любовь...» Однако Генрих-король держал Генриха-любовника на почтительном расстоянии: «В том, что касается солдатских дел, я не спрашиваю совета у женщин». Его живые глаза, крючковатый нос, квадратная бородка, его гасконский акцент, очаровательное остроумие и даже его любовные победы настоящего волокиты стали скоро любимы народом.

2. — На следующий день после смерти Генриха III он стал королем. Но кто же признал его? Многие католики говорили: «Пусть он будет королем, но только пусть обратится в католичество», — и Генрих Наваррский понимал, что придется это сделать, что весь Париж состоит из католиков, что «если Франция — это человек, то его сердце — Париж», и что, как он скажет позднее, «Париж стоит мессы». Впрочем, его вера, которая скорее была чувством, чем догмой, вполне могла приспособиться и к обращению. Для него важно только было оставаться добрым христианином и сохранять свое достоинство. Он ждал своего часа для принятия решения: «От меня часто требовали сменить веру. Но как? С ножом к горлу. Если бы даже у меня не было никакого почтения к моему вероисповеданию, то почтение к моему достоинству помешало бы мне это сделать... Что сказали бы обо мне самые горячие поклонники католической религии, если бы увидели, что я, прожив до тридцати лет в одной вере, вдруг сменил ее в надежде на получение королевства?» Он обещал углубить свои знания, просветиться. «Те, кто не хочет ждать, — сказал он, — имеют полное право меня покинуть... И среди католиков у меня будут те, кто любит Францию и честь». Таковые действительно у него появились, а кроме того, у него была еще и небольшая армия протестантов. Против него спланировала свои ряды Лига. Герцог Майенский (брат покойного герцога де Гиза) провозгласил королем под именем Карла X старого кардинала де Бурбона, а сам он стал генерал-лейтенантом королевства. В Париже сектантская демагогия Шестнадцати²⁷ приводила в отчаяние католическую знать, которая держалась в стороне. Генрих IV чувствовал, что он сможет завоевать свое королевство, и с десятью тысячами человек устремился на осуществление этого мероприятия.

3. — Он мог бы удалиться в Лангедок, но это означало бы отказаться от Парижа. Поэтому он двинулся в Нормандию, где были, как он знал, дружески к нему расположенные города. Майен

²⁷ Совет Шестнадцати — выделившийся из Совета Парижской лиги (подразделения Католической лиги) орган городского управления, названный так по числу кварталов, на которые был разделен город. (Примеч. ред.)

преследовал его по пятам. В Арке, возле Дьеппа, Генрих IV благодаря своим качествам военного вождя одержал первую победу, и она привлекла на его сторону французов всех партий, которые инстинктивно пошли за общенациональным королем. За спиной Лиги стояли король Испанский, герцог Савойский и все враги Франции; эти чудовищные союзы шокировали честных людей. Парижане, вступившие в католическую партию, удивлялись и разочаровывались, видя, что она превратилась в партию революционную. Сам герцог Майенский писал: «Торговцы думают о своих делах, не хотят войны и советуют сохранять мир». Члены Парламента, преследуемые союзом Шестнадцати, были тайными сторонниками Наваррца. «Мениппова сатира»²⁸ описывает возмущение горожан: «Люди шли, повторяя: “Некогда у каждого был хлеб на чердаке и вино в подвале. У каждого была серебряная посуда, ковры и мебель... Кто, кроме воров, может теперь похвастать, что у него есть средства, чтобы прожить ближайшие три недели?...”» Все жаждали порядка, все ожидали энергичного и милостивого вождя. И вот такой вождь теперь появился, и это был король. Все, что он произносил, вызывало восхищение. «Если вы потеряли свои ротные кавалерийские штандарты, присоединяйтесь к моему белому султану; вы найдете его на дорогах победы и чести». А вечером накануне одной битвы он провозгласил: «Четвертая часть французам, грабь иностранцев!» Когда он осадил наконец Париж, жалость не позволила ему держать слишком жесткую осаду, и он пропускал в город продовольствие: «Я не хочу быть правителем на кладбище», — объяснил он.

4. — В 1593 г. в Париже были созданы Генеральные Штаты королевства. Депутатов было немного, но народ, казалось, ждал от них решения. Герцог Майенский произнес тронную речь и заявил, что Франция желает короля католика: его кандидатом был он сам. Но Филипп Испанский хотел посадить на французский

²⁸ «Мениппова сатира» — цикл сатирических произведений нескольких авторов, опубликованный в 1594 г. «Менипповой сатирой» (от имени писателя-киника Мениппа) изначально назывался жанр античной литературы, сочетающей пародию и философские размышления. (Примеч. ред.)

трон свою дочь Изабеллу Клару, внучку Генриха II, и сделать из Франции более или менее автономную испанскую провинцию. А в это время Генрих IV вел переговоры в городке Сюрень. Он понимал, что пришел момент переменить веру. Если бы Штаты выбрали королем кого-то другого, то легитимность его власти стала бы спорной; и, наоборот, если бы законный король стал католиком, то Париж и Франция, утомленные долгими войнами, пошли бы за ним. «Наставьте меня», — сказал он епископам, — «Я не упрямец... Вы принесете большую пользу Богу, одержите прекрасную победу вашей веры». Был ли он честен? «За свою жизнь он дважды был протестантом и дважды католиком... Эксперт по части отречения, он создал свою веру, очень терпимую и в то же время очень искреннюю...» (Г. Аното). Ему ничего не стоило уступить народному пожеланию и, как он говорил на своем гасконском диалекте, сделать сальто. Он только хотел, чтобы ему дали необходимое время. Своими вопросами и комментариями, дойдя даже до обсуждения «шалостей» культа святых, он вызвал переполох среди епископов. Наконец, 25 июля 1593 г., в Сен-Дени, Генрих IV, облаченный во все белое, был «принят в лоно церкви». Лига утратила цель своего существования. В марте 1594 г., пообещав полную амнистию, король вступил в свой великий город Париж и направился в Нотр-Дам, чтобы присутствовать на мессе. Амнистия была честно соблюдена. Когда Франция увидела, что король не стремится к репрессиям, она поступила так же, как Париж.

5. — Вызывает восхищение то терпение, с которым Генрих IV завершал дело умиротворения Франции. Это было нелегкой задачей. Повсюду еще полыхала злоба. Многие возмущались его снисходительностью: «Если кто-то и позволил себе лишнее, — говорил он, — то мне достаточно знать, что он одумался, и теперь не будем больше к этому возвращаться». Он просто купил покорность многих, объясняя, что это стоит ему в десять раз дешевле, чем если бы он стал употреблять силу. Он оплатил долги своего злейшего врага герцога Майенского, а в виде легкой мести заставил этого толстого ревматика побегать по своим делам. Он заключил мир с Испанией. Оставалось помириться со Святым Престолом. В этих переговорах Генрих был непоколебимо тверд,

и кардиналы посоветовали папе уступить, потому что галликанское духовенство Франции поддерживало короля, и в противном случае дело могло бы дойти до раскола. Договор был заключен на основе Конкордата 1516 г. Права галликанской Церкви оставались неизменными. Король выбирал епископов и распределял бенефиции, а церковь сохранила свою собственность: сто миллионов доходов плюс десятина; зато Церковь должна была содержать культовые здания и школы. Оставался еще открытым вопрос о юном принце Конде, протестанте, который оказывался прижизненно признанным наследником трона до тех пор, пока у короля не появится ребенок мужского пола (законнорожденный). В результате договорились, что Конде будет воспитываться в католической вере, и тогда папа снял отлучение Генриха IV от Церкви. Таким образом, монархия сохранила «список» бенефиций и свою власть над французской Церковью. Оставалось разрешить последний вопрос, вопрос об иезуитах. Орден, созданный в 1540 г., — настоящая духовная милиция на службе папства, — выведенный из-под власти прелатов, сыграл важную роль в религиозных войнах. В 1594 г. иезуиты были изгнаны из Франции как враги короля и государства. В 1603 г., невзирая на предостережения Парламента, Генрих IV вернул их в страну. «Я считаю, что они необходимы для моего государства, — заявил он. — И если они не появились здесь в силу веротерпимости, то я желаю, чтобы они появились в силу эдикта».

6. — Но в сердцах еще не поселилась истинная веротерпимость по отношению к протестантам. Некоторые светлые умы, как например Боден, уже с 1577 г. вынашивали идею разделения Церкви и государства. «Государь является суверенным судьей; если он склоняется к какой-либо партии, то он становится всего лишь главой этой партии и подвергает себя опасности погибнуть в последующей борьбе. Пусть государь, не вдаваясь в подробности, какая из религий лучше, откажется от насилия». Но большинство и католиков, и протестантов все еще желали уничтожения своих противников. Генрих IV надеялся, что его обращение повлечет за собой волну обращений многих протестантов. Но этого не случилось. За его отречение они затаили на него злобу и продолжа-

ли называть католическую Церковь «Римским Зверем». Король смог добиться от гугенотов только согласия на некое подобие перемирия — Нантский эдикт. Этот акт содержал разумные постановления: право протестантов на занятие любых государственных должностей, отправление культа в оговоренных местах и при определенных условиях, право оставлять завещания, образование протестантским клиром синода, коллегий и консисторий; создание в Парижском Парламенте Судебной Палаты, а в Тулузском Парламенте — «половинной» Палаты²⁹. Некоторые секретные пункты таили в себе опасность: протестанты сохраняли сто пятьдесят укрепленных местечек и замков, то есть они не отказались от создания некоего государства в государстве. Учитывая их страдания и пережитый опыт, никому и в голову не приходит осуждать их за то, что они потребовали этих гарантий надежности, но сохранение в королевстве партии с сепаратистскими устремлениями представляло для Франции большую опасность.

7. — Религиозное примирение было далеко не единственной проблемой. «Вы знаете на собственном горьком опыте, так же как я знаю на своем, — сказал Генрих IV нотаблям города Руана, — что, когда Бог возложил на меня эту корону, я нашел Францию не только почти разоренной, но почти полностью погибшей для французов... Своими стараниями и трудами я спас ее; ныне я спасу ее от разорения». Нужно было очень многое сделать. «Разорение повсюду, — писал венецианский посол, — скот почти полностью погиб, так что нельзя пахать землю... Жители уже не такие честные и учтивые, как раньше; война и вид крови сделали людей хитрыми, грубыми и нелюдимыми». Можно было видеть крестьян, которые из-за отсутствия волов сами впрягались в плуг «и с веревкой на плече выполняли работу животных». Население городов сократилось, иногда даже на две трети. Ремесло ткачей почти погибло. Состояние финансов было плачевным. «Все мои рубашки порваны, — писал сам король, — у моего камзола дыра на локте, мой котелок часто остается перевернутым вверх дном,

²⁹ В судебных палатах парижского и провинциальных Парламентов половину мест занимали гугеноты. (Примеч. ред.)

и вот уже два дня я обедаю и ужинаю то у одних, то у других». Но Генрих IV твердо знал, что и у этой земли, и у этого народа есть скрытые ресурсы. Он смело взялся за восстановление Франции и наведение в ней порядка. В этом он опирался главным образом на своего соратника и друга Максимилиана де Бетюна, барона де Росни, которого он сделал герцогом де Сюлли в 1606 г.

8. — Сюлли обладал больше, чем гениальностью: он обладал здравым смыслом, честностью и необыкновенной работоспособностью. Он писал: «Вот я заперся в своем кабинете и чрезвычайно придирчиво выискиваю всевозможные злоупотребления, которые следует искоренить». Подобно Наполеону он любил читать донесения: «Я всегда буду утверждать, что без этого путеводителя только вслепую можно работать или уж просто воровать». Он вставал в четыре утра, работал до шести тридцати, потом завтракал, вновь работал до полудня, обедал, работал и ложился в десять часов. Угрюмый, упрямый (даже после обращения короля в католичество он держал у себя на стенах портреты Лютера и Кальвина), грубый — именно таким он был бесценен для Генриха IV: «С той самой минуты, как вы перестанете мне перечить, я буду думать, что вы меня больше не любите», — говорил ему король. Работящий и старательный, бережливый и даже скупой, Сюлли вел дела королевства как простой французский крестьянин. «Нельзя, чтобы все знали, что у короля водятся денешки», — говорил он. Он полагал, что государства налаживаются «осмотрительностью, порядком и золотом». Он был безжалостен по отношению к сборщикам налогов и казначеям. Он по косточкам разбирал их отчеты, заставлял вернуть награбленное, хотя иногда это было и несправедливо. Все это заставляло говорить, что он скорее солдат, чем финансист. Он действительно был солдатом, и король одновременно с финансами доверил ему и артиллерию; Сюлли любил прогуливаться между Лувром и Арсеналом, по большим залам, уставленным пушками. «Артиллерия никогда не выглядела бы так безупречно, если бы она не была под управлением суперинтенданта финансов», — говорил он. Когда он приступил к делам, то нашел триста миллионов ливров долга и двадцать три миллиона годовых поступлений; но после вычета мест-

ных налогов только семь миллионов составляли чистый доход короля, который весь уходил на войну, королевский пенсией и подарки. Прибегая к помощи нотаблей, проявляя большую жесткость, большую «рачительность», проводя конверсии, отказываясь от уплаты долгов, Сюлли сумел не только восстановить равновесие, но и скопить в Бастилии казну в тринадцать миллионов, и, кроме того, численно увеличить дорожную его сердцу артиллерию.

9. — «Хлебопашество и пастбища — вот два сосца Франции, настоящие золотые россыпи и сокровища Перу». Это высказывание принадлежит Сюлли, который считал, что земля — это единственная подлинная форма богатства, и что те, кто на ней работают, — это единственный питомник будущих солдат для армии. Он творил чудеса, чтобы поправить вред, причиненный войной. Сюлли восстановил дороги страны и обсадил их вязами, починил мосты, построил в Париже Новый Мост (Pont-Neuf) (1604 г.), наметил строительство каналов. Разоружив партизан, он восстановил безопасность деревни, объявил неотчуждаемость домашнего скота и орудий крестьянского труда, обязал сеньоров каждые три месяца уничтожать «волков, лис, диких котов и других вредных животных», создал конезаводы, реорганизовал управление лесами, осушал болота. Современная Франция в значительной степени обязана ему красотой своих дорог, лесов и полей. Но зато торговля и колонии совсем его не интересовали. Тщетно ему твердили о Квебеке (основанном в 1604 г.). «То, что остается отделенным чужими землями или морями от нашей основной части, всегда будет только обузой, не приносящей пользы». Генрих IV тоже любил крестьян и желал видеть «по воскресеньям курицу в каждом котле», но он хотел также реорганизовать и промышленность, в которую Сюлли не верил, как не верил ни в какие новшества. Он относился враждебно к попыткам короля благоприятствовать разведению шелковичных червей, враждебно к путешествиям Шамплена³⁰, враждебно к

³⁰ Шамплен Самюэль (1567–1635) — французский путешественник, исследователь Северной Америки. Был королевским географом и первым губернатором Канады. В 1608 г. основал город Квебек. (Примеч. ред.)

производству предметов роскоши, враждебно к откупщикам, враждебно к бракам между дворянами и дочерьми богатых простолюдинов, враждебно к праздной, ленивой и сластолюбивой жизни. Если бы король ему позволил, Сюлли создал бы в каждом бальяже инспекцию нравов «из трех цензоров-реформаторов», которые имели бы право оценки «поведения и семейных отношений». Это был Кальвин-артиллерист и Кальвин-финансист. Более прогрессивный Генрих IV хотел бы, чтобы королевство производило хотя бы те промышленные товары, которые необходимы для нужд страны. В начале XVI в. на это еще можно было надеяться. Тогда Франция развивала свою промышленность гораздо быстрее, чем Англия. Но в 1600 г. все изменилось. Итальянские войны, а вслед за тем Религиозные войны полностью разорили людей. Уже не было свободных капиталов. Следовательно, восстановление промышленности должно было стать государственным делом; но это затронуло только производство предметов роскоши, потому что народные массы, обобранные тальей, не обладали никакой покупательской способностью. Король поощрял создание мануфактур по производству золотой и серебряной парчи, гобеленов и хрустальных изделий. Результаты были менее поражающими, чем говорится в легендах, но совершенно очевидно, что Генрих IV и Сюлли дали Франции десять лет передышки, о которой сохранилась память как о «золотом веке».

10. — Во Французской монархии проблема наличия дофина всегда была очень серьезной. Но у Маргариты де Валуа, долгое время жившей вдаль от Генриха IV, никогда не было детей. И, конечно, не потому что король не мог иметь детей, — наоборот, он повсюду сеял их в изобилии. Его любовным приключениям не было числа; «история обнаружила более пятидесяти шести имен его любовниц», но понятно, что даже Клио далеко не все известно. Больше всех он любил прекрасную Габриэль д'Эстре, от которой у него было трое детей. Он хотел на ней жениться. Но если королева Марго, которая никогда не любила своего супруга, и была готова согласиться на развод, то она никак не хотела потворствовать мезальянсу, за которым последовала бы коронация ненавистной соперницы. Габриэль скоростижно скончалась, —

отравленная, говорили одни; жертва эклампсии, — сообщала официальная версия. Чтобы погасить долги перед великим герцогом Тосканским, Генрих IV женился в 1600 г. на Марии Медичи, племяннице заимодавца. Двадцативосьмилетняя флорентийка была тяжеловесной и плодовитой; весь двор прозвал ее «толстой банкиршей». Маргарита устранилась, но продолжала жить в Париже и даже стала подругой королевской четы. Уже в 1601 г. Мария Медичи подарила королю сына, будущего Людовика XIII («который проматывает плоды всех Ваших стараний», — проворчит Сюлли), а потом беременела уже ежегодно. Впрочем, король никогда не был привязан к своей довольно глупой и очень ревливой супруге. Генриетта де Бальзак д'Антраг (дочь Марии Туше, которая была любовницей Карла IX) внушила ему сильную страсть. Эта девица продалась за сто тысяч экю, в обмен на письменное обещание жениться, которое Генрих IV не сдержал, но позднее вынужден был очень дорого выкупить. Его трое детей от Генриетты — так же, как дети от Габриель д'Эстре, — получили дворянство и были признаны королем, а их мать была сделана маркизой де Верней. Шалости стареющего короля уже не нравились его народу, так же как не нравились и его супруге. То, что в юном герое казалось очаровательным, шокировало в старикашке. К концу его правления раздавалось уже открытое недовольство. «Черт возьми! В этом городе я умру, — говорил Генрих IV. — Они убьют меня!» В пятьдесят шесть лет он влюбился в пятнадцатилетнюю девочку Шарлотту де Монморанси, и тогда ее муж, принц Конде, увез ее в Брюссель, чтобы сделать недосыгаемой. Генрих IV дошел до того, что потребовал ее возвращения и пригрозил эрцгерцогу Альберту, что явится за ней во главе армии. Распутство сильно старит, и Генрих не был уже мудрым и веселым гасконцем своей юности.

Генрих IV и Мария Медичи
(фрагмент картины Рубенса)

11. — В своей внешней политике он продолжал до конца жизни бороться с Австрийским домом, и не потому что был протестантом, а потому что считал его опасным для Франции. В своей книге «Королевское хозяйство» Сюлли предлагает своему господину «Великий Замысел», который сделал бы из Европы христианское Общество Наций под управлением совета из шестидесяти избираемых членов. Позднее Сен-Симон напишет об этом: «Мы находим в Империи только слабый намек на это. Придворный совет, императорская палата, сеймы, а иногда и сам император разбирают разногласия. Сильные, а иногда и самые заурядные люди государства сопротивляются и не подчиняются этим постановлениям; и мы видим, что вопрос решается силой... Приговор не имеет силы, и вынесенное решение так и не исполняется...» Какова бы ни была ценность этой идеи, главное в ней то, что она принадлежала Сюлли, а не королю, который никогда не увлекался великими замыслами, и который даже в 1610 г. — в год своей смерти — думал скорее об объявлении войны Габсбургам из-за ничтожного конфликта по поводу Юлих-Клевского наследства. Перед тем как уехать и принять на себя командование армиями, он возложил регентство на Марию Медичи и короновал ее в Сен-Дени. Во время коронации регентши Маргарита де Валуа, первая жена их общего мужа, несла трен королевской мантии. Маргарита, великодушное сердце, любила свою «итальянскую кухню»; бездетная, почти шестидесятилетняя женщина, она обожала всех детей короля, от кого бы они ни были (трое Вандом, трое Верней и пятеро маленьких принцев от Марии Медичи). 14 мая 1610 г., когда карета Генриха проезжала по улице Ла Ферронери (улице Медников), какой-то человек вскочил на подножку и ударом кинжала рассек аорту короля, который читал в это время письмо. Король скончался на месте. Убийца Равальяк производил впечатление маньяка-одиночки, но доказано, что в 1610 г. подготавливались и другие заговоры. На протяжении всего своего царствования Генрих IV подвергался критике экстремистов всех партий, потому что отказывался примкнуть к какой-либо из них. Кончина жертвы всегда придает некоторую смелость тем, кто недостаточно защищал его при жизни. Католики и протестанты взапуски расхваливали того, на кого так

яростно нападали: «Нельзя быть французом и не сожалеть о той утрате счастья, которого лишилась Франция», — говорит Генрих де Роган³¹. Десять последующих поколений подтвердили это мнение, и Генрих IV остается — наряду с Карлом Великим, Жанной д'Арк и Людовиком Святым — одним из национальных героев Франции. Он воплощает в себе не мистический дух, а извечный великий дух смелости, здравомыслия, жизнерадостности, народности, одним словом — галльский дух.

VIII. О том, как управлялась Франция после смерти короля Генриха IV

1. — За шесть месяцев до своей смерти, разговаривая с маршалом де Ледигьером, Генрих IV сказал, что «уверен, что во Франции в основе всего лежит авторитет государя. Вот почему он хотел,

чтобы его сын, дофин, был бы тем центром, в котором сходятся все нити общественной власти... и что его намерением было учредить абсолютного монарха и придать ему все достоверные существенные признаки королевства, так, чтобы в стране все были бы обязаны ему повиноваться...» *Абсолютный монарх*, — он сам и был таким монархом. Ужасы гражданской войны, столько раз приводившие Францию к расколу, объединили французов вокруг короля. Его личное обаяние привело корону к упрочению власти на основе любви в еще большей степени, чем на основе силы. В течение целого века «Франция сходила с ума по Бурбонам». С 1610 г. она начинает объединять себя с королем, и это происходит инстинктивно, а не по принуждению. Страдания, причиненные беспорядком, и личность умиротворителя привели к добровольному послушанию. Народ принимал и даже желал замены множества местных властей одной центральной властью, охватывающей всю страну.

³¹ Роган Генрих де (1579—1638) — герцог, маршал Франции, глава гугенотов в период царствования Людовика XIII. Был женат на дочери Сюлли. (Примеч. ред.)

2. — Однако монархический абсолютизм был ограничен уже существовавшими привилегиями или свободами, а также обычаями. Нужно помнить, как проходил процесс образования королевства: через браки, путем получения наследства, приобретений, аннексий провинций и городов, которые присоединялись к королю. Одно из таких последних присоединений — Бретань — было добровольно санкционировано Штатами герцогства, потому что «надежда на мир, которая связана с этим союзом, предпочтительнее всего того, что могло бы быть препятствием этому». В обмен на присоединение сеньории, ее провинции и города получали от короля гарантии, которые назывались привилегиями или свободами. Привилегии, которые явились лишь этапом превращения власти, существовавшей в средние века, во всемогущую власть равенства великих демократических государств, были способом заставить признать централизацию тех, кого этой власти лишали. Поэтому в глазах короля привилегии были законным правом преемственности. Корона соблюдала свои обязательства и не стремилась применять по всей Франции единое законодательство. В каждой провинции соблюдались свои обычаи. В некоторых сохранялись свои провинциальные Штаты. Долгое время юристы утверждали, что Генеральные Штаты, национальные ассамблеи или комитеты, были самыми ранними и самыми уважаемыми институтами королевства. В XVI в. можно было надеяться, что Генеральные Штаты, используя существующие разногласия, приобретут авторитет, сравнимый с авторитетом английского Парламента. Но во Франции существовало нелепое, хотя и традиционное, правило голосования по поручению. Оно всегда ослабляло Штаты. Во времена Генриха IV общественное мнение уже не доверяло своим Штатам. «После того как канцлер заверил королевство, всеми теперь почитаемое, в добрых намерениях своего правительства, в Штатах уже ничего не происходит, если не считать приветственных речей, да взаимных реверансов». Но как только Штаты проявляли слишком большие претензии, король приказывал снять гобелены со стен, закрыть залы, и депутатам оставалось только вернуться восвояси, что они и проделывали без лишнего шума.

3. — Так кто же следил за соблюдением обычаев в королевстве? В принципе, Парламенты. Мы уже видели, что судебные палаты отделились от королевского двора. В XVII в. Парламенты уже существуют в Париже, в Тулузе, в Бордо, в Руане, в Эксе, в Гренобле, в Дижоне и в Ренне — в этих сильных и уважаемых городских общинах. Первый президент Парижа³², одно из самых значительных лиц королевства, ни в чем не уступает принцам крови и канцлеру. Члены совета, одетые в алые одежды и в мантии, подбитые горностаем — символ принадлежности к королевской власти, поскольку они представляли короля, — рассматривают дела в последней инстанции. Они регистрируют эдикты, и если считают их противоречащими основным законам королевства, то имеют право сделать замечания. На самом же деле, при сильном короле замечания остаются без последствий, во-первых, потому что никто точно не знает, что такое основные законы королевства; во-вторых, потому что король имеет право «держатъ королевский трон», на котором он сам председательствует в Парламенте, и в этом случае Парламент обязан подчиняться его воле. Парламент существует только благодаря королю, а потому он бессилен против короля. Генрих IV обращается с Парламентом бесцеремонно: «Вы указали мне на бремя, которое накладывает этот эдикт на наши финансы; но вы не указываете мне способа выйти из этих затруднений, и тем более не указываете способа, как содержать мою армию. Вот если бы вы предложили мне по две—три тысячи экю каждый, или согласились бы отдать деньги на ваше содержание или на содержание казначеев Франции, то это и было бы основанием не выпускать эдиктов; но вы хотите, чтобы вам хорошо платили, и при этом думаете, что очень много работаете, когда делаете мне замечания, состоящие из прекрасных речей, полных пустых, громких слов. И после такой работы вы идете погреться и доставляете себе всяческие удовольствия» (*Lettres missives*. T. IV. P. 415). В ту эпоху должностные лица считали, что Парламента, как некоего подобия Верховного суда, было достаточно, чтобы гарантировать невозможность тирании во Франции. Но суд, с которым исполнитель имел право спорить, ничего и никому не гарантировал.

³² Т. е. президент парижского Парламента. (*Примеч. ред.*)

4. — Король частично использует своих судей для управления королевством. Бальи и сенешали вплоть до появления интендантов были в равной степени и управляющими, и судейскими. Первый президент провинциального Парламента заменял в случае необходимости губернатора. Король отправлял в его Совет указания, где помещаться канцлеру, суперинтенданту финансов и государственным секретарям, обязанности которых во времена Генриха IV были еще плохо определены. Канцлер является пожизненным главой правосудия, он хранит королевские печати. Начиная с Карла VII, король держит в своей власти армию и сам является ее главнокомандующим. Армия состоит из дворянства (в основном из младших сыновей дворянских семей), французских отрядов кавалерии и инфантерии; кроме того, есть наемники: швейцарцы, шотландцы, немцы. «Покойный король Генрих IV говорил, что во Франции насчитывается триста тысяч прекрасных солдат, ветеранов, за свой счет овладевших военной наукой; не вызывает никаких сомнений, что с первой дробью барабанов легко собрать и вооружить еще восемьдесят тысяч человек... У короля во всех крепостях множество оружия и пушек. Мы сами видели на стенах и у городских ворот Парижа сто пушек... А кроме пушек в Арсенале находятся магазины оружия для пятидесяти тысяч пехотинцев и для тысячи пятисот кавалеристов. А что до пороха, пуль и прочего, то у короля всего этого в изобилии...» Эти внушительные цифры вызвали восхищение всей Европы. Английский посол Керью писал: «Король мне сказал, что мог бы поставить под ружье в своем королевстве пятьдесят тысяч кавалерии и двести тысяч пехотинцев, не нарушая труда ни одного землепашца и ни одного ремесленника». Армия всегда пользовалась во Франции большим авторитетом, потому что только армия гарантировала защиту от иностранных вторжений. Она и королю придавала огромный авторитет.

5. — Состояние финансов было слабым местом французской монархии. Сюлли, ненавистный, как должен быть ненавистным каждый хороший министр финансов, восстановил временное равновесие. В 1610 г. доходы составляют около тридцати миллионов ливров, что примерно соответствует расходам, а кроме

того, была восстановлена казна для ведения войны. Система налогов также была немного улучшена. Король простил не уплаченную в срок талью, «заботясь больше о том, чтобы его называли отцом народа, творящим добро, чем о том, чтобы оставить память в потомстве о другом, более очевидном титуле». Но косвенные налоги, напротив, возросли. Самым знаменитым налогом, который сыграет большую роль на протяжении всей истории Франции, был налог *полетта* (по имени Шарля Поле, который его изобрел). Это ежегодный налог, равный 1% цены проданной должности, который отныне будут выплачивать судьи и другие чиновники, но в обмен за уплату этого налога они получают право оставлять по наследству свои должности сыновьям. Полетта утвердила наследование должностей и создала настоящую прослойку «дворянства мантии». В тот день, когда монархия установила этот налог, она «продала власть буржуазии». Однако потребуется еще два века для того, чтобы она это осознала. Наконец, начиная с 1560 г. духовенство должно ежегодно добровольно отказываться от части доходов Церкви. Это называлось «безвозмездным даром», но безвозмездным он был только по названию.

6. — Если бы в начале XVII в. мы разрезали на горизонтальные слои пирамиду, представляющую классы французского общества, то вот что мы примерно увидели бы. На вершине находится король, окруженный церемониалом, пышность которого при последних Валуа приобрела почти восточный характер, хотя Генрих IV и вернул ему отчасти бывшее простодушие. Можно задуматься, не сыграло ли существование любовниц, столь проклинаемых историками, очень важную роль тем, что рядом с сувереном, окруженным лестью, оказывалась женщина, которая осмеливалась разговаривать с ним, как с обыкновенным человеком. Потому что существует здоровый альковный эгалитаризм. Гарем аннулирует благотворные последствия такого эгалитаризма, потому что там фаворитка отделена от остального мира и ничего о нем не знает, тогда как Агнесса Сорель, Диана де Пуатье, Мария Туше и Габриэлла д'Эстре были умными и хорошо информированными женщинами. Вслед за королем следовали

«великие». Самая высокая аристократия состояла из принцев крови, не имеющих себе равных и испорченных властью. Сюда же относились и очень опасные инородные принцы, такие как принцы дома Лотарингии, которые зависели от Франции, но сохраняли свои права суверенов. К этой касте «великих» принадлежали также и губернаторы провинций, в принципе назначаемые на три года, а на деле несменяемые, всемогущие в своих владениях и торгующиеся с королем за оказанную ими поддержку. Следует отметить, что эти представители высшей аристократии обладали властью только по соизволению короля. Ведь это он назначал губернаторов, и они были всего лишь его служащими. Средневековая иерархия уже сломана, и у мятежного принца крови уже нет многочисленных вассалов, чтобы набирать из них армию. Позднее Фронда покажет, что существуют еще основания опасаться восстания, но уже начиная с 1660 г. «великие» были полностью приручены.

7. — Следующей прослойкой является среднее и мелкое дворянство, оно представляет примерно семьдесят тысяч феодалов. Большая часть этих дворян — полукрестьян-полувоинов — еще проживает в своих замках с подъемными мостами и турелями. Но они начинают понимать, что из-за обесценивания денег они полностью разорены, и что единственный способ восстановить богатства их семей — это жить в тени короля, раздающего места и бенефиции. Король поощряет сплочение дворянства при дворе, потому что здесь этот неутомимый класс, причинявший столько хлопот предкам, находится в полной от него зависимости. В общем, все происходит так, словно он говорит дворянам: «Откажитесь от феодального прошлого, которое никто уже не в силах оживить; откажитесь вершить правосудие, взимать налоги; и, главное, откажитесь от ведения личных и гражданских войн. И тогда ваше вознаграждение будет очень значительным во всех отношениях: “Здесь вы получите куриную косточку, там — голубиную, а к тому же еще и бесчисленные ласки”» (Ж. Лафонтен). Король хорошо принимает их при дворе, все они становятся его товарищами по оружию. Но жизнь при дворе стоит дорого. Они участвуют во всех затеях, и костюмы должны быть великолеп-

ными. Вскоре их фермы и хутора, луга и мельницы оказываются проеденными; теперь нужно прибегать к королевским милостям. Король тратит на их содержание треть бюджета (при Генрихе IV). Такова цена за преданность дворянства. Когда демократия заменит аристократию, поменяются и получатели выгод, и характер этих выгод, но список получателей останется таким же длинным. Никакое правительство не может удержаться у власти без друзей и их поддержки, и никакое правительство, если оно не раздает ни синекур, ни милостей, не обзаведется друзьями. Французская аристократия не сумела сохранить в неприкосновенности, как это сделала английская аристократия, ни свой авторитет, ни свою власть. Причинами ее непопулярности в стране были: ее зависимость от короля, ее пренебрежение к своим обязанностям на местах, отказ заниматься торговыми делами, отказ обсуждать совместно с другими сословиями положение дел в стране.

8. — Духовенство зависит как от короны, так и от Святого Престола. Епископы назначаются королем. Когда приходы вакантны, доходы с них идут королю. Он же ведет и список бенефиций. В обмен на поддержку галликанской Церкви корона признает во всей стране преобладающее место за духовенством. Епископы и архиепископы имеют право на большие почести, а в советах за ними закрепляются многочисленные места. Как и дворянство, духовенство освобождено от тальи, от габели³³ и от многих других налогов. Время от времени, чтобы проголосовать за «добровольный дар»³⁴, собиралась ассамблея духовенства, которое использует эти собрания для того, чтобы энергично защищать привилегии галликанской Церкви. Тесный союз между Церковью и монархией остается во Франции элементом стабильности.

³³ Габель (gabelle, от араб. аль-кабала — налог) — налог на соль во Франции, где существовала государственная монополия на ее продажу (по ордонансу 1341 г.). (Примеч. ред.)

³⁴ «Добровольный дар» (don gratuit) — ежегодный налог, с требованием уплаты которого король через своих чиновников обращался к Штатам провинций. (Примеч. ред.)

Таким же элементом стабильности будет союз Церкви и государства и в Англии, а позднее — и в Соединенных Штатах. Постоянный конфликт между гражданской и духовной властью всегда ведет к ослаблению режима.

9. — Часто звучало утверждение, что дворянство во Франции было изолированной кастой. Нет ничего более неточного. Всякий разбогатевший горожанин мог сделать своего сына дворянином, если он давал ему образование и покупал для него должность. Мантия судьи или советника сопровождалась жалованием дворянства, а полетта позволяла делать это дворянство наследственным. Судья, как и дворянин, был освобожден от талы и налогов; он платил только подушную подать. Всякий удачливый торговец, всякий процветающий врач или хирург обучал своего сына латыни, а затем делал из него королевского служащего. Для удовлетворения амбиций буржуазии король умножал количество должностей. В XVII в. в каждой маленькой деревушке было гораздо больше чиновников, чем теперь. Ни одна европейская страна не была превращена подобно Франции в кормушку для законников и финансистов. Крупная буржуазия, тепло укутанная в меха, «красовалась в своих красных или черных мантиях во всех креслах, украшенных королевскими лилиями». Некогда дворянство выбрало своим уделом войну; французская буржуазия воспользовалась этим, чтобы прибрать к рукам администрацию и правосудие. Она привнесла туда очень важные качества: любовь к порядку, к экономии, часто и к образованности; иногда она была склонна и к проявлению мужества, как это было в случае с Арли, первым президентом Парламента, который не боялся Лиги. Но были у буржуазии и свои недостатки: тщеславие, скупость, завистливость — все то, что мы находим у мольеровских представителей буржуазии, а позднее найдем и в персонажах Бальзака.

10. — Говоря о «третьем сословии» тех времен, было бы ошибочно предполагать, что в нем был представлен подлинный народ. «Третьим сословием» ловко выставляла себя крупная буржуазия. На самом деле в основании пирамиды находились классы,

лишенные всяких привилегий, которые платили талью. В те времена французские города были населены целым племенем мелких торговцев, осмотрительных, трудолюбивых, совестливых. В них нет той финансовой смелости, которую мы находим в Италии и в Англии. Французский торговец довольствуется малым, откладывает сбережения, мечтает стать эшевроном³⁵ и удалиться от дел. Если ему по силам, то он отправляет своего сына на королевскую службу; если нет — то передает ему свою торговлю. Обычаи этого класса мало изменились с XVII по XIX в. Ремесленники работают небольшими группами: несколько подмастерьев и хозяин. Для работы они объединяются в корпорации, а для развлечений — в братства. Кроме того, работники одного и того же ремесла образуют нечто вроде франкмасонства: у них свой условный язык и знаки, по которым они узнают друг друга. Таким ассоциациям приписываются многие бунты и мятежи, и правительство старается отучить их от этого. Мелкий люд не любит такие корпорации. Как и сам феодальный строй, эти корпорации были полезны в средние века, потому что позволяли торговцам и ремесленникам совместно защищаться. Понемногу пропадали те опасности, которые их породили. И тогда остался только властный и тяжеловесный организм, который обеспечивал самым богатым мастерам несправедливые привилегии. Вот почему в XVII в. всеобщей тенденцией становится обращение к королю с просьбой вмешаться и ограничить всевластие корпораций.

11. — Жизнь крестьян трудно описать достоверно. Легенда превратила эту эпоху, вероятно по контрасту с ужасами гражданской войны, в золотой век «с курицей в каждом горшке». Но у английских послов, которые наблюдали народ, отягощенный повинностями и поборами, было другое мнение: «Их шкура делится между духовенством, придворным дворянством, деревенским дворянством и чиновниками правосудия». Один француз, кардинал дю Перрон, также писал: «В Англии все они пьют доброе

³⁵ Эшевен — должностное лицо в городах Северной Франции, выполнявшее административные и судебные функции. (Примеч. ред.)

пиво и едят хорошую говядину, и нет никого, кто не был бы одет в сукно и не имел бы серебряной чаши. Во Франции же они жалкие и тощие; королям следовало бы проявлять к ним некоторое уважение». И вместе с тем земля все более дробится, а население возрастает. Франция уже славится своими сельскохозяйственными продуктами: вином, фруктами, сырьем для пастельной краски, сливочным маслом и сырами. Она экспортирует соль и растительное масло. Французский крестьянин очень трудолюбив, он никогда не отчаивается, но он полагается на короля, который освободит его от пережитков феодализма. В XVII и XVIII вв. недостаток решительной твердости по отношению к дворянству со стороны королей как раз и явится одной из причин Революции.

**IX. О том, как
Возрождение
и Реформация
изменили Францию**

1. — Можно ли говорить, что Возрождение и Реформация оставили во Франции глубокий след? Поверхностный обзор ситуации в стране в 1610 г. заставил бы усомниться в глубоком характере

этих перемен. Мы увидели бы короля, ставшего более сильным, чем раньше, заметили бы более быстрое, чем во времена Людовика XI, движение к централизации и к абсолютизму, и восстановленное влияние католиков. Конечно, протестанты получили Нантский эдикт, но контрреформа действует активно, и в один прекрасный день Нантский эдикт будет отозван. Кажется, что Возрождение побеждено, так же как побеждена и Реформация. Зарождающийся XVII в. заявляет о себе, как об эпохе веры и христианской морали. Вольность нравов писателей уже не в моде. Малерб приходит на смену Ронсару. Только три поколения отделяют «Гептамерон» от «Принцессы Клевской»³⁶, но какое различие и в нравах, и в общем тоне! И насколько герои Корнеля

³⁶ Имеется в виду опубликованный в 1678 г. роман, принадлежащий перу графини Мари Мадлен де Лафайет (1634–1693). (Примеч. ред.)

ближе персонажам героических песен, чем Панург к Брату Жану! Поэтому естественно встает вопрос, не было ли Возрождение во Франции простой интерлюдией, не оказавшей никакого влияния на развитие основной драмы.

2. — Нет, это совсем не так. Вопреки видимости истинная вера строителей соборов уступила место опасным духовным поискам. В мире, бесконечно расширенном астрономами, Бог становится еще более великим, но гораздо менее близким. Человек представлен самому себе. И в своих «Эссе» Монтень показал, что индивид с честью может выйти из борьбы за создание своей философии, а потому Франция никогда не забудет Монтеня. Те, кто будут его опровергать, как например Паскаль, главным образом, будут вынуждены опровергать его внутри самих себя, ибо отныне он представляет существенную часть всего французского характера. Монтень не отрицает Бога — вовсе нет, — но он помещает его на «великолепно изолированный» трон и продолжает жить, как если бы Бог не существовал. «Монтень, — восхищенно замечает Сент-Бёв, — это вся природа целиком, но без Благодарности». Он предвещает Спинозу с его абстрактным Богом. Для такого человека, как Монтень, ни святой Августин, ни святой Фома не являются властителями умов. Все его ссылки делаются на дохристианский период — на римский и греческий. По имени и по крещению он христианин. Следуя обычаю, он ходит к мессе, но христианство не играет никакой роли в его внутренней жизни. Если христианство и оставило в нем след, то это только привычки в жестах и в языке. Монтень не большой христианин, чем Вольтер, и он гораздо меньший христианин, чем Андре Жид.

3. — Таким образом, совершенно очевидно, что Возрождение явилось духовной революцией. Хотя Возрождение рассматривало себя просто как поиск компромисса между античной и схоластической философской мыслью, оно уже в самом себе несло понятие национального самосознания, Французскую революцию, современную науку и мировые войны. Человек XVI в. считает, что суть жизни не изменилась, поскольку он все так же видит короля на своем троне, сеньора в его замке и кюре в его

церкви. Но ему неизвестно, что теперь король зависит от банкира или от золотого рудника, что и позволяет ему содержать армию и обходиться без помощи феодального дворянства. Ему неизвестно, что вскоре войны будут объявляться не для защиты истинной веры, а для защиты независимости среднего класса, а позднее — независимости народных масс. Ему неизвестно, что гуманизм приведет к научному агностицизму. Духовную революцию периода Возрождения нельзя приравнивать к Реформации. Главным следствием Возрождения является разрыв между идеей иррационального авторитета и истиной, данной в Откровении. Протестантизм не отрицал Откровения. Он только требовал придер-живаться в этом Священных книг. В XX в. гуманистическая революция будет угрожать протестантизму в той же степени, что и католицизму. Поэтому Религиозные войны окажутся войнами братоубийственными. Ренессанс и Реформация были в действительности противоположными силами. Правда гораздо позднее французский протестантизм, ставший, как и всякое меньшинство, либеральным, присоединится к движению Возрождения, но в XVI в. ни один гугенот не мог предвидеть такого превращения. Кальвин был либералом в меньшей степени, чем Бриссонне.

4. — В политическом плане национальная борьба сменила борьбу феодальную. Королевские браки сохраняют значимость (и так будет вплоть до эпохи Луи-Филиппа), но эти личные связи останутся в качестве пережитков. В средние века, когда экономика была экономикой, ограниченной усадьбой или коммунной, самое большее — ярмаркой, экономические войны были невозможны (вероятно, только за исключением войн за овладение торговлей с Востоком). Национальная экономика Нового времени вовлечет страны в завоевания колоний, богатых драгоценными металлами, а затем — первичным сырьем. Патриотизм зародился во Франции очень давно и окреп во время Столетней войны. Уже начиная с Генриха IV, ни одно чувство не может соперничать с ним в сердце французов. Когда во время Фронды дворянство станет искать союза с иностранцами, тотчас же возникнет народный мятеж. Популярность доброго короля Генриха — это победа патриотизма над фракционностью. Хотя в XVI в. патрио-

тизм еще оспаривается и гугенотами, как, например, Дюплесси-Морне³⁷, и католическими «якобинцами» Лиги, фигура короля уже воплощает единство нации, и абсолютная монархия заберет его с собой и в XVII в.

5. — Рождение великой литературы, защита и прославление французского языка явились существенными элементами национального единства. Французская элита полностью вжилась в творения гуманистов и с этих пор она будет стараться подражать совершенству форм творцов Античности. Ни один современный народ не будет придавать такого большого внимания стилю, красноречию, выбору слов. Даже проповедник станет писателем. Франциск I, Генрих IV и их потомки станут писателями-классиками. Долгое время этой общей славы, этого торжества разума и шпаги будет достаточно для объединения всех французов, которые обретут в наслаждении красотой и величием своей страны такую радость, что на два последующих века позабудут вольности Ренессанса. Во времена Генриха IV национальное самосознание достигает своего наивысшего уровня. Республиканские настроения героев Плутарха, хорошо известные благодаря переводу Амийо, оставили свой след в произведениях Корнеля, так же как веселые двусмысленные вольности Рабле отзовутся в баснях Лафонтена, но в XVII в. средний французский обыватель будет послушно ходить в церковь по воскресеньям, кричать в сердечном восторге «Да здравствует король!» и терпеливо сносить привилегии дворянства и духовенства. Он никогда не узнает, что во времена его отцов свершилась великая революция человеческого духа.

6. — Так что же произошло? А то, что в XVI в. во Франции и в большинстве стран Европы цивилизация, основанная на чувственном опыте, сменила цивилизацию, основанную на истине,

³⁷ Дюплесси-Морне Филипп (1549–1623) — французский политический деятель, публицист. Был одним из ближайших сторонников Генриха IV до перехода того в католицизм. Основал в г. Сомюр протестантскую Академию. Современники называли его «гугенотским папой». (Примеч. ред.)

данной в Откровении. В тот момент, когда произошло крушение Римской империи и античная философия погрузилась в сон, христианская философия спасла западный мир. Ренессанс подхватил историю духа на том этапе развития, где ее оставили греческие философы. Во внешнем облике Франции еще ничто не обнаруживает перемен, кроме стиля памятников и стихов. Но дело сделано, люди Нового времени будут чаще искать ответа в природе, чем в Библии. Хорошая она или плохая, но эта революция еще не окончена и по сегодняшний день. Она может завершиться либо всеобщим крахом, либо новой формой всемирного государства, научной и гуманистической формой христианства, некоей религией разума; либо, наконец, возвратом к Божьему Граду. Роль историка заключается не в том, чтобы судить эту революцию, а в том, чтобы показать ее размах и уже в XVI в. обнаружить ее признаки.

Книга третья

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ

I. О том, как Людовик XIII и Ришелье упрочили дело Генриха IV

1. — Любые меньшинства — это язвы на теле монархии. Генрих IV сделал регентшей королеву Марию Медичи, надменную полную блондинку, довольно красивую, поскольку ее рисо-

вал Рубенс, но чрезмерно самодовольную, властную и не пользующуюся никаким авторитетом. Новому королю было только девять лет. Вечно хныкающий одинокий ребенок, он был передан на руки шталмейстерам, слугам и поварам. Возможно, что мать, не уделяя внимания его образованию, стремилась продлить малолетство сына. Сама она находилась под сильным влиянием подруги детства, своей молочной сестры, которую привезла из Флоренции, Леоноры Галиган, смуглой и жадной ведьмы. Леонора была замужем за неким фатом Кончини, и эта чета иностранцев в течение нескольких лет управляла королевой-матерью, а через нее и всей Францией. Став маркизом д'Анкр, Кончини добился своего назначения маршалом. «Великие» возмущались. Смерть Генриха IV вернула им надежду на превращение Франции в олигархию. «Время королей прошло, — говорили они. — Пришло время принцев и великих». Генрих IV, используя свой дар личного обаяния и ловкости, используя ту усталость от гражданской войны, в которой все тогда пребывали, установил королевское единоначалие. Но личное обаяние — это не «рецепт правления», и «мастерство, которое не передается по наследству, исчезло вместе с артистом» (Ж. Каню).

2. — Чете Кончини хватило ума сохранить кроме всем ненавистного Сюлли прежних министров Генриха IV — «барбонов», а барбонам хватило ума понять, что бессилие меньшинства делало всякую войну нежелательной. Они прекратили кампанию, развязанную покойным королем против Габсбургов, и чтобы упрочить мир, Мария Медичи решила женить короля, своего сына, на Анне Австрийской, дочери Филиппа III Испанского, правнучке Карла V. Это вызвало негодование среди протестантов, почувствовавших для себя угрозу, но и католическое дворянство тоже не успокоило. «Великие» обоих вероисповеданий создали Лигу и осудили злоупотребления властью со стороны регентства. Сама же страна была настроена против «великих» и выступала за короля; поэтому в 1614 г. идея созвать Генеральные Штаты казалась весьма разумной мерой. Людовик XIII, только что достигший совершеннолетия, предстал перед ними в белых одеждах, элегантный и хрупкий. Вереницы кортежей восхитили зевак, но «эти господа из Штатов» проявили мало заинтересованности общенациональными делами. Каждый из трех орденов¹ ратовал за свой приход. «Дворянство шпаги» упрекало «дворянство мантии» и требовало упразднения полетты, то есть права на наследование должностей. Основным представителем духовенства был молодой епископ Ришелье из Люсона, прекрасное красноречие которого привело всех в восторг. Нос с горбинкой, тонкие губы, «рыцарские борода и усы», бледный и худой — его облик производил величественное впечатление. Он требовал, чтобы духовные лица были теснее приобщены к власти. Он говорил: «У них действительно меньше, чем у остальных, личных интересов, которые часто губят дела общественные. Они и не должны иметь личных интересов, потому что соблюдают принятый целибат, и ничто их не переживет, кроме души, которая, не имея возможности копить богатства на земле, побуждает их, служа своему королю и своему отечеству, думать в этом мире только о том, чтобы навечно заслужить на небесах славное и полное вознаграждение...» Это было все равно, что предложить свою кан-

¹ Т. е. представленные в Генеральных Штатах духовенство, дворянство и «третье сословие», заседавшие по отдельности. (Примеч. ред.)

дидатуру, и Мария Медичи, которая прониклась восхищением к молодому, бледному и гордому прелату, приняла это к сведению. После острых дискуссий Штаты были разогнаны обычным образом: со стен сняли гобелены. Они разъехались, так ничего и не сделав. После себя они оставили стране Ришелье, которого королева вскоре призвала в Совет, и Совет встретил его благосклонно. Из своего далекого прихода этот великий епископ пристально следил за двором и составил собственные правила для достижения цели. В них он рекомендовал будущим государственным мужам молчаливость, скрытность и уклончивые ответы, которые подобны «отступлению армии, которое спасает и людей, и снаряжение». Сразу после смерти Генриха IV он понял, что регентша может оказаться ему полезной, и стал предпринимать шаги, чтобы приблизиться к ней. А потом просто нужно было потратить усилия на «увядающую красоту и пылкое сердце» (Ф. Джустиниани). Своим взглядом, который мало кто мог вынести, он зачаровывал ее и, никогда не теряя достоинства прелата, управлял этой королевской волей.

3. — Но среди условий решения задачи было одно данное, которым напрасно пренебрегли и регентша, и Кончини, и Ришелье: это был молодой король. В свое время его оставили в обществе слуг и любимого товарища — Шарля д'Альбера де Люиня, красивого малого, который, как и Людовик XIII, обожал верховую езду и охоту. Никто не обратил внимания, что король стал совершеннолетним, следовательно — повелителем; никто не задумывался, что он отлично сознавал свои права, что у него был твердый, а если надо, то и жестокий характер. Необщительный, рассеянный, он делал вид, что скучал. Он любил Люиня, боялся женщин и лег в постель своей жены только через пять лет после свадьбы, когда его привел туда все тот же Люинь. Но он умел принимать решения, командовать и ненавидеть. Когда ему надоело наблюдать, как красуется маршал д'Анкр, он отдал тайный приказ одному капитану своих личных гвардейцев². Людовику XIII было

² Кончино Кончини был застрелен капитаном Николя Витри 14 апреля 1617 г. (Примеч. ред.)

шестнадцать лет. «Да, теперь я король!» — заявил он. При дворе это восприняли как гром среди ясного неба. Придворные, подлые по природе, обратились к новому светилу. Ришелье, скомпрометированный связями с Кончини, удалился в свою епархию; Мария Медичи была сослана в Блуа; Леонору Галигаи сожгли как ведьму на Гревской площади. Люинь стал бы повелителем страны, если бы обладал хоть какими-нибудь способностями. Но это

Король Франции Людовик XIII
в юности

был слабый человек, совершенно не разбирающийся в делах. А он оказался в той ситуации, когда требовались редкие способности. В Германии продолжались сражения между католиками и протестантами. Богемия и Венгрия бунтовали против императора. Император взывал к Франции во имя католицизма, в то время как протестанты Германии просили вмешаться, чтобы положить конец проискам Австрии. Чтобы руки не были связаны в европейских делах, нужно было обеспечить мир внутри Франции, где все еще сильная пар-

тия королевы-матери вызывала беспокойство у партии короля. Ришелье, став секретарем Высочайшей особы при Марии Медичи, многократно пытался вести переговоры по примирению между матерью и сыном, но не добился успеха. В 1621 г. во время похода от «краснухи» умер Люинь. Король его не оплакивал. Впрочем, он вообще редко плакал. После его кончины Ришелье, освободившийся от врага, получил кардинальскую шапку. Но красное одеяние «имело для него цену только в том случае, если оно превращалось в мундир Первого министра».

4. — До этого момента Людовик XIII рассматривал Ришелье как беспокойного и опасного прелата, «готового поджечь королевство со всех четырех сторон», и не желал «с ним никаких сношений». «Вот человек, — говорил он, — который очень хотел бы оказаться в моем Совете, но после всего, что он сделал против

меня, я не могу на это решиться». Наконец, давление, оказанное Марией Медичи, и личные достоинства кардинала — особенно, если учесть, что достоинства в Совете встречались совсем нечасто, — вынудили Людовика XIII уступить (1624 г.). Для организации секретной встречи между королем и кардиналом был привлечен таинственный и сильный посредник. Это был отец Жозеф — мистический капуцин, мечтательный и практичный гений, безоговорочно преданный Ришелье, посредник *tenebroso, cavernoso*³, о котором кардинал говорил: «Вы тот главный человек, которым воспользовался Господь, чтобы привести меня к тому счастливому положению, до которого я возвысился». Едва только Ришелье оказался в Совете, как его роль с «несказанной легкостью» стала возрастать день ото дня. Вскоре король понял, что он обретет в нем как раз того «главного министра», которого так искал и, позабыв предубежденность, поставил Ришелье во главе всех дел. Устоявшаяся легенда искажала отношения, существовавшие между этими людьми. Романисты, драматурги, историки живописуют Людовика XIII как несчастного сира, «наделенного сотней лакейских добродетелей и ни одной добродетелью господина», которого кардинал вроде бы как заставил «играть вторую роль в монархии и первую — в Европе» (Ш. Л. Монтескье). Ришелье они изображают как сверхчеловека, гениального и безжалостного деспота. «Он унизил короля и возвысил королевство», — говорит Монтескье. Но реальная ситуация — как это всегда и бывает — оказалась более сложной. У Людовика XIII душа была отнюдь не лакейская, это был суровый властитель, обладавший самым высоким представлением о своих королевских правах и обязанностях. Ревниво относясь к своей власти, он сам грубо унижал Ришелье. Король бывал крайне суров с Парламентом: «Вы созданы только для того, чтобы разбирать дела между мэтром Пьером и мэтром Жаном, — сказал он первому президенту Ле Жаю, — и если вы будете продолжать свои затеи, то я так укорочу вам коготки, что сразу раскаетесь». В другой раз он сказал: «Я не торгуюсь со своими подданными и чиновниками... Я — господин и желаю, чтобы меня слушались...

³ Мрачный, скрытный (итал.). (Примеч. пер.)

Я повидал этих господ из Парламента города Бордо и задал им хорошую трепку... Чем больше распускаешь таких людей, тем больше они этим пользуются...» Это король, а не кардинал требовал смертных казней. Ришелье, склонному прощать, король писал: «Приказываю, чтобы вы были менее покладисты и менее склонны к жалости по отношению к вышеназванным сеньорам, которые пренебрегли своими обязательствами по отношению к хозяину этой лавочки». Вот таков был его язык, простонародный и образный. Людовик XIII заикается, но при этом он отлично знает, что именно хочет сказать. Очевидный ум, неsgiбаемая воля. Ему изменяет только здоровье. И в этом он похож на своего министра. Их сближают одинаковые недуги и одинаковые способы их лечения.

5. — Потому что Ришелье тоже был человеком болезненным, сжигаемым лихорадкой, нервным, часто на грани слез, с непостоянным настроением, суетливым и нетерпеливым. «Он может плакать по желанию», — говорила Мария Медичи. Но на самом деле он испытывал потребность плакать. С раннего детства он отличался меланхолическим нравом. Уже бу-

Кардинал Ришелье

дучи Первым министром, он в полном одиночестве вкушал в своей комнате скромную пищу и искал тишины в Шайо и в Рюеле. Иногда его «огненная натура» взрывалась кратковременными и страшными приступами гнева. Если он говорил: «Сударь, ваш скромный слуга», то каждый осмотрительный посетитель должен был как можно скорее спастись бегством. Но этот невротик умел проявлять стойкую волю. «Нужно упорно желать», — гово-

рил он и часто выдвигал против любой критики «бесповоротное упорство человека, который заткнул себе уши». Принципиальное, а не ограниченное упорство. Никогда еще не было такого светлого ума: «Разум должен служить правилом и нормой поведения во всем», — говорил он. Он шел прямо к проблеме и с

одного взгляда проникал в суть дела. Кроме ясности он считал скрытность самым важным качеством государственного деятеля. Кроме Высокопреосвященнейшего он был еще и Высоко-секретнейший. «Он не делает того, что говорит, и не говорит того, что делает», — перешептывались его враги. Он исповедывал суровость, а не злопамятство: «Если человек подчиняется своему чувству мести, то выдвигать его во власть — это все равно, что вкладывать шпагу в руку бешеного». Мало на какого министра так нападали и так клеветали. Он научился спокойно выносить атаки: «Нельзя наносить оскорбления ни одной должности; оскорбления закаляют того, на кого они направлены, и служат славе тех, кому вы хотите навредить». Но если величие министра и человека неоспоримы, то вовсе не верно, что он «создавал» французскую политику. Еще задолго до него многие короли стремились снизить значимость «великих», чтобы придать Франции ее естественные границы и чтобы сдержать Австрийский дом. У Ришелье не было широких замыслов или планов, у него был только метод. «В политике, — говорил он, — гораздо лучше руководствоваться необходимостью дел, чем заранее предустановленными решениями», что представляется высшей мудростью любого деятельного человека.

6. — «Моей первой задачей было величие короля; второй — могущество королевства». Он поэтапно смог добиться этих целей. Одним из препятствий оказалось наличие во Франции укрепленных протестантских городов и гугенотских армий. Ришелье как кардинал был вполне веротерпимым; Ришелье как государственный деятель не мог допустить того, что вносило раскол в государство. «Надо их ограничить, — говорил он о протестантах, — в том смысле, что каждый подданный должен жить в одном едином государстве, то есть он не может входить ни в какое отдельное объединение и должен зависеть от решений своего государя». Другими словами, все, что он требовал от каждого протестанта, это быть послушным подданным. Он предпочитал французского гугенота испанскому католику. Но, к несчастью, в тот период некоторые гугеноты предпочитали английского протестанта французскому католику. Отсюда возникала необ-

ходимость покончить с «хроническим шантажом» Ла-Рошели и с другими укрепленными городами. Ла-Рошель была для гугенотов тем же, чем некогда был Кале для англичан, то есть постоянным плацдармом во Франции. Чтобы помочь протестантской крепости в ее обороне, Бекингом, фаворит короля Англии, дошел до того, что высадился со своей армией на острове Ре. Кардинал осадил Ла-Рошель, одержал победу, и в 1628 г. Людовик XIII торжественно въехал в город. И здесь проявилась мудрая сдержанность Ришелье. Победитель, он заключил мир, способствующий примирению: всеобщая амнистия, свободное отправление культа, никаких конфискаций имущества. Еще через несколько месяцев Алеский Мир, или «Эдикт милости», положил конец религиозным войнам. Протестанты, которые отказались от вооруженного поддержания своей безопасности, в обмен получили все моральные гарантии. Ришелье сокрушил партию, но не культ, и обращение еретиков стало «событием, которого нужно ожидать от небес, не применяя никакого насилия».

7. — Интриги «великих» были не менее опасны, чем происки гугенотов. Король и кардинал и им «укоротили коготки». Был период, когда обе королевы устраивали заговоры против Ришелье, в которых участвовали вместе с ними и Гастон Орлеанский, брат короля, наследник трона, и прекрасная Мария де Роган, герцогиня де Шеврез (эта фаворитка Анны Австрийской в возрасте двадцати одного года осталась вдовой коннетабля Люиня, фаворита Людовика XIII), и внебрачные сыновья Генриха IV. Покарать королев и месть⁴ было затруднительно, но зато статисты заплатили сполна и за себя, и за главных героев. Шале, Монморенси, Сен-Мар лишились своих славных голов. Маршал де Баскомпьер, национальный герой, за ничтожное участие в заговоре Марии Медичи был посажен в Бастилию и оставался там до самой смерти Ришелье, то есть до 1643 г., хотя «был абсолютно невиновен ни в каком преступлении, — говорил он, — и никогда не свершал ни одного поступка, который не заслуживал бы скорее

⁴ Титул старшего из братьев короля, претендующих на престол. (Примеч. пер.)

похвалы и награды, чем наказания». Ришелье происходил из дворянской семьи, но он считал дворянство опасным для государства, которое не вело войны, потому что тогда дворянство внедряло воинственный дух во внутреннюю жизнь. Отсюда и суровость эдиктов против дуэлей, за которые Ришелье карал смертью. И тогда аристократия, «не имея возможности обратиться к трагедии, обратилась к галантности». Ришелье говорил, что все политики согласны с тем, что если бы простой народ слишком

Дуэль во времена кардинала Ришелье

процветал, то «было бы невозможно удерживать его в нормах предписанного ему поведения... Потеряв отличительную черту своей подчиненности, народ потеряет и память о своем звании. Народ можно сравнить с мулом, который, привыкнув к труду, больше портится от длительного отдыха, чем от работы...» В его глазах предметом забот правительства было не счастье народа, а безопасность государства, без которой не будет ни счастья, ни самого народа.

8. — Ришелье казалось, что первым условием для безопасности государства является реалистичная внешняя политика. В Европе продолжались столкновения между протестантами и католиками. Во главе Контрреформации стоял Австрийский дом и Испания. Император старался уничтожить немецкие свободы и осуществить к своей выгоде объединение Германии. Протестантские князья оказывали ему сопротивление. Чью сторону должна

была принять Франция? Единственный большой друг Ришелье, Франсуа дю Трамбле, отец Жозеф, долго старался убедить кардинала в необходимости организовать нечто вроде крестового похода, чтобы превратить Европу в христианскую и римскую. Но проницательный ум Ришелье шел дальше внешней видимости. Австрия утверждала, что борется за веру, но на самом деле она боролась только за Австрию. Если бы дом Габсбургов одержал победу над немецкими князьями, если бы он стал доминировать над Германией, Богемией, Нидерландами, Испанией и Италией, тогда он владел бы всей Европой, и с независимостью Франции было бы покончено. Но разве французская цивилизация — это не та цивилизация, которая придала католицизму его европейский характер? Не является ли долгом французского министра и римского прелата поддерживать жизнеспособной и сильной родину крестовых походов и соборов, Жанны д'Арк и Людовика Святого? Возможно, рассуждая подобным образом, сам Ришелье, не сознавая того, оказывался софистом и патриотом в большей степени, чем священником. Во всяком случае, для спасения Франции он решил примкнуть к немецким князьям, чтобы «высказать Испании все, что на сердце». Это была не та политика, которую он хотел бы проводить, но в данный момент она была наилучшей. «Он более тонко, чем кто бы то ни было другой, делал различие между плохим и самым плохим, между хорошим и самым лучшим» (кардинал де Рец).

9. — В период между 1624 и 1635 г. Ришелье употребил все свое искусство на то, чтобы, не ввергая Францию в войну, натравить на Австрию ее врагов. Дания, а затем Швеция, которых подстрекал Ришелье, пришли на помощь немецким князьям. Лютеранский король Швеции Густав-Адольф получил субсидии для продолжения войны. В конце концов, эту политику одобрил даже отец Жозеф: «Такими вещами нужно пользоваться как ядами, малое количество которых становится противоядием, а чрезмерное — убивает...» Чрезмерным оказалась бы протестантская империя, если бы она заменила империю католическую. Ришелье уже заручался гарантиями, продвигался к Эльзасу, вел переговоры с католической Баварией, но в 1632 г. Густав-Адольф умер.

Это стало концом шведской гегемонии. В 1633 г. казалось, что армии императора дезорганизованы мятежом генерала Валленштейна, который мечтал создать (ради своей выгоды) такую империю, где все религии были бы равноправны. Ришелье надеялся, что, пока длится этот бунт, Франция без сражений дойдет до Рейна, естественной границы королевства. Его войска проникли в Эльзас. Но всегда случается что-то непредвиденное: в течение двух лет Валленштейн был убит, шведы побеждены, а немецкие князья разбиты при Нордлингене. Испания послала войска в Австрию. Австрия оказалась бы победительницей, если бы Франция не вышла на арену. И тогда Ришелье перестал колебаться. Теперь, чтобы избежать австрийской гегемонии, следовало выступить на стороне протестантов Германии.

10. — Эта война таила в себе опасности. В течение десяти лет Ришелье прилагал усилия к перестройке морского флота Франции, но его сдерживали финансовые трудности. Испанская инфантерия (пехота) была самой грозной в Европе. В 1636 г. Франция была оккупирована, и испанцы шли на Корби, их лазутчики добивались до Понтуаза. Все могло бы погибнуть, если бы проявленное мужество не равнялось опасности. Но своей верой в заступничество Провидения отец Жозеф оказал поддержку королю и кардиналу. Они вышли на улицы Парижа. И страна дала солдат и денег. Это был год «Сида»⁵, и великие чувства внушали великие подвиги. Испанец был изгнан. Франция обрела веру в себя. Враги Ришелье пришли в растерянность. В одном из писем Вуатюра⁶ вышучивались «те, кто в своей ненависти к правителям, ненавидят свою собственную страну, и те, кто ради гибели одного единственного человека хотели бы гибели всей Франции». И следовал вывод: «Нельзя продолжать ненавидеть человека, который так счастлив, что отомстил своим врагам... Расстаньтесь со своей партией раньше, чем она расстанется с

⁵ Пьеса Пьера Корнеля, в основе которой трагический конфликт между страстью и долгом (1638 г.). (Примеч. пер.)

⁶ Вуатюр Венсан (1598–1648) — французский писатель и поэт. (Примеч. пер.)

вами». Достоверно, что после 1636 г. Ришелье почти не покидал успех. Его войска продвинулись в Пикардию и в Артуа, на юге они заняли Руссильон. В 1642 г. Франция приближалась к Шельде, к Рейну, к Альпам и Пиренеям, то есть ко всем своим естественным границам. Еще один повод для торжества: 5 сентября 1638 г., через двадцать три года после свадьбы, Анна Австрийская наконец подарила Франции дофина. Гастон, герцог Орлеанский, враг кардинала, утратил всякую надежду на наследование трона. А еще через два года свершилось новое чудо: сорокалетняя королева произвела на свет второго сына, и Людовик XIII «выказал еще больше радости, чем после рождения первого, потому что он не ожидал такого счастья — оказаться отцом двоих детей, после того как он так долго опасался не иметь их совсем» («Мемуары» мадам де Мотвиль). Но в ноябре 1642 г. кардинал, который уже давно болел, почувствовал, что умирает. Он так и не увидел мирной Франции, ради которой столько трудился.

11. — Священнику, который спросил его перед причастием: «Прощаете ли вы своих врагов?», — он ответил: «У меня не было других врагов, кроме врагов государства». Он говорил искренне, потому что всем пожертвовал в своей жизни ради интересов королевства. При Ришелье восторжествовало чувство национального достоинства. Людовик Святой был человеком, который мог пожертвовать целой провинцией ради идеи. В глазах Людовика XIII и Ришелье величие Франции, которое неразрывно связано с величием короля, является единственной и главной идеей. Величие, но не гегемония. Они вовсе не стремятся установить господство Франции над Европой. Они хотят обеспечить Франции должное место и помешать господству над Европой любой другой державы. Именно по этой причине, а вовсе не из личной ненависти, старался Ришелье свалить «громадное дерево Австрийского дома»; по этой же причине он был суров с любыми раскольниками, ибо не имея внутреннего единства, Франция не могла надеяться на внешнюю безопасность. Все историки единодушны в оценке его внешней политики: все ее хвалят и признают, что еще и сегодня она является образцом для французской дипломатии. Но после его смерти внутренняя политика

получила разноречивые оценки. Одни обвиняли его в том, что он настолько уничтожил все местные власти и провинциальные свободы Франции, что чрезмерная централизация сделала Революцию неизбежной. «Французская монархия, — говорили они, — базировалась на согласии короля с его дворянством, его Парламентами и Штатами королевства; Ришелье, утверждая, что суверенитет столь же неразделим как геометрическая точка, проповедуя, что государю принадлежит право как нарушать закон, так и создавать его, разрушил творение наших королей и создал новое правительство, которое оказалось нежизнеспособным». Но другие отвечали, что не Ришелье придумал абсолютизм, и что королевство Людовика XIII мало чем отличается от королевства Генриха IV.

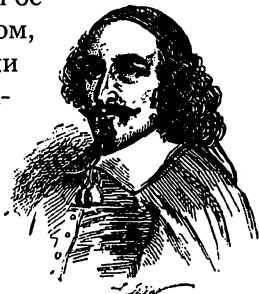
12. — Вместе с тем совершенно очевидно, что Ришелье хотел абсолютной власти как для короля, так и для самого себя. Он вкусил прелести власти и «полюбил славу больше, чем это дозволяет мораль». Создавая Французскую Академию (в 1635 г.), он мечтал, чтобы Республика Литературы сама осознала свою власть — впрочем, вполне обоснованную — над языком и над произведениями разума. О нем говорили, что он был «наставником французской нации» (Ф. Джустиниани). Он действительно пытался научить французов логике в принятии решений и твердости в их исполнении. Он считал, что французами трудно править, потому что у них «больше сердца, чем рассудка», а потому они одновременно и нетерпеливы, и медлительны. Сколько раз он жаловался на «медлительность Франции!» Но еще во время событий в Корби он понял также, сколь быстры и значительны периоды подъема Франции. Почему же историки приписывают ему еще что-то другое, помимо простых и традиционных мыслей? Потому что Ришелье был не просто великим министром — он был еще и превосходным писателем. Ничто не сохраняется во Франции так долго, как совершенство формы. По ясности взглядов и законченности изречений Ришелье в высшей степени был французом. После его смерти французы, ненавидевшие его при жизни, открыли его заново и выразили ему свою признательность.

**II. О том, как Фронда
стала революцией,
но революцией
провалившейся**

кардиналом и охотно предавший бы общественному проклятию его память, искал и почти сразу нашел повод поднять голову. Своим завещанием Людовик XIII сохранил у власти «дух монсеньора кардинала», то есть Совет из людей, выбранных Ришелье, которые до совершеннолетия короля-ребенка должны были контролировать регентшу, Анну Австрийскую, и Гастона Орлеанского, генерального лейтенанта королевства. Анна Австрийская была горделивой испанкой, совсем не злой, но долгое время лишенной нежности из-за безразличия к ней супруга («Королева такая добрая», — говорили о ней). Однако несмотря на свой безмятежный, невозмутимый и благодушный вид «толстой привратницы» (кардинал де Рец), она была подвержена приступам гнева, и тогда ее голос превращался в пронзительный и визгливый фальцет. Она привела ребенка-короля в Парламент и потребовала, чтобы завещание было кассировано, и чтобы она стала правительницей без ограничений. Парламент с радостью откликнулся на возможность проявить свою власть и заявил, что «ограничения, наложенные на регентшу, наносят ущерб принципам и единству монархии». Анна получила право сама формировать Совет. Чиновники полагали, что она воспользуется своей властью, чтобы до конца уничтожить «дух монсеньора кардинала». Но она удивила всех, избрав Первым министром ставленника Ришелье — Джулио Мазарини.

2. — Мазарини был итальянцем по рождению «из мелкой, но благородной семьи». Он был капитаном инфантерии, потом стал (по милости дружбы с понтификом) каноником в Риме, хотя никогда не принимал священнического сана, потом — легатом и нунцием во Франции. Ришелье разглядел в нем ловкого человека, «замечательной изворотливости и хитрости, пригодной, чтобы руководить людьми и забавлять их сомнительными и обманчивыми надеждами». Его сильной стороной было льстить людям, подкупать

их, а затем одурачивать. Ришелье был непреклонен и даже суров. Мазарини был сговорчив и не помнил ни об услугах, ни об оскорблениях. «Все увидели, — пишет Рец, — что по ступеням трона, откуда резкий и грозный кардинал Ришелье скорее метал громы и молнии, чем правил смертными, поднимается мягкий и безобидный преемник, который ни к чему не стремится и который находится в отчаянии, что его сан кардинала не позволяет ему жить в смирении, как бы он того желал...» Это была только видимость, но Парламент и «великие» поверили, что наступило их царствие: «Парламент, освободившийся от кардинала Ришелье, который сильно его унижал, вообразил, что “золотой век” наступит вместе с тем повелителем, который ежедневно повторял им, что королева хочет править только при помощи их совета. Духовенство, которое всегда являло миру пример подчиненности, проповедовала эту подчиненность под именем послушания. Вот так все вдруг и оказались поклонниками Мазарини...» Все, но особенно королева-мать. Очень добродетельная — или осторожная — так долго обремененная супругом, который ее не любил, но «в высшей степени наделенная кокетством, присущим ее нации», в свои зрелые годы она вдруг встретила очень красивого мужчину, черные глаза которого ласкали ее, чей исполненный почтения пыл ее забавлял, а тонкое ухаживание не вызывало беспокойства. Каков был характер этой связи? Письма говорят о чувстве, более чем нежном. Главное, что очень скоро она уже не могла без него обходиться и всегда поселяла его возле себя, будь то в Пале-Рояле или во время путешествий двора. Дальнейшие события показали, что ее выбор оказался правильным. У Мазарини был совсем иной стиль, чем у Ришелье, и его методы были менее прямолинейны, но он преследовал те же цели и с тем же упорством, и сумел передать Людовику XIV государство, сильное как никогда прежде.

Кардинал Мазарини

3. — Для Франции было необыкновенной удачей в момент переговоров, которые должны были завершить долгий период войн,

получить своим представителем опытного дипломата. Военная победа была достигнута. В Рокруа (в 1643 г.) юный герцог Энгиенский (позднее — «Великий Конде») победил «грозную испанскую пехоту». Тюренн, заслужив в Италии свой маршальский жезл, двинулся на Германию. Теперь следовало аккуратно убрать в закрома плоды полученной победы. Мирный конгресс, кото-

Людовик II Бурбон, герцог
Энгиенский («Великий Конде»)

рый, возможно на века, должен был определить судьбу Европы, открылся в 1644 г. Но только в 1648 г. оба Вестфальских договора (в Оснабрюке и в Мюнстере) были подписаны в один и тот же день католическими и протестантскими державами — до этого они вели обсуждения по отдельности. Эти договоры стали триумфом для Франции и для политики Ришелье. Империя вышла из этих войн не просто ослабленной, а совершенно беспомощной. Германия была разделена на триста пятьдесят независимых государств, каждое — со своей армией и со

своей внешней политикой. Были установлены «германские свободы», следовательно, Франция была в безопасности. Эти бесчисленные государства никогда не смогли бы договориться, чтобы вести войну против Франции, а Франция всегда могла бы найти среди них союзников. Имперский сейм сохранялся, но он должен был принимать свои решения единогласно, а это на практике означало, что он никогда не примет ни одного. Франция получила в полную собственность Эльзас. Принцип *Cujus regio ejus religio*⁷ был расширен и на кальвинизм. Каждый подданный должен был принимать религию своей области или своего государя. Если религия его региона не отвечала его убеждениям, то он мог эмигрировать, забрав с собой все свое добро. В результате император сохранял свою власть только в Австрии, Богемии и Венгрии. Швейцария и Нидерланды становились практически независимыми. Испания переставала быть европейской державой. Германии

⁷ Чья власть, того и вера (лат.). (Примеч. пер.)

больше не существовало (или еще не существовало). Вестфальские договоры превращали Францию в европейского арбитра.

4. — Если бы мы не знали об извечном невероятном невежестве народов в области внешней политики, то могли бы подумать, что этот дипломатический триумф обеспечит триумф и министру, который его добился. Но ничего подобного не произошло. Ни на кого не клеветали больше, чем на Мазарини. Против него выдвигались самые постыдные и самые глупые обвинения. Он знал об этом: «Против меня ведутся рассказы, из которых следует, что я сговорился с турком, и что я отдал бы ему Европу, если бы только мне не помешали... Сегодня утром один торговец объявил, что это настоящий позор... что я получил в Вене двадцать девять миллионов, и что Парламент это уже обнаружил...» В 1648 г. Париж был на грани восстания. Почему? Да потому что Францией управляли два иностранца: испанка и итальянец; потому что не хотели больше кардинала-«главного министра», потому что финансы были скудны, налоги возрастали, а ренты с Ратуши не были уплачены; и, наконец, потому что идея революции в это время носилась в воздухе, потому что неаполитанцы успешно восстали против своего короля, а англичане своему королю собирались отрубить голову. Подражание — это сильный довод в жизни нации, существует мода как на бунты, так и на убийства. Даже слова могут оказать влияние. Парижский Парламент не имел ничего общего с лондонским Парламентом, который был представительным собранием, тогда как парижский — сборищем наследственных чиновников. Но оба социальных института носили одно и то же название. Этого оказалась достаточно, чтобы вызвать у парижских парламентариев и у их первого президента определенные мысли. Эти чиновники обладали своими добродетелями: честностью, смелостью и культурой. Воспитанные на классиках, они охотно рассуждали о республиканских свободах. Но они держались за свои должности, за свое имущество, за весь импозантный ритуал церемоний. Это делало их революционерами-консерваторами. То же самое происходило и с теми, кого называли «значительными людьми» — крупными сеньорами и дамами, для которых романтическое восстание до-

бавляло пикантности в распутство их любовных связей. «М. де Бофор взял себе в голову, что он может править, — говорит Рец, — на что он был способен не более чем его камердинер...» А Ларошфуко говорит: «Он создал клику... которую назвал “значительными”... Они условились быть врагами кардинала Мазарини, сделать всеобщим достоянием воображаемые добродетели герцога де Бофора и оказывать ему фальшивый почет, за распространителей которого (они) себя выдавали...» Поведение населения Парижа было гораздо более агрессивным: оно ощущало свою силу, боялось Мазарини гораздо меньше, чем Ришелье, и к тому же, обрело вождя в лице прелата-демагога Поля де Гонди (позднее — кардинал де Рец), прекрасного писателя, но амбициозного циника, упорно враждебного Мазарини. «Опуститься до малых сих, — говорил Гонди, — это самый надежный способ сравняться с великими». Кoadьютор⁸ архиепископа Парижского, своего дяди, впавшего в детство, Гонди занимал прекрасную позицию, с которой легко было выдвинуться в первый ряд.

5. — Эти объединенные силы едва не поставили монархию на грань гибели, и их последовательные возмущения являлись чем-то вроде праобраза французской Революции. Они получили название череды «фронд»⁹, потому что камни летели в окна кардинала-министра (*Ветер от камней пращи / Подул сегодня утром / Я думаю, что он ворчит / На Мазарини*). Королевская семья вынуждена была бежать из Парижа, памфлеты чернили королеву и кардинала, и вот народ ворвался во дворец и принудил регентшу показать малолетнего короля в его кровати. Никогда уже Людовик XIV не забудет этих сцен, которые так странно воспроизводят сцены гибели его семьи в будущем. Последовал ряд конфликтов, сменяющихся непрочным миром. Можно назвать две основные Фронды: это парламентская Фронда (1648–1649 гг.) и Фронда принцев (1649–1653 гг.). Первая боролась за принципы. Парламент с полным основанием полагал, что его конституционный долг состоял в защите независимости

⁸ Кoadьютор — помощник, заместитель. (Примеч. ред.)

⁹ Fronde — праща, рогатка (фр.) (Примеч. пер.)

его чиновников. Когда один из них, добряк Пьер Бруссель, был арестован и препровожден в Сен-Жермен, то поднялись парижане, подогреваемые врагами Мазарини: «Вдруг все взорвались, взбунтовались, побежали, закричали, позакрывали сразу все лавки». Восхищенный Гонди отправился в Пале-Рояль, а за ним следовала «огромная толпа народа, которая вопила: “Бруссель! Бруссель!”» Королева вела себя очень гордо и резко, Мазарини казался уступчивым и смущенным. «Мадам, — сказал один шутник, — Ваше Величество очень больны. М. Кoadъютор пришел вас соборовать». Кoadъютор (Гонди) надеялся выйти от королевы министром, но вскоре, как всякий ученик чародея, пожалел, что развязал процесс, остановить который был уже не в силах. И он, и первый президент Матье Моле, проявивший, впрочем, большое мужество, были плохо встречены народом. В Париже хозяйничал бунт. В конце концов пришлось выпустить Брусселя. Несчастный был так напуган встретившей его овацией и всем шумом, поднятым вокруг его персоны, что сам предложил прекратить бунт и сложить оружие.

6. — Но народ был неудовлетворен. Он хотел, он требовал, чтобы его освободили от «Мазарана». Двор сбежал в Рюель. Он оказался бы в большой опасности, сумей его враги объединиться, но была ли у них какая-нибудь общая идея? Чиновники Парламента требовали традиционных свобод для королевства и контроля над налогами. Фрондеры из дворянства устремились на борьбу за возвращение утраченных привилегий и старались расстроить все, сделанное Ришелье. Народ, поднятый принцами и чиновниками — «отцами народа», — перестал им верить. Мадам де Шеврез «не знала других забот, как нравиться своему любовнику». Конде поддерживал двор в военном положении. Тюренн, погубленный прекрасными глазами мадам Лонгвилль, выступил против короля и вел переговоры с испанцами. Вмешательство испанцев привело в ужас всех, кто еще сохранял остатки патриотизма и здравого смысла. Сам Гонди осознал, что все «это походило на крестный ход Лиги». Армия Тюренна покинула своего генерала. Парламент, справедливо шокированный созданием испанского союза, от которого несло изменой, решил вступить в переговоры

с королевским двором. Но народ все еще угрожал убить всякого, кто будет настаивать на переговорах «до того, как Мазаран покинет королевство». Однако восторжествовала твердость первого президента Моле. Он открыто появился перед бунтующими: «Двор не прячется», — провозгласил он. На конференции, которая открылась в Рюеле, согласие было найдено. Мазарини мог бы диктовать свою волю, но он предпочел купить поддержку ценой уступок, от которых твердо решил отказаться впоследствии. Вся первая Фронда была одним долгим Днем Обманов.

7. — Мир, подписанный в Рюеле, никого не успокоил. Обе партии оставались сильны. «Дрожжи недовольства» бродили среди многих чиновников и горожан, выведенных из себя «этим мошенником, этим фигляром, этим старьевщиком, этим итальянским обманщиком». Народ обвинял в дороговизне хлеба Мазарини, который был совсем ни при чем. И было еще одно более важное событие: великий Конде, опора двора, вдруг обернулся к нему спиной. Непомерная гордость Конде заставляла его считать, что кардинал не оказывал ему достаточного уважения и что без его поддержки кардинал будет побежден. Все амазонки королевства — мадам де Лонгвиль, мадам де Шеврез — вновь плели заговоры. Гонди, чтобы теснее сплотиться с этой компанией, взял себе в любовницы — с согласия ее матери — мадемуазель де Шеврез. «Существуют, — говорил он, — священники, похожие на тех женщин, которые могут сохранять достоинство в галантных отношениях только благодаря заслугам их любовников». Чтобы вернее погубить Мазарини, Гонди и окружающие его женщины притворились, что идут с ним на сближение и уговорили арестовать Конде и принцев, дерзость которых переходила все границы. Арест победителя при Рокруа и при Лансе был смелым шагом. Парламент принял сторону Конде. Если бы произошло объединение парламентской Фронды и Фронды принцев, то Мазарини был бы обречен. В январе 1651 г., освободив Конде, он был вынужден удалиться. Но Анна Австрийская прекрасно умела устраивать дела. Пообещав Гонди шапку кардинала, она привлекла его на сторону короны, а также заручилась поддержкой Тюренна, единственного генерала, который мог оказать противодействие Конде.

Мадемуазель де Монпансье, Большая Мадемуазель — мужеподобная девица, полагавшая себя предназначенной стать королевой Франции (путем женитьбы на своем кузене Людовике XIV), — взяла на себя командование армией и, облачившись в латы, решила присоединиться к Конде. Она впустила в Париж войска принцев. Но Мазарини прекрасно знал, что существует человек, на которого всегда можно было рассчитывать в борьбе против Конде: это был сам Конде, столь несносный и кичливый, что в конце концов Париж предпочел ему даже Мазарини! Патриотично настроенный народ заволновался, увидев испанские знамена в армии Конде. Толпа начала обращаться против тех, кто ее возбуждал. По улицам потекла кровь. Ратуша горела. Во время сражения в предместье Сент-Антуан Большая Мадемуазель, чтобы обеспечить отступление Конде, приказала выстрелить по королевским войскам из пушки Бастилии. «Этот пушечный выстрел убил ее мужа!» — сказал Мазарини. Подошло время, когда третья партия, — «те люди, которые ничего не могут в начале, но в конце волнений могут все», — готова была вступить в игру. Депутации торговцев со слезами на глазах умоляли короля вернуться в Париж. Знаменитый Брюссель, избранный купеческим прево во времена своей популярности, был грубо смещен, но толпа не обратила на это никакого внимания. *Brevis populi amor*¹⁰. В октябре 1652 г. Людовик, царственный и мужественный, совершил военное возвращение в Париж. Все, кто имел хоть какой-то вес в коридорах дворца, пришли к нему на поклон. Фронда была окончена.

8. — Прежде чем вернуться, Мазарини выждал несколько месяцев. «Этот изгнанник, этот нарушитель общественного спокойствия, этот низкий человек», этот враг народа был принят «не только без единого звука, но как триумфатор, покрытый славой», — пишет буржуа Валье. В Ратуше кардинала-министра низкими поклонами приветствовал тот самый старшина-рантье, который незадолго до этого говорил, «что Мазарини был самой большой мерзостью века». Наиболее ярые гонители кардинала, впавшего в немилость, были в первых рядах и низко кланялись,

¹⁰ Любовь народа недолговечна (лат.). (Примеч. пер.)

когда счастье ему улыбнулось. Король шествовал перед кардиналом. Фронда преподала ему жестокий урок. Он видел, как при пособничестве благородных бунтовщиков и парламентариев, опьяненных своей значимостью, его дворец был наводнен чернью. Он понял, что непопулярность слишком могущественного министра грозит опасностью потерять королевство. С этого момента он решил править самостоятельно, без главного министра, укротить дворян и отправить парламентариев исполнять их судебные обязанности. И тем не менее он сохранял при себе Мазарини до самой его смерти. «Он любил меня, и я тоже любил его», — скажет он позднее. Он знал цену этому «отчиму», скрытному и скромному, который учил его основам политики; а главное, он никогда бы не пожертвовал министром, возвращение которого знаменовало победу короля над Фрондой. Почему же провалилась Фронда? Потому что она представляла собой соединение эгоистических и противоречивых интересов и не имела твердых убеждений. Часто говорилось, что она предвосхитила Революцию 1789 г., что Бруссель напоминает Байи¹¹, Рец — Талейрана, и что приверженцы Мазарини предшествуют «папаше Дюшену»¹². Но в 1789 г. с нацией будут советоваться, и она будет представлена в Революции, а Фронда была всего лишь группировкой. Моральным упадком и материальными разрушениями, почти столь же плачевными, как и после Религиозных войн, Фронда внушила желание продолжать монархическую и абсолютистскую реакцию, начатую еще первыми Бурбонами. Этот мятеж дискредитировал свободу.

9. — Мазарини прожил до 1661 г. и в конце своей жизни успел сделать для Франции еще много хорошего. Нужно было полностью покончить с Испанией, которая, хоть и уменьшенная в размерах по Вестфальским договорам, не прекращала способствовать всем

¹¹ Байи Жан (1736–1793) — французский астроном, один из лидеров Великой Французской революции, мэр Парижа. (*Примеч. ред.*)

¹² Имеется в виду известный персонаж балаганных представлений XVIII в. печник «папаша Дюшен». «Папаша Дюшен» — это также название, которое носили некоторые листки и газеты 90-х гг. XVIII в., в основном контрреволюционной направленности. (*Примеч. ред.*)

нашим внутренним раздорам. Мазарини проявил так же мало щепетильности, как и его соперники: он организовал возмущения в Каталонии, в Португалии, в Неаполе и не испытал никаких колебаний, вступая ради победы над Испанией в союз с царевубийцей — протестантской Англией Кромвеля. Он ничего не изобрел сам, он просто следовал традиции Ришелье: никакой религии ни в стратегии, ни в дипломатии. Благодаря этому союзу с Англией и гениальности Тюренна он выиграл «битву в дюнах» (у г. Дюнкерка. — *Примеч. ред.*). Отныне в военном отношении Испания оказалась вне игры. Однако для обеспечения мира требовалось, чтобы французский король женился на дочери короля испанского. Людовик был влюблен в племянницу Мазарини — Марию Манчини. Но в вопросах брака король обязан следовать интересам короны, а не склонностям своего сердца. Мазарини умолял Людовика преодолеть свою страсть: «Ради Вашей славы, ради Вашей чести, ради служения Господу, ради блага королевства, я заклиная вас... сделать великодушно над собой усилие...» Король уступил. Пиренейский мир упрочил защитный пояс Франции, которая приобрела Руссильон, Сердань и Артуа. Каталония осталась за Испанией, что было вполне справедливо, потому что эта провинция была естественной составной частью Иберийского полуострова. Мария-Терезия, старшая дочь Филиппа IV и Елизаветы Французской, вышла замуж за Людовика XIV. В обмен на приданое в пятьсот тысяч экю золотом она отказалась от своих прав на отцовский трон. Но Испания была очень бедна. Появились основания опасаться, что приданое никогда не будет выплачено. Любые надежды были оправданы, и даже надежда на объединение в один прекрасный день обеих корон, потому что у Филиппа IV не было на тот момент наследника мужского пола¹³. Мазарини завершил дело Ришелье. В 1661 г. он умер, обсудив во время своей агонии финансовые вопросы с Кольбером, одним из своих любимых служащих. Начиналось единоличное правление Людовика XIV.

¹³ В 1646 г. он вдовел и сразу женился вновь. Но ребенок, который наследует ему под именем Карла II, еще не родился в тот момент, когда в 1660 г. Людовик XIV женился на Марии-Терезии. Будущий Карл II появится на свет только через год в 1661 г. (*Примеч. авт.*)

**III. О том, как
Великий Король царил
над Великим Веком**

Медичи и век Людовика XIV. «Европа, — говорит он, — обязана своей учтивостью и светским остроумием двору Людовика XIV». Это справедливо, хотя Вольтер, как большинство людей его времени, не до конца учитывает влияние французской цивилизации в средние века. Учтивость XVII в. — это всего лишь внучка куртуазности XIII в. Новизна царствования состояла в том, что король привил свои вкусы стране. Он правил один, и это единоличное правление было не только безоговорочно принято французами, но и нравилось им на протяжении первых двадцати лет. Вольтер говорит: «Все было спокойно в это царствование». Не было гражданских войн, не было выступлений Фронды. На смену суматохе бунтов приходит величественность церемоний. Внутри страны наблюдается поразительный расцвет литературы и искусств. За ее границами, несмотря на превратности финала, у Франции огромный престиж. Для всей Европы французский король был «Великим Королем», и его век навсегда останется Великим Веком.

1. — Вольтер писал, что каждый, кто размышляет и обладает вкусом, рассматривает только четыре века в мировой истории: век Перикла, век Августа, век Медичи и век Людовика XIV. «Европа, — говорит он, — обязана своей учтивостью и светским остроумием двору Людовика XIV». Это справедливо, хотя Вольтер, как большинство людей его времени, не до конца учитывает влияние французской цивилизации в средние века. Учтивость XVII в. — это всего лишь внучка куртуазности XIII в. Новизна царствования состояла в том, что король привил свои вкусы стране. Он правил один, и это единоличное правление было не только безоговорочно принято французами, но и нравилось им на протяжении первых двадцати лет. Вольтер говорит: «Все было спокойно в это царствование». Не было гражданских войн, не было выступлений Фронды. На смену суматохе бунтов приходит величественность церемоний. Внутри страны наблюдается поразительный расцвет литературы и искусств. За ее границами, несмотря на превратности финала, у Франции огромный престиж. Для всей Европы французский король был «Великим Королем», и его век навсегда останется Великим Веком.

2. — Действительно, все было тогда великим, и, прежде всего, сам Людовик XIV. «Королевское дело, — писал он, — велико, благородно и прекрасно, когда чувствуешь себя в силах достойно исполнять все то, что должен». Памятуя опеку Мазарини, он с самого начала решил быть своим собственным министром и никогда не допускал священнослужителей в свой Совет. Он председательствовал в Совете, работал по шесть часов в день, вменил себе в правило подписывать все ордонансы даже на самые ничтожные расходы государства и вел тетрадь, которая была чем-то вроде счетоводной книги Франции. Не любивший его Сен-Симон говорит, что Людовик XIV родился с умом ниже среднего (что опровергают письма короля), но «его ум был способен организовываться, совершенствоваться и заимствовать у других, не впадая при этом в подражание и не испытывая от этого никаких стеснений», что в устах врага звучит как высшая похвала. У Людовика были безупречные манеры: он не позволял себе даже самых про-

стенных и безобидных насмешек и всегда снимал шляпу, проходя мимо женщины, «я говорю о горничных, и ему было известно, что это горничные», — наивно добавляет Сен-Симон. «Его обычные повседневные разговоры никогда не были лишены естественности и врожденной величественности». По природе он был мягок и терпелив, к его слабостям следует отнести любовь к лести — выслушивание и поощрение самых грубых восхвалений, что быстро ведет к полностью искаженному восприятию реальной действительности и к смешению интересов государства с заботой о собственной славе. Хотя он был набожным и верующим, но легко поддавался тому, что двор начал его обожествлять. Понемногу он превращается в величественного эгоиста, расценивающего людей только по степени их благоговения перед его персоной. Но в течение долгого времени все это казалось вполне терпимым и даже приятным, потому что после стольких потрясений Франция жаждала твердой власти.

Король Франции
Людовик XIV

3. — Переезд двора из Парижа в Версаль укрепил деспотизм монарха, выведя его из-под контроля общественного мнения. К такому решению Людовика XIV привело несколько обстоятельств: бунты меньшинства, которые навсегда остались в памяти юного короля; невозможность защитить государя от нескромности посетителей в Лувре, куда каждый мог зайти, как к себе домой; неудобства для фавориток и «риск выставить напоказ крупные скандалы в центре такой населенной столицы». Первые дни пребывания в Версале, в маленьком замке, выстроенном Людовиком XIII, Людовик провел с мадемуазель де Лавальер в те времена, когда их любовь была еще тайной. Понемногу он возвел там «бесконечные строения» и, наконец, начиная с 1682 г., превратил Версаль в свою главную резиденцию. Пять тысяч человек, элита французского дворянства, проживали во дворце и еще пять тысяч — в других пристройках. Французская аристократия,

постоянно отсутствующая в своих провинциях, потеряла там свой авторитет. Каждый крупный сеньор, не проживавший при дворе, лишался милостей, должностей, пенсий и бенефиций. Фраза в устах короля «Я не вижу этого человека» равнялась безоговорочному приговору. Жизнь в Версале была очень разорительной, и это также входило в определенную систему. Преследуя свою политику, Людовик XIV вынуждал дворянство к излишней расточительности. «Он всех разорял, требуя проявления роскоши в соответствии с положением», и тем самым доводил придворных до полной зависимости от своих благодеяний, уже просто необходимых для их существования. Этим объясняется тот необыкновенный престиж всех, кто был приближен к королю: любовниц, незаконных детей, врачей и слуг. Король хвастал, что не слушается женщин, даже тех, кого он любил, поскольку «та слабость, которой они обладают от природы, часто заставляет их предпочитать самым серьезным соображениям пустяшные интересы». Но это было полуправдой, ибо он сделал все возможное, чтобы придать титул принцев крови своим незаконнорожденным детям от Луизы де Лавальер и от детей, появившихся в результате двойного адюльтера — от маркизы де Монтеспан. К концу своей жизни он подчинился благочестивым требованиям мадам де Ментенон. Он установил при дворе церемониал с соблюдением мельчайших деталей, и впадал в неописуемый гнев, если жена Государственного секретаря осмеливалась сесть раньше какой-нибудь графини. Сен-Симон считал, что это происходило из-за того, что «его ум от природы был обращен на мелочи», но он также признает, что король, не имея возможности бесконечно раздавать подлинные милости, проявил изобретательность, подменив их милостями воображаемыми. Он сумел придать ценность мельчайшим знакам внимания — приглашению, оброненному слову или взгляду. Торжественные пустяки являются прекрасным инструментом деспотизма.

4. — «Государство — это я». Людовик XIV никогда не произносил этой фразы, но подобная идея владела его сознанием. При Людовике XIV Генеральные Штаты ни разу не созывались, министры превратились в важных служащих, Парламенты были низведе-

ны до узких обязанностей дворцов правосудия, интриги были редки и осторожны. И все же устоявшиеся обычаи королевства, набожность короля и его здравый смысл (кроме дел, касающихся религиозного устройства) помешали этому абсолютизму выродиться в тиранию. Монархия признавала традиционные правила. Когда Людовик XIV захотел учредить герцогство на землях канцлера Сегье, то Парламент вернул ему королевскую грамоту, потому что высшее должностное лицо не имело права принимать вознаграждение от двора. Королевским солдатам запрещалось входить в большинство крупных городов. В Бастилии, крепости, расположенной в самом сердце столицы, в гарнизоне могли быть только инвалиды. И наоборот, совершенно достоверно, что по простому приказу короля, содержащемуся в письме, запечатанному королевской печатью и подписанному королевским секретарем в нее мог быть заключен кто угодно. Эти «письма с печатью» использовались: а) в отношении участников государственных дел, очень немногочисленных, которые исчислялись десятками, а не тысячами; б) для разрешения семейных дел по просьбе отца или мужа, потому что во Франции каждая семья все еще рассматривалась как «самоуправляющаяся община», и, таким образом, авторитет королевской власти отдавался в распоряжение отца семейства; в) в делах полиции, чтобы избавить виновного от судебной огласки, а уважаемую семью — от позора. «Письмо с печатью» было мерой произвола, оно не несло никаких гарантий тому, кто становился его жертвой. Впрочем, во времена Людовика XIV это установление не вызывало особых нареканий. Люди считали, что эта мера устраняла большее зло и бесполезные скандалы. Только в следующем веке существование «писем с печатью» стало причиной всеобщего недовольства.

5. — Людовик XIV управлял Францией через собрания, в которых — теоретически — он принимал решения единолично. Это были Советы по «вышим делам», Советы по дипломатическим депешам, по финансам; совет по религиозным делам назывался Советом вероисповедания. Министры были немногочисленны: канцлер, генеральный контролер финансов, государственные секретари по вопросам войны, морского флота и королевского

дома. Король менял их редко. За пятьдесят четыре года личного правления у него было только семнадцать министров. Он выбирал претендентов из семей незнатного происхождения, чтобы они полностью от него зависели. С самого начала своего правления он приказал арестовать, судить и пожизненно заключить в тюрьму суперинтенданта финансов Николя Фуке, щедрого мецената, которого обожали все его друзья и, среди прочих, мадам де Севинье и Лафонтен. Но Фуке усвоил пагубную привычку не делать различия между государственными финансами и своими собственными. Причиной его падения стал один слишком пышный праздник, который Фуке дал в честь короля в своем замке Во-ле-Виконт (а возможно, и слишком настойчивые ухаживания за Луизой де Лавальер). Это было довольно несправедливо, потому что он, кажется, был точно таким же финансистом, как и все остальные, и подобная нечестность не выходила за рамки обычной, но зато его ум и смелость значительно превосходили средний уровень. Судебный процесс велся беспорядочно, ни один документ не был передан обвиняемому; председателя суда сменили по ходу разбирательства дела. Состав суда был набран из противников суперинтенданта. Короче говоря, никакого правосудия. Фуке был заключен в Пиньероль в 1664 г., где и умер в 1680 г. Все дело представляется весьма таинственным и не делает чести тому режиму.

6. — Состав последующих министров был тщательно отобран. Кольбер, Ле Телье и его сын Лувуа со всем тщанием исполняли свои обязанности «служащих высшего ранга». Задача Кольбера в области финансов была очень трудной. Он исполнял свои обязанности при расточительном государе. «Я умоляю Ваше Величество, — писал он королю, — разрешить мне заметить Вашему Величеству, что и в мирное, и в военное время Ваше Величество никогда не интересовалось состоянием финансов для определения своих расходов...» Кольбер, наделенный самым редким для специалистов качеством — здравым смыслом, — не видел другой основы для приведения бюджета в равновесие, как увеличение доходов и уменьшение расходов: «Надо экономить даже гроши на вещах, которые не являются необходимыми. Среди прочего

я сообщаю Вашему Величеству, что ненужный обед в две тысячи франков причиняет мне крайнее огорчение...» Он также пытался прояснить общественную бухгалтерию, уменьшить число освобождений от тали, смягчить строгость преследований и принудительных мер против сборщиков. Но его дело всякий раз оставалось незавершенным из-за войн, которые постоянно приводили к дефициту. Для короля беспокойство о «славе» было важнее, чем забота о восстановлении финансов.

7. — Кольбер безгранично верил в управляемую экономику. «Надо решиться осчастливить народ, невзирая на его желание», — говорил он. Его целью было привлечь во Францию золото и серебро (только эти металлы считал он подлинным богатством). Это следовало осуществить: а) *через труд*, «источник всех духовных и мирских богатств». Впервые во Франции им были прославлены не судейские и, тем более, не рантье, а производители сельскохозяйственной продукции и промышленники; б) *через экономическую войну* и через защитные тарифы, ибо меркантилист Кольбер хотел помешать ценным металлам покидать королевство, даже если это было необходимо для приобретения необходимых вещей; в) *через регламентацию*: «Государство должно регламентировать промышленность великого народа точно так же, как оно регламентирует департаменты какого-либо учреждения». Кольбер основал государственные мануфактуры, которые еще и сегодня составляют славу Франции (производство гобеленов, монет и медалей, табака, пороха и селитры; королевские типографии). В области частной промышленности он поощрял субсидиями и заказами шахты, стекольное производство и особенно те фабрики, на которых производились шерсть и шелк. За всем следили региональные комитеты по промышленности и торговле и Генеральная инспекция по мануфактурам. Корпоративный уклад был усилен, коалиции и стачки запрещены, обнародованы регламентации по сырью,

Жан-Батист Кольбер

по способам производства и по рабочей полиции. Это был тоталитарный экономический режим. В сельском хозяйстве он способствовал производству промышленных культур: марены¹⁴, льна, конопли и тутового дерева. Он понимал, что в области внутренней торговли следовало бы упразднить конторы и таможи, разделявшие Францию на северные и южные провинции, но не сделал этого. Во внешней и колониальной торговле его особенно интересовала Канада, и он создал, правда не особенно успешные, Вест- и Ост-Индскую торговые компании. Эта практика экспансии представляла огромное усилие, которое могло бы дать прекрасные плоды, но Кольбер умер раньше, чем появились результаты. Его последователи не продолжили его дела, и в этой области Англия опередила Францию.

8. — Лувуа, сын Ле Телье, соперник Кольбера, тоже трудился ради возвеличивания короля. Он был упорен, высокомерен и беззастенчив, но именно он создал первую настоящую современную армию на постоянной основе. До него полки и роты принадлежали полковникам и капитанам, которые их набирали, выплачивали им жалованье и, конечно, были заинтересованы в сохранении воинских частей-призраков. Лувуа не смог уничтожить эту систему, но он сделал ее менее опасной, придав почетным полковникам и капитанам подполковников и лейтенантов, которые на деле осуществляли командование. Создание для главных офицеров «табели о рангах», определяющей стаж каждого, положило конец скандальным конфликтам на поле боя по поводу главенства. Солдаты были добровольцами, завербованными на четыре года. Лувуа (в 1670 г.) ввел форму, строжайшую дисциплину и вооружил солдат лучше, чем в любой другой европейской армии. Штык, изобретенный Вобаном в 1687 г., сделал ненужными копейщиков. Кавалерия получила карабины. Были созданы один полк бомбардиров и двенадцать рот канониров. Для снабжения войск Лувуа создал службу армейских интендантов. В 1674 г. для отставных старых солдат были созданы Дома

¹⁴ Растение, из которого добывается красный краситель. Марена красильная используется в медицине. (Примеч. пер.)

Инвалидов. В этой многочисленной армии (триста или четыреста тысяч человек) существовали прославленные полки: Швейцарские гвардейцы, Французские гвардейцы, Дом Короля, Большие и Малые Мушкетеры. Но Лувуа, прекрасный организатор, оказался для Людовика XIV опасным советчиком. Чтобы стать необходимым королю, он подталкивал его к войне, в которой суверен искал только славу. Сен-Симон рассказывает ужасную историю одной войны, смело развязанной Лувуа только для того, чтобы вновь упрочить свое положение при короле, после того как тот грубо с ним обошелся.

9. — А вместе с тем в тот момент, когда Людовик XIV взял управление делами в свои руки, казалось, что продолжительный мирный период в жизни королевства возможен. К 1665 г. Франция была самой сильной державой на континенте. Испания была ослаблена, и Людовик XIV мог надеяться, что наступит день, когда либо оба государства объединятся, либо произойдет объединение хотя бы с Нидерландами, потому что приданое Марии-Терезии все еще оставалось невыплаченным. Раздробленные Германия и Италия уже не представляли серьезной опасности. После Реставрации Англия возвела на трон Карла II Стюарта, друга французского короля, который к тому же получал от него субсидии. Таким образом, выходило, что у Франции нет врагов. Ее задачей должно было стать постепенное, без военных конфликтов, укрепление северо-восточной границы. Вобан, великий военный архитектор и инженер, строил защитные крепости, валы, куртины и равелины которых защищали и украшали страну на протяжении двух веков. Он указал королю на города, необходимые для завершения этого каменного пояса страны. Вобан не любил войну и отнюдь не вдохновлялся мелким тщеславием. Но в ту эпоху ни Лилль, ни Дуэ, ни Страсбург, ни Безансон еще не принадлежали Франции и она казалась не защищенной от любых вторжений. Война, названная войной за Испанское наследство, разразилась сразу после смерти Филиппа IV в 1665 г. Королева Франции Мария-Терезия родилась от брака этого монарха с дочерью Генриха IV. Ее единокровный брат, четырехлетний ребенок, должен был наследовать испанский трон под именем

Карла II. Людовик XIV потребовал часть территориального наследства, ссылаясь на право «преимущества по старшинству», — чисто внутренний обычай, по которому дети от первого брака пользовались большими правами, чем дети от последующих браков. Тюренн вторгся во Фландрию. Это был тот единственно действенный способ, который мог обеспечить получение королевского наследства. В военном отношении ему ничего не мешало дойти до Шельды и захватить Антверпен, но существовали дипломатические причины, по которым следовало проявлять осторожность. Первая кампания окончилась в Экс-ля-Шапели (Аахене) в 1668 г. и стоила Людовику XIV нескольких крепостей. Но в 1672 г. началась вторая кампания. Всякое продвижение Франции в Нидерланды вызывало беспокойство со стороны Голландии и Англии. Через посредничество своей очаровательной невестки Генриетты Людовик XIV добился нейтралитета Карла II. Более упорная Голландия призвала на помощь шведов и немецких князей. Она не уступила и предпочла затопить свои земли¹⁵. Голландия предоставила полномочия Вильгельму Оранскому, человеку из лагеря сопротивления Франции, и, чтобы выжить, согласилась превратить свою буржуазную республику в страну, подчиняющуюся военному правлению. С героическим упорством она сражалась с 1672 по 1678 г. и, создав коалиции, вынудила Францию защищаться. В 1677 г. произошла неожиданная династическая развязка. Мария, племянница английского короля и его заранее назначенная наследница, вышла замуж за Вильгельма Оранского. Это являлось уступкой Карла II его подданным-протестантам, но тем самым он поддержал и Голландию и неизмеримо укрепил ее положение. Людовик XIV был вынужден заключить мир, который был подписан в городе Нимвеген в 1678 г., и по которому к Франции отходила часть Фландрии и Франш-Конте. Таким образом, была установлена почти современная граница Франции, но без Страсбурга, который Людовик XIV аннексировал уже в мирное время по приговору суда (1681 г.). Таким же образом

¹⁵ Когда французские войска почти дошли до Амстердама, голландцы разрушили многочисленные дамбы и, затопив огромные территории, предотвратили дальнейшее продвижение французов. (Примеч. ред.)

были присоединены и другие города (то есть путем консультаций с юристами, которые «истолковывали» прежние договоры). Это ярчайшее доказательство силы тогдашней Франции, потому что Европа молчаливо приняла эти «юридические» аннексии.

10. — До этого момента политика Людовика XIV приносила прекрасные результаты при минимальных затратах, но в 1685 г. Карлу II наследовал его брат Яков II, католик, а в 1688 г. протестантская революция вигов возвела на трон вместе с Марией и ее мужа, неизменного врага Франции Вильгельма Оранского. Начиная с этого момента Англия и Голландия, объединившись, будут стараться ослабить Людовика XIV, как некогда Елизавета ослабила Филиппа II. Голландские и английские купцы считали, что Антверпен в руках французов является залогом их неминуемого разорения. Таким образом, можно сказать, что Вильгельм III продолжил традиционную политику Англии: защита Фландрии, господство на море и создание Лиги против самой могущественной державы континента. В качестве превентивных мер Людовик XIV занял левый берег Рейна, а на другом берегу Лувуа разорил графство Пфальц, чтобы создать пустыню между империей и Эльзасом. Король осудил такую жесткую меру, которая должна была вновь пробудить вековую злобу. Теперь против Франции объединились Англия, Империя, Голландия, Испания и Швеция. Задачей этой Лиги, получившей название Аугсбургской, было вернуть Францию к границам, предусмотренным Вестфальским и Пиренейским договорами. Континентальную Европу сильно беспокоило военное могущество Людовика XIV. Англия и Голландия опасались Францию как морскую и колониальную державу. Поначалу сильный французский флот под командованием Турвиля одерживал победы над объединенным англо-голландским флотом. Но вести одновременные действия в Средиземном море и в океане, на море и на континенте не представлялось никакой невозможности. Уже не было Кольбера, чтобы должным образом экипировать французский военный флот. В конце концов он потерпел неудачу при Ла-Уг, и Людовик XIV решил начать переговоры. В Рисвикском конгрессе он проявил мудрую сдержанность. Людовик соглашался отказаться от Нидерландов и признать Оранский

дом в Англии. Он считал, что это лучше, чем позволить Испании воссоздать — при поддержке Англии — империю Карла V. Со своей стороны, Вильгельм III считал, что он сумел восстановить равновесие на континенте между Империей и Францией. Казалось, что после Рисвика (1697 г.) мир в Европе будет, наконец, обеспечен.

11. — Судьба потрудилась нарушить этот мир, а злокозненность событий взяла верх над относительной мудростью государей. Единственным вопросом, который все еще вызывал опасения, был вопрос об Испанском наследстве. Вскоре умер, не оставив наследника, король Испании, слабоумный Карл II (1700 г.). Кто же будет ему наследовать? Сын императора? Французский принц? Или курфюрст? Если Империя займет позиции в Испании и в Италии, то Франция вновь будет окружена. Людовик XIV, страстно желая мира, предложил оставить Испанию курфюрсту Баварскому. Дофину (сыну Марии-Терезии) он рекомендовал ограничиться Неаполем, Королевством Обеих Сицилий, Тосканой и Гипускоа, а герцогство Миланское он готов был уступить Австрии. Это было бы разумным решением вопроса, но «смерть не заключает договоров». Умирает курфюрст Баварский, девятилетний ребенок, и французский принц и австрийский эрцгерцог остаются в этом споре один на один. И компромисс становится невозможным. Начинается новый этап переговоров между Людовиком XIV и Вильгельмом III. Ради сохранения мира оба суверена готовы были расчленить Испанию. Испанские министры, полагая, что французская поддержка для ослабленной Испании более нужна, поскольку Франция ближе, добились от своего умирающего короля завещания, по которому наследником назначался герцог Анжуйский или герцог Беррийский, внуки Людовика XIV. Если же они отказывались, то наследовать должен был австрийский принц. Это означало поставить Людовика XIV перед неизбежным выбором. Теперь он не мог уже отказаться от Испанского королевства для своих внуков, потому что в противном случае он сам способствовал бы реставрации Империи Карла V. Он принял эту, чреватую опасностью, честь и послал герцога Анжуйского в Мадрид под именем Филиппа V (в 1701 г.). Ярость Вильгельма III была велика. Он входит в сношения с императором, в то время как Людовик XIV

вопреки мирному договору в Рисвике признает претендента, находящегося в изгнании, Якова III Стюарта, королем Англии.

12. — Война за Испанское наследство, к которой Людовик XIV всем не стремился, длилась вплоть до 1713 г. и болезненно отразилась на всем периоде конца его царствования. Цели англичан в это время оставались все те же: а) сохранить в Европе равновесие сил; б) помешать Людовику XIV объединить испанские и французские силы; в) принудить его уйти из Фландрии и дельты Рейна. На стороне Франции было то преимущество, что она с самого начала войны уже занимала оспариваемые земли. Но она была истощена полувековой борьбой и, главное, не владела господством на море. Генералы союзников, Мальборо и принц Евгений, воспользовавшись тем, что французские войска выдвинулись за пределы укрепленных линий Вобана, попытались — к ужасу ортодоксальных военных — заменить осадную войну на войну действий. В пехоте обеих армий кремневые ружья и штыки заменили пики и мушкеты. Потери с обеих сторон были устрашающими. Мальборо разбил французов и баварцев при Бленхейме (в 1704 г.), а затем при Рамийи и отвоевал всю Фландрию (в 1706 г.). Но виги, сумевшие выиграть войну, не сумели заключить мира. В 1709 г. англичане могли бы добиться договора, который оградил бы их от всяких страхов в отношении Фландрии. Во Франции повсюду царило уныние. «Все рухнуло, — писал Фенелон, — и мы не оправимся от этой войны. Мое мнение таково, что надо покупать перемирие любой ценой...» Но требования англичан оказались такими несоразмерными (они требовали, чтобы Людовик XIV сам прогнал своего внука с испанского трона), что король возмутился. Он направил прекрасное послание губернаторам провинций: «Хотя моя нежная любовь к моему народу не меньше, чем к моим собственным детям, хотя я разделяю все горести войны, от которых страдают все мои верные подданные, и хотя я показал всей Европе, что стремлюсь к благам мира, но все же я убежден, что мой народ сам откажется от мира на условиях, противоречащих как справедливости, так и достоинству имени француза...» Маршал де Виллар уговаривал своего повелителя не только отражать наступление, но и нападать: «Составим не-

которые планы наступления, ибо постоянно отбиваться у стен — это лучший способ ничего не добиться и ежедневно терять многое». Битва при Мальплаке во Фландрии оказалась для союзников далеко не такой удачной, как предыдущая. Победители потеряли в ней более трети солдат, а Виллар отступил в таком идеальном порядке, что не могло быть и речи о его преследовании.

13. — В Англии общественное мнение выражало усталость от войны. Свифт осуждал тех, кто хотел навязать Франции слишком жесткие условия мира: «После битвы у Рамийи, — писал он, — французы были так подавлены своими потерями и так жаждали обрести мир, что их король решил подписать мирный договор на любых разумных условиях. Но когда его подданные узнали о наших непомерных требованиях, они вспомнили о своем достоинстве и единодушно решили помочь своему королю продолжать войну любой ценой вместо того, чтобы покориться...» Одно непредвиденное событие укрепило англичан в их желании вести переговоры с Францией. Неожиданная смерть австрийского императора вновь создала угрозу, что испанская и австрийская короны могут быть возложены на одну и ту же голову, если Филипп V отречется от престола. Это означало бы нарушение равновесия сил, присутствие Испании во Фландрии — все то, чего так опасалась Англия. Используя политику игры в равновесие, которая была одним из постоянных признаков ее внешней политики, Англия неожиданно подписала мир с Францией. Миссис Мешем сменила герцогиню Мальборо в сношениях королевы Анны¹⁶, а тори пришли на смену вигам. Однако голландцы и приверженцы императора продолжали войну. Людовик XIV сказал Виллару: «Если с вашими войсками произойдет беда, что должен буду делать я? Удалиться в Блуа, как многие мне это советуют? Но моя армия никогда не будет настолько разбита, чтобы не укрепиться на Сомме. Если случится беда, напишите мне; я соберу в Париже

¹⁶ Королева Англии Анна Стюарт (1702–1714) долгое время находилась под сильным влиянием своей Первой статс-дамы герцогини Мальборо. На этом посту герцогиню сменила Абигейл Мешем, ориентировавшаяся на партию тори. (*Примеч. ред.*)

людей столько, сколько смогу; я приду в Перонн или в Сен-Кантен, чтобы погибнуть вместе с вами или спасти государство». Битва при Денене (1712 г.) предопределила разгром голландцев. «Маршал Виллар спас Францию при Денене», — написал позднее Наполеон. Это — правда, но нельзя также забывать и того факта, что Людовик XIV по-королевски величественно поддержал Виллара. Утрехтский мирный договор 1713 г. положил конец этой долгой войне. Франция сохраняла крепости, построенные Вобаном, то есть оставалась примерно в своих нынешних границах; она уходила из Бельгии, а Англия еще настояла, чтобы все фортификации в Дюнкерке были снесены, — неловкая попытка нанести оскорбление. Кроме того, мы теряли еще Новую Землю и Акадию в Канаде. Империя же отказывалась от Испании. Голландия и Португалия становились «баркасами на буксире британского корабля». Из этого исторического периода Англия выходила владычицей морей. Кроме того, она сильно укрепляла свои позиции на континенте. Начиналась эра британского господства.

**IV. О том, как
в период царствования
Людовика XIV само
величие монархии
подготовило
ее крушение**

1. — В средние века король был лицом полусвященным. Во время царствования Людовика XIV он становится буквально живым идолом. Мужья приносят ему в жертву своих жен: «Нет ничего оскорбительного в том, чтобы поделиться с Юпитером». Личная жизнь монарха представляется чем-то вроде функции государства. При абсолютной монархии события в прихожих при спальнях покоях приобретают такое же значение, как при конституционном режиме события в парламентских коридорах. Добрая королева Мария-Терезия все также неуверенно чувствовала себя при версальском дворе. У нее была одна только роль — роль той, которая подарила короне дофина, «монсеньера», умершего в пятидесятилетнем возрасте, в 1711 г. Месье, брат короля, женоподобный мужчина, занимался только своим миньоном, кавалером Лотарингским. Его первая супруга — Генриетта Английская, сестра Карла II, живая и очарова-

тельная — очень нравилась августейшему деверю и служила ему посредницей в переговорах между Францией и Англией. Когда она умерла совсем молодой, месье женился на толстой немке, пфальцграфской принцессе — столь мужеподобной, что появилась шутка: «Мадам — самый глупый мужчина королевства, точно также как месье — самая глупая женщина». Эти двое двуполых глупца произвели на свет умнейшего человека — герцога Шартрского, позднее герцога Орлеанского и регента Франции. Его воспитатель, аббат Дюбуа, преподавал ему историю. Герцог ненавидел этикет, хвалил английские вольности, обладал «героизмом безбожия», читал во время мессы Рабле и трудился вместе с одним химиком над созданием философского камня и перегонкой духов. Двор утверждал, что «сам дьявол руководит его работой». Король, чтобы породнить законную семью с незаконной, женил шартрского племянника на одной из своих побочных дочерей, мадемуазель де Блуа, которую прозвали «мадам Люцифер». Мадам¹⁷, ненавидевшая незаконных детей, дала месье (своему сыну) пощечину, когда он объявил ей об этом браке. Но что оставалось делать? Этого потребовал король, а король правил даже супружескими парами.

2. — Первой «провозглашенной любовницей» короля была трогательная Луиза де Лавальер, фрейлина Мадам, белокурая, грациозная и нежная. «Эта фиалочка, скрывавшаяся в траве, стыдилась быть любовницей, быть матерью, быть герцогиней», — пишет мадам де Севинье. Она любила короля ради него самого, родила ему четверых детей и в 1667 г. была вытеснена надменной маркизой де Монтеспан «Несравненной», а также «громогласной и победоносной», которая наводила ужас на Лавальер. На некоторое время король поселил их обеих в Версале, в апартаментах, названных «апартаментами Дам», но затем, в 1674 г., Лавальер под влиянием Боссюэ ушла на покаяние в монастырь кармелиток. Она прожила при дворе тринадцать лет и тридцать шесть лет провела в монастыре. Когда к ней в монастырь прибыли, чтобы сообщить о смерти графа де Вермандуа (одного из по-

¹⁷ Здесь — королева. (Примеч. пер.)

бочных детей Людовика XIV), она разрыдалась, а затем сказала: «Хватит оплакивать смерть сына, потому что я еще недостаточно оплакала его рождение...» У мадам де Монтеспан было от короля восемь детей, один из которых, любимец отца, стал герцогом Мэнским и графом Тулузским. Этих бастардов, плод адюльтера, воспитывала во дворце мадам Скаррон, гувернантка. Король, отличавшийся набожностью, сожалел о случившемся скандале, но полагал, что достаточно способствует восстановлению добродетели, «если, уступая сердцу, он оставался хозяином разума», иначе говоря, если его любовницы и царили, то все же не правили. Но никто не смог бы предположить, что «вдова Скаррон», урожденная Франсуаза д'Обинье, гувернантка детей, «узаконенных Францией», займет место своей покровительницы в постели короля. Встречаясь ежедневно с Людовиком XIV, она сумела ему понравиться своим умом и скромностью, и он сделал ее маркизой де Ментенон, а потом, после смерти Марии-Терезии, тайно женился на ней (в декабре 1684 г.). Ей было сорок девять лет, а королю — сорок шесть. Прекрасная победа добродетели. Иезуит-духовник короля оказывал поддержку мадам Скаррон в твердой уверенности, что Орден обретет в ней покровительницу. Ею восхищались благочестивые люди, ее почитали юные бесприданницы благородного происхождения, для которых ее заботами было открыто учебное заведение Сен-Сир. Ненавидевший ее Сен-Симон, называет ее «роковой и позорной Ментенон», но признает за ней определенную ловкость и такт, которыми и объяснялась ее власть. Герцогиня Бургундская, чей муж, внук короля, стал в 1711 г. дофином, ухаживала за мадам де Ментенон, которую называла «тетушкой». Никогда еще наследник трона не был более достоин, чем герцог Бургундский, стать правителем. Воспитанный Фенелоном как либерал и реформист, он сумел бы консолидировать монархию. И вдруг в 1712 г. смерть с особой жестокостью поражает всю эту семью. Первой скончалась очаровательная герцогиня, затем герцог Бургундский, вслед за ними — маленький герцог Бретонский, их старший сын; в 1714 г. умер герцог Беррийский, третий внук Людовика XIV. Выжил только двухлетний ребенок, герцог Анжуйский, сын герцога Бургундского, правнук короля, будущий Людовик XV. Современникам эта

вереница неожиданных смертей показалась подозрительной. Заговорили об отравлениях, обвиняли Австрийский двор, и особенно — герцога Орлеанского. Чтобы не дать ему возможности претендовать на трон, король объявил двоих своих незаконных детей (герцога Менского и графа Тулузского) узаконенными, «а также и продолжение их мужского потомства [приказал считать] подлинными принцами крови, получающими по праву этот титул, все чины и почести, и имеющими право наследовать корону...» Обвинения против герцога Орлеанского были абсолютно необоснованны. На самом деле герцог Беррийский умер в результате падения с лошади. Трое других стали, похоже, жертвами эпидемии («багровой кори», то есть скарлатины, болезни крайне заразной). Яд был здесь ни при чем, но клевета оказалась упорной и, как обычно, весьма эффективной.

3. — Если сегодня красоту Версаля можно определить как меланхолическую, то какое ощущение радости должно было создавать это золото, эти зеркальные воды, эти лестницы розового мрамора, эти фонтаны и эти лужайки, когда тысячи мужчин и женщин, остроумных и очаровательных, участвовали в том постоянном празднике, каким была придворная жизнь! Платья, расшитые камнями, мундиры, ливреи, жирандоли, экипажи, зеленый бархат и огненные завесы, парчовые стулья — все это каждый миг создавало феерию цвета и света. Постоянно звучала музыка Люлли, ставились комедии Мольера, балеты Бенсерада. «В шесть часов садимся в коляски, — пишет мадам де Севинье, — мы едем, наконец, на канал кататься в гондолах. Там слушаем музыку, возвращаемся в десять часов и смотрим комедию; ровно в полночь — разговенье». В начале царствования юный король сам выступал в балетах и маскарадах. Он всегда любил Корнеля, Расина и Мольера. Он следил за тем, чтобы в карты при его дворе играли по-крупному; долги давали ему власть над придворными. Приверженный «внешней стороне религии», он ежедневно присутствовал на мессе, и дважды в неделю ходил к причастию. Там старались появляться и дамы, потому что правильное поведение считалось добродетелью. Но постепенно вместе с Людовиком XIV старел и двор. Королю нравилось проводить время в покоях ма-

дам де Ментенон, у своей непровозглашенной супруги, где у него было свое кресло, а на маленьком столике лежали «О подражании Христу» и Псалтырь. Девушки из Сен-Сира играли для него «Эсфирь» и «Аталию»¹⁸. Час смерти он принял с присущим ему достоинством. «Дитя мое, — сказал он маленькому пятилетнему дофину, — вы можете стать великим королем. Не подражайте мне ни в моем пристрастии к строительству, ни в моем пристрастии к войне...» Масийон, читавший надгробную молитву, начал ее такими словами: «Велик только Бог, братья мои...» Легко быть чистосердечным, когда говоришь о королях уже покойных.

4. — В век Людовика XIV религиозные дела занимали такое же место, как и при Филиппе Красивом. Умы искали нового равновесия. Декарт наставлял их, что ничто нельзя считать истинным до тех пор, пока эта истинность не будет доказана. Он добавлял, что разум и метод ведут к вере. Откровенные атеисты были редки и вызывали возмущение. «Атеизма просто не существует», — писал Лабрюйер. «Великие, которых больше всего в нем подозревают, слишком ленивы, чтобы обосновать в своем мозгу, что Бога не существует; их вялость делает их холодными и безразличными к таким первостепенным вопросам, как природа души и значение истинной религии. Они этого не отрицают, но и не принимают, они просто об этом не думают...» Однако Гассенди¹⁹, Сент-Эвремон²⁰ были свободомыслящими, и даже в среде верующих Церковь сталкивалась с затруднениями политического и духовного характера. В политике возобновился старый спор о правах Церкви и правах Рима. В 1682 г. галликанская Церковь опубликовала энергичную «Декларацию», по которой французские епископы признавали власть папы в области веры, но от-

¹⁸ «Эсфирь» и «Аталия» — пьесы на библейские темы, написанные Жаном Расином по просьбе мадам де Ментенон. (Примеч. ред.)

¹⁹ Гассенди Пьер (1592–1655) — французский философ и математик, доктор теологии. Был настоятелем собора в Дине. В своем учении пытался совместить атомистику Эпикура и христианское учение. (Примеч. ред.)

²⁰ Сент-Эвремон Шарль (1613–1703) — французский историк и критик, яркий представитель французского свободомыслия. Придерживался рационалистических, антицерковных взглядов. (Примеч. ред.)

казывали ему в праве вмешиваться в дела мирские. Ватикан выразил несогласие, отказал в канонической инвеституре новым французским епископам, и король был вынужден уступить, чтобы приходы не остались без своих пастырей. Но галликанская политика, политика Декларации, политика Боссюэ, продолжала оставаться политикой французского государства вплоть до Третьей Республики, как это следует из «Аметистового перстня»²¹.

5. — Самым серьезным духовным спором был спор между янсенистами и иезуитами. Он напоминает теологические споры Средневековья. Вера столкнулась с теми же самыми проблемами, что и во времена ересей: проблема зла и проблема свободной воли. Янсений, епископ Ипрский, в трактате о святом Августине («Augustinus») поддерживал мысль о неизбежной силе воздействия божественной благодати, которая дарует человеку счастливую потребность не грешить. Эти идеи напоминали идеи Кальвина. На них нападали иезуиты, они были осуждены Римом, но во Франции их защищали отшельники из Пор-Рояля, а также Блез Паскаль в своем шедевре «Письма к провинциалу». Основной тезис Паскаля заключается в том, что в трактате «Augustinus» нет тех положений, на основании которых выносилось осуждение, и что в вопросах выбора веры никакие авторитеты не могут выдавать предписаний. Споры приобрели небывалую остроту. Иезуитский духовник короля ненавидел янсенистов, которые представляли мощную партию в Парламенте и при дворе. Иезуиты и их друзья не видели большого зла в том, чтобы обмануть короля, который «полагал бы себя апостолом», если бы стал преследовать янсенистов. В конечном счете, Пор-Рояль был уничтожен, а его приверженцы рассеяны. Но «малое общество» продолжало тайно существовать вплоть до XIX в., и непризнанный янсенизм оставался во Франции той формой политической оппозиции, которую Парламенты будут использовать против короля еще и в XVIII в.

²¹ «Аметистов перстень» — роман, входящий в тетралогия Анатolia Франса «Современная история», которая посвящена критическому осмыслению жизни французского общества конца XIX — начала XX вв. (Примеч. ред.)

6. — После того как Генрих IV установил религиозный мир своим Нантским эдиктом, в стране продолжали существовать протестанты (примерно миллион двести тысяч человек). В основном они проживали в Лангедоке, в Дофине и на западном побережье. Католическое духовенство изо всех сил старалось преследовать R.P.R. («Так Называемую Протестантскую Религию»²²). Под давлением своего духовника Людовик XIV запретил протестантам строить новые храмы, а затем дал священникам право приходить к умирающим приверженцам R.P.R., чтобы постараться обратить их в католичество раньше, чем они умрут. В 1681 г. король разрешил обращение в католичество детей, начиная с семилетнего возраста. Обоснование всякого принуждения в вопросах веры искали в трудах святого Августина. Затем протестантам запретили быть нотариусами, судебными исполнителями и даже бакалейщиками! Под давлением отца Ла Шеа и мадам де Ментенон король считал, что исполняет свой долг, разрешив «драгонады», во время проведения которых солдаты короля пытали подданных короля, принуждая их обратиться в католичество. Они проявляли такую жестокость, что многие запуганные протестанты отрекались и переходили «от пытки к причастию». Наконец, 17 октября 1685 г., в роковой для Франции день король подписал отзыв Нантского эдикта. R.P.R. было запрещено проведение открытого богослужения. Раздались «единодушные» хвалебные отклики, что всегда является признаком давления. Некоторым протестантам удалось эмигрировать в Англию, в Голландию и даже в Америку, где они создали уважаемые и вполне заслуживающие уважения гугенотские общины. Франция лишилась четырехсот тысяч французов из числа самых лучших. Она сильно обескровила свою армию, свой морской флот, свое чиновничество и свою торговлю. Это явилось самой большой ошибкой царствования Людовика XIV.

7. — Перевод двора в Версаль разделил «двор и город». Но город самозабвенно подражал двору. Помимо дворянства парижское общество состояло из чиновников, врачей, литераторов и купцов. Комедии Мольера показывают, что именно подлежало высмеи-

²² Religion Prétendue Réformée (фр.). (Примеч. пер.)

ванию: скупость буржуа, педантизм врачей, «смешные жеманницы»²³, ученые женщины, святоши. Но если у ученых женщин и были свои слабости, то вместе с тем они были очень полезны в деле распространения любви к литературе и унификации языка. Салоны, — а они существовали еще со времен Людовика XIII, — способствовали преобразованию французского языка в язык классический и всеобщий. Благодаря «жеманницам» и их друзьям Франция превратилась в «страну грамматистов». Литература стала предметом национального интереса. «Учтивость, — говорит

Придворный костюм времен
Людовика XIV

Вольтер, — проникла даже в лавчонки». Парижанин, изображенный Лабрюйером, аккуратно читает «Gazette de Hollande» или «Mercure Galant», проводит несколько часов в обществе женщин, ходит на парады войск, в комедию, может напеть все оперные дуэты. Он — завзятый зритель, уличный зевака, сплетник. Но главное, он — закоренелый горожанин: «С большинством горожан, если вы хотите, чтобы вас поняли, нельзя говорить ни о полях под паром, ни о молодых деревьях, оставленных на вырубаемых участках, ни об отводках винограда или фруктовых деревьев, ни об отавах: эти слова звучат для них не по-французски. Говорите с ними о торговле текстилем, о расценках или о проценте, соразмерном с долей участия каждого, или об иных путях обжалования, гражданского прошения на имя суда, получения жалованья или передачи дел в высшую инстанцию. Они знают свет и с его хорошей, и с его плохой стороны; но им совершенно неизвестна природа, ее начала, ее развитие, ее дары и щедроты» (Ж. Лабрюйер). Однако в следующем веке все изменится с приходом Руссо.

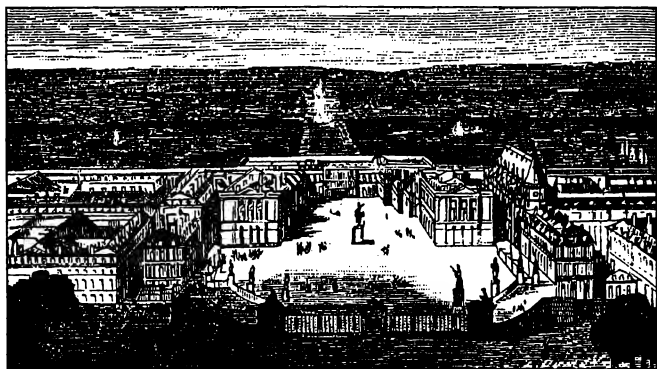
8. — Век Людовика XIV стал во Франции веком шедевров. В XVIII в. наша литература служила образцом для всей Европы. Еще и в XX в. эта литература кажется французам верхом со-

²³ Так называлась одна из комедий Ж.-Б. Мольера. (Примеч. ред.)

вершенства. Валери восхищался Боссюэ, Лафонтеном, Расином. Пруст видел свои корни в Сен-Симоне и мадам де Севинье. Мольер остается нашим самым великим комедийным автором. Корнель, Расин, Ларошфуко, Лабрюйер — каждое из этих имен связано с представлением о таких красотах языка, что для их прославления достаточно просто их назвать. Так в чем же суть французского классицизма? В подражании древним? В XVI веке оно было более точным. В картезианском методе? «Но Декарт думал точно так же, как и его современники; он не учил их думать по-своему». В почитании разума? Но кто почитал его больше, чем святой Фома? Ни герои Корнеля, ни Реца не отличаются рассудочностью. Абстрактный и обезличенный характер этого искусства? Но творчество Паскаля и мадам де Севинье носит ярко выраженный личностный характер. По мнению Валери французский писатель эпохи классицизма не стремится «сделать новое» — он стремится «довершить», то есть сделать свой шедевр независимым от обстоятельств и эпохи. Ларошфуко изучает самого себя, но анализирует в себе извечного человека. Расин накладывает современные ему драмы на античные или библейские трагедии. Авторам классицизма ставили в упрек их жесткую приверженность правилам. Но как раз эта дисциплина, наложенная придворной жизнью на пылких писателей, эти требования соблюдения трех единств, этот вкус и создали столько прекрасного. Великий классический писатель — это укрощенный романтик. Вторым следствием придворной жизни можно считать развитие до невиданных прежде высот науки о чувствах. Начиная с мадам де Лафайет, и вплоть до Пруста наблюдается постоянная традиция создания аналитических романов, которыми прославится Франция.

9. — Еще больше, чем в литературе, французский классицизм требует определенного порядка в изображении природы. Все произведения того времени отмечены естественным, понятным единством. Это верно и для пейзажей Пуссена или Клода Лоррена, и для скульптур Пюже и Кузевокса, и для колоннады Лувра или купола Дома Инвалидов. По правде говоря, все царствование целиком — это огромное произведение искусства, сосредоточенное вокруг одного единственного центра — Короля-Солнца. Здания,

картины, сады существуют только для его прославления. По его воле в лесах, через болота, в Версале и в Париже прорубаются величественные благородные перспективы. Средневековый собор звал город подниматься до его высот. Шедевр эпохи классицизма необходимо самому выделиться в своей освобожденной мысли. Вандомскую площадь и площадь Вогезов можно назвать образцами совершенного градостроительства. Но Версаль вызывает особое восхищение своим единством выражения эпохи. Пейзаж там создан ради дворца, а дворец — ради короля. Он сам руководил как своим архитектором Мансаром, так и своим садовником Ленотром, а также и художником Лебреном и другими многочисленными художниками, создававшими эти запоры, перила и подставки для факелов. Французский сад пришел на смену саду

Версаль (изображение на гравюре)

итальянскому. Симметричный, рациональный, украшенный статуями и фонтанами, он отвечал запросам ума, но оставлял воспоминания о том далеком, подернутом дымкой пейзаже, который сохранялся по ту сторону Большого канала. В XVIII в. было модным критиковать Версаль, выражая предпочтение романтизму не менее искусственных английских садов. Но во Франции английский сад имеет тенденцию становиться повседневным, а современный нам француз — в силу национального инстинкта — все еще испытывает огромное удовольствие от регулярной и понятной красоты парков Великого Короля. «Следует возвеличить

Версаль. Необходимо защищать его от любых нападков. Мы вместе с Версалем. Да что я говорю? Мы неразрывны с ним» (А. де Монтерлан). Так же, как неразрывны мы с Вандомской площадью, с перспективами площади Согласия, с трагедиями Корнеля.

10. — Могло ли сформироваться общественное мнение при таком централизованном режиме? Оно не только существовало, но и громко заявляло о себе. Но не через прессу, ибо газеты были немногочисленны и бессодержательны. Оно звучало через охотников до новостей — нувеллистов, которые представляли тогда устную журналистику. Существовали государственные нувеллисты, или политики, и нувеллисты от Парнаса, или литераторы. «Это они создают репутации в Париже». Их горячее стремление — быть первыми в том, чтобы сообщить новость, в том, чтобы высказать какие-то комментарии, в том, чтобы покритиковать. Они стратеги, дипломаты и теологи.

*Они одни правят в мире,
Они приступом берут города;
Без их мнения никогда ничего не происходит так, как надо,
И их осмотрительность беспримерна.*

(Ж. Доно-де-Визе)

News letters, существующие в англо-саксонских странах с XX в., во Франции существовали уже с XVII в., и нувеллисты через голландских банкиров еженедельно получали те новости о военных событиях, которые еще не опубликовало правительство. Некоторые группы встречаются в определенных местах, например под каштанами сада Тюильри. Маршалы в отставке комментируют военные операции. За каждым садом закреплено свое предназначение: внутренняя политика — в Пале-Рояле, внешняя политика — в Тюильри, литературные новости — в саду Люксембурга. Кроме того, новости в провинциях распространяются через частную корреспонденцию. Письма мадам де Севинье переписывались и распространялись по всему Провансу. Практически общественное мнение во Франции 1710 г. было гораздо более свободным, чем во Франции 1810 г.

11. — Каково же было положение деревни при Людовике XIV? Увеличилась ли нищета народа? Свидетельства довольно противоречивы. Фенелон в своем письме королю от 1695 г. сравнивает Францию «с огромным скорбным приютом для нищих без пропитания». Возмущения, вызванные голодом, многочисленны, и они безжалостно подавляются. «Все эти войска в Бретани, — пишет мадам де Севинье, — только и делают, что грабят и убивают». Кольбер, трудившийся десять лет над созданием промышленности, привел крестьян в отчаяние, запретив вывоз хлеба. Хорошо известно описание крестьян, данное Лабрюйером: «Пугливые звери, самцы и самки... черные, бледные, опаленные солнцем, живущие в норах... на черном хлебе, на воде и винограде». Что это — литературное преувеличение? Возможно. Но совершенно очевидно, что французские крестьяне платили налоги за привилегированных, то есть за освобожденных от налогов, и делалось это ради содержания тех же самых привилегированных, и что сумма налоговых поступлений уменьшилась за время царствования наполовину. Вольтер в своей книге «Век Людовика XIV» считает, что те, которые оплакивают условия жизни крестьян, не делают четких различий между фермерами и батраками: «Батраки живут только трудом рук своих; и так происходит во всех странах света, где большинство должно жить своим трудом. Но нет другого такого королевства во всем мире, где земледелец был бы зажиточнее, чем фермер любой из французских провинций, и одна только Англия могла бы поспорить с ним за это первенство. Пропорциональная талья, незаконно введенная в некоторых провинциях, способствовала увеличению состояний земледельцев, у которых были плуги, виноградники и сады. Батрак оказывается вынужденным работать: такова природа человека...» Богатый Вольтер легко принимал такую точку зрения. Жаловались те, кто страдал. В то время была хорошо известна молитва: «Отче наш, Иже еси в Версале! Да не светится уже имя Твое, да не придет более царствие Твое, да не свершится ныне воля Твоя на земле, яко и на воде. Хлеб наш отсутствующий даждь нам днесь...» (цит. по А. Байе). Многие еще добавляли: «и остави нам откупщиков наших», потому что богатели только финансисты. Говорят, что статуя каждого короля установлена в среде тех, кого он любил:

статуя Генриха IV установлена среди его народа, на Новом Мосту; статуя Людовика XIII — среди неутомимых фаворитов Королевской площади; статуя Людовика XIV — среди сборщиков внеочередных налогов на площади Побед. В 1690 и в 1709 гг. нищета королевства дошла до такого уровня, что сам король ради пополнения казны приказал переплавить свою серебряную мебель, золотую посуду и даже собственный трон.

12. — Некоторые передовые французы понимали, что страна нуждается в глубоких реформах. Вобан писал маркизу де Торси: «Уже давно меня одолевает одна безумная идея, над которой я часто размышляю и не надеюсь избавиться от нее. И вот, не имея сил устоять перед искушением, я поддался ему...» Этим искушением было искушение написать книгу «Королевская Десятина», которую Вобан дополнил докладными записками королю. В ней он излагал, что взимание талли выродилось в такую коррупцию, какую и ангелы небесные не смогли бы преодолеть, и что не уделяется достаточного внимания мелкому люду, «самой разоренной части королевства», — той его части, «которая всегда больше всего страдала и больше всего страдает». Сорок лет жизни, проведенной в странствиях, деятельность инженера, сводившая его с людьми разных классов, сделала из Вобана одного из самых информированных французов. Это привело его к мысли, что любая привилегия, ведущая к освобождению от налогов, несправедлива, и что каждый подданный обязан платить пропорционально своим доходам. Он предлагал новую фискальную систему: а) десятина произведенного продукта; б) десятина в деньгах на остальные доходы; в) габель и таможенные удельные пошлины. Что касается талли, то ее следовало упразднить. Его труд был окончен в 1700 г. Вобан прочел его королю, который не сделал никаких замечаний, а затем без разрешения опубликовал его в 1706 г. Книга была осуждена постановлением Совета и Вобан умер в прямом смысле этого слова от огорчения. Его труд был примечателен скорее великодушием своих намерений, чем реализмом предложений, эта книга прославилась как пример того интереса к страданиям «мелкого люда», который может проявлять, даже вопреки своим собственным интересам, великий человек, любимец государя.

13. — В тот период, когда Вольтер писал «Век Людовика XIV» (около 1735 г.), нужно было обладать мужеством, чтобы прославлять Великого Короля. В момент его смерти, говорит Сен-Симон, «провинции, бывшие в отчаянии от своего разорения и душевного упадка, вздрогнули от радости. Разоренный, удрученный, доведенный до безнадёжности народ вознес хвалу Господу с такой неприличной радостью, с таким чувством освобождения, на которое он уже не рассчитывал даже в самых горячих желаниях...» Вольтер не отрицает ошибок, но добавляет: «Хотя его и упрекали в мелочности, в жестокости его борьбы против янсенизма, в излишнем высокомерии с иностранцами при своих победах, в излишней слабости по отношению ко многим женщинам, в излишней требовательности в личной жизни, в легкомысленно затеянных войнах, в горячих объятиях с курфюрстом, в преследованиях реформистов, но если положить на весы его великие качества и его поступки, то они окажутся более значимыми, чем его ошибки. Время, которое способствует созреванию человеческого мнения, отметило печатью его репутацию; и несмотря на все, что было написано, никто не произнесет его имени без уважения, не вкладывая в него представления о целом веке, навсегда оставшемся в памяти». Действительно, если мы задумаемся обо всех прекрасных творениях, пополнивших национальное достояние Франции, о том духовном порядке, который способствовал формированию тех, кто однажды его и преобразует, о престиже, завоеванном страной во всей Европе, то невозможно будет отказать этому веку в эпитете «великий». Но, к сожалению, величие не означает стабильности. Режим нес уже в самом себе зачатки той болезни, которая его разрушит. Заставляя дворянство проживать в Версале, низводя его до состояния челяди, Людовик XIV разрушил во Франции всю систему местного управления. Он привел французскую аристократию к полному бессилию. Это было бы еще не так страшно, если бы король опирался на народ. Но король желал быть единственным источником власти. «Это делало революцию не только желательной, но и приемлемой, и возможной. Все наши революции последнего века имели своим необходимым и достаточным условием создание централизованной власти, благодаря которой минимальное воображение и мини-

мальная сила и продолжительность усилия вдруг ввергают целую нацию во власть того, кто замышляет авантюру. Когда становится ясно, что вполне достаточно завладеть двумя или тремя зданиями или привлечь к себе какие-то личности, чтобы подчинить себе целую страну, в этот день открывается эра политических изменений путем внезапного и кратковременного насилия» (П. Валери).

V. О том, как Регентство ослабило монархию

1. — Хотя во Франции не раз бывали несовершеннолетние короли, и, стало быть, регентства были многочисленны, но слово *регентство* вызывает вместе с воспоминаниями о годах, последовавших за смертью Великого Короля, представление об эlegantном разврате, о вежливой порочности и о скандальном распутстве. Справедлива ли такая ассоциация? Мишле, очень благосклонный по отношению к регенту, отрицает — нет, не сами скандалы, а тот факт, что в эту эпоху они были присущи одной только Франции. Разврат? Да, конечно, но он ведь существовал и при Людовике XIV. Однако он был скрытым, особенно после выхода на историческую сцену мадам де Ментенон, тогда как при регенте дух скептицизма и распушенности стал открытым и гласным. Биржевые спекуляции? Финансовые скандалы? Вероятно, но в Англии это время South Seas Bubbles²⁴, банкротства почти столь же грандиозного, как и банкротство Ло²⁵. В тот период великие государства открывали для себя колонии и возможности кредита. Им не хватало финансовой опытности, рушились «волшебные замки». Утверждение Мишле состоит в том, что регент, Филипп Орлеанский, был либералом с передовыми идеями, который из всех сил старался превратить разлаженную финансовую систему в более справедливую; что он был антиклерикалом, который хорошо обращался с янсенистами и протестантами. Сен-Симон, близкий к регенту человек, подтверждает эту точку зрения:

²⁴ «Пузырей Южных морей» (англ.). Речь идет о громком банкротстве «Компании Южных морей» в 1721 г. (Примеч. ред.)

²⁵ Об этом см. ниже с. 274–276.

«Он очень любил свободу, как для других, так и для себя самого. Однажды он хвалил мне в этом отношении Англию, где не существует ни ссылок, ни «писем с печатью», и где король может запрещать только вход в собственный дворец, но не может приказывать заключить кого-то в тюрьму...» Мишле не отрицает ни того, что регент заводил бесчисленных любовниц, ни того, что он провалил реформы, но освобождение умов он датирует именно периодом регентства.

2. — Филипп Орлеанский был приятным, симпатичным, умным; он обладал изящными манерами, врожденным красноречием и памятью, «в результате которой казалось, что он всегда в курсе всех правительственных дел, а также всех искусств и достижений механики». Как и большинство сластолюбцев, он был ленив. Он имел слабость думать, что во всем походит на Генриха IV, и «стремился походить на этого великого государя, как в его пороках, так и в его добродетелях». Филипп превзошел его по числу своих любовниц, которых было более пятидесяти. «Как и Генрих IV, он был от природы добрым, человечным и умеющим сочувствовать». После драм, случившихся в королевской семье, клевета сделала его уделом одиночества, которое сформировало его характер, но такое бесчестье сделало его положение еще более трудным в тот момент, когда он получил власть. Хотя Филипп V, король Испанский, был более близким родственником короля-ребенка, но, всходя на испанский трон, он отказался от всех своих прав на Францию, поэтому регентом был назначен герцог. Однако Людовик XIV из антипатии к герцогу Орлеанскому, своему племяннику-зятю, создал по завещанию Регентский совет, председателем которого должен был стать Филипп, в который входили бы два узаконенных бастарда короля, сыновья де Монтеспан — герцог Мэнский и граф Тулузский. Но после смерти короля Парламент, по уже почти сложившейся традиции, аннулировал его завещание. В обмен на это, те, в чью пользу свершалась данная операция, обещали всем остальным привлекать их к власти и признать за ними право на заявления о злоупотреблениях в порядке управления. Второй традицией можно считать то, что Парламент никогда не выполнял своего обещания. Но у Парламента была короткая память.

3. — Регентство явилось реакцией на многие аспекты Великого Века. Людовик XIV правил как король с неограниченной властью, прибегая к помощи нескольких служащих. Регент создал семь Советов из десяти человек и очень считался с мнением аристократии. Людовик XIV защищал иезуитов, регент защищал их врагов. Людовик XIV продвигал своих незаконнорожденных детей, регент унижал их и лишил титула принцев крови. Людовик XIV кормил в Версале десять тысяч прожорливых семей, регент отсек эти расходы двора. Во внешней политике его советником был аббат Дюбуа — «этот плут Дюбуа», дипломат с лицом проныры, хозяин своего слабого хозяина; Дюбуа, начинавший «угодливо и гнусно», но стремившийся к кардинальской шапке, которую, в конце концов, и получил. Аббат Дюбуа, человек, работавший на англичан, сумел убедить регента в опасностях, которые сулил союз с испанцами. Разве не мог Филипп V Испанский, законный сын французского короля, пересмотреть в один прекрасный день свои претензии и потребовать французскую корону? Георг Ганноверский (Георг I Английский) и Филипп Орлеанский — «оба узурпаторы», как цинично называл их Дюбуа — лучше подходили друг другу. А Сен-Симон полагал, что богатая Англия, сильная на море и стремящаяся завладеть Францией еще с тех пор, когда англичанам принадлежало более половины французской территории, всегда будет опасным врагом. Он говорил регенту, что, стремясь к согласию с Англией, никогда нельзя забывать, что она ненавидит наш морской флот, жадно стремится завладеть нашими колониями и укрепляет у нас под боком англо-нормандские острова, то есть с ней следует обращаться честно, но с недоверием, постоянно укрепляя наш флот и заключая договоры с Испанией. Доводы Дюбуа взяли верх, и англо-франко-голландский пакт сделал неизбежной войну с Испанией. Либеральный регент легко с этим мирился. Георг-протестант и орлеанский свободный мыслитель сговорились против короля-католика. Это была новая политика, приятная в идеологическом отношении для передовых умов, хотя и очень опасная для страны, ибо вскоре английский морской флот уничтожит флот испанский. Что же произойдет с французскими колониями, когда англичане станут полновластными хозяевами

на море? Но ни регент, ни Дюбуа не думали ни о колониях, ни о будущем.

4. — Но колонии или, как говорили «острова», были в большой моде. Кофе, поступавший с острова Бурбон, с Мартиники, из Санто-Доминго приятно возбуждал умы. В Канаде лесные охотники осваивали район Великих Озер. Красивые индианки, говорили они, были к ним благосклонны. Казалось, что колониальная эпопея походила одновременно и на рассказы из жизни святых, и на галантный роман. Францисканцы и иезуиты проповедовали Евангелие среди алгонкинов и ирокезов, в то время как французские колонисты, свободные от расовых предрассудков, заключали союзы с индейскими женщинами. Кавелье де Ласаль, первым спустившийся по Миссисипи, открыл Средний Запад, район, который позднее стал сердцем Америки. Англичане со страхом следили, как во время путешествия Ласаль огибает их американские позиции. Когда одна компания основала в устье реки Луизиану (землю Людовика) и город Новый Орлеан, англичане и испанцы попытались ее подавить. Проекты компании были подхвачены одним иностранным финансистом Джоном Ло, «шотландцем неизвестного происхождения, большим игроком и великим комбинатором, который крупно выигрывал в тех странах, где проживал некоторое время... Его звали Ло, но когда он стал более известен, все так привыкли называть его Лас (Las), что имя Ло совсем забылось. О нем говорили меье герцогу Орлеанскому как о человеке, до конца постигшем сферу банковского дела, торговли, движения денег, валюты, финансов. Герцогу стало любопытно повидаться с ним лично. Он имел с ним несколько бесед и остался так доволен, что заговорил о нем как о человеке, у которого можно узнать много полезного...» (А. Сен-Симон). Но он узнал нечто иное.

5. — Ло отнюдь не был жуликом. Как и большинство крупных финансовых шарлатанов, он внушал доверие скромностью своего поведения и мягкостью манер. У него, изобретательного и дерзкого банкира, зародилась идея, которая лежит в основании современного кредита: создать фиктивные ресурсы путем вы-

пуска необеспеченных золотом бумажных денег. «Коммерческие операции, — писал он, — целиком базируются на деньгах. Чем большими деньгами мы обладаем, тем большим миром мы владеем. Кредит займет место денег и будет иметь такие же последствия...» Опыт доказал, что при достаточном покрытии этот метод вполне жизнеспособен. В 1716 г. Ло создал Генеральный Банк для учета коммерческих бумаг, а в 1718 г. этот банк стал Королевским Банком с единственным акционером в лице государства. Ошибка Ло состояла в том, что в качестве покрытия для билетов Банка он предоставил акции «Компании Всех Индий», которая наследовала: а) концессии Великих Компаний Кольбера; б) Луизиану. Совершенно ясно, что нельзя основывать кредит нации на ненадежных ценных бумагах. Но регент — весьма робкий, когда речь заходила о налогах, потому что его правительство было слабым, — связал себя с человеком, который принес ему деньги, ни у кого не вызывая раздражения. Поначалу успех был небывалым, вздорожание бумаг молниеносным. И Ло воспарил как воздушный шар. Реклама была настойчива и изобретательна. По Парижу водили индейцев, покрытых золотом. По городу распространялись гравюры, изображающие серебряные горы и изумрудные скалы в Луизиане. Но могущественные враги желали и подготавливали падение Ло: это были англичане, которые опасались оживления наших колоний, и откупщики, которые видели в этом угрозу для своих основных откупов и для своих прибылей. Публика играла на повышение, финансисты — на понижение. В течение нескольких месяцев ажиотаж был безудержным, создавались огромные состояния. Материнские акции разделились на дочерние и внучатые. Для покупки внучатых акций нужно было владеть сорока материнскими и одной дочерней акцией. Метельщики, лакеи и сеньоры зарабатывали миллионы. В районе улицы Кенканпуа, где находился Банк, расположился настоящий лагерь. Красивые особы, играющие на бирже, выслеживали вновь появившихся богачей, чтобы облегчить им бремя богатства. Они преследовали и Ло, но, любя свою жену, он мужественно сопротивлялся. «Одна герцогиня, — пишет принцесса курфюрстская, — публично поцеловала у Ло руку. Но если герцогини ведут себя подобным образом, то

что же целуют ему другие женщины?...» Ло добросовестно стремился набрать для Америки колонистов и превратить свое Донгоо-Тонка в реальные богатства. Нельзя винить его одного за все безумства биржевых игроков. Но когда наступил крах, который не мог не наступить, вся система была снесена вместе с биржевыми безумцами. Вдруг все держатели акций и билетов в панике устремились в Банк, требуя выплаты. Вначале Ло выплачивал без ограничений. Друзья добились его назначения Генеральным контролером, но он сам ощущал себя «эквilibристом, раскачивающимся на последней ступеньке» (Ж. Мишле). Он попытался бороться. Чтобы спасти свои бумажные деньги, он упразднил хождение золотых и серебряных монет. Но падение все продолжалось. Теперь перед дверями Банка «происходило смертоубийство». 10 октября 1720 г. под влиянием генеральных откупщиков Банк был ликвидирован. Ло бежал, ничего не взяв с собой. «Я вышел голым, — говорил он. — Я не смог спасти даже свое платье». Он умер в Венеции в 1729 г., «печальный отшельник, трепещущий апологет». Ему посвятили следующую эпитафию:

*Здесь покоится тот знаменитый шотландец,
Тот несравненный исчислитель,
Который при помощи алгебраических правил
Пустил Францию по миру.*

6. — Это банкротство потрясло всю страну. Речь шла не о крахе одного финансиста, какого-нибудь Крёгера или Ставицкого. В этом деле было замешано государство. Сам регент поддерживал этот Банк. Герцог Бурбонский сделал на этом деле состояние. В нем участвовали не только парижские спекулянты, но один миллион семей, проживающих по всей стране, которые являлись держателями бумаг Банка: это было неизбежно, потому что бумаги имели принудительный курс. Когда налоговые и генеральные откупщики, прибравшие после бегства Ло финансы к рукам, решили провести ревизию счетов и не оплачивать те бумаги, которым было отказано в «визе», разорение стало угрожать семейным очагам. На первом этаже Лувра, в этой «Звезд-

ной Палате»²⁶ простых людей, тысяча служащих трудилась над осуществлением грандиозной операции. Сильные мира сего вернулись, бедняки потеряли все, и даже завизированные бумаги не были оплачены. Недовольство и охлаждение оказалось очень глубоким. Этот один огромный скандал привел к большому ослаблению режима, чем сотня мелких, а нельзя забывать, что ослабление уже и так очень шаткого режима ведет к опасным последствиям. Англия вигов была достаточно сильна, чтобы перенести скандал «Пузырей Южных Морей». Крах системы Ло поколебал основы монархии. Потребовалось сто лет и гений Бонапарта, чтобы в стране вновь осмелились заговорить об эмиссионных банках.

7. — У Франции были и другие причины для потрясений. В Марселе и по всему Провансу страшные опустошения производила чума. Только безжалостный, но весьма эффективный санитарный кордон спас от нее Париж. Повсюду появлялись непристойные памфлеты на двор регента и на его личную жизнь. Его обвиняли в инцесте: в том, что он является любовником своей старшей дочери, герцогини Беррийской, очаровательной сумасбродки. Было ли это правдой? Распущенность нравов давала повод для любой клеветы. Частные ужины регента были отмечены утонченным развратом. Он рисовал гравюры для «Дафниса и Хлои» и говорили, что для виньеток он заставлял позировать свою чересчур горячо любимую дочь. Когда она умерла в двадцать четыре года во время тайных родов, по стране прокатился ропот. Затем регент колебался «между Сабраной и Параберой», этой «маленькой черной вороной» с хитрыми уловками. А Дюбуа не думал ни о чем ином, кроме своей кардинальской шапки, он даже сон потерял. Чтобы добиться ее, он готов был истощить государственную казну и изменить политику Франции. Такие амбиции принудили его помириться с Испанией и Ватиканом. Он стал заигрывать с иезуитами и поддержал их буллу в Парламенте. Он вел переговоры об испанском браке молодого короля, союз скрепила бы новая

²⁶ «Звездная Палата» — административно-судебный трибунал в Англии, учрежденный в 1488 году королем Генрихом IV. (Примеч. пер.)

Анна Австрийская. Инфанта прибыла к французскому двору, где должна была воспитываться. Но как реагировала на такой вольт-фас Англия, агентом которой долгое время оставался Дюбуа? Англия, как всегда, готова была пожертвовать видимой стороной дела ради реальных достижений. Она стремилась только к торговле с Испанией, и чтобы Франция не препятствовала ей в этом. Дюбуа, не считаясь с интересами Франции, создал испано-англо-французский союз. Наконец он добился шапки кардинала. Но, едва получив ее, скончался. На его долю выпали всевозможные душевные терзания и подлости, совершенные им для достижения того сана, которого его тотчас лишила смерть. Вскоре за ним последовал и регент. Ему давно грозила апоплексия, врачи предостерегали его от распутства, но он предпочитал удовольствия той жизни, которая наводила на него скуку. И в один прекрасный день декабря 1723 г. его голова упала на плечо хорошенькой женщины, которая составляла ему компанию перед началом Королевского Совета. Он умер, как и жил, — распутником.

8. — Наследовавший ему Месье Герцог (герцог Бурбонский, будущий принц Конде) был еще хуже, чем недавно усопший. Он был целиком под влиянием маркизы де При, дочери налогового откупщика, жены «одного изголодавшегося посла», создания с небесным ликом, «с боязливymi змееподобными повадками, которые неожиданно вдруг становились дерзкими». Ну, просто настоящей Сивиллы. Король был уже совершеннолетним (в тринадцать лет!). Поэтому герцог Бурбонский назывался не регентом, а премьер-министром. Он правил плохо, вызывал бунты и провоцировал гонения. Мадам де При принудила его отослать обратно в Испанию инфанту, невесту Людовика XV, и выбрать для короля принцессу Марию Лещинскую, дочь польского короля, смещенного с трона (лишив ее права на вдовью часть наследства в случае смерти мужа), которая не отличалась ни красотой, ни богатством, ни воспитанностью, ни добротой. Такому повороту событий можно дать три объяснения: мадам де При надеялась управлять королевой, которая будет всем ей обязана; требовалось срочно женить короля, который, находясь в обществе своих товарищей ранней юности, мог бы стать вторым Генрихом III; Мария, которой было

двадцать два года, могла бы уже сейчас дать короне наследников, которых пришлось бы ждать слишком долго от маленькой инфанты, бывшей на десять лет моложе; и, наконец, Церковь благосклонно смотрела на королеву-католичку, столь же набожную, как и инфанта. Но герцог де Бурбон пришел к власти только благодаря решению и поддержке де Флери, воспитателя короля. Когда Людовик попытался устранить его, Флери поднял шум и пригрозил, что покинет двор. Король, который не мог жить без своего воспитателя, начал плакать, забился на свой стульчик, а затем отослал герцога де Бурбона, получившего приказ жить в замке Шантийи. Мадам де При, сосланная в свои земли де Курбепин без права покидать их, отравилась со скуки уже на следующий год.

9. — В период несовершеннолетия короля распущенность и слабость правителей приучила тех, кем они управляли, не уважать и презирать их. Литература стала поверхностной и фрондерской. Однако романтическая комедия Мариво дала Франции поэтический театр, который предвещал театр Мюссе. В устах Массильона²⁷ звучали последние отзвуки священного красноречия. Фонтенель²⁸, не впадая в вульгарность, широко популяризировал науку. Будущее предвораля Вольтер. Великим человеком этой эпохи является Монтескье, «Персидские Письма» которого, опубликованные в 1721 г., вводили, помимо желания самого этого молодого чиновника, тему Революции, данную в форме забавной и живой сатиры на придворные нравы.

10. — Регентство, хотя и недолгое и внешне достаточно бессодержательное, имело большие последствия. После царствования Людовика XIV оно явилось разрядкой, но одновременно и откатом назад. Легкомыслие и спекуляции породили непочтительность и безбожие. Возросла роль далеко не лучших женщин. Французское правительство утратило осознание национального интереса. Оно

²⁷ Массильон Жан-Батист (1663–1743) — знаменитый французский проповедник, доминиканец. (Примеч. пер.)

²⁸ Фонтенель Бернар ле Бовье де (1657–1757) — французский писатель и ученый, защитник рационализма и скептицизма. (Примеч. пер.)

отказалось занимать свое место на морях и подорвало свое будущее колониальной империи, которое трудами Кавелье и де Ласалля должно было бы стать великим. Но почему же недовольство и презрение страны не вызвали появление новой Фронды? Потому что монархия унаследовала от Людовика XIV такой престиж, что всякое возмущение показалось бы неприличным. Однако идол заколебался. Pamфлетисты и стихоплеты ввели в моду оппозицию. Все то, что при великом короле показалось бы богохульством, становилось смелостью ума. И все начиналось с песенок.

**VI. О том, как
в царствование
Людовика XV
Франция потеряла
к себе уважение**

1. — В 1726 г. Людовик был привлекательным молодым человеком, хрупким и меланхоличным, «с красивым, как у девушки, лицом, бесчувственный и холодный». Своей застенчивостью,

постоянной скукой, поддразниванием, иногда весьма жестоким, он напоминал Людовика XIII. Ни один из его наставников не сумел внушить ему обязанностей государя. Кардинал Флери пробудил к себе любовь, поощряя его лень и принимая участие в его ребяческих играх. Людовик XIV прошел во время Фронды школу опалы, подрастающий Людовик XV видел перед собой только раболепство и лесть. Как только он приступил к правлению, так сразу положился во всем на Флери, который, как говорит Сен-Симон, не имел «ни малейшего понятия о ведении дел в тот момент, когда принял все бразды правления». Мишле описывает кардинала как «приятное пустое место», как терпеливого, сговорчивого и улыбчивого человека. Но остается неоспоримый факт, что он управлял страной лучше, чем большинство министров. Флери предпочитал остроумию здравый смысл и отличался склонностью к «экономии свечных огарков» — отрадный недостаток при дворе, где все остальные «жгли свечи с обоих концов». Его неопытность компенсировалась солидной традицией канцелярий, созданных Кольбером и Лувуа. У него были хорошие советники, и с 1738 г. обычный дефицит бюджета был преодолен. Для «приятного пустого места» это был совсем неплохой успех.

2. — В иностранной политике пацифист Флери способствовал взаимопониманию с Англией, премьер-министр которой, Роберт Уолпол, разделял его отвращение к войне. Ни один из них не мог оградить свою страну от войны, но они ее отсрочили и старались уменьшить причиняемое ею зло. Хрупкий кардинал и крепко сбитый *squire* (сквайр) одинаково презирали обманчивую славу и имели одинаковое представление о национальном интересе. Ни тот, ни другой не замахивались на великие цели, и тогда появлялась возможность, считали они, ставить цели реальные, потому что человеческий ум, слабый от природы, лучше разбирается в том, что ему близко. Если мир в Европе мог бы быть обеспечен в принципе, то это было бы сделано усилиями этих двух людей. Но древние идеологические и династические раздоры продолжали лихорадить больной континент. Во Франции элита была традиционно анти-австрийской. И вот появляется возможность «унизить Австрийский дом». Император Карл VI, у которого были только дочери, страстно желал оставить трон эрцгерцогине Марии-Терезии. Он мог это сделать, только принудив другие государства принять Прагматическую санкцию. Флери, которого общественное мнение осуждало, обвиняя в слабости, продолжал лавировать. Партию войны поддерживали военные, двор и писатели.

3. — В 1733 г. со смертью польского короля Августа II положение осложнилось. Восточная Европа быстро менялась. Когда Петр Великий превратил Россию в великую державу, он с настойчивостью предлагал Франции свой союз. Из чувства верности к прежним союзникам — Польше, Швеции и Турции — французское правительство осталось глухо к этому предложению. Тогда раздосадованная Россия сговорилась с Австрией. Теперь обе страны совместно угрожали Польше. В качестве претендента на ее трон они поддерживали кандидатуру курфюрста Саксонского, безоговорочно преданного обеим империям, в то время как кандидатом сторонников польской независимости был Станислав Лещинский, тесть Людовика XV. Королева Франции, вполне естественно, поддерживала своего отца. Король помогал в этом из гордости, испытывая некоторое унижение, что женился на «девице»,

которая не была даже королевской дочерью. Французское общественное мнение склонялось к вторжению, потому что французы не любили Австрию, а Флери имел малодушие понимать, что Франция, даже если бы она этого захотела, не могла защитить Польшу от австрийцев и русских, потому что география не считается с чувствами. Но общественное мнение считается. В Дандинг была послана небольшая французская экспедиция, чтобы успокоить особо рьяных (которые не приняли в ней участия). Солдаты героически сражались, но, в конечном счете, попали в русский плен. Оставалось только одно: напасть на Австрию. Это было горячим желанием всей страны. Флери сделал все, что мог, чтобы эта война была короткой и безопасной. По Венскому договору (1738 г.) он согласился признать права Марии-Терезии на трон, но при условии, что она выйдет замуж за Франциска, герцога Лотарингского, и что Станислав Лещинский — король без королевства — получит Лотарингию, которая после его смерти вновь отойдет Франции. Это был один из наиболее красивых компромиссов в истории дипломатии. Австрия была удовлетворена, тесть получал суверенность, а Франция должна была получить в будущем исконно французскую провинцию.

4. — Но победы благоразумия бывают кратковременны. В Англии миролюбивый Уолпол оказался перед необходимостью начать войну. Возрастал шовинистический меркантилизм, и лондонское Сити жаждало победить Испанию, чтобы отобрать у нее торговлю с Южной Америкой. Уильям Питт²⁹ осудил постыдную слабость Уолпола. «Ладно, — сказал Уолпол, — это будет ваша война, и я вам желаю получить от нее наибольшее удовольствие...» Он подал в отставку и своим уходом положил конец первому франко-английскому согласию. В противоположность принципам Уолпола его преемник ввязался в европейские дела. Император Карл VI умер в 1740 г., и сразу появились притязания на его наследство. Фридрих II, король Пруссии — государь макиавел-

²⁹ Питт Уильям (1708–1778) — английский политический деятель, один из лидеров вигов. Занимал различные посты в вигских кабинетах министров, премьер-министр в 1766–1768 гг. (Примеч. ред.)

левского толка, неразборчивый ни в религиозных делах, ни в делах чести, не соблюдавший взятых на себя обязательств — потребовал богатую Силезскую провинцию. Какие же у него были на это права? «Свежая армия, хорошо наполненная казна и жадная душа». Но он слыл просвещенным государем, он сумел внушить любовь французским писателям, в частности, Вольтеру. Он пользовался поддержкой элиты, столь же пылкой, сколь и плохо информированной. (Сам Мишле, писатель XIX в., тоже становится в этом деле на сторону Пруссии; но в 1871 г. он изменил свое мнение.) Фридрих был агрессором. Австрия его осудила. Неудержимый ход событий вовлекал Францию в союз с Пруссией и в войну. Постаревший Флери (в 1742 г. ему было восемьдесят восемь лет) не вмешивался. Глубокий старик еще может быть упрямым, но он не может уже быть непоколебимым. Людовик XV предпочел бы, чтобы Франция оставалась зрительницей. Его правительство не имело к Австрии никаких претензий. Но общественное мнение было красноречиво, настойчиво, неистово. Маршалы, любовницы, философы — все выступали за войну. Королю твердили, что Англия становится опасной и что, победив Австрию при поддержке «либерального» короля Пруссии, Франция доберется и до Англии. Наконец король уступил. Это было больше, чем преступление — это было ошибкой и началом долгой череды войн, которые дадут Англии господство на морях, а Пруссии — господство над Германией.

5. — Мария-Терезия не потеряла хладнокровия. Она тотчас провела переговоры и заключила союз с Лондоном. После этого Фридрих II, осознав, что представляли собой соединенные силы Австрии и Англии, порвал с Францией, которая скомпрометировала себя ради него. В обмен на Силезию он предал своих союзников. Изолированная от Богемии французская армия отступала, испытывая большие трудности. В 1743 г. от старости и огорчений скончался Флери. Картерет, преемник Уолпола, открытый

Мария-Терезия,
эрцгерцогиня Австрии,
королева Венгрии и Чехии

враг Франции, выставил против нее ганноверскую армию, которая объединилась с австрийской армией. Тогда произошло одно из тех французских преобразований, которые из века в век озаоряют историю Европы. Глаза открылись. Маршал Ноайль посоветовал перенести военные действия во Фландрию, бывшую вечной головной болью для Англии. Король, побуждаемый воинственной любовницей, отправился в армию и тяжело заболел в Меце. Вся страна сплотилась вокруг него и прозвала его «Возлюбленным». Вольтер воспевал его:

*Он умеет любить, он умеет сражаться;
Он направляет в это прекрасное место
Королевскую грамоту, достойную Генриха IV,
Подписанную: Людовик, Марс и Любовь.*

11 марта 1745 г. Мориц Саксонский в присутствии Людовика XV одержал при Фонтене великолепную победу над англичанами, голландцами и ганноверцами. Французская армия вошла в Нидерланды, взяла Антверпен, и Берг-оп-Зоом. Однако циничный во всем Фридрих II кидался то в одну сторону, то в другую, предавал, возвращался, договаривался. Англия, владычица морей, угрожала французским колониям и даже побережью Бретани. Необходимо было начинать переговоры и оканчивать эту непоследовательную войну, которую и начинать-то вовсе не следовало. Мирный договор в Аахене (1748 г.) не удовлетворял никого, кроме Фридриха II, сохранявшего Силезию. В Париже рыночные торговки придумали ругательство: «глупо, как мирный договор». Как давно уже повелось, каждый раз по окончании войны между Францией и Англией каждая из двух сторон вынуждена была вернуть все свои завоевания, потому что у другой стороны были на руках сильные козыри. Чтобы добиться вывода французских войск, хозяйничавших во Фландрии, английское правительство вынуждено было эвакуировать свои силы с острова Кап-Бретон, который господствовал над Канадой. Англо-французские конфликты в Индии и в Америке оставались неулаженными. Ни одно из крупных европейских государств не соглашалось с границами новой карты мира. Отмирали старые сложившиеся сою-

зы. Франция и Австрия должны были решить, оправдана ли реальным противопоставлением интересов их традиционная неприязнь, или, наоборот, развитие Пруссии представляет для них обеих общую серьезную опасность. Франция и Англия, каждая исходя из своих интересов, начинали понимать, что они не добьются длительного мира до тех пор, пока между ними не будут решены вопросы о господстве на море и о колониях.

6. — Во внутренней политике основной характеристикой первого периода царствования Людовика XV можно считать тот факт, что оппозиция, считавшая себя либеральной, на самом деле защищала реакционные идеи, а правительство, которое все называли реакционным, на самом деле было прогрессивным. Общественное мнение, опирающееся на парижские салоны, набирало все бóльшую силу. Но намерения этого общества были намного лучше, чем информированность. Война за Австрийское наследство создала новый дефицит казны, и правительство предложило возместить его за счет введения нового налога в сумме одной двадцатой от состояния, включая и состояния привилегированных. Парламент отказался регистрировать этот налог на капитал, который им тоже, как и всей остальной стране, пришлось бы платить, и осудили его как «чудовищные незаконные поборы». Писатели и население из духа противоречия восхваляли Парламент за его стойкость! Все порицали двор за его расходы, а следовало бы порицать эгоизм придворных. То же самое происходило и в области религии. Споры с янсенистами вновь ожили в 1713 г. после появления папской буллы «Unigenitus», в которой осуждалось сто одно предложение книги Кенеля, отмеченной верой в действительную благодать. Церковь отказывала в таинстве тем, кто не соглашался с буллой. Парламент — галликанский и янсенистский — поддерживал «апеллянтов». Янсенизм превращался в политическую партию. К янсенистам присоединились атеисты, которым не было дела до благодати. Вызывало удивление то, что парламентарии, столь горячо поддержанные либеральными писателями, были теми же самыми трибунами, которые приговаривали к смерти богохульников. Трудно вообразить что-нибудь более нелепое, но когда кипят страсти, годится все, что подогревает ненависть.

7. — Личная и публичная жизнь короля тоже способствовала разброду умов. Людовик отнюдь не был глупцом. «Он приказывал как повелитель и обсуждал как министр», — говорит Аржансон³⁰. Но чаще всего, будучи усталым от рождения, он позволял самостоятельно «крутиться старой доброй машине». Франция

Король Франции
Людовик XV

не прощала ему тех самых бесчисленных любовных увлечений, которые она находила вполне терпимыми у Генриха IV. Только победы примиряют со скандалами, а распутство — это вообще не любовь. Любовные похождения Людовика XV постепенно становились все безнравственнее. Королева всегда вызывала в нем скуку. Он сделал ей десять детей, «не обмолвившись с ней и словом». Она слабо протестовала: «Каждый раз просто переспать, а потом каждый раз рожать!» Начиная с 1732 г. по порядку старшинства

его любовницами были все три сестры Несль: мадам де Мальи, мадам де Винтимиль и мадам де ла Турнель, которую он сделал герцогиней де Шатору. Они попытались превратить его в героя, но это оказалось безнадежной затеей. После них официальной любовницей Людовика стала представительница буржуазии мадам Ленорман д'Этиоль, урожденная Пуассон, с детства воспитанная для этой роли своим опекуном, который рассматривал ее как «лакомый кусочек для короля». «Ее научили всему, кроме морали», которая ей только повредила бы (А. Сент-Бёв). Король сделал ее маркизой де Помпадур, и двадцать лет она властвовала над ним, над Францией и над Европой. Она удерживала его наслаждением, а чтобы развлекать, привлекала писателей и художников: Вольтера, Гельвеция, Кребийона, Наттье, Латура, Буше, Ван Лоо, Бушардона. Когда она стала непригодна для любовных утех, то, не задумываясь, стала сводницей. «Олений

³⁰ Аржансон Рене Луи (1694–1757) — французский государственный деятель и экономист. После отставки с поста министра иностранных дел находился в оппозиции к правительству. (Примеч. ред.)

парк»³¹ был не совсем тем, что о нем писали памфлетисты, но у короля был там небольшой домик для тайных радостей, и заниматься всей организацией дела с обычной своей услужливой толковостью взялась мадам де Помпадур. Отсюда и такая эпитафия:

*Здесь покоится та, кто двадцать лет была девственницей,
Пятнадцать лет — шлюхой, и семь лет — сводней.*

После того как она умерла в 1764 г., ее место заняла «ничтожная девица» Жанна Бекю — хорошенькая потаскушка, которая на занималась политикой, но богатство которой вызывало возмущение женщин приличного происхождения. Чтобы возвыситься до придворного уровня и быть там «представленной», Жанна умудрилась выйти замуж за графа Дюбарри, брата одного из своих любовников, который женился бы на ней и сам, если бы уже не был женат. Народ, отягощенный налогами и войнами, с законной суровостью осуждал распутство короля, которое стоило ему так дорого. Чтобы ездить из Версаля в Фонтенбло без заезда в Париж, где его могли плохо встретить, Людовик XV построил в 1750 г. дорогу Протеста. Знамение времени: в 1757 г. нападение с перочинным ножом полусумасшедшего лакея удивило только короля. «За что меня убивать? — воскликнул он. — Я никому не сделал зла». И правда, самое большое зло, которое он причинил французам, заключалось в том, что он не оправдал их надежд.

8. — Недопонимание между королем и его народом перекинулось и на внешнюю политику. В колониях, несмотря на мирный договор в Экс-ля-Шапели (Аахене), англо-французская война продолжалась. Да и каким образом правительство могло бы ее прекратить? При плохой погоде требовалось два месяца, чтобы достичь Нью-Йорка, и шесть месяцев, чтобы добраться до Калькутты. Приказ о прекращении огня не прекратил войну. В Америке французское правительство пыталось объединить Луизиану с Канадой, Миссисипи с Сен-Лораном, проведя границы

³¹ «Олений парк» (parc aux cerfs) — особняк в окрестностях Версаля, ставший символом развращенности нравов. (Примеч. ред.)

позади британских колоний, которые оказались бы тем самым без *hinterland* (без тыла) и зажатыми между Аллеганскими горами и морем. В период мирного времени разразилось сражение в долине Огайо, и французы, прогнав колонистов, построили там Форт Дюкесн. Несмотря на такие преимущества, положение французов в Канаде было очень ненадежным. Английские колонии начиная со времени Карла II образовали вдоль побережья однородную и плотно населенную зону. Численность населения достигала примерно одного миллиона двухсот тысяч человек, в то время как число французских колонистов не превосходило шестидесяти тысяч. Англия, где торговцы были сильны, упорно держалась за свои рынки и для их сохранения готова была понести те жертвы, на которые никогда не согласилась бы Франция, где торговля не пользовалась большим влиянием.

9. — Не только колонии невзирая на мирные договоры продолжали сражаться во всех уголках мира. Британское адмиралтейство, узнав, что два прекрасных министра морского флота — Руйе и Машо — перестроили французский флот, проявило беспокойство и разрешило охоту на море за французскими кораблями без всякого объявления войны. Людовик XV ограничился отправкой нот протеста, а это как раз тот способ протеста, который вот уже семь тысяч лет с тех пор как существуют люди, алчущие чужого состояния, приводит в восторг и поощряет агрессоров. Можно сказать, что с восшествием на трон Вильгельма III возобновилась Столетняя война. Целью войны была уже не Анжуйская империя, не англо-французская империя, а империя Всемирная. Она должна была достаться тому из двух соперников, кто добьется владычества над морями. Поэтому, чтобы сосредоточить все силы на перестройке морского флота, Франция нуждалась в мире на континенте. И напротив, Англии традиционно было вполне достаточно найти наемного солдата на континенте. Уже десятки раз опыт доказывал, что ее морские и колониальные победы оказались бы тщетны, если бы Франция сумела оккупировать Фландрию, ибо тогда в момент переговоров Англии пришлось бы вернуть колонии, чтобы добиться освобождения Антверпена. Оставалось выбрать такого солдата. До 1748 г. Анг-

лия одаривала Австрию своими субсидиями. Фридрих II требовал денег меньше, чем Мария-Терезия, и он был лучшим стратегом. Англия сменила своего союзника.

10. — И в это же самое время Франция тоже сменила союзника. Уже с Франциска I проявление ненависти к Австрии считалось основой мудрости французского короля. Эта ненависть постоянно жила в умах большинства французов. Свидетельствовала ли она о мудрости? Служила ли она интересам страны? В этом можно было сомневаться. Что выигрывала Франция от новых побед Пруссии? Таилась ли в ее успехах опасность для немецких свобод, а следовательно, и для Европы Вестфальских договоров? Говорили, что смена союзника было делом женских рук, что Фридрих II, женоненавистник, оттолкнул от себя оскорблениями и Марию-Терезию, и императрицу Елизавету, и мадам де Помпадур, которую он называл «Мадемуазель Пуассон»³², в то время как императрица Австрийская называла ее в своих письмах не иначе как «Мадам, моя дражайшая сестра». Возможно, что расположенность маркизы и помогла императрице Австрийской. Но крутой разворот в выборе союзников имел более глубокие причины. Берни, новый французский министр иностранных дел, отлично понимал опасность, которая грозила со стороны Пруссии. К сожалению, страна не пошла за ним. Морские поражения, потеря Канады и Индии едва затронули общественное мнение. Вспомним с грустью «несколько арпанов снега» Вольтера³³. Победа Фридриха Прусского при Росбахе была воспринята во Франции едва ли не с радостью. Хвалить врагов было в характере Фронды. Имея дело с французским «тираническим» правительством, всем хотелось верить, что «просвещенный» монарх из Сан-Суси олицетворял собой свободу. На деле же он был злейшим врагом, и Бурбоны кажутся святыми по сравнению с Гогенцоллерном.

³² Этим самым Фридрих II подчеркивал неблагородное происхождение мадам де Помпадур, напоминая, что ее отцом, возможно, был лакей Пуассон. (Примеч. ред.)

³³ Так пренебрежительно Вольтер отозвался о Канаде, стремясь отговорить французское правительство от войны с Англией из-за этих территорий. Арпан — французская мера площади, равная 0,34 га. (Примеч. ред.)

Но когда общественным мнением овладевает безумие, то излечить его могут только дальнейшие события и время.

11. — После поражения при Росбахе Берни совсем пал духом. Король и двор никак не реагировали на это поражение. «Мне кажется, — говорил Берни, — что я министр иностранных дел в Лимбе³⁴». Он тщетно указывал на опасность «Господу Богу и его святым», то есть Людовику XV и его приближенным. Он взволновал их едва ли на одно короткое мгновение: «А затем их вновь охватила летаргия; они смотрят большими грустными глазами, но ничего не делают». Французские солдаты были, естественно, все так же смелы, но повсюду царил беспорядок: «Достаточно было бы изменить наши нравы, и то, на что в других странах потребовались бы века, в нашей стране свершилось бы всего лишь за один год», если бы только кто-нибудь взял на себя этот труд. Но и сам Берни не стремился стать таким человеком. Больше того, он с готовностью уступил власть Шуазелю, другу мадам де Помпадур, философу и самому блестящему из наших послов. Шуазель вел четкую политику, направленную на заключение семейного пакта с Испанией. Это был договор о взаимопомощи, по которому следовало установить нечто вроде баланса сил на море путем объединения обоих флотов. Но даже в этом случае Англия сохраняла свое превосходство на море. Именно на море военные события развивались для Франции столь же неудачно, как для Австрии — на земле. В 1763 г. пришлось подписать мир в Париже — один из самых печальных для страны за всю ее историю. По этому миру Франция переставала быть империей, империей становилась Англия. В этой Семилетней войне Франция потеряла Канаду, всю территорию на восток от Миссисипи, Индию (кроме пяти торговых контор), Сенегал, а кроме того, еще и Гренадины (Windward Islands). Фридрих II сохранил Силезию. К чести Шуазеля нужно сказать, что сразу после поражения он пытался восстановить флот. И никто иной, как он, аннексировал не только

³⁴ Лимб — в католицизме местопребывание душ праведников, ожидающих искупления. В переносном значении: неопределенное место, неопределенное состояние. (Примеч. пер.)

Лотарингию (наследство, вернувшееся к Франции после смерти Станислава Лещинского), но и Корсику, которая станет одной из самых верных французских провинций.

12. — На реорганизацию армии и флота требовались деньги. Была только одна возможность их получить: взять у тех, у кого они были — у привилегированных. Но те яростно защищались. Духовенство утверждало, что «даже у народов, прозябающих во мраке идолопоклонничества», почиталась религиозная собственность. Чтобы преодолеть это сопротивление требовались, вероятно, решения Парламентов страны. Шуазель надеялся заручиться их поддержкой, добившись от короля изгнания иезуитов. Это вызвало восхищение философов, но в Парламенте кошелек значил больше, чем вероисповедание. Сопротивление налогам продолжало оставаться очень сильным, особенно в Бретани, где борьба Ла Шалоте — местного Парламента — против Эгийона, коменданта провинции, приняла размах философской оппозиции. «Суть закона в том, чтобы он был принят, — говорил Парламент города Ренн. — Право принимать закон — это право нации». Итак, это право не может быть осуществлено «во время перерывов в заседаниях Парламентов...» — утверждал Ла Шалоте. Доктрина весьма спорная, потому что Парламенты той поры не были представительными. В 1759 г. некий месье де Силуэт становится генеральным контролером финансов. Он слыл мыслителем, и Вольтер писал о нем: «Я признаю, что Господь Бог послал нам месье де Силуэта во спасение». Этот божественный посланец предложил ввести многочисленные налоги, «даже на воздух, которым дышат», вызвал яростные протесты и через четыре месяца исчез, оставив во французском языке свое имя для обозначения мимолетной тени. «Орел оказался мокрой курицей», — философски констатировал Вольтер. Но дефицит казны так и остался дефицитом.

13. — В 1770 г. Шуазель получил королевское письмо с печатью, по которому он должен был отправиться в ссылку в свои земли Шантелу. Его политика реванша в борьбе с Англией и вооружения морского флота беспокоила короля. Но до того как он попал в немилость, Шуазель успел женить дофина на дочери Марии-Тере-

зии, эрцгерцогине Марии-Антуанетте, что значительно укрепило его проавстрийскую политику. Эта отставка показалась французам несправедливой и семья Шуазель была окружена в Шантелу симпатией своих друзей. Та коалиция, которая свергла министра, состояла из канцлера Мопеу, аббата Террея — контролера финансов, и мадам Дюбарри — любовницы короля. Мопеу дал понять Людовику XV, что наступательная сила судебных чиновников становилась опасной для страны. Нам важно помнить, что французские Парламенты того времени являлись привилегированными, наследственными палатами правосудия, а не избираемыми ассамблеями. Их деятельность была пагубной. Они мешали взиманию налогов, они поддерживали религиозную нетерпимость, применение пыток. Для неприятия эдиктов короны все Парламенты королевства объединялись под руководством Парламента города Парижа. «Эта удивительная анархия, — говорит сам Вольтер, — не могла сохраняться далее. Нужно было, чтобы корона обрела свою власть, или чтобы парламенты получили перевес». Наследственные судебские представляли собой некую новую форму феодальности, которая увековечивала старинные феодальные привилегии. Необходимо было срочно принимать жесткие меры. В 1771 г. Мопеу упразднил Парламенты, отменил продажу должностей, создал новые палаты правосудия, которые прозвали «Парламентами Мопеу», и сделал отправление правосудия бесплатным, по крайней мере в теории. Однако контролер Террей, министр финансов, грубый, а стало быть, довольно добрый, «у которого было что-то от Сюлли и от Кольбера», «сократил недоимки по рентам, отсрочил платежи по кредитам, конвертировал тонтинны³⁵ в пожизненные ренты, поднял габель и жестко регламентировал торговлю зерном». Он навел порядок, устранив злоупотребления в

³⁵ Тонтина — страхование пожизненной ренты для группы лиц. В случае смерти одного из членов группы, получавшаяся им рента делится между всеми оставшимися в живых вплоть до кончины последнего из них. Название происходит от фамилии неаполитанского врача Тонти, по предложению которого во Франции в 1689 г. впервые был выпущен государственный заем, проценты по которому распределялись ежегодно между оставшимися в живых подписчиками займа пропорционально внесенной ими сумме. (Примеч. ред.)

получении пенсий, установил налог двадцатой доли (налог на капитал) и налог на недвижимость. Это были разумные меры, но вызывающие презрение «Парламенты Мопеу» и необходимые налоги аббата Террея подняли волну бесконечных протестов. «Говорят, что у аббата Террея нет Веры, что он лишает нас Надежды и ограничивает нас одной Любовью». Общественное мнение, все более погружающееся в заблуждение, защищало от государства финансистов и поставщиков. Несчастный Террей, которого король спросил, что он думает о праздниках в Версале, ответил: «Ах! Сир! Они неоплатные!» Людовик, ставший из «Возлюбленного» «Нелюбимым», умер в 1774 г., и ни одна душа о нем не пожалела.

Во время последних лет правления Людовика XV, Шуазель, Мопеу и Террей выполнили прекрасную работу. Мудрый король еще мог бы спасти режим. Был коронован Людовик XVI. Будет ли он для своих подданных Богом, «изобильным столом» или «пустой лоханкой»? Он стал откровенным бездарем!

**VII. О том, как
в XVIII веке философы
превратились
в могущественных
политиков**

1. — «У нас были современники уже в царствование Людовика XIV», — сказал один философ эпохи Людовика XV, и это совершенно верно, потому что уже с XVII в. религиозный скептицизм про-

поведовался такими вольнодумцами, как Пьер Бейль. Он опубликовал в 1692 г. первые страницы «Словаря», прообраза «Энциклопедии». В заметках, в статьях, совсем безобидных на первый взгляд, Бейль очень умело показал несовместимость разума и веры, утвердил права свободной мысли и пытался отделить мораль от религии. Но если XVIII век уже присутствует в уходящем XVII веке, то в нарождающемся XVIII веке еще присутствует XVII век. К 1715 г. католическая и абсолютистская мысль все еще остается полновластной. Если при Людовике XIV во Франции и были неверующие, то они были немногочисленными и были обречены на молчание или тайное существование. Поэтому стоит задаться вопросом, почему же между 1715 и 1750 г. так быстро сформировалась новая политическая и религиозная философия.

2. — Можно указать несколько причин: а) после величественной скованности века Людовика XIV Франция испытывает потребность в разрядке. Высокие чувства уже не модны. Отмирает трагедия, комедия становится вызывающей, а живопись — вольнодумной. Самые серьезные предметы должны быть доступны дамам, и мариводаж³⁶ перемешивается с астрономией. Тон, публика, темы — все меняется, а вместе с этим меняется и политическая философия; б) возрастает влияние Англии. В 1688 г. Англия совершила мирную революцию³⁷ и в целом чувствовала себя после этого очень хорошо. Французы видят, как создаются в ней новые общественные институты. «Это страна, — с завистью говорит Вольтер, — где свободно и благородно мыслят, не оглядываясь ни на какие рабские страхи». Французское «третье сословие», сильное богатством своих отцов и образованностью своих сыновей, стремится преодолеть последние признаки феодализма. Пример Англии указывает им путь к этому; в) в XVIII в. во Франции писатели уже играют важную роль. Но они все еще наталкиваются на два препятствия, приводящие их в отчаяние: классовая гордыня, доходящая у некоторых дворян до оскорбительного презрения к гениальным простолюдинам, и церковная цензура, средневековая суровость которой уже не соответствует ни нравам, ни чувствам. Вольтера — молодого писателя, которым все восхищаются, которого прославляют, — избивают палками люди шевалье Роана-Шабо; его заключают в Бастилию. Такие переживания не забываются. Он отправляется в изгнание в Англию (1726–1729) и находит там совсем другое общество. Ее церкви научились толерантности. «Англичанин отправляется на небо тем путем, который он сам выбирает... Если бы в Англии была только одна религия, то следовало бы опасаться деспотизма; если

³⁶ Мариводаж — стиль писателя Мариво, в переносном смысле — вычурный, манерный слог. Отсюда — любезничанье, жеманство. (*Примеч. пер.*)

³⁷ В 1688 г. в Англии произошла так называемая «Славная революция» — бескровный государственный переворот, в ходе которого был смещен с престола король Яков II Стюарт, проводивший курс на реставрацию католицизма в качестве господствующей религии. Королевская власть была передана правящими кругами голландскому штатгальтеру (правителю) Вильгельму III Оранскому, зятю Якова II. (*Примеч. ред.*)

бы было две религии — их приверженцы резали бы друг другу горло, но там тридцать религий, и все они живут мирно». Там Локк может описывать свои законы человеческого разума так же свободно, как Ньютон — законы гравитации. С народом советуется о налогах. Вольтер привозит из этого путешествия том «Английских писем», в которых он, описывая Англию, косвенно критикует французский режим. Монтескье тоже видит в Англии, свершившей революцию 1688 г., идеальную модель общественного устройства. Вероятно, здесь звучит чрезмерный оптимизм, и реальная Англия была вовсе не столь совершенна, как представляли ее гости, но неопровержимо то, что она нашла способ сочетать порядок со свободой. Отсюда французы сделали вывод: то, что стало возможным по ту сторону Ла-Манша, должно стать возможным и по эту его сторону.

3. — Их вера в разум становится тем более обоснованной, что в течение последнего века человеческий дух одержал несколько прекрасных побед. Ньютон доказал, что мир, сложные движения светил, падение тел — все сводятся к нескольким простым законам. Разум восторжествовал в аналитической геометрии, в математической оптике. Почему бы ему не восторжествовать и в политике, и в метафизике? Уже Спиноза выразил *этику* в теоремах. И если разум еще не установил совершенного общества, то не потому ли, что он скован предрассудками и традициями?

Философский кружок времен Людовика XV

И для того, чтобы человек триумфально продвигался от одного достижения к другому, достаточно разбить эти оковы, снести «готические» обломки, еще загромождающие и умы, и обычаи. Несчастные общества создаются плохими законами. Пусть нам дадут хорошие законы, и все пойдет как нельзя лучше в этом лучшем на свете королевстве. Достаточно заменить традиционные обычаи простыми и естественными правилами. «Хотите узнать краткую историю почти всех наших несчастий? — провозглашал Дидро. — Вот она. Когда-то существовал естественный человек. Затем внутри него возник человек искусственный, и в пещере, где он жил, началась гражданская война, которая продолжается всю жизнь...» Уничтожьте искусственного человека, то есть человека традиций и суеверий, и вы вернете в пещеру внутренний мир.

4. — Но люди XVIII в., раздраженные некоторыми абсурдными и оскорбительными пережитками, не поняли, что не все традиции являются оковами, что многие традиции представляют собой скорее рамки, что общество опирается на легитимность правительства, то есть на некий миф, и что нет ничего более трудного и опасного как замена одного мифа другим. Англичане успешно осуществили эту замену, потому что традиции у них меняются крайне медленно, и они долгое время сохраняли старые мифы наряду с новыми. Во Франции в период абсолютной монархии дворянские предрассудки и неравенство в отношении выплаты налогов были справедливо осуждены «прогрессом Просвещения», но во время ремонта крыши дома все же следовало бы сохранять его стены до тех пор, пока у нации не появится другая крыша, под которой можно будет преклонить голову. Монтескье ясно видит опасность. В своем «Духе Законов» он показывает, что ценность законов относительна, что она зависит от климата, обстоятельств, привычек, богатств. В расцвете своего творчества Вольтер выражал сходное мнение. Но другие современные им писатели чистосердечно полагают, что разум, действуя в пустоте сознания, смог бы возвести на голом месте идеальное построение. Их слабость, если сравнивать их с английскими (или, позднее, с американскими) мыслителями, заключается в том, что они никогда не участвовали в практических делах, хотя бы на мест-

ном уровне. А сила их состояла в том, что даже такой опыт делал их очень приятными для французов, которые, также лишенные права контроля, могли возводить только абстрактные конструкции. Если бы у них были, как у англичан, практические возможности изменить свои социальные институты, то они задумались бы о природе и результатах грядущего изменения. Но не было такого опыта, способного предупредить их о «противодействиях, которые могли внести существующие обстоятельства даже в самые желанные реформы». Мир дел «был не только им плохо знаком, он оставался для них незримым» (А. Токвиль). Итак, они были свидетелями споров писателей и только их и слушали, а потому, когда наступало время действовать, переносили «в политику все навыки литературы» (А. Токвиль). А такие навыки мало подходят для активных действий.

5. — Влияние философов на нацию было особенно глубоким в период с 1750 по 1770 г. Два кружка боролись за двор и ум короля: кружок ультрамонтанов и реакционеров — кружок королевы, дофина, и медам³⁸ дочерей короля; и второй философский кружок — кружок маркизы де Помпадур, месье д'Аржансона, Шуазеля и де Мальзерба. Мадам де Помпадур, представительница буржуазии, которую ненавидело дворянство, и фаворитка, которую поносило духовенство, нуждались для своей поддержки в общественном мнении, то есть в писателях. А те надеялись, что маркиза поможет им победить «предрассудок», который стеснял ее не меньше, чем писателей. И она их действительно поддерживает. Это было то время, когда двор, защищая Вольтера, обеспечивает его прохождение в Академию (1746 г.), когда салоны, в которых царили женщины невысокой добродетели, подобные мадам дю Деффан, мадам д'Эпине, мадемуазель де Лепинасс, создавали обществен-

Вольтер
(статуя работы
Ж.-А. Гудона)

³⁸ Mesdames (фр.) — мн. число от madame. (Примеч. пер.)

ное мнение; когда министры, как мы это увидим, защищают «Энциклопедию» от своей собственной полиции. Если бы Людовик XV был Фридрихом II или же Франциском I, то союз между монархией и философами против дворянского высокомерия и религиозной нетерпимости еще мог бы состояться. Но Людовик XV был слабым и ленивым. Он позволил Парламенту продолжать вешать и четвертовать неверных. Вольтер принужден был напоминать, что все люди равно имеют право на справедливое правосудие, будь они протестанты, евреи или вольнодумцы. В знаменитых делах Каласа³⁹ и шевалье де ла Барра⁴⁰ он обвиняет фанатиков и правительство, которое их поддерживает. Монархия упустила случай приобщить философов к защите трона.

6. — И напротив, через издание «Энциклопедии» философы приобщили всю страну к защите своих идей. Поначалу «Энциклопедия» была проектом, предложенным книгоиздателями. Дидро, обладавшему наряду с бурной гениальностью основательными качествами редакционного секретаря, было поручено руководить этим начинанием. Он привлек к сотрудничеству Монтескье, Вольтера, д'Аламбера — то есть все созвездие светил первой величины. Сначала цензура воспринимала эту работу как простой словарь, но вскоре проницательные умы поняли, что «Энциклопедия» старалась заменить картину мира, сохранившуюся по наследству от средних веков, на другую, которая была ньютоновским представлением о мире. Вселенная энциклопедистов уже не была созданной Богом для испытания человека. Авторитет уже не был основой истины. Достижения прогресса утверждали возвращение человека к природе. Эта доктрина была достаточно хорошо скрыта под формой обычной информации, но искушенный чита-

³⁹ Жан Калас — тулузский протестант, в 1761 г. был обвинен в убийстве своего сына и приговорен к колесованию. Мотивом убийства было объявлено желание Каласа воспрепятствовать переходу сына в католичество. Благодаря усилиям Вольтера, Жан Калас в 1765 г. был признан невиновным уже посмертно. (Примеч. ред.)

⁴⁰ В августе 1765 г. шевалье де ла Барр был обвинен в непочтительном отношении к святыням, Церкви и духовенству и казнен в г. Аббевиле. (Примеч. ред.)

тель мог легко ее обнаружить. В области политики «Энциклопедия» учила, что короли, чтобы сделать счастливыми своих подданных, сами должны обладать свободой в деле создания новых законов, основанных на разуме; что самым большим злом является неравенство социальных условий; что цель образования — приведение человека к естественной мудрости. Влияние «Энциклопедии» было огромно. Хотя это произведение стоило девятьсот восемьдесят ливров и включало двадцать семь томов, на него было четыре тысячи триста подписчиков. Придворное дворянство и провинциальная буржуазия — вся элита Франции — могли найти в «Энциклопедии» необходимые им сведения. Она стояла в библиотеках замков и у многих деревенских кюре. Парламент и высшее духовенство неоднократно высказывали беспокойство, король приказывал конфисковать экземпляры, но сам лейтенант полиции и директор книгоиздательства покровительствовали энциклопедистам. Накануне наложения ареста директор Мальзерб предлагал Дидро спрятать оттиски в своем собственном кабинете. Когда король искал сведения о составе оружейного пороха или рецепта губной помады, то мадам де Помпадур приказывала принести ему нужный том запрещенного труда. Король находил там то, что искал, и сожалел о наложенном запрете. Маркиза собирала некоторых энциклопедистов у себя. Она хотела сделать из Людовика XV короля философов. Но ей это не удалось. «Во Франции это не модно», — отвечал он с меланхолическим упорством. Но свойство моды заключается в том, чтобы меняться.

7. — Было бы ошибкой представлять себе энциклопедистов единой командой. Бюффон — великий натуралист, очень полезный соратник, но постоянно «не в ладах с равными себе» — вскоре отошел от дел. Д'Аламбер (побочный сын мадам де Тансин), академик, сотрудничал только на протяжении времени, необходимого для тесного сплочения коллектива. Атеисты Гольбах и Ламетри никогда не могли найти взаимопонимания с Вольтером, деистом и консерватором. Вольтер называл себя антиклерикалом, антикатоликом, но в политике его мораль была моралью действия, реалистической и оппортунистской, в чем он довольно тесно сходил с Дидро — другим представителем французской

буржуазии, уже твердо занимающим свое место в обществе. Еще больше, чем Вольтер, отсутствием религиозности у большинства энциклопедистов был шокирован Руссо. Он олицетворял собой реакцию против рационализма и вольнодумства первой половины века. Он не восхищался так, как Дидро или Вольтер, «достижениями просветителей». Руссо порывал не только с традицией, но и с цивилизацией. Он доверял не разуму, а чувствам, эмоциям, и в их расцвете видел добродетель. В политике он желал видеть общество, основанное на «общественном договоре», по которому люди добровольно соглашались жить в соответствии с естественной моралью. Он не мог найти взаимопонимания с энциклопедистами, потому что «они были людьми науки, а он к ним не принадлежал». Но его теории глубоко трогали сердца. Ничто не утомляет так быстро, как распушенность. Сама ее доступность создает однообразие. Женщины сожалели о времени сильных страстей. Руссо предложил им «Новую Элоизу», заменив в иерархии положительных героев мужчину умного на мужчину чувствительного. Нужно признать, что он сильно изменил нравы своего времени.

8. — В период между 1750 и 1789 гг. революция рассудка энциклопедистов и революция чувств Руссо сосуществовали бок о бок. Зарождались новые науки. В салонах собирались не только писатели и философы, но и экономисты. Модной сектой стала секта физиократов, апостолами которой были Франсуа Кенэ и Дюпон де Немур, создавшие науку о производстве богатств. Они считали, что роль этой науки (как и ньютоновской науки) заключалась в открытии естественных законов. Они определили три таких закона: Собственность, Безопасность, Свобода. Роль правительства заключалась в том, чтобы позволить собственности и свободе добиваться своих счастливых результатов, убирая препятствия на их пути. «Дайте делать, дайте пройти». Интендант Тюрго, чиновник-философ, присутствовал на собраниях группы и делился своим опытом специалиста. Переживая из-за неурожаев, частых тогда во Франции, он обвинял в этом ограничения, связанные с торговлей зерном. Хлеборобы не производят зерна больше, говорил он, потому что они не свободны продать его.

Тюрго не очень нравился «сектантский дух» Кенэ и его друзей, но он оставался их опорой. «Вот если бы Тюрго был министром...» — говорили они. Мы увидим, что еще наступит день, когда это случится.

9. — В XVIII в. искусство следует тем же путем развития, что и литература. Художники устали от величия Великого Века. Поскольку за страстями следует время мариводажа, поскольку любовь становится комедией, то почему бы и живописи не придать этим чувствам обрамление волшебного зрелища? Ватто был сначала театральным художником, и его волшебный мир застыл на полпути между театром и жизнью. Его возлюбленные живут в воздушных садах, заставляющих вспоминать о мечтах Шекспира. Фрагонар тоже объединяет либертинство с грустью, и тем сохраняет некое величие. Но творчество Буше является ответным вызовом на величественные работы Ларжильера и Риго. В его мире нет ничего серьезного. Его возлюбленные — это пастушки, столь же неспособные любить, как и пасти стада. Но вскоре публика, уставшая ранее от стиля Людовика XIV, устанет и от изящества стиля Помпадур. На наступление сентиментализма Руссо живопись также откликается сентиментализмом. Как художественный критик Дидро выражал пожелание, чтобы живопись была нравственной. Грёз ответил на это пожелание, иллюстрируя трогательные пустячки, и от пошлости его спасала только бессознательная чувственность его целомудренных девственниц. Один из самых великих — и самых французских — среди этих художников, Шарден, знаменует приход в искусство наиболее простых слоев населения. В его картинах мы обнаруживаем гармонию, мир и порядочность жизни обыкновенных людей. Он умел придать бесконечное значение складкам белой скатерти, нежным отсветам медного таза. Двор и его салоны, мадам де Помпадур и мадам Жоффрен поддерживали художников. Наттье, Латур, Буше рисовали первую, а Шарден, Юбер Робер — вторую.

10. — Нувеллисты продолжали свои заседания в Люксембурге, в Тюильри и в Пале-Рояле, но при Людовике XV в формировании общественного мнения салоны играли уже более важную

роль. Франция — это единственная страна, где светские собрания превратились в исторические социальные институты. Почему? Потому что, начиная с «судов любви», французы любили беседы и общество дам. В XVIII в. некоторые дома становятся «биржами идей». Там встречаются философы со светскими людьми и знаменитыми иностранцами. Двумя самыми знаменитыми салонами были салоны мадам де Жоффрен и маркизы дю Деффан. Естественно, что они были соперницами. Агрессивный империализм является чертой, общей для каждой создательницы салона. Мадам Жоффрен — богатая представительница буржуазии, жена директора стекольных мастерских Сен-Гобен — после кончины мадам де Тенсин продолжала принимать ее завсегдатаев в своем салоне. В ее королевстве на улице Сент-Оноре собирались по средам Фонтенель, Монтескье, д'Аламбер, Галиани. В какой-то степени «Энциклопедия» создавалась у нее. «Мамочка» (это было ее прозвищем) достигла вершины своей славы, когда совершила путешествие в Европу с целью повидать своего «сына» Станислава-Августа, короля Польского, и была принята как властительница дум не только королем, но и императрицей Марией-Терезией. Мадам Жоффрен была очень властной подругой, наподобие мадам Вердюрен. Ее соперница, мадам дю Деффан, была менее добра, но более умна. Она не славилась «ни темпераментом, ни романами», а потому всю свою жизнь боролась со скукой. В молодости у нее была быстротечная связь с регентом, в зрелые годы у нее была другая, бесконечная, связь — с президентом парламента Эно, которого она никогда не любила. В старости, уже слепая, она обрела, наконец, любовь и безнадежно привязалась к англичанину Горацио Уолполу. Толпа постоянных посетителей заполняла эту довольно грустную жизнь. Вольтер был одним из столпов ее дома. Мадам дю Деффан настраивала его против философов, над которыми она насмехалась ровно в такой же степени, как и над духовенством. Этой старой женщиной владел нигилизм, но ее позитивное значение заключалось в том, что она была связующим звеном между всем британским и французским. При Людовике XV философские салоны представляли собой приятную и вполне допустимую оппозицию. При Людовике XVI с появлением мадам Неккер они превратились в коридоры власти.

11. — В XVIII, как и в XIII в., французская цивилизация была цивилизацией, общей для всей Европы. Во всех странах аристократия говорила по-французски. Эта мода долгое время сохранялась в России, в Швеции, на Балканах и даже в немецкоязычных странах. В исторических романах Толстого русские персонажи говорят между собой по-французски. Французских писателей XVIII в. читала вся мировая элита и черпала в них новые идеи. Вольтер гостил у Фридриха II, а Дидро переписывался с Екатериной Великой. У образованных американцев, таких как Джефферсон, были библиотеки на французском языке. Не вызывает сомнения, что многие черты философии энциклопедистов были почерпнуты ими в Англии. Конечно, влияние Локка на американскую революцию было более значительным, чем влияние Монтескье. Но во многих странах Европы английские идеи распространялись только на французском языке. Любая экономическая доктрина становилась более ясной, более приемлемой, когда она была очищена гением Вольтера. Шла ли речь о торговле хлебом, или о множественности миров, или о конечных целях — французский писатель всегда делал проблему более доступной для широких умов, излагая ее то в форме диалогов, то в форме сказок. Франция, как и в самые суровые времена средневековой философии, проявляла свое стремление к разносторонности.

VIII. О том, как при Людовике XVI благие намерения привели к слабости власти

он показался невыносимым. И не то чтобы король был недостойным. Вовсе нет. Он испытывал постоянное желание творить добро, он был набожен, целомудрен, любил свой народ. И к тому же, далеко не глуп. Он знал историю, географию, английский язык. Но ни правление, ни политика его совершенно не интересовали. Он был скорее потомком Лещинских и саксонцев, чем Бурбонов. У него, неповоротливого умом и телом, с явной склонностью

1. — При абсолютной монархии все заключается в личности короля. Каков государь, таков и режим. При Генрихе IV абсолютизм представлялся вполне закономерным, при Людовике XVI

к тучности, было только два явных пристрастия: охота и слесарное ремесло. «Его Нерешительность» у всех спрашивал совета. Что нужно делать? «Делать из себя короля», — ответил ему однажды Ривароль⁴¹. Как только ему казалось, что он загнан в угол, он, как и все застенчивые люди, начинал грубить, и это больно ранило окружающих. Чаще всего он дремал, утомленный верховой ездой и наковальней. Ради скрепления союза с Австрией в шестнадцать лет Шуазель женил его на эрцгерцогине Марии-Антуанетте. В Париже праздники по поводу брачной церемонии проводились в состоянии паники. Атмосфера тревоги охватила молодую чету. Мария-Антуанетта обладала изяществом и достоинством. Ее царственная мать приказала ей быть всем угодной и воздействовать через голову своего супруга на французскую политику. Поэтому она старалась, и очень долго безуспешно, соблазнить этого неотесанного юношу. Казалось, что ее муж был в ужасе от практических подробностей любви. Она обратилась к женской дружбе: к слабой и очаровательной Ламбаль, позднее — к опасной Полиньяк, а затем — к своему деверю, графу д'Артуа. Став королевой, она хотела продолжать «доставлять себе радости частной жизни». Это ранило тех, кто не попал в число друзей. Отсюда возникали пересуды и сплетни. С самого начала царствования у этой молодой женщины, достойной быть любимой, появились непримиримые враги. Как только она вышла из своего зачарованного сельца, то обнаружила всю злобу окружающего мира. Ее реакцией была реакция раненой гордости: возмущение против подлости, против злобы оскорблений. Король прощал слишком много, королева — недостаточно. Когда она была вынуждена признать слабость «своего бедного муженька», она опечалилась: «Вам известно лицо, с которым я имею дело, — писала она Мерси-Аржанто (послу ее матери), — в тот момент, как я думаю, что убедила его, одно слово, одно замечание, меняет его мнение, и он этого даже не подозревает...» Семейная жизнь и царствование продолжают, и внешне вполне нормально, но вскоре под горностаевой мантией и бархатом, украшенным ко-

⁴¹ Ривароль Антуан (1753–1801) — французский писатель-моралист, знаменитый своими афоризмами. (Примеч. ред.)

ролевскими лилиями, намечается распад королевской семьи и распад национальный.

2. — Людовик XVI принадлежал к человеколюбивой и набожной «школе» Бурбонов, в которую входили его отец и герцог Бургундский. «Я хотел бы быть любимым», — произнес он при своем вступлении на трон. Но как создать счастье королевства? Кажется, король подумал о возможности аристократического возрождения. Патерналистская монархия, свободы, то есть сохранение привилегий трех сословий; Парламенты, Генеральные Штаты; он хотел сохранить и оживить старинное построение королевства. Таким образом, даже не подозревая об этом, он оказался в полном противоречии с философами и даже с Шуазелем или Мопеу, которые, вероятно, стремились к новому и

хотели ликвидировать привилегии. Как и у всех его современников, у Людовика XVI была инстинктивная вера в совершенство человеческой природы. Когда он создал свое первое министерство, он призвал в него много модных реформаторов. Во главе он поставил Морепа, старого представителя «несерьезного» государства и скептика, то есть это был неудачный выбор для такого момента, но рядом с ним появился Мальзерб, защитник энциклопедистов, и Тюрго, надежда

всех отважных умов — Тюрго, которому Вольтер, плача, целовал руки. Король и его министр вполне понимали друг друга: «Я отдаю себя в распоряжение не короля, а честного человека», — сказал Тюрго. «Вы не ошиблись», — ответил Людовик. Тюрго вышел от короля очень взволнованным и написал ему письмо, где изложил свою программу: «Никаких банкротств, никаких повышений налогов, никаких займов...» Следовательно, увеличение производства и сокращение расходов. Для содействия производству необходима свобода в торговле хлебом. Для сокращения расходов «я должен буду преодолевать врожденную доброту и

Людовик XVI, Мария-Антуанетта и их сын дофин Луи-Жозеф (изображение с медальона)

щедрость Вашего Величества и самых дорогих для вас лиц». Это было намеком на молодую королеву. Тюрго сократил свое собственное содержание со ста сорока двух тысяч ливров до восьмидесяти двух, жест добродетельный, но бесполезный. Вольтер хвалил первые постановления министра: «Я только что прочел шедевр месье Тюрго. Мне кажется, что возникли новые небеса и новая земля». За границей тоже был живой энтузиазм: «Когда новый король Франции, желавший всем добра, — писал Гёте, — выказал лучшие намерения ограничить свою собственную власть для того, чтобы уничтожить многочисленные злоупотребления, достичь прекрасных результатов и править только ради порядка и справедливости, в мире распространились самые радостные надежды, и доверчивая молодежь сочла, что ее ожидает светлое будущее...» Намерения не вызывали сомнений. Оставалось подождать, каковы будут поступки.

3. — Если бы сильный король поддерживал Тюрго у власти, то, возможно, он и осуществил бы необходимые реформы, и создал бы для Франции совершенно новую экономику. В Лимузене за тринадцать лет он переделал всю провинцию. Но министром он оставался только двадцать один месяц, и в делах ему оказывали сопротивление: а) *королева*, потому что он следил за расходами, и потому что она хотела видеть министром своего друга Шуазеля, союзника Австрии; б) *банкиры и фермеры*, потому что Тюрго нес угрозу их прибылям; в) *народные массы*, потому что среди них распространялись слухи, заставлявшие их думать, что свобода в торговле хлебом несет им нищету. Умелая пропаганда спекулянтов внушала, что эта мучная война была новым пактом голода. Поэтому король из-за беспокойства и сентиментальности созвал Парламенты. Это было чистым безумием, но все возражения Тюрго были тщетны. Кондорсе обращался к Тюрго: «Говорят, что бывший Парламент вновь возвращается без всяких предварительных условий, то есть со всей своей наглостью, претензиями и предрассудками». И едва водворившись, Парламент действительно начал блокировать любые реформы. В январе 1776 г. Тюрго хотел уничтожить барщину, заставить землевладельцев оплачивать строительство дорог, обложить привилегированных

налогами: «Налог, который должен был бы быть пропорционален богатству, является у нас налогом, от которого освобождаются как раз в силу наличия богатства...» Он хотел бы также уничтожить должности старшин ремесленных цехов и звания мастеров, потому что «право на труд есть врожденное право». В результате он пришел к тому, что ополчил против себя «и господ, и лавочников». Враждебно настроенный Парламент регистрировал эдикты министра только под давлением правосудия и своим сопротивлением реформам вновь несправедливо обрел широкую популярность. Зубоскаливший народ распевал: «Месье де Мальзерб все делает, месье Тюрго все путает, месье де Морепа все высмеивает!» Король, верный своей навязчивой и гибельной идее быть любимым, с грустью замечал: «Никто не любит месье Тюрго». И не одобрил эдикты о привилегии: «Но они же ничем не провинились», — наивно объяснял он. В салонах отметили, что «министерство Тюрго само себя распускает». Тогда Тюрго предпринял последнюю попытку и откровенно поговорил с королем: «Вы упускаете последнюю возможность, Сир. Я знаю, что в двадцать два года и в вашем положении у вас нет тех знаний, которые приобретаются в жизни с себе подобными и дают возможность судить людей, но будет ли у вас больше этого опыта через неделю или через месяц?... По правде говоря, Сир, я вас больше не понимаю...» Он получил приказ отказаться от своих обязанностей. Опыт Тюрго потерпел неудачу. Это было очень важным событием, но ни Версаль, ни Франция не догадывались об этом.

4. — На внутренние причины этой неудачи накладывались и причины внешние. Для восстановления финансов Тюрго был необходим мир. Для того чтобы взять реванш над Англией, Верженну нужна была война. Начиная с 1768 г. Шуазель следил, потирая руки, за признаками, предвещающими американскую Революцию. Он восстановил французский флот, который с 1771 г. уже насчитывал шестьдесят четыре линейных корабля и сорок пять фрегатов. Пришедший ему на смену Верженн в 1776 г. оказался в Америке уже после свершившегося факта. Следовало ли поддерживать мятежные колонии? Да, но чтобы не довести дело до войны, было решено тайно снабжать их оружием через таких

агентов, как Бомарше. После провозглашения Декларации Независимости Франклин прибыл в Париж, где его посольство было принято в соответствии с его престижем. Все этому способствовало: его слава ученого, его репутация мудреца, простота его костюма, глубина его бесед. Философия этого простака-богача была философией французской буржуазии. Его опыты по исследованию молнии были широко известны. «Мы видели, как он обезоруживал тиранов и богов», — читаем мы под его портретом Кармонтеля, а Тюрго отозвался о нем даже на латыни: «Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis»⁴². Академия наук назвала его своим членом. Он повстречался с Вольтером, и два прославленных старика обнялись перед ликующей толпой. Английское посольство безуспешно старалось создать впечатление, что Франклин непопулярен в своей собственной стране, что он был скорее беженец, чем посол, — и при дворе, и в городе только и разговоров было, что о «великом Франклине».

5. — Легенда Франклина соответствовала духовным потребностям и чувствам французского общества. Это были времена «Новой Элоизы» и молочной фермы в Трианоне⁴³, времена пристрастия к простой сельской жизни. На самом деле, во Франклине не было ничего от сельского образа жизни, и он был скорее хитер, чем прост. Но он прекрасно умел играть предназначенную ему роль. Как только он заметил, какой успех имеют его меховая шапка и очки, как стал носить их повсюду. Приняв однажды по недосмотру какую-то делегацию без парика и оценив изумительный эффект этой непреднамеренной небрежности, он сделал из случайности правило и перестал носить парик. Парижане считали его квакером, он этого не опровергал. Была мода на античных республиканцев. Казалось, что американцы были современниками Катона и Фабия. Теоретически, французский король был

⁴² Он вырвал у неба молнию и скипетр у тирана (лат.). (Примеч. пер.)

⁴³ Молочная ферма является составной частью так называемой «Деревни королевы» — идиллической имитации французской деревни, которая была построена в Версале около дворцов Малый и Большой Трианон. (Примеч. ред.)

абсолютным монархом, но на самом деле он зависел от общественного мнения. Это было мнение небольших групп Версаля и Парижа, которые, не применяя оружия, не проводя голосования и не имея на то никакого права, все же навязывали министрам свои идеи. И именно эти группы сделали из Франклина своего идола. Молодое дворянство восхищалась им так же, как они прославляли Вольтера и Руссо. Во Франции того периода, когда бушевали новые идеи, в военных лагерях рассуждали «о независимости, в замках — о демократии, на балах — о философии, и в будуарах — о добродетелях». Америка превратилась в залог ожидаемой и желанной свободы. «В Новой Англии больше мудрости, чем в Греции». Конгресс виделся римским Сенатом. Каждый молодой человек хотел бы сражаться на стороне инсургентов⁴⁴. Гримм говорит о том энтузиазме, который толкал молодежь оставлять своих отцов, матерей, братьев и идти на помощь хоть экимосам, хоть готтентотам, лишь бы это провозглашалось во имя свободы. Действия Верженна определялись как государственным интересом, так и умонастроением французов.

6. — Вначале французы, сражающиеся в Америке, были добровольцами. Верженн не хотел вовлекать всю нацию в военную авантюру до того, как станет ясно, на что способны инсургенты, но в 1777 г. капитуляция Бергойна⁴⁵ внушила ему доверие. В декабре Людовик XVI признал независимость Соединенных Штатов и подписал с ними союзный договор. Франция вступала в войну, не имея в ней никаких интересов и в случае победы ни на что для себя не претендуя. Новый министр финансов Неккер счел нужным финансировать кампанию. Неккер был женевским банкиром, человеком честным и прекрасно управлявшим своими делами, хотя это вовсе не являлось достаточным основанием для уверенности, что он будет так же хорошо вести и дела Франции.

⁴⁴ Т. е. повстанцев, ведущих партизанскую войну. (Примеч. ред.)

⁴⁵ 7 октября 1777 г. американские колонисты под командованием генерала Гейтса в битве при Саратоге разбили английские войска генерала Дж. Бергойна. Английская группировка была окружена и капитулировала 15 октября. (Примеч. ред.)

Но у этого «отличного директора банка» вместо общих воззрений было увлечение «классного учителя», и салон его жены объединял философов, физиократов и придворных (по пятницам у него подавали и постный, и скоромный обед — факт весьма символический). Салон сделал из банкира генерального контролера. Для поддержки американской политики Верженна Неккер сделал то, чего не хотел делать Тюрго: он произвел заем, успех которому обеспечила популярность дела защиты Америки. За пять лет с 1776 по 1781 г. он увеличил долг примерно на шестьсот миллионов, что, тем не менее, рассматривалось как большой успех. В 1781 г., когда на него начались нападки (потому что не следовало ничего нового), он издал свой знаменитый «Отчет» — первый официальный опубликованный документ о финансовом положении страны. Успех «Отчета» превзошел все ожидания. Его читали все классы общества от каменщиков до маркизов. К несчастью, «Отчет» был очень неточен и объявлял о превышении доходов на десять миллионов, тогда как на самом деле дефицит равнялся пятидесяти миллионам. Неккер успокоил страну, в то время как следовало бить тревогу.

7. — В то же время, проводя удачную континентальную политику, Верженн привел Европу к общему миру, заключив мир с Австрией и Пруссией. В 1780–81 гг. армия Рошамбо и флот адмирала де Грасса обеспечили победу американцам и капитуляцию Йорктауна. Англия перестала быть «владыцей морей». Франция предстала перед миром как защитница свобод, никогда еще она не чувствовала себя столь великой. К несчастью, общественный долг достигал миллиарда ливров — по тем временам суммы огромной. Америка была свободна, Испания получила Миссисипи и Флориду. «Франция сохранила славу и разорение», — говорит Мишле. Но это не совсем так. Франция вернула право строить укрепления в Дюнкерке, вернула права на Сенегал, а главное, Верженн, Рошамбо и Лафайет заложили основы франко-американской дружбы, которая станет однажды одним из самых ценных богатств страны.

8. — К моменту этой победы Неккер был уже смещен, гонимый, как и Тюрго, ненавистью двора. Никто уже не обращал внимания

на необходимость решения финансовой проблемы. Тот, кто стремился умерить расходы, вызывал ненависть Версаля. Тот, кто стремился бороться с расходами путем финансовой реформы, встречал противодействие Парламентов, требовавших отставки Неккера. Они добились этой отставки, потому что ни Морепа, ни король не хотели начинать борьбу. Королева и «графиня Жюль» (де Полиньяк) после недолгого периода, когда эта должность замещалась временным лицом, сделали министром финансов своего протеже Калонна. Говорят, что это ему принадлежат слова, вложенные в уста Фигаро: «Искали человека расчетливого, а получили танцора». Был ли он и на самом деле столь бездарен, как говорит о нем молва? Отнюдь нет. Наоборот, он был единственным генеральным контролером, который изложил стройный план реформ, и, вероятно, именно по этой причине этот милый и улыбчивый человек был окружен такой ненавистью. С 1781 по 1786 г. он пытался оживить экономическую деятельность страны. Но правда и то, что в этот же период он продолжал политику займов: долг увеличился еще на восемьсот миллионов. Но что было делать? Привилегированные отбивались изо всех сил. Один финансист против них был бессилен. Он был всего лишь автором наступления на них.

9. — Как и Фигаро, Бомарше испробовал все ремесла. Он хорошо знал крупных сеньоров, их легкомыслие, их чувственность. Он ведь их причесывал. Король долгое время запрещал постановку «Женитьбы Фигаро». Сегодня мы уже не можем понять почему. Если эта восхитительная комедия, почти шекспировская, могла нанести урон привилегированным слоям, то только потому, что их положение и так уже было очень плохо. Запрет привел лишь к тому, что когда, наконец, поставили «Женитьбу», то публика видела намек в каждой фразе. Говорили, что графиня Альмави-ва напоминает королеву с ее опрометчивыми поступками. «Клевета, Мадам...» Мария-Антуанетта стала ее жертвой. Ей вредили даже ее врожденные качества. Она любила жить просто, разделять всеобщие радости. Она ездила на балы в Оперу. В любой другой женщине это сочли бы очаровательным. Но ее враги превратили это в преступление. Когда у нее появились наконец дети

и столь долгожданный дофин, то стали отрицать законность его происхождения. У нее была безобидная страсть к шуткам и маскарадам. Этим воспользовались, чтобы создать удивительное «дело о колье»⁴⁶, которое приписывало королеве Франции и кардиналу Рогану мошенничество и принесло монархии столько же вреда, сколько финансовая политика Калонна. Брат королевы император Иосиф II во время своего пребывания в Париже предостерегал ее от компрометирующих вольностей поведения. Но именно он навредил ей больше других, добившись, чтобы она во всех случаях поддерживала внешнюю политику Австрии. У Франции создалось представление, что «австриячка» несет угрозу для безопасности страны. Ее считали ответственной за финансовый дефицит. А на самом деле расходы двора представляли только 6% от общего бюджета. Но и в Париже, и в Лондоне сочинители пасквилей и памфлетисты совсем распоясались. Короля же, напротив, хвалили. О нем говорили: «Бедняга!» — и превозносили его «чувствительность».

10. — В августе 1786 г. Калонн, встречая постоянную оппозицию со стороны Парламентов, понял, что следует прибегнуть к другим мерам, и решил созвать ассамблею нотаблей из ста сорока членов. Некогда Генрих IV с большим успехом воспользовался этим социальным институтом. Это было составной частью возврата к традиционному прошлому монархии, чему способствовало всеобщее стремление к преобладанию в жизни чувств над расчетом. Лафайет, который был одним из нотаблей, писал Вашингтону, что король и Калонн заслуживают признательности всей страны за то, что они прибегли к такому средству. От Ассамблеи ожидали больших реформ, хотя злые языки, прибегая к незамысловатой игре англо-французских слов, называли Ассамблею *not able*⁴⁷. Ассамблея собралась в феврале 1787 г. Калонн открыл ее почти революционной речью: «Только в упразднении злоупотреблений

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Цвейг С. Мария Антуанетта. М., 2006. С. 208–227. (Примеч. ред.)

⁴⁷ Если написать англ. *not able* (неумелый, неспособный) слитно, то его можно читать как фр. *notable* (нотабль). (Примеч. пер.)

заключается единственный путь нашего спасения. Злоупотребления, которые необходимо сегодня уничтожить ради общественного спасения, суть самые значительные, самые охраняемые; они имеют очень глубокие корни и очень пространные ветви». Он изложил шесть предложений, соответствующих горячим пожеланиям Лафайета: 1. создание провинциальных ассамблей; 2. введение единого поземельного налога; 3. обложение налогом собственности духовенства; 4. реформа тальи; 5. свобода торговли зерном; 6. замена барщины на оброк в денежном выражении. Но уже к Пасхе 1787 г. привилегированные слои, пришедшие в ярость от этого наступления на их старинные права, добились от короля смещения Калонна, и премьер-министром стал Ломени де Бриенн, архиепископ Тулузский. Этот неверующий прелат, либеральный и легкомысленный, значил гораздо меньше, чем Калонн, и нотабли разъехались, не совершив ничего полезного, но внеся в общие настроения еще больший разброд умов. Этого нельзя было бы предположить, читая письма Лафайета, который гордился выполненной ими «прекрасной работой» и ожидал чудес от провинциальных ассамблей: «Либеральные идеи, — пишет он, — несутся вскачь из конца в конец королевства», — и с удовлетворением отмечает, что королева не осмеливается приехать в Париж, опасаясь, что ее там плохо примут. Лафайет говорил: «Существует странный контраст между деспотической властью короля, интригами и рабским поведением придворных и необыкновенной свободой языка и критики, распространившейся на все классы...»

11. — Между Бриенном и Парламентами началась борьба, весьма похожая на Фронду. В этой борьбе Бриенн представлял относительный либерализм, но общественное мнение было на стороне Парламентов. Оно высказывалось против налогов (более чем когда-либо необходимых) и в провинции было еще более активным, чем в Париже. Нормандия, Бретань, Дофине вновь требовали созыва своих Штатов, уже давно отмененных. В Ренне произошло нечто вроде бунта. Депутация бретонских дворян отправилась в Париж, дерзко вела себя и была заключена в Бастилию. В Дофине, где создался союз между «третьим сословием» и дворянством, ассамблея трех сословий, очень похожая на британ-

скую Палату Общин, собралась в Визиле под председательством Мунье, королевского судьи города Гренобля, человека талантливого и умеренного. Визильская декларация предложила разумные меры: никаких налогов или субсидий, если они не согласованы с Генеральными Штатами, удвоенное представительство «третьего сословия» и личное голосование (а не по сословиям), что позволило бы «третьему сословию» иметь большинство. Еще в августе 1788 г. Ломени де Бриенн объявил, что Штаты будут созваны 1 мая 1789 г. Для преодоления сопротивления привилегированных и Парламента он предлагал обратиться к «третьему сословию». Это было возвратом к традиционной политике французской монархии. Но общественное мнение уже устало от Бриенна. Казна была пуста в полном смысле этого слова, «никто не хотел платить, все хотели, чтобы платили ему». Король, доведенный до настоящего банкротства, призвал месье Неккера, обладавшего искусством создавать иллюзию, что он потребует больше от налога и меньше от налогоплательщика. Возвращение чародея породило самые живые надежды. Отстранение Ломени де Бриенна ознаменовалось в Париже всеобщей радостью, во время которой толпа оскорбляла «Мадам Дефицит» (королеву) и волочила по канавам изображение мадам де Полиняк. Бретонские дворяне, узники Бастилии, сумели осветить ее плоскую крышу. Это многое говорит об истинной строгости режима.

12. — Неккер не мог сделать невозможного, но его популярность обладала силой, и он щедро начал, внося в казну два миллиона из своего собственного состояния. Этот жест вызвал доверие у нотариусов, которые, в свою очередь, внесли шесть миллионов, потом у финансистов, потом у ростовщиков. Общественные фонды пополнились. При существующем безвыходном положении можно было продержаться до открытия Штатов. Король, который не любил этого надменного «фокусника», обещал тем не менее его поддержать. Неккер с самодовольным оптимизмом сказал ему: «Все кончится хорошо». Но он был вынужден столкнуться не только с финансовыми трудностями: зима в Париже оказалась очень тяжелой — свирепствовали голод и холод; парламент стремился подчинить Штаты регламенту 1614 г. Неккер пошел даль-

ше и 1 января объявил — в качестве «новогоднего подарка Франции» — о созыве Генеральных Штатов с удвоенным числом членов «третьего сословия». Но он ничего не сказал о личном голосовании. Таким образом, все повисло вновь под вопросом.

IX. О том, как Франция оказалась в 1789 году на грани революции, даже не подозревая об этом

1. — Революция, которая представляет собой смену правящего класса, может произойти из-за провала политики правящих лиц: вследствие чрезмерной несправедливости и нищеты или военно-

го поражения. Но некоторые революции начинаются в результате сдачи своих позиций элитой, больше не верящей ни себе самой, ни в свои права. В 1788 г. Франция оставалась самым могущественным государством Европы. В ней было двадцать шесть миллионов жителей, то есть 16% всего населения континента, в то время как в Великобритании насчитывалось едва двенадцать миллионов, а в Пруссии — восемь. Она только что выиграла войну в Америке. Никогда еще не был столь велик ее военный и морской престиж. Победы революционной армии будут обеспечены не только необыкновенной энергией Комитета Общественного Спасения, но и скрытой силой нации и боевым вооружением, оставленным прежним режимом. Во всей Европе сказывалось влияние французских писателей и художников. Стало быть, нечего и говорить о внешнем провале. Ощущалось ли внутри страны угнетение со стороны монархии? Официально монархия была абсолютной, но на деле вот уже пятнадцать лет, как у власти были либералы. Нечего и говорить о том, что Мальзерб, Тюрго, Калонн, Неккер, Ломени де Бриенн не были тиранами. Однако Франция кипела недовольством, и ее правительство потеряло всякий авторитет. Почему же?

2. — Прежде всего потому, что прежняя (неписанная) конституция королевства больше не действовала. Мог ли король созвать Генеральные Штаты? Да, но с 1614 г. он их никогда не созывал. Мог ли Парламент потребовать соблюдения обычаев? Да, но сам

Парламент превратился в защитника привилегированных. Нация не испытывала враждебности к монархии, об этом не было и речи. Это все еще была та же монархия, которая пресекла злоупотребления и смиривала феодалов. Это монархия объединила Францию и залечила ее раны и после Религиозных войн, и после Фронды. Страна возлагала на короля все свои надежды, но только при условии, что король является составной частью страны. Она готова была передать своему государю все полномочия для создания «того правительства, которое всегда будет самым популярным во Франции — правительства людей умных и людей здравомыслящих» (А. Токвиль). Но все ожидали от короля, что он подчинит себе привилегированных и защитит народ от той администрации, которая становилась все более и более непопулярной. Даже феодальные устои оставляли приходам и деревням больше свободы, чем интенданты. Габель (монополия на соль), налог на продукты, талья — все служило поводом для постоянных розысков, которых так страшился французский крестьянин, оберегающий секреты своего хозяйства. Все французы дружным хором кричали: «Да здравствует король!», но они взывали к королю-защитнику, а не к королю-эксплуататору.

3. — Теперь феодальные пережитки казались общественному мнению просто нетерпимыми. Некогда дворянам в обмен на их службу в армии было предоставлено освобождение от налогов. Но уже очень давно сеньоры перестали защищать свои домены силой оружия. А с тех самых пор, как стали жить в Версале, они даже перестали ими управлять. В 1789 г. богатые и могущественные нотабли уже не проживали в своих землях; те же, кто еще оставался в своих поместьях, были бедны, и интенданты совсем с ними не считались. В Англии крупные сеньоры, политические руководители страны, сотрудничали с буржуазией. Во Франции многие представители буржуазии были гораздо богаче, чем дворяне. Они читали те же книги и получали то же самое образование. Оба класса использовали один и тот же словарь и самозабвенно говорили о «чувствительности» и «добродетели», но несмотря на это идеологическое сходство, между ними существовало глубокое социальное неравенство, с которым буржуазия уже не хотела мириться-

ся. Дворянин, даже просвещенный, всегда чувствовал свое превосходство. Ривароль говорит: «Страну возмущал не деспотизм, а предрассудки дворянства». «Женитьба Фигаро» ясно показала, какую форму принимала неосознанная заносчивость крупного сеньора, даже самого любезного. У графа Альмавивы оставалось немного местных привилегий: быть судьей, который никогда и никого уже не судил, иметь голубятню, кое-какие права на охоту и рыболовство, и некоторые права на браконьерство в области нежных чувств. Но он был освобожден от налогов, и эта привилегия казалась — и вполне обоснованно — возмутительной. «Разрушив часть феодальных институтов, во сто раз сделали более ненавистным то, что оставалось» (А. Токвиль). Доказательством может служить тот факт, что единственными приверженцами старого режима оставались те провинции, где сохранились настоящие феодальные устои. В остальных местах повсюду набирало силу движение против дворянства, которое все еще пользовалось привилегиями, хотя уже и не выполняло никаких обязанностей.

4. — В не меньшей степени, чем политические, были поколеблены и религиозные устои. Большинство населения оставалось все так же тесно связанным со своими церквами и со своими кюре. Но и само духовенство было затронуто окружающим безбожием. Многие крупные сеньоры ненавидели фанатизм. «Вольтер увлек за собой наши умы, — говорил один из них, — Руссо затронул наши сердца; мы испытываем тайную радость, когда видим, как они нападают на старое сооружение, которое кажется нам смешным и патетическим». Церковь не только была освобождена от налогов, но и взимала десятину с урожаев. Почему? Что давала она в обмен? Конечно, она содержала церкви и несла расходы по образованию, но конкретная работа выполнялась затрапезными, плохо оплачиваемыми кюре, тогда как придворные епископы и аббаты, не выполнявшие никаких духовных служений, получали огромные доходы, разъезжали в каретах и часто вели жизнь, совсем не поучительную. Кардинал де Роган, Ломени де Бриенн приводили верующих в негодование и вызывали, к сожалению, больше толков, чем другие, скромные и набожные прелаты. Мелкое духовенство возмущалось такими несправед-

ливостями и подписывалось на «Энциклопедию». В деревнях люди оставались католиками, но, сохраняя свою веру, они проявляли враждебность по отношению к политическим привилегиям духовенства, а особенно, к религиозной нетерпимости.

5. — В 1788 г. Франция жаждала великих перемен не потому, что была несчастна, а потому, что в целом она была довольно благополучна. Относительное процветание порождало чувство неблагодарности к тем институтам, из которых родился этот порядок и которые теперь рассматривались как постыдные пережитки. Никто не замечал, что эти же пережитки служили опорами и контрфорсами всего сооружения. Если бы какой-нибудь мудрец указал Неккеру на ту опасность, которую несло разрушение последствий славного прошлого, то он ответил бы: «Нужно рассчитывать на человеческую добродетель». У Артура Юнга, британского путешественника и внимательного наблюдателя, была совсем другая и чисто английская реакция: «Я никогда не пойму, — писал он, — как могут люди проигрывать в кости такое богатое наследство, рискуя быть заклеяменными как самые оголтелые авантюристы, когда-либо внушавшие ужас человечеству...» Никто не заботился о том, какова была бы реакция толпы, если бы вдруг смели все барьеры. Никто не представлял себе этой реакции, потому что со времен Фронды во Франции не было больших потрясений. Все полагали, что американская революция — это модель любой революции. В ней видели пример свободного общества, с кажущейся легкостью построенного на абстрактных принципах. Лафайет и его друзья — молодые офицеры дворянского происхождения, вернувшиеся после американской кампании, — создали в самом сердце правящего класса центр пропаганды своих новых идей. Умеренность Джорджа Вашингтона скрывала от них опасность политической катастрофы. Лафайет искренне верил, что Франция, не подвергаясь серьезным потрясениям, может подражать Америке. Губернатору Дофине, который советовался с ним по вопросам образования, он рекомендовал начинать излагать историю Франции с 1787 г. Он настолько не предусматривал возможности кровавой революции, что жаловался скорее на безволие французов: «Проблемы Франции, — писал он Вашингтону, — раз-

решить тем труднее, что ее народ, кажется, совсем не готов обратиться к крайним мерам. «Свобода или смерть!» — этот призыв немоден по эту сторону Атлантики». Через несколько лет этот призыв станет настолько моден, что сам Лафайет, только потеряв свободу, избежит смерти.

6. — Просвещенное меньшинство верило, что сможет сохранить контроль над всем революционным процессом. Оно не понимало, до какой степени случай Вашингтона (когда умеренный руководитель сам кладет конец им же начатой революции) является единичным во всей истории. Через книги, через памфлеты, через общества мыслителей новые идеи проникли в среду буржуазии. В Париже уже открывались политические *clubs*, наподобие клубов Бостона, американских клубов. В коллежах молодые люди воспитывались на Руссо. В коллеже Людовика Великого преподавали Робеспьер и Камилл Демулен, в коллеже города Труа — Дантон и Бюзо, у членов конгрегации Оратории в Суассоне — Сен-Жюст. В распространении новых идей ощущалось и тайное иностранное влияние. Англия, которая стремилась взять реванш еще со времен поражения при Йорктауне, способствовала всему, что могло бы ослабить французскую монархию. Все поведение тогдашней Европы может быть названо аморальным. «Правительства видели в революции в каком-нибудь иностранном государстве только частный кризис; и они расценивали ее в соответствии со своими интересами, они подогревали ее или старались усмирить в зависимости от того, состоял ли их интерес в том, чтобы поддержать это государство, или же наоборот, ослабить его» (А. Сорель). Верженн боролся в Женеве против той самой демократии, которую он поддерживал в Америке: «Инсургенты, которых я изгоняю из Женевы, — говорил он, — являются английскими агентами, тогда как американские инсургенты — наши друзья на долгие времена. Я по-разному обращаюсь с теми и с другими, исходя не из их политической системы, но исходя из их отношения к Франции. Вот каковы мои государственные интересы». Однако, следуя той же логике рассуждения, в интересы английского государства вовсе не входило опасаться революции во Франции, наоборот, она рассматривалась как желательная.

Через такие циничные действия, как раздел Польши, европейские государи открывали путь революции, которая, «для того чтобы свергнуть их троны и потрясти их империи, должна была бы просто обратить против них их собственное поведение и следовать их же примерам» (А. Сорель).

7. — Если говорить о французах, то в 1789 г. только очень немногие желали создания конституционной монархии, подобной англо-саксонской. Эти немногие считали, что король должен контролировать свою знать, а общественный здравый смысл должен контролировать короля. Но как должен быть выражен и применен этот здравый смысл? Кроме нескольких великих умов, таких как Монтескье, и позднее Мирабо, философы не потрудились изучить ту систему гарантий, которая защищает английские или американские свободы. Вольтер познакомился с ними самым поверхностным образом. Французские экономисты до небес превозносили абсолютную монархию: «Положение Франции, — говорил один из них, — несравненно лучше, чем положение Англии, ибо здесь можно осуществить те реформы, которые в один момент изменят все государство, тогда как у англичан таким реформам всегда могут помешать их партии». Они уже не верили, что монархия проистекает из божественного права, но они ее принимали и в деле реформирования Франции рассчитывали на «демократический деспотизм» (А. Токвиль). Они принимали только ее бюрократическое устройство и централизацию. Они не видели, что американские свободы ведут свое происхождение из Town Hall (Городской Совет) и из свободных местных институтов. Если они и употребляли слово *республика*, то только в его латинском значении — «общее дело». Они не принимали во внимание ни суд присяжных, ни Habeas Corpus⁴⁸, ни тайное голосование — краеугольные камни англо-саксонской системы. Когда Лафайет сказал, что по поводу Ассамблеи нотаблей создана игра слов *not able*, то он даже не подозревал, до какой степени эта эпиграмма соответствовала действительности.

⁴⁸ Закон о свободе личности, принятый английским парламентом в 1679 г. (Примеч. пер.)

8. — Тэн утверждает, что классический и абстрактный ум, создав для универсального человека доктрину об общественном договоре, всех остальных увлек в неизбежное разрушение старого режима. Это блестящее описание не соответствует фактам. В 1788 г. направления, по которым будет развиваться революция, еще не имеют никаких очертаний. Она ни в чем не похожа на русскую революцию, направляемую непреклонным и доктринерским духом к точно намеченной цели. Французы эпохи Людовика XVI рассчитывали подправить свой дом, а не разрушить его. Они испытывали отвращение к религиозной нетерпимости и социальному неравенству, но продолжали уважать своего государя. Почему же революция против остатков феодализма свершилась во Франции, где дворянство уже утратило всякую власть, а не в Венгрии, Польше, Австрии или Пруссии, где феодализм оставался еще на средневековом уровне? Как раз по этой самой причине. Потому что «в этой стране Франции в силу урбанизации, эпикурейства, изнеженности, было полностью размыто представление о том, что представляет собой богатство, величие по праву рождения, собственность, приличный человек» (Мале дю Пан). Потому что у дворянства не было уже ни силы, ни желания защищаться, потому что это дворянство, ведя в Версале жизнь подчиненную, было полностью оторвано от нации; потому что после того, как Париж превратился в мозг нации, парижское восстание могло сменить режим; потому что когда, начиная с правления Людовика XIV, полностью прекратилась продуктивная общественная жизнь, французы, сами того не подозревая, оказались готовы развязать кровавую революцию, к которой никогда не стремились даже те, кто ее начинал.

9. — Чего же хотели французы? Они хотели того, что у них уже некогда было: короля-заступника, который навел бы порядок. В своей истории они уже неоднократно наблюдали, как после великих волнений собирались Генеральные Штаты, высказывали пожелания, а король воплощал эти пожелания в жизнь. Таковы были реформы Лопиталья, Сюлли, реформы Ришелье после 1614 г. и даже реформы Кольбера (без созыва Штатов) после Фронды. Монархия могла существовать только в том случае, если король

оставался арбитром. В этом смысле отмена Нантского эдикта «положила начало закату монархии». Она должна была «существовать ограниченной, или вообще больше не существовать». Но к тому же она должна была оставаться решительной по отношению к мятежникам. Людовик XI умирил удельные династии, Генрих IV — религиозные партии, Ришелье — партии политические, Мазарини — принцев крови, Людовик XIV — Парламенты. От Людовика XVI ожидали, что он умирит последних — привилегированных. «Третье сословие» приобрело богатство, культуру, власть. Оно надеялось на равенство прав и на возможность для талантливых людей делать карьеру. Оно требовало также упразднения тех барьеров, которые мешали капиталистическому либерализму заменить собой средневековую экономику. Новая элита — буржуазия — богатая, деятельная, образованная, но политически униженная, стремилась заменить старую французскую элиту — дворянство, которое не выполняла своих обязанностей правящего класса, предаваясь развлечениям и наслаждаясь достижениями культуры. Даже ради своей защиты оно было уже не в состоянии применить силу. Иными словами, оно было обречено.

10. — Беспорядок в финансах, который сначала вызвал необходимость созыва Генеральных Штатов, а затем развязал Революцию, был не причиной волнений, а всего лишь симптомом болезни. Дефицит стал непоправимым только из-за невозможности обложить налогом богатые классы — дворянство и духовенство. Отказ привилегированных слоев, позиция Парламентов, поддерживавших это неподчинение государству, недовольство общественного мнения несостоятельностью властей — вот что вызвало необходимость столь глубоких перемен. Но король Франции вполне мог бы возглавить эти перемены, как это неоднократно случалось в истории британских государей. Ему принадлежало право обеспечить ненасильственный переход власти от одного класса к другому. Если бы Людовик XVI занял такую позицию, то монархия была бы спасена. Но король мог стать и защитником тех классов, которым грозила опасность — в этом случае он был обречен погибнуть вместе с ними.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица I. Как последние Каролинги правили попеременно с Робертинами

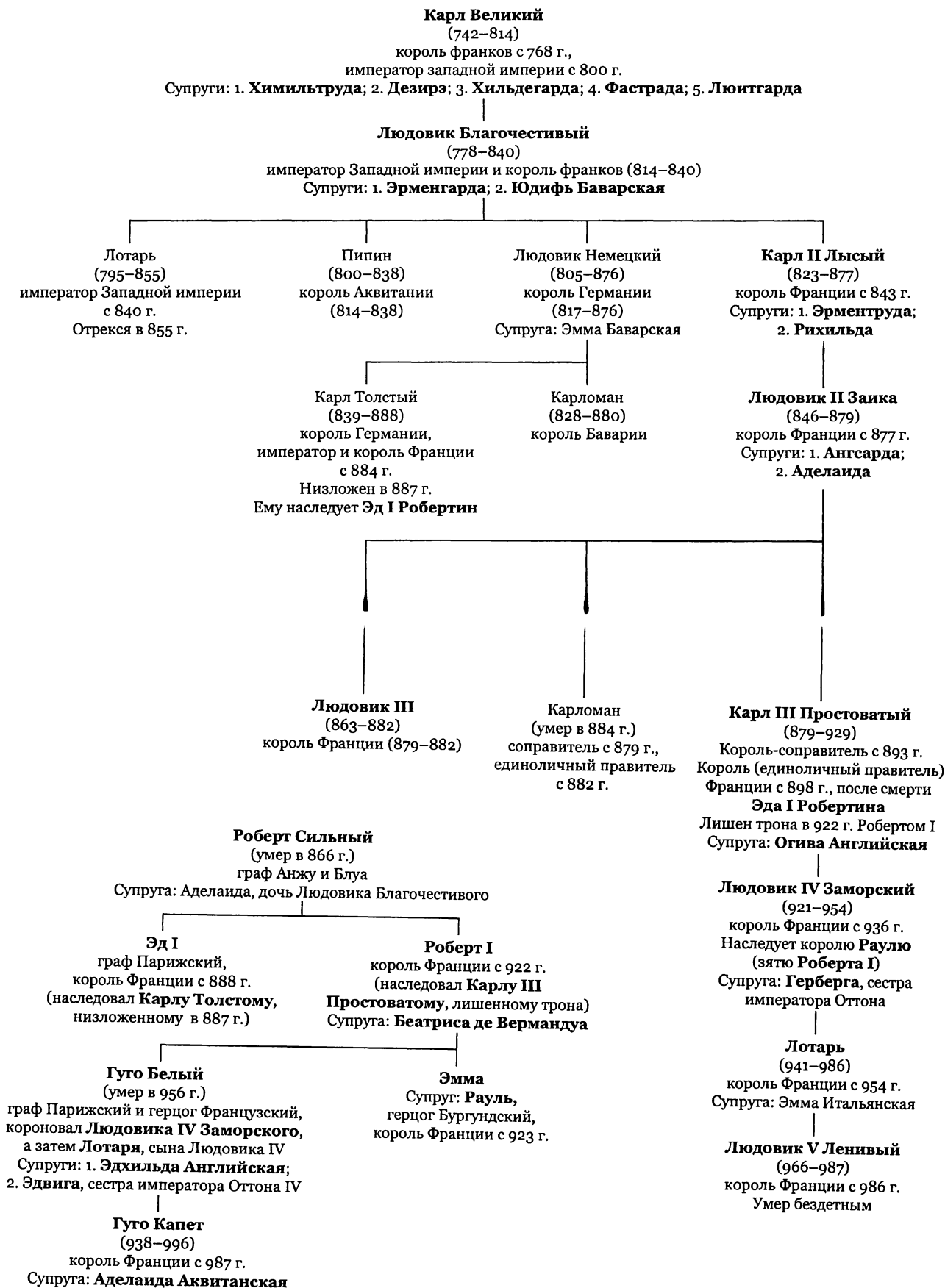

Таблица II. Как Гуго Капет, избранный король, основал наследственную монархию

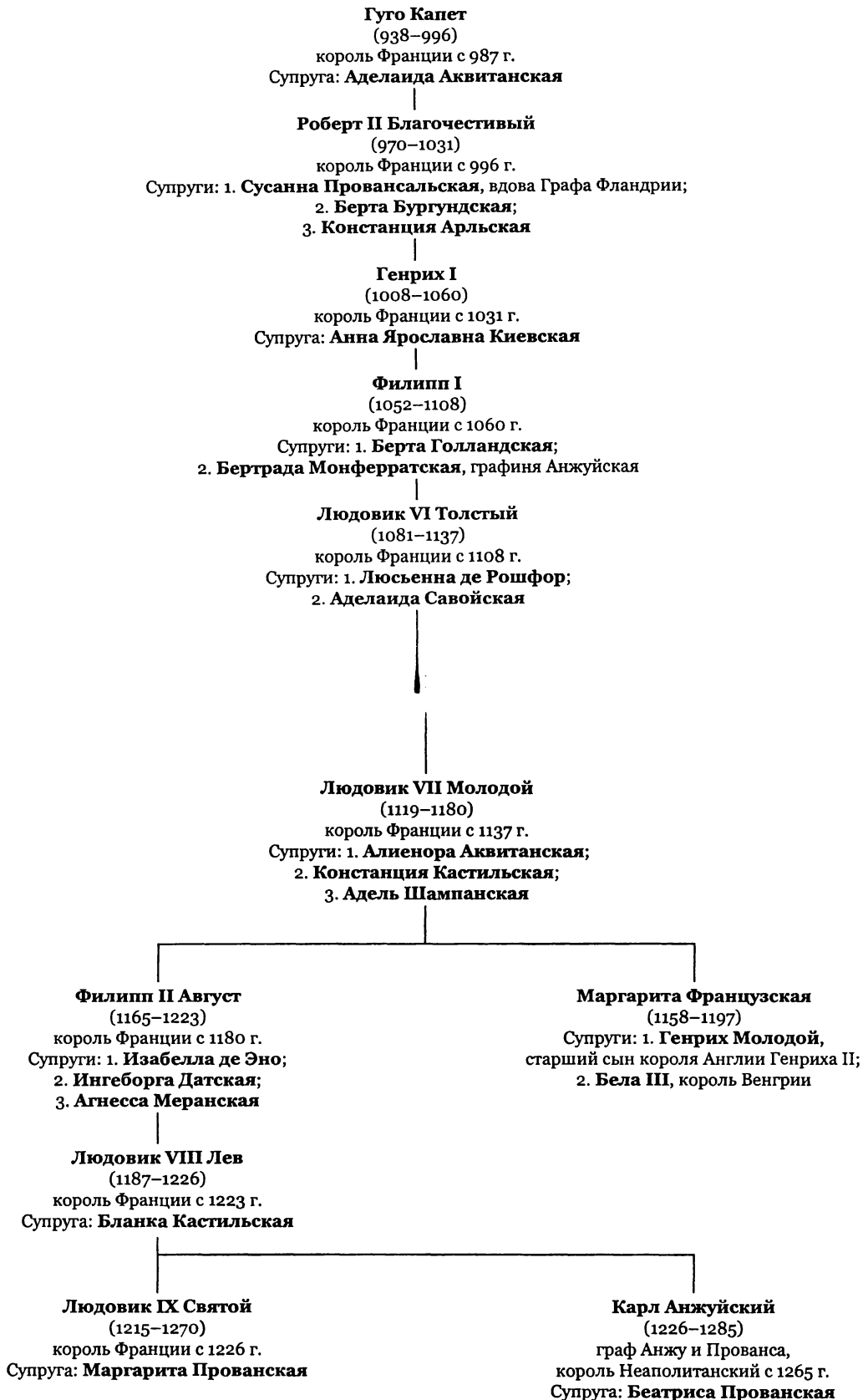

Таблица III. Почему английские короли могли претендовать на французский трон

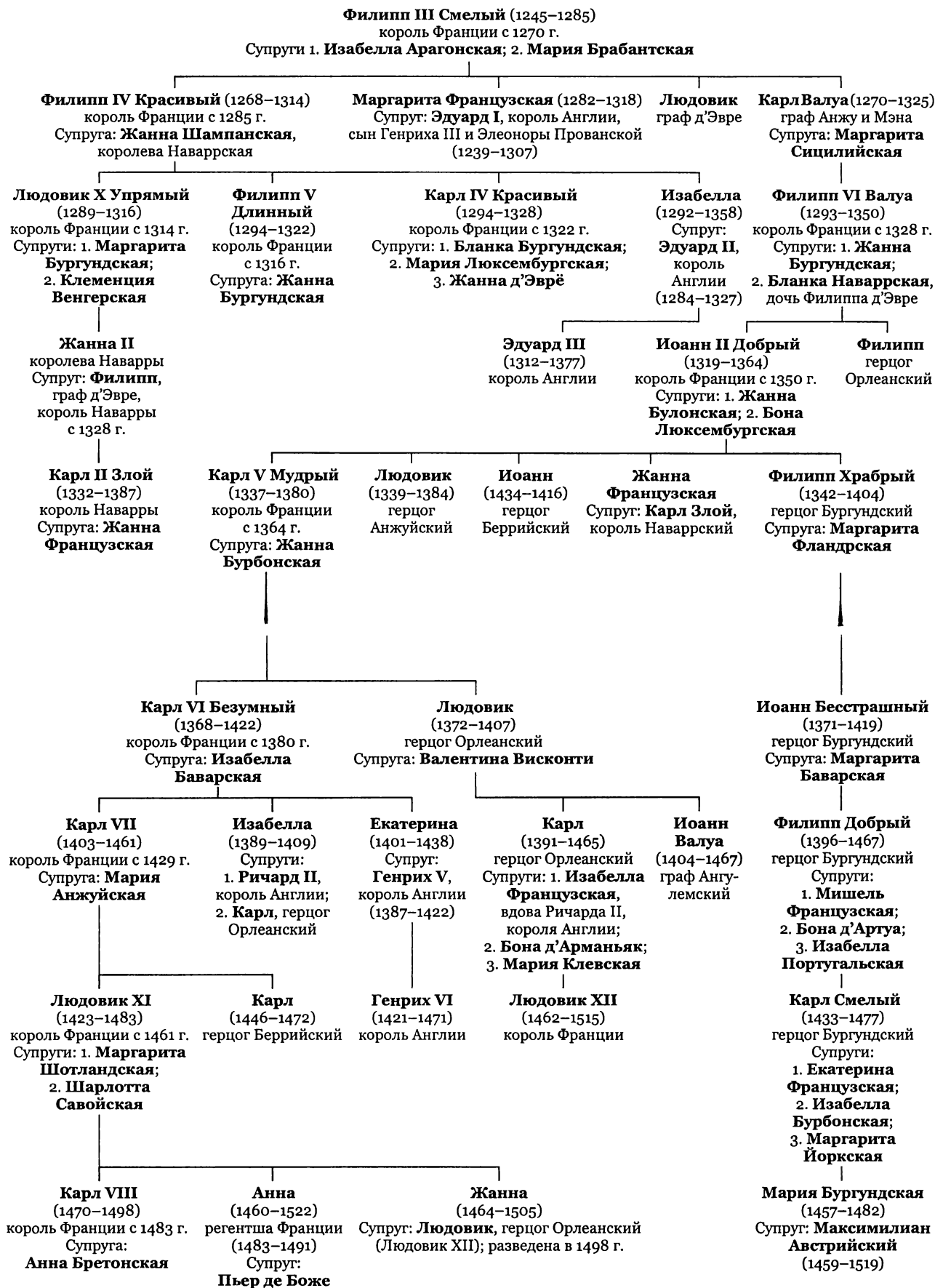

Таблица IV. Как создавалась империя Карла V

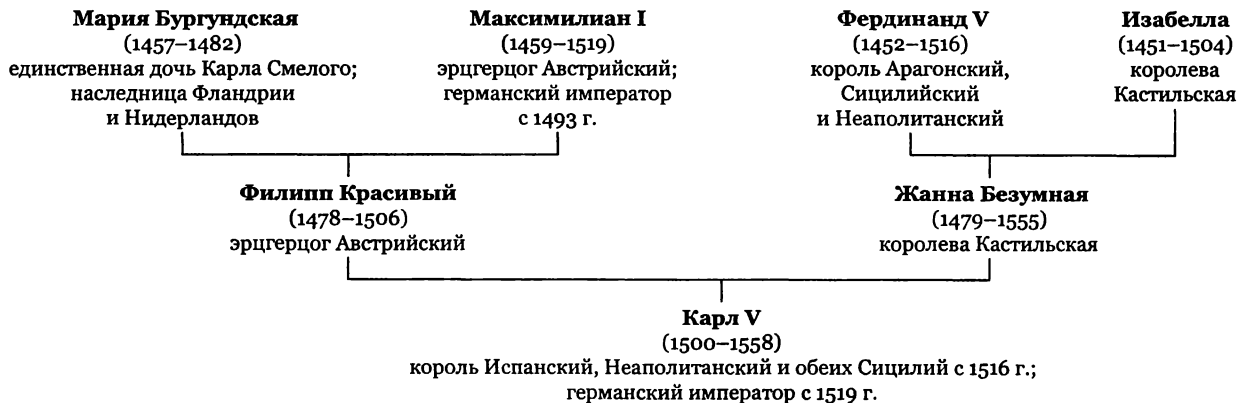

Таблица V. Как угас Дом Валуа

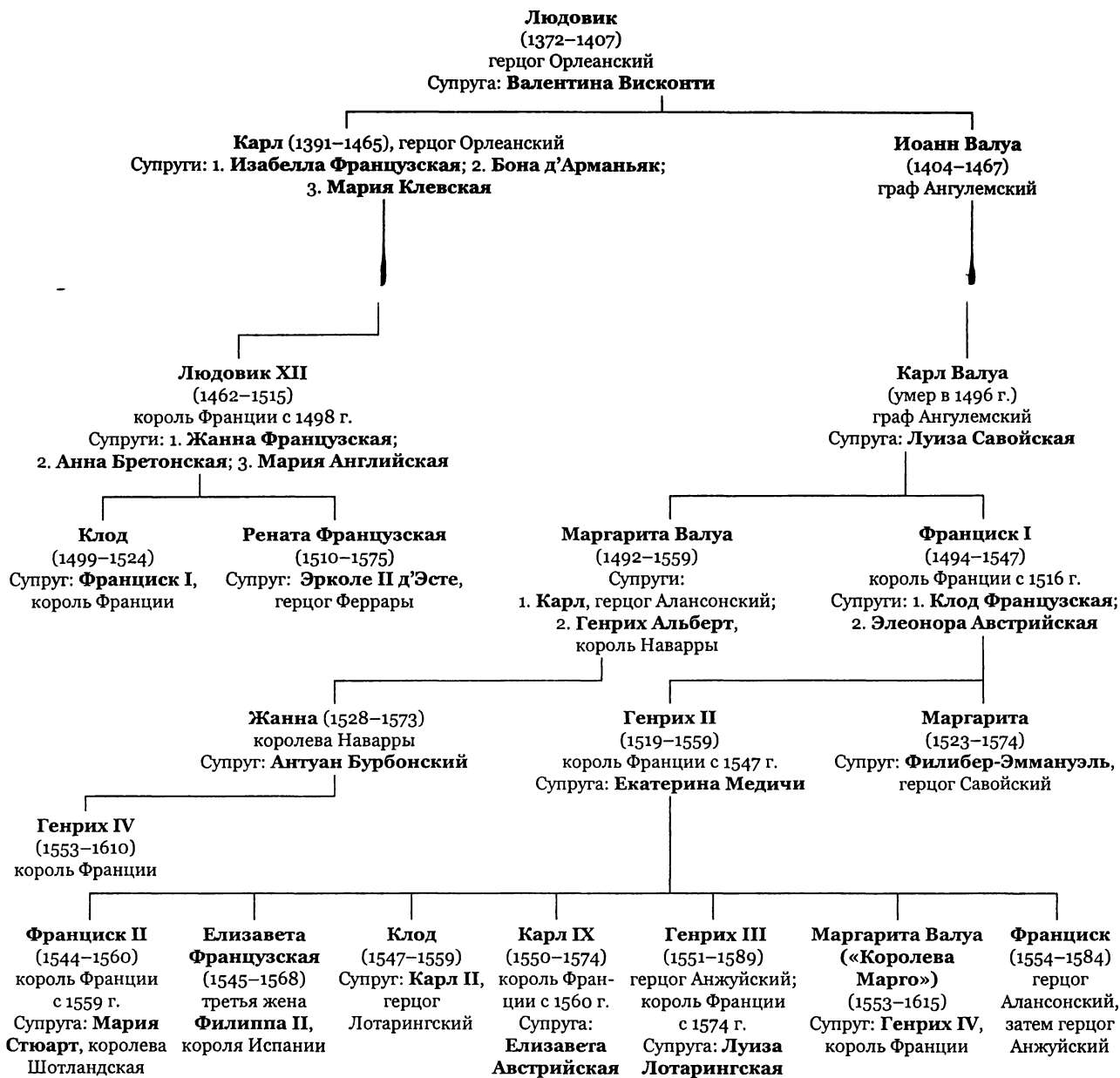

Таблица VI. Происхождение Генриха IV от Людовика Святого

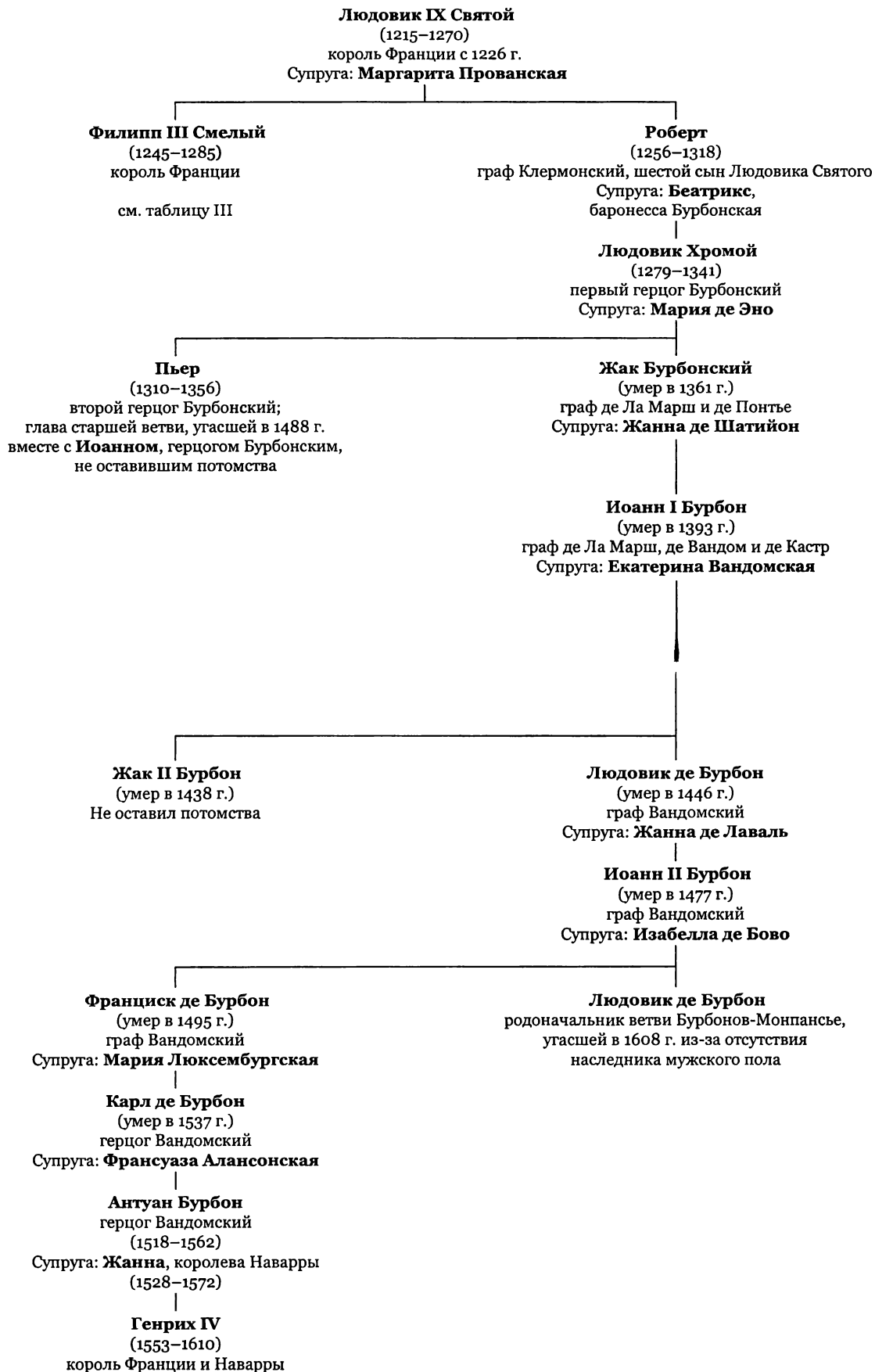
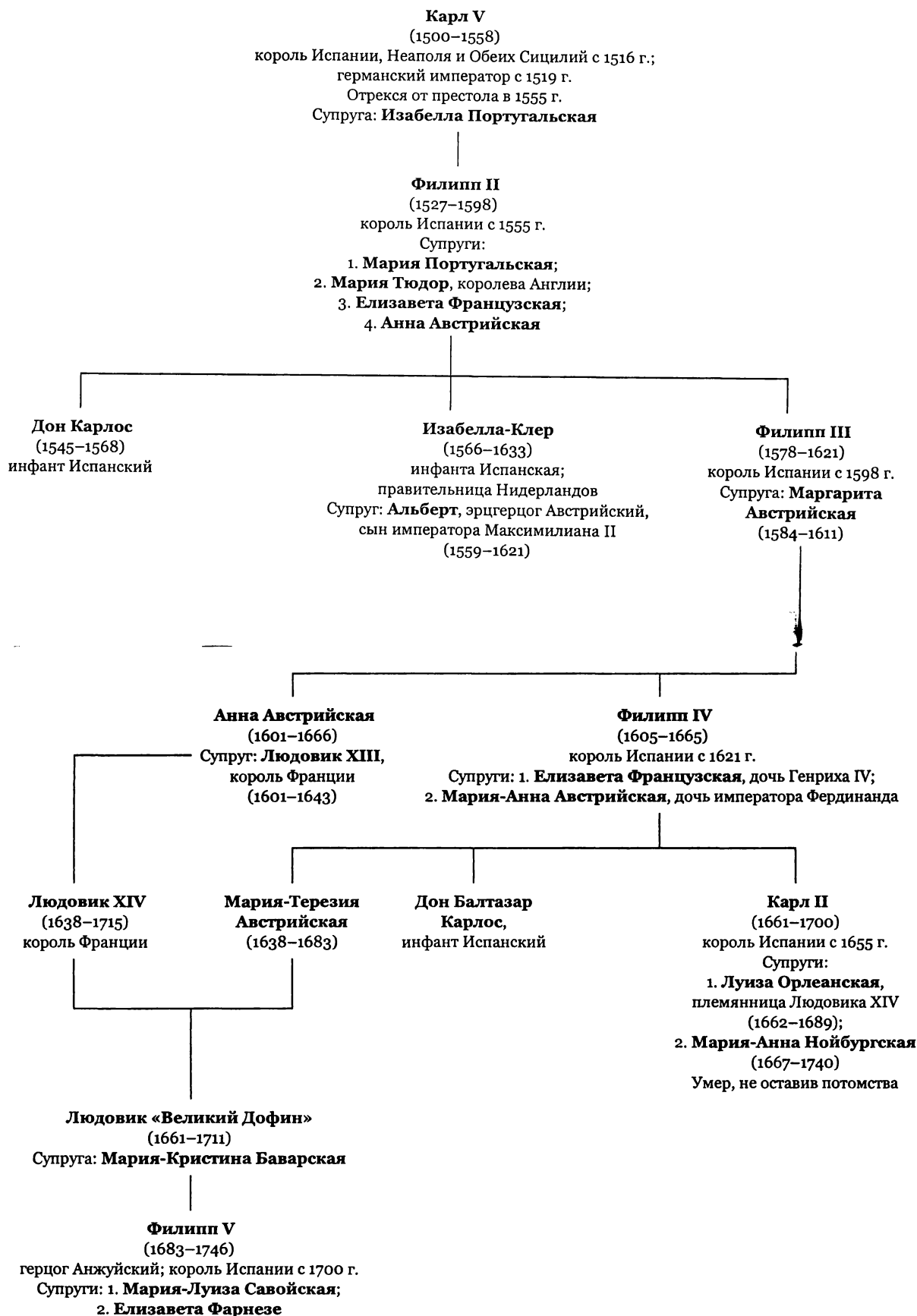

Таблица VII. Как французский принц, внук Людовика XIV, наследовал Габсбургам Испании

Именной указатель

- Абеляр, Пьер 84, 86
Август, Октавиан Гай, римский император 22, 23, 244
Август II, король Польши 281
Августин, Аврелий Бл. 27, 47, 217, 262, 263
Авзоний, Децим Магн, древнеримский поэт и ритор 24, 26
Авраам 38
Агамемнон 35
Адонис 15
Адриан I, папа римский 43
Алеви Д. 12
Александр IV, папа римский 84,
Александр VI Борджиа, папа римский 143, 173
Александр Великий 87
Алексей Комнин, император Византии 61
Алиса Шампанская, королева Франции 65
Альба, Фернандо Альварес де Толедо, герцог 188
Альенора Аквитанская, королева Франции, затем королева Англии 89, 97
Альфан Л. 12, 42, 44
Аммиан Марцеллин 28
Анастасий, император Византии 33
Анна Австрийская, королева Франции 222, 228, 232, 234, 240, 278
Анна Бретонская, герцогиня Бретани, королева Франции 149, 152
Анна де Боже, дочь Людовика XI, регентша Франции 124, 125, 138
Анна Стюарт, королева Англии 256
Аното Г. 12, 52, 152, 182, 195, 199
Антифон 17
Антуан де Бурбон, король Наварры 181, 182, 187
Аржансон, Рене Луи, французский государственный деятель 286, 297
Арий, пресвитер александрийской церкви, основатель арианства 32
Ариовист, вождь свевов 20
Аристотель 47, 85, 86
Аристофан 132

- Арманьяк, Бернар, лидер орлеанской партии 108, 110
 Артевельде, Якоб ван, руководитель восстания во Фландрии 100
 Аттила, вождь гуннов 31
- Байе А.** 268
 Байи, Жан, французский астроном 242
 Бальзак, Оноре де 91, 171, 214
 Банвиль, Теодор де 120
 Барр де ла, шевалье 298
 Баярд, французский рыцарь 127, 154
 Без, Теодор де, теолог 183, 185
 Бейль, Пьер, французский мыслитель 293
 Белле, Иоахим дю, поэт 132, 170
 Бенедикт, св. 38
 Бедфорд, Джон, герцог 111–114
 Бергойн, Джон, английский генерал 309
 Бернар Клервоский, св. 86, 132
 Берни, Франсуа де, министр иностранных дел Франции 289, 290
 Берта, дочь короля Бургундии 59
 Берта Большеногая, супруга короля франков Пипина Короткого 42
 Бландина, св. 25
 Бланка Кастильская, королева Франции 70, 132, 138
 Блок М. 12, 29, 53, 58
 Боден, Жан, французский политик, философ 200
 Боже, Пьер де, регент Франции 124
 Бомарше, Пьер Огюстен 308, 311
 Бонифаций VIII, папа римский 79, 173
 Бонифаций, св. 41
 Борджиа, Цезарь, кардинал, правитель Романьи 149, 150
 Боссюэ, Жак Бенинь, французский проповедник и писатель 124, 144, 258, 262, 265
 Бофор, Франсуа де Бурбон, герцог, один из лидеров Фронды 238
 Брантом 166, 171, 187
 Бриенн, Ломени де, архиепископ Тулузский 313–315, 317
 Брисонне, Гийом, епископ Мо 175, 176, 218
 Брунгильда, жена Сигиберта, короля Австразии, затем Меровея, сына короля Хильперика 35
 Бруссель, Пьер, чиновник парижского Парламента 239, 241, 242
 Бюзо, Франсуа Николя Леонар, деятель французской революции, жирондист 319
 Бюффон, Жорж Луи Леклерк де, французский натуралист 299
- Валери, Поль** 22, 265, 271
 Валленштейн, Альбрехт, немецкий полководец 231
 Вальтер Ж. 12
 Вашингтон, Джордж, первый президент США 312, 318, 319

- Везаль, Андре, фламандский врач 144
Венера 22, 25
Верженн, Шарль Гравье, граф де, французский министр иностранных дел 307, 309, 310, 319
Верцингеториг, вождь галлов 21
Вийон, Франсуа 130, 131, 145, 170
Виллар, Шарль Луи Гектор, маршал Франции 255, 256, 257
Виллардуэн, Жоффруа, писатель, маршал Шампани 91
Вильгельм III Оранский, штатгальтер Голландии, король Англии 252–254, 288, 294
Вильгельм Завоеватель (Бастард), герцог Нормандии, король Англии 60
Винтимиль, Полина-Фелиция де Несль де, фаворитка Людовика XV 286
Витрувий, Марк Поллион 169
Вобан, Себастьян Ле Претр де, французский военный инженер, маршал Франции 250, 251, 255, 257, 269
Вольтер 6, 217, 244, 264, 268–270, 279, 283, 284, 286, 289, 291, 292, 294–300, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 317, 320
Вуатюр, Венсан, писатель, поэт 231
Вьейвиль, Франсуа де Скепо, маршал Франции 164
- Галиган, Леонора, молочная сестра Марии Медичи 221, 224
Гарун аль Рашид, халиф 45, 60
Гассенди, Пьер, философ 261
Гастон Орлеанский, герцог, принц крови 228, 232, 234
Гатиан, св. 25
Генриетта Английская, сестра короля Англии Карла II 257
Генрих II, король Франции 161–169, 178, 181, 198
Генрих II Плантагенет, граф Анжу и Мэна, герцог Нормандии, король Англии 65, 66, 88
Генрих III, король Англии 73
Генрих III, король Франции 164, 191–196, 278
Генрих IV, король Англии 277
Генрих IV, король Франции и Наварры 164, 184, 188–193, 195–211, 218–223, 228, 233, 251, 263, 269, 272, 284, 286, 303, 312, 322
Генрих V, король Англии 109, 110
Генрих VI, король Англии 111
Генрих VIII, король Англии 151, 153, 155, 157, 158, 159, 165, 176
Георг I, король Англии 273
Георгий, св. 55
Геродот 133
Геркулес 22
Гёте, Иоганн Вольфганг 306
Гиз, Генрих де, герцог Лотарингский, глава Католической лиги 190, 192, 193, 194, 197
Гиз, Франсуа де, герцог Лотарингский 162, 163, 182, 185, 186, 187
Гизо Ф. 6, 12, 26

- Гийом де Лоррис, поэт 90
 Гогель Ф. 12
 Гольбах, Поль Анри Тири, французский философ 299
 Гомер 26, 35
 Гонорат, св. 27
 Гораций, Квинт Флакк 47
 Гоццолли, Беноццо, итальянский художник 130
 Грасс, Франсуа Жозеф Поле де, французский адмирал 310
 Грациан, римский император 26
 Григорий III, папа римский 41
 Григорий XIII, папа римский 190
 Григорий Турский, епископ, историк 33–36, 88
 Гуто Капет, король Франции 56, 57, 59
 Гужон, Жан, скульптор 168, 169
 Гумберт II, сеньор Дофине 103
 Густав-Адольф, король Швеции 230
 Гуттенберг, Иоганн, печатник 134
 Гюго, Виктор 92

 д'Аламбер, Жан, энциклопедист 298, 299, 302
 д'Антраг, Генриетта де Бальзак, фаворитка французского короля Генриха IV 205
 д'Обинье, Жан 183
 д'Обинье, Теодор Агриппа, французский поэт, писатель и историк 183
 д'Обинье, Франсуаза, фаворитка Людовика XIV 259
 д'Оппед, барон, генеральный лейтенант Прованса 177
 д'Эппине, мадам де 297
 д'Эстре, Габриэль, фаворитка французского короля Генриха IV 204, 205, 211
 д'Этамп, Анна де Писсле, герцогиня, фаворитка Франциска I 167
 да Винчи, Леонардо 144
 Давид 47
 Дагоберт, король франков 36, 37, 39
 Дансетт А. 12
 Данте Алигьери 142
 Дезире, супруга Карла Великого 42
 Декарт, Рене 86, 261, 265
 Дантон, Жорж, деятель Французской революции, якобинец 319
 Делавинь, Казимир 120
 Деметра 15
 Демулен, Камилл, деятель Французской революции 319
 Деффан, Мария дю, маркиза 297, 302
 Дешан, Эсташ, поэт 132
 Джефферсон, Томас, один из отцов-основателей США, третий президент США 303
 Джустиниани Ф. 223, 233
 Диана де Пуатье, фаворитка Генриха II Французского 167, 168, 211

- Дидро, Дени 296, 298, 299, 300, 301, 303
Диоклетиан, римский император 44
Дионисий, св. 25
Доле, Этьен, французский гуманист 177
Доно-де-Визе Ж. 267
Дюбарри, Мари Жанна, графиня, фаворитка Людовика XV 287, 292
Дюбуа, Гийом, аббат 258, 273, 274, 277, 278
Дюгеклен, Бертран, французский военачальник 106, 110, 147
Дюплесси-Морне, Филипп, политический деятель, публицист 219
Дюпон де Немур, физиократ 300
- Екатерина, св. 112
Екатерина Великая, российская императрица 303
Екатерина Медичи, королева Франции 161, 164, 167, 168, 181, 184, 185, 187, 188, 189, 191, 193, 194
Екатерина Французская, королева Англии 109, 110
Елизавета, российская императрица 289
Елизавета I, королева Англии 102, 143, 163, 186, 188, 189, 190, 193, 253
Елизавета Французская, королева Испании 163, 243
- Жан (Орлеанский Бастард), граф Дюнуа 116
Жан де Мен, поэт 90
Жан де Труа, хронист 135
Жанна д'Альбре, королева Наварры 181, 188
Жанна д'Арк 112–117, 129, 132, 137, 138, 147, 230
Жанна Французская, первая супруга Людовика XII 149
Женевьева, св. 31, 84, 140
Жермен, св. 32
Жид, Андре 217
Жильмен А. 12
Жильсон Э. 12, 85
Жорж Амбуазский, кардинал 150, 152
Жоффрен, Мария Терезия де 301, 302
Жуанвиль, Жан де, сенешаль Шампани 12, 71, 72
Жюллиан К. 12
- Зигфрид А. 12
- Иероним, св. 27, 47
Изабелла, королева Кастилии 156
Изабелла Баварская, королева Франции 108, 110, 111, 112
Изабелла Клара, испанская инфанта 199
Изабелла Французская, королева Англии 77, 97
Ингеборга Датская, королева Франции 88
Иннокентий III, папа римский 68
Иоанн, св. 32, 62

- Иоанн, герцог Беррийский 130
Иоанн Безземельный, король Англии 66, 103
Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундии 108, 110
Иоанн II Добрый, король Франции 102, 106, 119, 130, 158
Иосиф II, германский император 312
Иреней, св. 25
Исайя 132
Иуда Искарот 133
- Калас, Жан, тулузский протестант 298
Калонн, Шарль Александр, министр финансов 311–313, 315
Кальвин, Жан 155, 179, 180, 185, 202, 204, 218, 262
Кальметт Ж. 12
Каню Ж. 221
Карл II, король Испании 243, 252, 254
Карл II Стюарт, король Англии 251, 252, 257, 288
Карл V, германский император 144, 157–162, 222, 253, 254
Карл VI, германский император 281, 282
Карл IV Красивый, король Франции 97
Карл V Мудрый, король Франции 103, 105–108, 126, 130
Карл VI Безумный, король Франции 108, 109, 111
Карл VII, король Франции 111–116, 118, 119, 120, 124, 126, 128, 147, 151, 210
Карл VIII, король Франции 123, 124, 127, 146–149, 150
Карл IX, король Франции 164, 183, 187, 189, 191, 205
Карл де Бурбон, кардинал 197
Карл Лотарингский, герцог 57
Карл Австрийский, эрцгерцог 150
Карл Ангулемский, герцог 153, 156
Карл Анжуйский, король Неаполитанский 72, 74, 75
Карл Великий, франкский император 7, 42–51, 57, 58, 75, 87, 88, 136, 137, 147, 165, 193, 207
Карл Злой, король Наварры 104, 105
Карл Лысый, франкский король и император 49
Карл Мартелл, майордом 40, 41
Карл Орлеанский, герцог 108, 112, 131, 135, 149
Карл Смелый, герцог Бургундии 121, 122, 159
Картье, Жак, исследователь Канады 165
Кассу, Жан, поэт, писатель 132
Кастильоне, Бальтазаре, итальянский писатель 143
Катон, Марк Порций Старший 308
Кенз, Франсуа, физиократ 300, 301
Керр, Луаяль, герольд 136
Керью, английский посол 210
Кёр, Жак, купец 119, 130
Климент V (Бертран де Го), папа римский 79, 81
Клод Французская, дочь Людовика XII, королева Франции 150, 153

- Клотильда, королева франков 33
Колиньи, Гаспар де, адмирал 182, 184–190
Кольбер, Жан-Батист, французский государственный деятель, интендант финансов 243, 248–250, 253, 268, 275, 280, 292, 321
Коммин, Филипп де, писатель-мемуарист 12, 121, 123, 124, 126, 127, 131
Константин, римский император 25
Кончини, Кончино, маркиз д'Анкр, маршал Франции 221, 222, 223, 224
Коперник, Николай 144, 145
Корнель, Пьер, французский драматург 216, 219, 231, 260, 265, 267
Костер, Лоран, печатник 134
Кошон, Пьер, епископ Бове 115
Козн Г. 133
Кретьен де Труа, средневековый писатель, мастер куртуазного романа 89
Кромвель, Оливер 243
Ксентрай, Потон де, французский военачальник 116

Ла Гир (Этьен де Виньо́ль), французский военачальник 116
Ла Ну, Франсуа, гугенотский военачальник 186
Ла Форс Д. де 12
Ла Форс, Жак-Номпар де Комон, герцог, маршал Франции 190
Лабрюйер Ж. 261, 264, 265, 268
Лавальер, Луиза де, фаворитка Людовика XIV 245, 246, 248, 258
Лависс Э. 12
Лакур-Гайе Р. 12, 32
Ламбаль, Мария Тереза Луиза, принцесса, фрейлина королевы Марии-Антуанетты 304
Ламетри, Жюльен Офреде, французский философ 299
Ларошфуко Ф. де 91, 135
Лафайет, Мари-Жозеф, маркиз, французский политический деятель, участник войны за независимость американских колоний 310, 312, 313, 318, 319, 320
Лафайет, Мари-Мадлен де, графиня, литератор 216, 265
Лафонтен Ж. де 91, 170, 212, 219, 248, 265
Ле-Бель, Жан, хронист 102
Ле Бретон Г. 84
Ле Жай, президент парижского Парламента 225
Ле Телье, Мишель, французский государственный деятель, канцлер 248, 250
Лебрен, Шарль, художник 266
Лев III, папа римский 44
Лев X, папа римский 155
Леви-Мирепуа Д. 12, 76
Ленотр, Андре, садовник 266
Лепинасс, мадемуазель де 297
Леско, Пьер, архитектор 169
Лефевр д'Эта́бль, Жак, профессор Парижского университета 174, 175
Лиотей, Луи Робер Гонзалв, французский военачальник 22

- Ло, Джон, генеральный контролер финансов 274–277
Лодовико Моро, регент Милана 147
Локк, Джон 295, 303
Лонгвиль, Анна Женеви́ева де Бурбон-Конде, герцогиня 239, 240
Лопиталь, Мишель де, канцлер 184, 321
Лорж, М. де, капитан гвардии 164
Лоррен, Клод, художник 265
Лотарь, герцог Лотарингии, король Италии, император 49
Лувау, Франсуа Мишель, маркиз, французский государственный деятель, военный министр 248, 250, 251, 253, 280
Луиза Савойская, герцогиня Ангулемская 153, 158, 159, 160, 165, 175
Людовик II Бурбон, герцог Энгиенский («Великий Конде») 236
Людовик VI Толстый, король Франции 63, 64
Людовик VII, король Франции 65
Людовик VIII, король Франции 69, 70
Людовик IX Святой, король Франции 70–74, 75, 82, 88, 92, 126, 137, 138, 142, 147, 165, 176, 192, 207, 230, 232
Людовик X Сварливый, король Франции 98
Людовик XI, король Франции 7, 119–124, 126, 127, 135, 147, 149, 150, 166, 216, 322
Людовик XII, король Франции 150–153, 155
Людовик XIII, король Франции 205, 207, 221–226, 228, 232–234, 245, 269, 280
Людовик XIV, король Франции 7, 235, 238, 241, 243–247, 251–261, 263, 264, 267–273, 279, 280, 293, 294, 301, 321, 322
Людовик XV, король Франции 58, 259, 278, 279, 280, 283–288, 290, 292, 293, 295, 298, 299, 301, 302
Людовик XVI, король Франции 293, 302, 303, 305, 309, 321, 322
Людовик Благочестивый, франкский император 49
Людовик Неверский, граф Фландрии 99
Людовик Немецкий, король западных франков 49
Люинь, Шарль д'Альбер де, коннетабль Франции 135, 223, 224, 228
Люитгарда, супруга Карла Великого 42
Лютер, Мартин 155, 174, 175, 179, 202
Люшер А. 6, 64

Мадлен Л. де 12
Мажино, Андре, французский военный министр 27
Мазарини, Джулио, кардинал 234–244, 322
Макиавелли, Никколо 142, 151
Максимилиан I, германский император 122, 125, 150, 156, 157
Малерб Ф. 216
Маль Э. 134
Мальзерб, Кретъен-Гийом, директор издательства «Энциклопедии», министр 297, 299, 305, 307, 315
Мальи, Луиза де, фаворитка Людовика XV 286
Мансар, Жюль, архитектор 266

- Манчини, Мария, племянница кардинала Мазарини 243
Маргарита, св. 112
Маргарита Австрийская 123, 125
Маргарита Алансонская, сестра Франциска I 175
Маргарита Валуа, королева Франции 164, 204, 205, 206
Маргарита Наваррская 167, 178, 182, 188
Маргарита Прованская, королева Франции 70
Маргарита Фландрская 107
Марий, Гай, древнеримский политический и военный деятель 19
Мариво, Пьер Карле де, французский драматург и прозаик 279, 294
Мария, графиня Шампанская 89
Мария Бургундская, графиня 122, 123, 125
Мария Лещинская, королева Франции 278
Мария Стюарт, королева Шотландии и Франции 162, 181, 182
Мария Тюдор, королева Англии 152, 163
Мария-Антуанетта, королева Франции 292, 304, 305, 311
Мария-Терезия, дочь императора Карла VI, королева Венгрии и Чехии 281, 282, 283, 289, 291
Мария-Терезия, королева Франции 243, 251, 254, 257, 259
Маро, Клеман, поэт 170
Марсель, Этьен, купеческий прево 103, 104, 105
Мартин Турский, св. 26, 32, 34
Марциал, Марк Валерий 22
Марциал, епископ Лиможа 25
Массильон, Жан-Батист, французский проповедник 279
Матильда, королева Англии 65
Машо, Гийом де, поэт 132
Медичи, Мария, королева Франции, регентша 205, 206, 221–226, 228
Менандр 26, 132
Менелай 35
Ментенон, Франсуаза д'Обинье де, маркиза, фаворитка Людовика XIV 246, 259, 261, 263, 271
Меровей, король салических франков 34
Мешем, Абигейл, Первая статс-дама королевы Анны Стюарт 256
Микеланджело Буонарроти 144
Михаил, св. 55, 112
Мишле Ж. 6, 12, 99, 174, 271, 272, 276, 280, 283, 310
Мозарэ III. 12
Моле, Матье, президент парижского Парламента 239, 240
Мольер, Жан-Батист 134, 171, 260, 263, 264, 265
Молэ, Жак де, великий магистр ордена Тамплиеров 81
Монлюк, Блез де Монтескью, маршал Франции 171, 187
Монморанси, Анн, коннетабль Франции 182, 187
Монморанси, Шарлотта де 205
Монпансье, Мария де Лоррен, герцогиня де 241
Монстреле, Ангерран де, хронист 127

- Монтень, Мишель 6, 7, 48, 91, 144, 170, 171, 217
Монтерлан А. де 267
Монтескье, Шарль Луи 225, 279, 295, 296, 298, 302, 303, 320
Монтеспан, Атенаис де Рошешуар, маркиза де, фаворитка Людовика XIV 246, 258, 259, 272
Монтэ А. 12
Молеу Г. де, канцлер 292, 293, 305
Мор, св. 39
Морепа, Жан-Фредерик, первый министр Франции 305, 307, 311
Мунье, королевский судья 314
Мухаммед, пророк 39

Неккер, Жак, министр финансов 309, 310, 311, 314, 315, 318
Ниль Дж. Э. 179, 180, 185
Ноайль А., маршал Франции 284
Ногаре, Гийом де, легист 79, 81

Обен, св. 32
Овидий, Публий Низон 89, 91
Оляр 12
Оттон IV, германский император 66

Павел, ап. 32, 151
Павел III (Александр Фарнезе), папа римский 143
Палисси, Бернар, художник 169
Панург 84, 217
Паскаль, Блез 144, 217, 262, 265
Паскье, Этьен, писатель 188
Перикл, афинский государственный деятель 244
Персефона 15
Петр, ап. 32, 41, 44, 92, 143, 151
Петр Великий, российский император 281
Петр Пустынник, французский проповедник 61
Петрарка, Франческо 142, 170
Пий II (Эней Сильвио Пикколомини), папа римский 143
Пилат, Понтий 133
Пипин Геристальский, майордом Нейстрии 40
Пипин Короткий, король франков 41, 42
Пипин Ланденский, майордом Нейстрии 40
Пиренн А. 12, 36
Питт, Уильям, премьер-министр Англии 282
Платон 86, 177
Плиний, Гай Секунд Старший 16
Плутарх 181, 219
Поле, Шарль 211
Полибий 25

- Полиньяк, мадам де 304, 311
Помпадур, Жанна-Антуанетта д'Этиоль Ленорман, маркиза, урожденная Пуассон, фаворитка Людовика XV 286, 287, 289, 290, 297, 299, 301
Пот, Филипп, сеньор де ла Рош 125
Пти-Дютайи Ш. 12
Пуанкаре Р. 162
Пуссен, Николя, художник 265
Пьер Моклерк, герцог Бретани 70

Рабле, Франсуа 84, 141, 144, 171, 172, 219, 258
Равальяк Ф., убийца Генриха IV Французского 206
Раймунд VII, граф Тулузский 69
Расин, Жан, французский драматург 144, 260, 265
Рауль, король Франции 56
Ремигий, св. 57
Рене Анжуйский, король Сицилии 123
Рец, Поль де Гонди, кардинал 12, 230, 234, 235, 238, 242, 265
Ривароль, Антуан, французский писатель-моралист 304, 317
Ричард I Львиное Сердце, король Англии 66
Ричард II, король Англии 109
Ришелье, Жан Арман дю Плесси, кардинал 162, 221–236, 238, 239, 243, 321, 322
Ришмон, Артур де, коннетабль, герцог Бретани 116
Робер де Сорбон, духовник Людовика IX, основатель Сорбонны 85
Робер Ле Кок, епископ Лана 103
Роберт I, король Франции 56
Роберт Благочестивый, король Франции 59
Роберт Сильный, граф Анжу и Блуа 56
Робеспьер, Максимилиан, деятель французской революции, якобинец 319
Роган, Генрих де, герцог, маршал Франции 207
Роган, Мария, герцогиня де Шеврез 228
Роланд, маркграф 44, 87, 88
Ронсар, Пьер де, поэт 145, 170, 216
Рошамбо, французский полководец 310
Рубенс, Питер Пауль 205, 221
Рупнель Г. 14
Руссо Ж. Ж. 29, 264, 300, 301, 309, 317, 319

Сальвиан, христианский проповедник и писатель 24
Саньяк Ф. 12
Сатурнин, св. 25
Свифт, Джонатан 171, 256
Севинье, мадам де 248, 258, 260, 265, 267, 268
Сегье, Пьер, канцлер 247
Сен-Жюст, Антуан, деятель французской революции 319
Сен-Симон А. 12, 206, 244, 245, 246, 251, 265, 270, 271, 273, 274, 280
Сент-Бёв А. 12, 175, 217, 286

- Сент-Эвремон, Шарль, историк и математик 261
Сидоний Аполлинарий, Гай Соллий Модест, галло-римский писатель, поэт, епископ 26, 31
Сикст IV, папа римский 143
Силуэт Э. де, генеральный контролер финансов 291
Симон де Монфор, французский барон 68
Скотт, Вальтер 120
Сократ 85, 143
Соломон 91, 132
Сорель, Агнесса, фаворитка Карла VII 118, 120, 131, 211
Сорель А. 319, 320
Станислав Лещинский, король Польши 281, 282, 291
Станислав-Август, король Польши 302
Стефан II, папа римский 42
Сугерий, аббат 64, 65
Сюлли, Максимилиан де Бетюн, герцог 7, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 222, 292, 321
Талейран Ш. М. 242
Тамплъ, Раймонд дю, архитектор 130
Таннеги дю Шатель, убийца Иоанна Бесстрашного 110
Тацит, Публий Корнелий 29, 35, 36
Тенсин, мадам де 302
Теодорих, король остготов 31
Террей, аббат 292, 293
Тициан 145
Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский 66
Тремуйль, Жорж де ла, советник Карла VII 114, 115
Тибодэ А. 12
Токвиль А. 12, 297, 316, 317, 320
Трамбле, Франсуа дю (отец Жозеф), доверенное лицо кардинала Ришелье 225, 230, 231
Траян, римский император 25
Ту, Жак де, историк 195
Турнель, мадам де ла 286
Туше, Мария, фаворитка Карла IX 205, 211
Тьер А. 104
Тьерри О. 35
Тэн И. 12, 85, 321
Тюрени, Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт, маршал Франции 236, 239, 240, 243, 252
Тюрго, Анн Роберт Жак, французский экономист и государственный деятель 300, 301, 305–308, 310, 315
Уолпол, Роберт, премьер-министр Англии 281, 282, 283
Урбан II, папа римский 61

- Фабий Максим, Квинт, древнеримский политический деятель** 308
Фастрада, супруга Карла Великого 42
Февр Л. 6, 12, 154
Фенелон, Франсуа 255, 259, 268
Фердинанд, король Арагонский 147, 149, 151, 156
Фердинанд I, германский император 162
Ферреро Г. 25
Филипп II, король Испании 162, 163, 186, 188, 190, 193, 198, 253
Филипп III, король Испании 222
Филипп IV, король Испании 243, 251
Филипп V, король Испании 254, 256, 272, 273
Филипп II Август, король Франции 7, 66–69, 76, 88, 130
Филипп III Смелый, король Франции 74, 75, 97
Филипп IV Красивый, король Франции 70, 74–81, 97, 173, 261
Филипп VI Валуа, король Франции 98, 99, 101, 102, 103
Филипп, граф Эвре 97
Филипп Добрый, герцог Бургундии 116, 119
Филипп Орлеанский, герцог, регент Франции 271–273
Филипп Смелый, герцог Бургундии 106, 107, 108, 119
Фишер Г. 77
Флери, кардинал 279–283
Флорус, дьякон 50
Фома Аквинский, св. 86, 87, 95, 173, 217, 265
Фома Кемпийский, немецкий теолог 128
Фонтенель, Бернар ле Бовье де, французский писатель и ученый 279, 302
Форастье Ж. 12
Фосийон А. 12, 13, 82
Франклин, Бенжамен, американский ученый, журналист, политический деятель 308, 309
Франс, Анатолий 117, 262
Франциск I, король Франции 110, 143, 153–161, 165, 166, 167, 168, 172, 173, 175, 176–178, 219, 289, 298
Франциск II, король Франции 164, 181–183
Франциск II, герцог Бретани 124, 125
Фредегонда, супруга короля Нейстрии Хильперика I 35, 36
Фридрих II, король Пруссии 282–284, 289, 290, 298, 303
Фруассар, Жан, хронист 12, 97, 100, 127, 131
Фуке, Жан, художник 130, 170
Фуке, Николя, суперинтендант финансов 248
Фюнк-Бретано Ф. 12, 33, 37
Фюстель-де-Куланж Н. Д. 6, 12, 42
Хильдегарда, супруга Карла Великого 42
Хильдерик III, король франков 41
Хильперик, король Нейстрии 34

Химильтруда, супруга Карла Великого 42

Хлодвиг, король франков 32, 33, 57

Цезарь, Гай Юлий 17–22, 75, 194

Цицерон, Марк Туллий 19, 22, 144

Челлини, Бенвенутто 143, 166

Шамплен, Самюэль, французский путешественник 203

Шартье, Ален, хронист 110, 138

Шеврез, Мария де Роган, герцогиня де 228, 240

Шекспир, Уильям 48, 145, 301

Шуазель, Этьен Франсуа, герцог, министр иностранных дел Франции 290–293, 297, 304–307

Эгийон, комендант провинции Бретань 291

Эд I, король Франции 56

Эдуард I, король Англии 76, 77, 98

Эдуард II, король Англии 77

Эдуард III, король Англии 77, 97–103, 107, 109

Эдуард IV, король Англии 120

Эдуард Черный Принц, английский полководец, сын Эдуарда III 102

Эйнгард, биограф Карла Великого 42, 44, 47

Элеонора Австрийская, королева Португалии, затем королева Франции 160

Эмар, командор ордена Тамплиеров 68

Юлиан Отступник, римский император 23, 28, 44

Юлий II, папа римский 151, 155

Юнг, Артур, английский путешественник 318

Юпитер 25, 257

Янсений, епископ Ипрский 262

Содержание

А. А. Крутских. Андре Моруа и его «История Франции».	
Предисловие к русскому изданию	5

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Предисловие	11
-----------------------	----

Книга первая. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. О том, как Галлия стала римской	13
II. О том, как варвары смешались с галло-римлянами	29
III. О том, как Каролинги попытались воссоздать империю	39
IV. О том, как развивался феодальный строй. Как случилось, что Капетинги наследовали Каролингам	50
V. О том, как Капетинги, округляя свой домен, сформировали Французское королевство	59
VI. О том, как Людовик IX освятил монархию и как Филипп Красивый ее укрепил	69
VII. О том, как в период средних веков сформировалась французская цивилизация	82
VIII. Столетняя война	97
IX. Столетняя война (II)	107
X. О том, как Франция восстановилась и расширилась после Столетней войны	117
XI. О том, как в XIV–XV вв. Франция постепенно перешла от Средневековья к Новому времени	126
XII. О том, как в конце средних веков Франция уже приобрела свои характерные черты	136

Книга вторая. ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

I. О том, как в Европе свершилась революция, названная позднее Возрождением	141
II. О том, как Италия сначала призвала французов на помощь, а затем изгнала их	146

III.	О том, как Франция начала бороться с германскими государствами	153
IV.	О том, как жили и о чем думали французы во времена Франциска I и Генриха II	165
V.	О том, как Реформация привела к созданию во Франции политической партии	173
VI.	О том, как Религиозные войны разделили и разорили Францию	181
VII.	О том, как Генрих IV восстановил единство Франции	196
VIII.	О том, как управлялась Франция после смерти короля Генриха IV	207
IX.	О том, как Возрождение и Реформация изменили Францию	216

Книга третья. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ

I.	О том, как Людовик XIII и Ришелье упрочили дело Генриха IV . .	221
II.	О том, как Фронда стала революцией, но революцией провалившейся	234
III.	О том, как Великий Король царил над Великим Веком	244
IV.	О том, как в период царствования Людовика XIV само величие монархии подготовило ее крушение	257
V.	О том, как Регентство ослабило монархию	271
VI.	О том, как в царствование Людовика XV Франция потеряла к себе уважение	280
VII.	О том, как в XVIII веке философы превратились в могущественных политиков	293
VIII.	О том, как при Людовике XVI благие намерения привели к слабости власти	303
IX.	О том, как Франция оказалась в 1789 году на грани революции, даже не подозревая об этом	315

Генеалогические таблицы	323
-----------------------------------	-----

Именной указатель	336
-----------------------------	-----

Научное издание

Андре Моруа
ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ
(от римского времени
до начала Великой Французской революции)

Директор издательства *Ю. С. Довженко*

Ответственный редактор *Ю. С. Довженко*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.
Тел. (812) 430-70-74
E-mail: gumak@mail.ru

Подписано в печать 18.10.2007. Формат 60×88¹/₁₆.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 24,8.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4312.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

